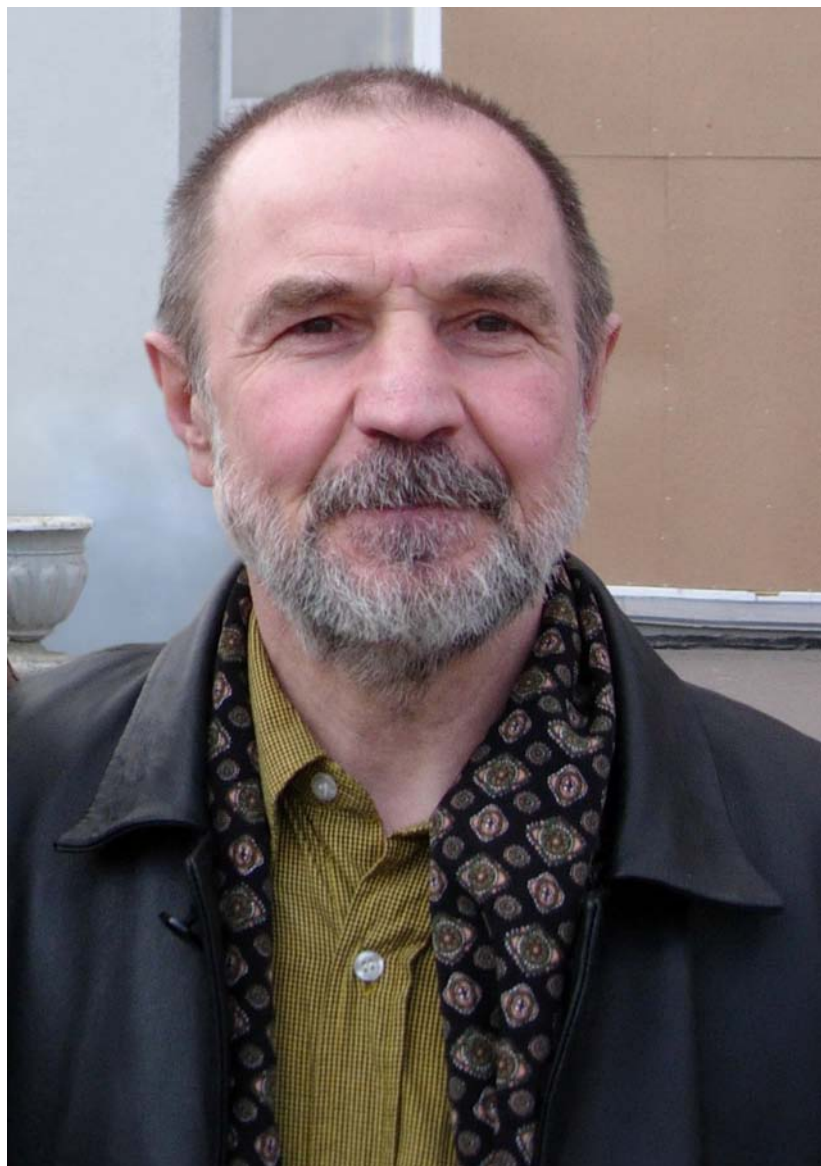

*Литературный памятник
поэту и философу
Анатолию Соколову
от друзей, коллег и
почитателей таланта*

A. Sokolov

Анатолий СОКОЛОВ

Избранные сочинения

Стихотворения. Очерки.
Философские труды.

Новосибирск, 2020

УДК 821.161.1
84(2Рос=Рус)6
С59

Редактор
В. Б. Лазуткин

Некоммерческое издание – Литературный памятник поэту и философу Анатолию Евгеньевичу Соколову (1946–2010) создан по инициативе и при финансовой поддержке друзей и почитателей таланта автора:

Виктора Бухарова (г. Новосибирск), Татьяны Волчо (г. Новосибирск), Юрия Григорьева (г. Санкт-Петербург), Татьяны Ермоленко (г. Новосибирск), Леонида Зотова (г. Новосибирск), Николая Кармышева (Краснодарский край), Владимира Макарова (г. Санкт-Петербург), Веры Пановой (г. Новосибирск), Владимира Позднякова (г. Новосибирск), Екатерины Роговой (г. Санкт-Петербург), Геннадия Скуратовского (г. Новосибирск), Натальи Смородниковой (г. Новосибирск) и Валерия Ткаченко (г. Красноярск).

Шмуцтитутлы разделов оформлены картинами Анатолия Соколова.

С59 Соколов А. Е.

Избранные сочинения: Стихотворения. Очерки. Философские труды. / Сост. Ю. Д. Григорьев; комм. В. Б. Лазуткин. – Новосибирск: РИЦ «Новосибирск» при Новосиб. отд. Союза писателей России; ИД «Манускрипт», 2020. – 368 с.: ил.

Сборник произведений замечательного русского поэта и философа А. Е. Соколова (1946–2010). Впервые под одной обложкой собраны его литературные и философские работы.

Книга издана для всех любителей поэзии А. Соколова, для неравнодушных к поэтическому и научному творчеству людей.

ISBN 978-0-0000-0000-0

© Соколов А. Е., текст, 1989–2009
© Григорьев Ю. Д., сост., 2020
© Лазуткин В. Б., комм., макет, 2020

Содержание

Предисловие

12

Раздел 1. СТИХОТВОРЕНИЯ

Сборники стихотворений

«Гнездо поэтов». 1989

1. «Над городом кружит, потерян...»	19
2. «Старый друг позвонит из глубинки...»	19
3. «Наклоняются темные ели...»	20
4. «Наступление осени с успехом...»	20
5. Базарные фрески («Прилавок мучает шакала...»)	21
6. «Из недр дождливого простора...»	21
7. «За декабрьским окном ледяным...»	22
8. «Сегодня девочек и дам...»	22
9. «Приход зимы всегда бывает...»	23
10. «Вечерами встречаешься с теми...»	24
11. После болезни («Спросит мать: “Что с тобою, сынок?”...»)	24
12. «Ближе к вечеру метаморфозы...»	25
13. «Круша цветочные розетки...»	26
14. «...Вышел амнистированный бык...»	26
15. «Славный август. Мельканье пчел...»	27
16. «Природа утомилась, отработала...»	27
17. «Сон запирал рассудок на засов...»	27
18. «Запутавшись в тяжелых шторах...»	28
19. «Душа моя дешевле пятака...»	29
20. «Перелетных сегодня ревнуют...»	29
21. «Над ландшафтом родного села...»	30
22. Мюнхен («Все теперь принимаю в расчет...»)	30

«Спартакровский мост». 1990

23. «Детских слез пересохшие реки...»	31
24. «Привычный дефицит любви...»	32
25. «Город Н. оккупирует иней...»	32
26. «Душу долгим постом истерзав...»	32
27. «Стартовавший с высокого стога...»	33
28. «Город Солнца был сделан на вырост...»	33
29. «Родная душа и чужая природа...»	34
30. «Без имени, отчества и языка...»	34
31. «Руки в брюки от холода спрячь...»	35
32. «Здесь транспорт идет через две остановки...»	36
33. «Стоит только ударить морозу...»	37

34. «Если в Авеля выстрелит Каин...»	37
35. «Снегопад вероломной атакой...»	37

«Крепость». 2001

36. «Дай за чистую совесть мне, Бог...»	38
37. «Скажи мне, суровый художник Бухаров...»	39
38. «День без крошки во рту...»	40
39. «О, как рассказать о мытарствах души неуклюжей...»	41
40. «Надоело мне пьянство, и самоубийство не ново...»	41
41. «Корчится ль рубль в кошельке с мелочишкой...»	42
42. «Люблю, когда мысли стремглав разбегаются в стороны...»	42
43. «Двуногое в перьях во тьме закричит кукареку...»	43
44. «Средь шумного бала рассыпался жизни горох...»	43
45. «Два тополя в клетке октябрьского сквера...»	44
46. «Разбуженный дважды клаксоном души петушиной...»	45
47. «На скотном дворе пахнет свежей махоркой...»	46
48. «Зачем деревья, снявши маски...»	46
49. «Покажется вдруг: у меня – не мозги, а солома...»	47
50. «Снег мандариновой пахнет до слез кожурой...»	48
51. «Дождь в дружбе с молнией и громом...»	48
52. «С соседом жена заведет шуры-муры...»	49
53. «Я с тобой одной, товарищ, крови...»	50
54. «Ночь в феврале на центральную площадь вползла...»	50
55. «Мечется тридцать панамок в детсадике...»	51
56. «Себя вспоминаю в палате районной больницы...»	52
57. «Вдруг звон колокольный с звонками пустого трамвая...»	52
58. «Худая ночь сгущается под крышей...»	53
59. «Мы, каракули Бога, пытались себя прочитывать...»	53
60. «В землянках стряпают оладьи или драники...»	54
61. «Мне солнце неделю казалось несбыточным благом...»	54
62. «По минному полю любви запоздалой...»	56
63. Застойный сон («Стережущие небо на родине хмурой...»)	58
64. «Утро. Ум вязнет в густой простокваше...»	58
65. Россия («Ты вдруг налетишь на меня, как осенняя буря...»)	59
66. «В кирпично-панельном кроссворде советской эпохи...»	59
67. «Люди любят отруби и жмых ...»	60
68. «С черствым пряником бывшей жены...»	61
69. «Когда нестерпимым становится холод разлуки...»	62
70. «Ленивая домашняя скотина...»	63
71. «Я приезжал из Кривошекова...»	63
72. «Уже на газоны пикируют желтые листья...»	64
73. «Пролистав календарь, захочу помолиться...»	65
74. «Осенний вечер в наши разговоры...»	66
75. «Не глумись, осенний лес-барыга...»	66
76. «На жесткие спины крестьянских телег...»	66
77. «В родительском доме тяжелая дверь на запоре...»	67
78. «Лишь станут тополи буреть...»	68

79. «Дрессированных вьюг косяки провожают из школы...»	68
80. «Прожили полвека у моря старик со старухой...»	69
81. «Ты живешь много лет и, рискуя, шутя, разглагольствуя...»	71
82. «Кошка мяукает, птица поет...»	72
83. «За сутки гроза докатилась из Красного Яра...»	72
84. «Сколько лет, сколько зим пролетело...»	73
85. «Дни с каждым годом короче, а ночи длиннее...»	74
86. «Постой, землячок, артефакт, инвалид и подранок...»	74
87. «Рыбнадзор реквизирует сети...»	75
88. «В стране, от рожденья привыкшей гулять без предела...»	76
89. «Вот эти избы, вросшие в суглинок...»	76
90. «Воцаряется в Моткове сладкий запах запустенья...»	76
91. «Имба-старуха в ватной кацавейке...»	77
92. «Год, слава Богу, продан, пропит, прожит...»	78
93. «Крылья окон, словно крышки гроба...»	78
94. «Ломается, крошится тонкая снежная корка...»	79
95. «Мешает вспыхнувший вдруг ливень...»	79
96. «Услышав слова на тюремном жаргоне...»	80
97. «На резвость коричневой силы одной лошадиной...»	81
98. «Помню лицо твое в профиль на лекции в вузе...»	81
99. «Опрометчиво створки дверей не закрыв на щеколду...»	81
100. «В зените страна перестала отбрасывать тень...»	82
101. «Хворостом жизни питается время ночное...»	82
102. «Разбив у луны отражение в окнах колодца...»	83
103. «Как пышно расцвел в золотых небесах фейерверк...»	83
104. «Еще не закончилась пасмурных дней волокита...»	84
105. «Под бешеным солнцем спят мирные лесопосадки...»	85
106. «Потраченная молью тяга к счастью...»	86
107. «Сон природы родной нарушается шорохом мысли...»	86
108. «В тумане над соснами дремлет подъязок...»	86
109. «Родная природа могуча, умна и любезна...»	87
110. «Почитай мне из самого раннего...»	87
111. «Кряхтенье и кашель обвисшей трубы водосточной...»	87
112. «Злое тело умрет и с душой не успеет проститься...»	88
113. «Чем старше жизни лес, тем больше дров...»	88
114. «Усталый, вспотевший я встал из дремучего сна...»	89
115. «Ощетинилось зимнее утро гудками...»	90

Невразумительные годы. 2004

116. «Мои стихи заводятся, как мыши...»	90
117. «Уже не так, как раньше, мучит...»	91
118. «Пока долгоиграющая вьюга...»	91
119. «Ледяным, мохнатым зимним утром...»	92
120. «Жестоко в городе январском...»	93
121. «Свеча. Бумага. Бормотуха...»	93
122. «Труднее астматика дышит пейзаж на картине...»	94
123. «Я побирушкой темно-серой...»	95

124. «Пусть серым по серому в сумерках крыльями совы...»	96
125. «На цветном деревенском морозе...»	97
126. «На крутых небесах расползаются звезд муравьи...»	98
127. «Летит голубая моторка...»	99
128. «На набережной встряхивает гривами...»	100
129. «Мокрый день, и снежная крупа...»	101
130. «Пока танцует дворник возле булочной...»	102
131. «Под березкой худой и поникшей...»	103
132. «Растоптал невразумительные годы...»	103
133. «Невтерпеж душе от русских песен...»	104
134. «Пусть в жизни молодой, где тонко, там и рвется...»	105
135. «Мы в любви давно уже не асы...»	106
136. «Зимы имущество бесхозное...»	107
137. «В компаниях светских всегда на себя негодную...»	108
138. «Снег над деревьями кружится белой вороной...»	109
139. «Как серый налим, замороченный сетью в Нарыме...»	109
140. «В тот час, когда глаза полузакрыты...»	110
141. «На голове, обросшей мыслями...»	111
142. «Дайте пилюли и спирт для души заболевшей...»	112
143. «Любимая, не надо хмуриться...»	113
144. «Над вазой с пионами кружатся синие мухи...»	114
145. «Мне дорог звон хрустального фужера...»	114
146. «За хвост самолета цепляется птиц вереница...»	115

Материк. 2006

147. Консервная баллада («И сам не заметишь, как жизнь...»)»	116
148. «Пока шумит берез китайский веер...»	117
149. «Липы на задворках поликлиники...»	118
150. «Новосибирск в ненастье глуше хутора...»	119
151. «Отвергнув с сочувствием лезть подогретой воды...»	119
152. «Прошу Вас до утра остаться...»	120
153. «Муза стучит за окном железякой...»	122
154. «Не дай Бог лицо твое без грима...»	123
155. «Из головы весь мусор выкину, стихи оставлю...»	124
156. «Плачь Ярославной, дева в платье бежевом...»	125
157. «Однажды притащусь с душой заплесневелой...»	126
158. «Куста осеннего брошюра...»	127
159. «Кажется минувшее былинкой...»	128
160. Осень («Себя почувствовала свергнутой...»)»	128
161. «Методично сахарная пудра...»	130
162. «Дорогая, давай летаем...»	131
163. «Пускай ты родом из Дубровина...»	132
164. «В едва откупоренном сне...»	133
165. Отрывок из поэмы («Весной на улице Фабричной...»)»	133
166. «Кому подруги ласка жирная...»	137
167. «Уже плакаты с рыжим городеночком...»	138
168. Отрывок из поэмы («Женщина – очей очарованье...»)»	139

169. «Поедем осенью в деревню...»	142
170. «Когда в моем сердце созреет цунами...»	143

Осенние птицы. 2009

171. «С календарика отрывного отколупывая листок...»	144
172. «В трезвон колокольный с звонками пустого трамвая...»	144
173. Возвращение Бонапарта («Пейзаж превращая...»)	145
174. «Проснешься не удачливым Емелей...»	146
175 «Мост над сумбурными тысячелетьями...»	146
176. «Живу в надежде, что Елена когда-нибудь приснится мне...»	147
177. «В Сибири вновь разгул антициклонов...»	147
178. «Догорающей жизни солома...»	148
179. «И Стикса лед хрустит в зубах Харона...»	149
180. «Над городом жара висит чугунной гирей...»	149
181. «Брось ломтик батона с корицей в густое, как мед, молоко...»	150
182. Хам торжествующий («Пора, мой друг, прощаться со стихами...»)	151
183. «Ничего нет достоверней вымысла...»	153
184. «Однажды с каторги домашней уходишь странствовать в запой...»	154
185. «Зачем старик упрямый, как ребенок...»	154
186. «В часы бессонницы распахнутый вину...»	154
187. «Неужели Михайло Сергеевич Омбыш...»	155
188. «Словно с писаной торбой, с наукой...»	156
189. «Смотрю, как улетают птицы, и не идут слова на ум...»	156
190. «С летним попрощаемся семестром...»	157
191. «Отрывок из поэмы («Жить художник должен в маске Фауста...»)	158
192. «Отупев от безумных попок...»	159
193. «Выкопали вовремя картошку...»	160
194. «Скажи, о чем задумалась, психея...»	161
195. «Еще белы от нафталина шубы...»	161
196. «Горевать и печалиться – нет трудней ремесла...»	162
197. «Гусеница красного трамвая утром проползет по авеню...»	162
198. «Как старый налим, замороченный сетью в Нарыме...»	163
199. «Опять октябрьский листопад меняет тему разговора...»	164
200. «Продолговатые минуты по вечерам черней ворон...»	165
201. «Мне однажды привиделось: в город, как душиный чулан...»	165
202. «Есть что-то чудное в крестьянах...»	166
203. «Страшно пребывающим в блаженстве...»	167
204. «Безнадежный художник ужасно хандрит...»	167
205. «Очи, одуревшие от книжек...»	168
206. «Костлявое тело, как остров в пучине души мировой...»	168
207. «Поэту редко дарят розы...»	169
208. «Вновь проселка сиротский суглинок...»	170
209. «Обманы Пушкина и Тютчева дороже низких истин тьмы...»	170
210. «Преврати в источник вдохновенья...»	170
211. Россия («Ты вдруг налетишь на меня как осенняя буря...»)	171
212. «От старости стала душа дальнорской...»	172

Публикации в журнале «Сибирские огни»

213. «О чудной Елене в квартире пустой затоскую...»	173
214. «Октябрь, ноябрь... Календарь неизбежно закончится...»	173
215. «Из леса попадешь однажды в Дом ученых...»	174
216. «Вдруг истина явит себя в существе мутноглазом...»	174
217. «Глина в чутких пальцах у Валерия...»	175
218. «В детском сне городская окраина...»	175
219. «Ты рано выходишь в проснувшийся сад...»	176
220. «Полобил легионы дождя я, наверно, за то...»	176
221. «Словно фильм режиссера Кустурицы...» (Редакция 1)	177
222. «Пока не завершается предзимье...»	177
223. «В полдень лес горячий, словно домна...»	177
224. «Агония лета. Нет слов для отчета...»	178
225. «И отрок ревет, разлюбив новогоднюю елку...»	178

Публикации на интернет-ресурсе Проза.ру

226. «Дожил без всяких проволочек поэт до сорока семи...»	178
227. «Словно фильм режиссера Кустурицы...» (Редакция 3)	179
228. «Опять на метро от Студенческой мчишься без цели...»	180
229. «Ночь в шубе, сшитой из ондатр, приходит в город, как в театр...»	180
230. «Легкомысленный март начинает веселый сезон...»	181
231. «В листок календарный мужчины впиваются зорко...»	181

Альманах «Мангазея» № 1 – 1990

232 «Начинает кавалерия испытание клинков...»	182
---	-----

Из личных архивов

Из архива В. А. Берязева

233. «Отважный демос в клюве с крепкой «Примой»...»	182
234. «Чтоб покончить с мелочными склоками...»	183
235. «Трясущимися руками в рассыпавшейся стране...»	183
236. «Давай из города уедем...»	184

Из архива Ю. Д. Григорьева

237. «Словно фильм режиссера Кустурицы...» (Редакция 2)	184
238. «Словно фильм режиссера Кустурицы...» (Редакция 4)	184

Из архива Н. Д. Смородниковой

239. «Слова простые замирают в горле...»	185
240. «Прошу тебя – на спину ляг...»	185
241. «Вдруг вспомнишь и подносишь снова лампу...»	186
242. «За околицей лето пропили...»	186

Из архива С. П. Степанова

243. На ларек («Ты теперь за широкой рекой...»)	186
---	-----

Комментарии к разделу стихотворений	187
--	------------

Раздел 2. ОЧЕРКИ и ЭССЕ

О поэзии А. Денисенко	211
Пушкин – это наше все или ничто?	224
«Мороз и солнце – дни чудесные». Заметки о фестивале и поэзии	234
О Геннадии Абольянине	238
Оторопь (Предисловие к сборнику стихов С. Ларченко «Деревья без листьев»)	249
Пока сердца для чести живы (О выпускнике НЮИ В. Ткаченко)	251

Раздел 3. ФИЛОСОФСКИЕ ТРУДЫ

Проблема происхождения мировоззрения (автореферат диссертации)	259
Трансформация мифологии в искусство как философско-культурологическая проблема	266
Образование человека и генезис культуры	276
Ответственность и творчество	289
Проблемы духовной онтологии: язык культуры и творчества	292
Предисловие	293
Введение. Проблема сознания и духовной феноменологии в философии	296
Проблема образования человека в формирующемся языке	314
К проблеме генезиса понятий	322
Особенности творчества: талант и гений	327
Онтологическое и феноменологическое измерения языка	329

Приложение

МИРЫ АНАТОЛИЯ СОКОЛОВА

Посвящения. Воспоминания. Отклики

<i>Юрий Григорьев</i> . Смерть поэта (Р. М. Рильке, пер. с нем.)	335
<i>Александр Денисенко</i> . Александровское поле	335
<i>Светлана Кекова</i> . Зона сияния: цикл посвящений А. Соколову	336
<i>Станислав Михайлов</i> . Анатолию Соколову – поэту, учителю, человеку родному...	338
<i>Сергей Степанов-Прошелецев</i> . Посвящения Анатолию Соколову.	339
Зеркала Анатолия Соколова	342
<i>Виктор Сайдаков</i> . Сомневающийся студент Анатолий Соколов	347

События и отражения

<i>Валерий Лазуткин</i> . Книга воспоминаний о друге	353
<i>Юрий Григорьев</i> . О вздрогнувших холстах	356
Картины Анатолия Соколова	360
<i>Наталья Смородникова</i> . Анатолий Соколов как связь миров	362
Житие памяти (О путях увековечения памяти А. Е. Соколова)	365

В апреле 2020 года исполнилось десять лет со времени неожиданного ухода от нас в неизведанные миры поэта и философа Анатолия Евгеньевича Соколова (21 января 1946 г. – 20 апреля 2010 г.). Он ушел в расцвете творческих сил, исполненный новых литературных и научных планов.

Весть о смерти поэта произвела ошеломляющее впечатление на читающую публику, коллег по литературному «цеху», его учеников, родных и близких людей. В дни прощания с Анатолием говорилось много добрых слов о замечательном поэте, выходили статьи в газетах и журналах Новосибирска – города, с которым была связана вся его жизнь. Озвучивались намерения проводить регулярные Соколовские чтения, назвать именем поэта либо читальный зал областной библиотеки, где он проводил поэтические вечера, либо мост через Транссибирскую магистраль на ул. Спартака, рядом с которым поэт прожил всю жизнь и именем которого назвал первый свой поэтический сборник «Спартаковский мост» (1990). Да, стала бы достойным фактом культурной жизни Новосибирска хотя бы установка мемориальной доски на каком-либо из домов на ул. Фабричной (Дом грузчиков, № 6 (1949–1959) или дом № 8 (1959–1967)). Но планы эти пока не реализованы, отчасти в силу общеизвестных трудностей в жизни российского общества, постоянно сопровождающих нас. Так же не дождалась читающая публика выхода запланированного сборника стихотворений поэта, который был составлен В. И. Ярцевым, другом и коллегой Анатолия из 90 стихотворных текстов несколько лет назад¹. С той поры мы уже простились с самим Владимиром Ивановичем, а потом начался период тревожной неопределенности, суть которого нашим согражданам объяснять излишне – все мы живем в одном мире.

Поэтому настоящий сборник сочинений Анатолия Соколова его друзья и коллеги представляют как своеобразный литературный памятник поэту и философу.

Суммарный тираж стихотворений Анатолия Соколова в прижизненных книжных изданиях составил около 10 тысяч экземпляров. Московское издательство «Вече» включило в свою антологию «Русская поэзия. XXI век» (под общей ред. В. Кострова и Г. Красникова) шесть стихотворений Соколова (2010), стихотворения его были включены также в антологию «Русская поэзия. XX век» (1999). А. Е. Соколов – член Союза писателей России, кандидат философских наук, доцент. Лауреат премии имени Н. Г. Гарина-Михайловского мэрии Новосибирска (2006), отмеченный ею «за большой вклад в развитие сибирской литературы».

¹ «Мы с Мариной Николаевной Акимовой составили избранное Соколова к его 70-летию. Денег на издание, конечно же, не нашлось», – писал В. И. Ярцев 21 апреля 2018 г. В. Б. Лазуткину.

Говорить о том, что память о Поэте угасла, нет оснований. Стихотворные строки и ныне приходят к читателю.

Журнал «Сибирские огни», постоянным автором которого был Анатолий Соколов, неоднократно публиковал подборки его стихотворений (2014, 2015, 2016), стихи вошли в подготовленную редакцией поэтическую антологию «Поэты “Сибирских огней”. Век XXI» (2012), подборку под названием «Незаконные звезды» представил журнал из Санкт-Петербурга «Северная Аврора» (2010). В ноябрьском номере 2018 года журнал «Знамя» напечатал 13 стихотворений Анатолия Соколова под общим названием «Новобранец снег»². Публикация была подготовлена друзьями и коллегами Анатолия.

Попытку более подробно рассказать о биографии поэта и его творчестве сделали друг юношеских лет поэта Ю. Григорьев и редактор В. Лазуткин, издав книгу «Анатолий Соколов – поэт и философ» (2018), которая ныне находится в основных библиотеках Новосибирска, Москвы и Санкт-Петербурга, а электронная версия – в свободном доступе на сайте журнала «Сибирские огни»³. Когда книгу об А. Е. Соколове 29 июня 2018 г. автор и редактор представляли в Новосибирской областной научной библиотеке, от многих его коллег по поэтическому цеху и просто ценителей изящной словесности звучали слова, что он нас ушел гений.

Прошедшее после его кончины десятилетие показало, что талант А. Е. Соколова по-прежнему является востребованным читателями: его поэтический дар продолжает волновать и вызывать в душах читателей отклик, сопоставимый с катарсисом. Строчки его стихов цитируются, многие выражения из них достойны стать афоризмами, стихотворения привлекают своей густой метафоричностью, интертекстуальностью и исключительной социальной точностью. Многие из негативных явлений окружающей нас жизни, зачатки которых предвидел поэт (жажда злата, падение нравственности и т. д.), развились и укрепились в повседневности, стали горькой обыденностью. Ощущаются в них и какая-то, отчасти блоковская, а где-то и есенинская тоска и грусть («Невытерпел душе от русских песен, а без них она совсем умрет...»). В ткань его поэзии искусно и органично вплетены многие литературные и художественные образы, герои античной мифологии и исторические личности, топонимика Новосибирска и просто факты повседневной жизни.

Корпус опубликованных стихов поэта сравнительно невелик, но среди них нет ни одного «проходного», каждое стихотворение неповторимо и отточено до мелочей. Печатью таланта литератора и ученого отмечены и литературно-критические статьи Соколова. Он умел не просто понимать сказанное поэтами, но видеть суть, философски осмысляя тексты.

² Анатолий Соколов. Новобранец снег. Публикация Александра Денисенко, Владимира Ярцева и Валерия Лазуткина. // Журнал «Знамя», 11, 2018: <https://znamlit.ru/publication.php?id=7084>

³ Юрий Григорьев. Анатолий Соколов – поэт и философ: Воспоминания о друге. Анализ творчества. / Ред. В. Б. Лазуткин. – Новосибирск: РИЦ «Новосибирск» при Новосибирском отделении Союза писателей России; ИД «Манускрипт», 2018, 368 стр., ил. Электронная версия книги: sibirskieogni.pf/content/anatoliy-sokolov-poet-i-filosof-kniga-yurija-grigoreva

И это не удивительно, поскольку основным занятием Анатолия Евгеньевича, которым он зарабатывал на хлеб насущный, было не поэзия, а преподавание философии, культурологии и смежных дисциплин в новосибирских вузах. Лекции читал блестяще, они надолго запомнились его бывшим студентам. Он так же известен как ученый, один из уважаемых специалистов в области изучения проблем происхождения мировоззрения как важной части общественного сознания, автор философских работ, затрагивающих самые разнообразные вопросы, в том числе, повседневной жизни.

К изданию настоящего сборника произведений Анатолия Соколова составителей побудило также желание собрать под одной обложкой плоды его творческой деятельности в этих двух ипостасях – поэта и философа, чтобы читатель смог охватить единым взглядом поэтический мир Соколова-поэта и ознакомиться с системой философских воззрений Соколова-философа. Третью ипостась – Соколова-художника – составители сейчас отразить не берутся в силу разных объективных и субъективных причин и только обозначают эту тему в материалах Приложения.

Вкупе с ранее выпущенной книгой о жизни поэта и основных вехах его творчества, сборник предоставит необходимую и достаточную базу для детального знакомства с творчеством Анатолия Соколова, и они дадут ключ к его пониманию.

В первом разделе книги представлены стихотворения и литературные очерки А. Е. Соколова, вышедшие в печатных изданиях в 1989–2010 годах; стихи, впервые опубликованные в журнале «Сибирские огни» после 2010 года; некоторые поэтические произведения раннего периода творчества, в том числе обнаруженные в личных архивах его друзей.

Основной корпус стихов организован согласно составу прижизненных сборников поэта в порядке их выхода в свет. При этом повторно опубликованные стихотворения исключены (если не являются значительно переработанным автором вариантом). Производилась сверка текстов ранних изданий с последующими, и они корректировались в соответствии с более поздней авторской версией. Все подобные изменения зафиксированы в подробных комментариях, включающих, кроме того, пояснения к некоторым терминам и именам упоминающихся автором персон и персонажей культуры, истории и мифологии. Чтобы не загромождать поэтический раздел многочисленными сносками, все комментарии и примечания даны в конце раздела.

Далее добавлены стихотворения, напечатанные только в журналах, завершают подборку не напечатанные в бумажных изданиях, а размещенные в сети Интернет автором либо его друзьями. Все стихотворения снабжены сквозной нумерацией в целях упрощения перекрестных ссылок внутри книги и обращения к комментариям. Таким образом, настоящий сборник мог бы служить антологией/каталогом стихотворных произведений А. Е. Соколова.

Второй раздел сформирован из литературных очерков и эссе, опубликованных в различных изданиях, преимущественно в журнале «Сибирские огни». Исключением является очерк о поэзии Александра Денисенко:

вместо журнального варианта мы предпочли поместить полную версию рукописи, предоставленную героем очерка.

Третий раздел содержит философские работы А. Е. Соколова. Ограниченный объем настоящего сборника не позволил включить в него полные версии больших трудов: диссертация представлена ее авторефератом, а монография – оглавлением, предисловием и введением. Обе эти работы доступны читателю в библиотеках Новосибирска: диссертация хранится в библиотеке НГУ, а монография есть в библиотеках НИСКТ, НГПУ и в Областной научной библиотеке. Не включены и некоторые ранние философские работы А. Е. Соколова, представляющие теперь лишь исторический интерес, хотя, конечно, они вошли в ткань его последующих произведений – в научные статьи, кандидатскую диссертацию, монографию. Мы знаем, что Анатолий работал над докторской диссертацией и готовил для публикации несколько статей по ее теме, но тема диссертации, ее объем и степень готовности составителям данного сборника неизвестны.

Материалы Приложения призваны показать, как творчество А. Е. Соколова продолжает «шевелить умь», объединяет людей и побуждает к творческим действиям и общественным инициативам. Здесь помещены некоторые посвящения ему или его памяти. Например, поэзию А. Е. Соколова высоко ценит С. Кекова, выдающийся российский поэт, стихотворения которой переведены на многие европейские языки. Она знала поэта лично, а сам А. Е. Соколов посвятил ей стихотворение «Смотрю, как улетают птицы...» Опубликовано также посвящения, принадлежащие составителю данной книги (Ю. Григорьеву), а также поэтам и друзьям – А. Денисенко, С. Михайлову и С. Степанову-Прошельцеву.

В упомянутой выше книге Ю. Григорьева были опубликованы воспоминания автора о годах детства и юности поэта, некоторые детали его общения с друзьями в последние годы по вопросам поэзии и философии. С радостью отмечаем, что «белые пятна» в биографии Анатолия Соколова продолжают заполняться, и теперь мы можем узнать о годах его службы в Советской Армии в воспоминаниях сослуживца, ныне литератора и журналиста Сергея Степанова-Прошельцева, а также о периоде учебы в Новосибирском педагогическом институте от одногруппника Виктора Сайдакова, так же посвятившего свою жизнь журналистской и литературной работе. Эти воспоминания друзей Анатолия – в Приложении.

Примечательно, что побудительным мотивом для различных событий порой становится не только творческое наследие Анатолия Соколова, но и сама его жизнь, с которой переплелись нити судеб других людей. И попытки потянуть за эти нити порой открывают широчайшие горизонты познания. Как это произошло с Н. Д. Смородниковой, близкой знакомой поэта, знавшей его с детских лет, и которой А. Е. Соколов посвятил стихотворение «Когда шумит берез китайский веер...» Именно творчество Соколова в процессе подготовки книги о нем свело вместе людей, распутавших и воссоздавших в документальном очерке интереснейшую историю деда Смородниковой – Е. И. Болдырева, вобравшую в себя цепь событий, начиная с русско-японской войны, и фактов жизни его потомков, вплоть до времен детства и юности Анатолия Соколова. Поистине все в соответствии

со строкой поэта «Для тысяч миров я являюсь единственной связью», начертанной на его надгробном памятнике.

Составитель книги и ее литературный редактор с глубокой благодарностью отмечают большую помощь, оказанную им при работе над данным сборником библиотекарем Новосибирского юридического института (филиал ТГУ, Томск) Оксаной Кравченко, сотрудниками библиотеки НГПУ (Новосибирск) Светланой Ильенко и Ириной Стаценко, зав. абонементом художественной литературы Новосибирской областной научной библиотеки Татьяной Красниковой, поэтом Александром Денисенко, предоставившим хранящийся у него неопубликованный текст о его собственном творчестве и поэтом Владимиром Берязевым, поделившимся ранее не опубликованными в печатных изданиях стихотворениями Анатолия Соколова.

Настоящий сборник является поистине народной книгой, поскольку появился он благодаря инициативе и финансовой поддержке друзей и почитателей поэта и философа Анатолия Соколова – Виктора Бухарова (г. Новосибирск), Татьяны Волчо (г. Новосибирск), Юрия Григорьева (г. Санкт-Петербург), Татьяны Ермоленко (г. Новосибирск), Леонида Зотова (г. Новосибирск), Николая Кармышева (Краснодарский край), Владимира Макарова (г. Санкт-Петербург), Веры Пановой (г. Новосибирск), Владимира Позднякова (г. Новосибирск), Екатерины Роговой (г. Санкт-Петербург), Геннадия Скуратовского (г. Новосибирск), Натальи Смородниковой (г. Новосибирск) и Валерия Ткаченко (г. Красноярск).

Ю. Григорьев, В. Лазуткин

СТИХОТВОРЕНИЯ

Поэзия Анатолия Соколова представлена в той последовательности, в какой она была опубликована, с приоритетом книжных изданий. При этом тексты, отредактированные автором в последующих публикациях, приводятся в последней авторской редакции за исключением случаев, когда изменения значительны по объему либо меняют суть стихотворения. Эти вариации отражены в комментариях, помещенных после стихотворного раздела. Несколько стихотворений, подвергшихся значительной переработке, рассматриваются как новые произведения и включены в общую подборку соответственно дате и месту издания. То, что не вошло в книжные сборники, дается по публикациям в журналах, подборкам на интернет-ресурсах (сформированным лично автором). Рукописи из личных архивов коллег и друзей поэта предоставлены их владельцами.

Таким образом, данное издание представляет стихотворения Анатолия Соколова в том виде, в каком он сам их подготовил, опубликовал, отредактировал.

Гнездо поэтов¹

1989

1

* * *

Над городом кружит, потерян,
Садится, помедлив чуток,
Не зайчик, не жук, не пропеллер
И пахнет, как первый цветок.

Душа от стыда замирает,
В ней столько скопилось всего...
Играет снежок, не желает
О будущем знать ничего.

Надеешься: выдаться случай,
И сможешь себя обмануть —
Из форточки жизни дремучей
Свободно вздохнуть и вспорхнуть.

Но все решено справедливо —
Чугунная печь и букварь,
Когда впереди перспектива:
Ноябрь, декабрь, январь.

2²

* * *

Старый друг позвонит из глубинки,
Не забывший еще обо мне,
Посмотрю на его фотоснимки —
И мурашки бегут по спине.

Худощавый пророк института,
Пленник утренних лекций, беглец.
Наш декан, как Скуратов Малюта³,
Обещал тебе грустный конец.

Но со стаей беспечных Офелий,
Чье грядущее было темно,

Ты, под мышку упрятав портфель,
С семинаров смывался в кино.

Время всех одинаково любит,
Но друзей сокращает число:
Петька спился, Сергей вышел в люди,
А тебя в глухомань занесло.

Неужели в степной атмосфере
За минувшие несколько лет
Не померк еще глаз твоих серых
Безупречно насыщенный цвет?

34

* * *

Наклоняются темные ели,
Разговоры ведут за окном.
Умирает душа неужели,
Задыхаясь в кошмаре ночном?

Как очнуться, спастись? Полумеры:
Свет зажечь, потревожить жену...
Из углов выползают химеры,
К изголовью стремясь моему.

Ничего. Только ветер осенний
И дыхание спящих детей.
Ожиданье больших потрясений:
Наводнений, пожаров, смертей.

4

* * *

Наступленье осени с успехом
Продолжалось несколько недель,
Головы кружила желтым смехом
Пыль, переходящая в метель.

Беспорядок, как перед ремонтом,
Роща стала ржавым сухарем,
Острый угол птиц над горизонтом,
И при нем звезда поводырем.

А потом сентябрьская ночка
Сделает прощальный свой визит —
Пахнущая дождиками бочка
На ветвях серебряных висит.

Базарные фрески

Прилавок мучает шакала
И сфинкса с дыркой в голове —
Созданья местного Шагала.
На фиолетовой траве,
Наморщив розовые сайки
Физиономий, для людей,
Асимметричные русалки
Пасут горбатых лебедей...

Гудит базарная дружина,
Хотя еще не рассвело
Чело недоброго грузина
Под крупной вывеской «Вино».
Охапкой блеклого багета
Торча над плюшевым бабьем,
К нему небритая богема
Спешит с измученным рублем.
А после, как в трубе подзорной,
В себя направив мутный взор,
Она с душою беспризорной
Затеет ссору или спор.
И целовальник вороненый,
Пересыпая денег лед,
Нальет под поясок в граненый
И через поясок нальет.
Ах, все равно концы с концами
Свести не может русский дух...
Арбузы смотрят молодцами,
Весь двор, мощный огурцами —
Аэродром последних мух.
Горят посадочные знаки,
Одномоторным сквозняком
Прозрачных крыльшек зигзаги
На землю падают кругом.

* * *

Из недр дождливого простора
До стен бревенчатых держав
Доносятся гуденье бора
И вопли жалобные жаб.

Там ветер бродит среди ночи,
Поет и крутится волчком,

Выкальвая избам очи
Сухим березовым сучком.

А домовой в квартире друга
Гремит заслонкою печной,
И под звездою спит округа,
И пахнет сыростью ночной...

Опять в тревожном, бледном свете
Звезды, летящей с высоты,
Невольнo вздрагивают дети
И звери прячутся в кусты.

7

* * *

За декабрьским окном ледяным
Белый ужас родного пейзажа,
Из трубы поднимается дым —
И на улицу сыплется сажа.

Но лопату берет человек,
Выполняя работу с размахом:
Месит черную сажу и снег,
Словно тесто для бубликов с маком.

8

* * *

Сегодня девочек и дам,
Мужей, багровых на закате,
К высокомерным берегам
Доставил пригородный катер.
Вчера напившаяся вдрызг
Толпа изображает пенье,
Но чувствует уколы брызг
И проявляет нетерпенье,
Хотя до пристани чуть-чуть
Осталось, над пустыней водной
Летят, расстраивая грудь,
Обрывки песенки народной...

Остановившись на виду
С лицом обветренным и мокрым,
Гипнотизирует звезду
Худая девочка с биноклем.
Мечтает дама из ларька
Со свертком пошлого романа

Стать новой жертвой рыбака,
 Крадущегося из тумана.
 Герой глядит, храня билет,
 Окутанный плащом и скукой,
 На деву сорока двух лет,
 Заснувшую, обнявшись с куклой.
 Она белеет на ветру,
 Но бредит запахами трюма...
 Кудрявый дым из длинных труб
 Вываливается угрюмо.
 И прорастает сквозь туман
 В трагическом подъемном кране
 Весь город, легкий от ума,
 С фабрично-заводских окраин.

И медленнее холодок
 Качнет речными бугорками,
 Когда привалочный гудок
 Рывком притянет дебаркадер.

9

* * *

Приход зимы всегда бывает
 Не вовремя и невпопад:
 Октябрьский снег перебивает
 Некончившийся листопад.

С гудками фабрик, с птичьим писком,
 Невидный, так себе денек
 Взлетает над Новосибирском
 И превращается в дымок.

Стихий столкнувшихся капризы
 И игры городских огней
 Втройне усиливают кризис
 Души рассудочной моей.

Сегодня над ее державой
 Дым вьется и на вкус горчит...
 Из снега проволокой ржавой
 Трава холодная торчит.

И вновь отсутствующим взглядом
 Во власти пасмурных химер
 Я следую с тобою рядом
 В кинотеатр через сквер.

10

Там из-под ига мудрой книги
Нас в плен на целых три часа
Берут кровавые интриги
И роковые чудеса.

* * *

Вечерами встречаешься с теми,
Кто тебя угнетал и любил,
Наблюдать — как царапает стены
Проезжающий автомобиль,

И слова выговаривать хмуро,
Как условия мрачной игры —
Совмещается архитектура,
И в пространстве сквозит перерыв.

Сразу переполох ощущений,
Пахнет остро осенней порой,
И поет проникающий в щели
Воздух северный и сырой...

Два стакана и черствая булка,
Если благополучный январь
Дышит в темный чулок переулка
И за пазухой держит фонарь.

Но пока широко и прекрасно,
И застенчиво медлит река,
На лету перерезав пространство,
Желтый лист упадет на рукав.

И душа, наклоняясь за пищей,
Уступает добру или злу,
Вдалеке в треугольнике птичьим
Нарастающий жалобный звук.

И, впорхнув коридорами трещин
В общежития узкий объем,
Сердце кружится и трепещет
Заблудившимся воробьем.

11⁶

После болезни

Спросит мать: «Что с тобою, сынок?»
«Ах, оставь, говорить нет желанья!»

Надо мною висит потолок.
Симулирует переживанья.

Жжет карманы мне горсть медаков —
Соль труда и душевного мрака.
И пронзительно хор сквозняков
Завывает из трещин барака.

Я, троюродный внук Ильича,
Грохоча костылями по полу,
В телогрейке с чужого плеча,
Собираюсь на утренник в школу.

И, прищутив глаза, через снег
Смотрит Сталин с огромных полотен
На счастливое детство калек,
Вырастающих из подворотен...

Истребив поколение отцов.
Он к терпенью склонил ребятишек.
За фасадом помпезных дворцов
Нет еды, не хватает дровишек,
Но оркестров военных излишек.

12

* * *

Ближе к вечеру метаморфозы
Охватили деревню мою.
Лопухи превращаются в розы,
А любимая дева — в змею.

На кусок милицейского жезла
Оказалась похожей пчела.
Тень сирени забор перелезла
И дорогу месить начала.

Не пчела, а оса! Репродуктор,
На верхушку столба взгромоздись,
Не призывы, а горы продуктов
Производит из воздуха... Князь

Выезжает на черной карете,
Свита сзади на бобиках мчит.
Вслед глядят деревенские дети.
И душа во весь голос кричит.

* * *

Круша цветочные розетки,
Играет ливень в билиард
И вздохи парочки в беседке
Оценивает в миллиард.
Должно быть, местный парикмахер
С буфетчицей забрел сюда,
Кусты похожи на монахинь,
Зажмурившихся от стыда,
И в паузе приставив ухо
К решетке, вымытой до швов,
Дождь слушает, но слышит... эхо
Давно разыгранных шаров.

14

* * *

...Вышел амнистированный бык,
Бьет копытом, брызгает слюною.
Бык к весне и солнцу не привык,
Но блистает мастью вороною.

У него тяжелые рога,
А во лбу горят два помидора,
Красная рубаха дурака
Кажется плащом тореадора.

С губ роняя пены серебро,
Бык одним желанием томится:
Ротозею выломать ребро
Или продырявить ягодицу...

Дух апрельский над деревней плыл
И, с туманом смешиваясь, стлался.
Грибоедов двери приоткрыл,
Глубже им проникнуться старался.

Он дышал, не торопясь пока,
Наполнял все емкости и баки.
Наблюдать за шествием быка
Собрались окрестные собаки.

День проходит без особых драм.
Бык пропал, отправленный на бойню.
От телесных и душевных травм
Грибоедов лечится любовью.

И на фоне вскрывшейся реки,
Сев на солнцепек перед амбаром,
Равнодушно курят мужики,
Воздух отравляя перегаром.

15

* * *

Славный август. Мелькание пчел.
На окне моем кактус расцвел...

Вон работница облкниготорга
В каждой сетке несет по луне —
На лице ее бездна восторга.
Только вот нездоровится мне.

Несогласье внутри организма,
И с утра сердца стук глуховат,
Ломит ноги, погода капризна —
Только в этом я не виноват.

Ни на шаг от себя не пускают
Побратимы, винище, табак.
Днем и ночью мне сердце кусают,
Словно стая голодных собак.

Я доверился чистой науке,
Проклиная такое житье,
Но блуждает мой взгляд близорукий
По дремучим просторам ее.

16

* * *

Природа утомилась, отработала.
На изгороди кринки и кувшины.
Побрякивает день коровьим боталом,
И тихо меркнет гребень петушиный.

17⁸

* * *

Сон запирал рассудок на засов
И принуждал меня сегодня снова
Выкручиваться несколько часов
Из лабиринта города ночного.

Неважно проходил эксперимент,
Испорченный игрой воображенья:

Шел дождь, и уголовный элемент
Вел меж собой локальные сраженья.

Сползали друг за другом семь потов,
Поочередно смешиваясь с прахом —
От множества скорбей проспект потек,
А переулок скручен в узел страхом...

Пока я брел от слез полуслепой.
Напоминала лампочку в мертвецкой
Луна, вися над каменной толпой
Жилых домов вдоль улицы Советской.

Был нестерпимо резким и прямым
Ужасный цвет зрачков прямоугольных,
Следящих за движением моим
Сквозь сетку испарений алкогольных.

Как я устал надеяться, что вдруг
Лоб осенит тень мысли беспилотной,
Сжигать звонки безвыходных подруг
И задышаться в атмосфере плотной!

Паломник, пилигрим или беглец?
Всем управляя, воля провиденья
Меня освобождает наконец
Из липкой паутины сновиденья.

18

* * *

Запутавшись в тяжелых шторах,
Вломились снам наперерез
И листьев хриплый спор, и шорох
Дождя, сошедшего с небес.

Вдруг мебель в комнате воскресла,
Откликнувшись на шум извне:
Зашевелился стол, и кресла
Сочувствуют его возне...

Хотелось встать, ногою топнуть
И выгнать из квартиры вон
Толпу чудовищ допотопных,
Ворчащую со всех сторон.

Но страшно, как ночному вору,
 Душе, покинувшей тюрьму,
 Прислушиваться к разговору,
 С надеждой глядявываясь в тьму.

19

* * *

Душа моя дешевле пятака,
 В костлявом теле скорчившись, кукует
 И просится на улицу, пока
 Снег город интенсивно атакует.

Не отдыхая пять часов подряд,
 Играют с ним то в поддавки, то в жмурки
 Чудовищ механических отряд
 И школьников горбатые фигурки.

А рядом под контролем ночника
 Хозяин дома, постного и злого,
 Живое впечатление никак
 Не может втиснуть в тесный гробик слова.

Он, пасмурный, уже не в первый раз
 Робеет перед поздними гостями,
 Собачий ящик из тяжелых фраз
 Сколачивая ржавыми гвоздями.

20⁹

* * *

Перелетных сегодня ревнуют,
 А вчера подымали на смех:
 Проворонили землю родную,
 А чужой не хватило на всех.

Перед натиском жесткой метели
 Бесплезно на рок уповать,
 Кто хотел захотеть, захотели,
 Кто хотел улететь, улетели,
 Остальным — суждено зимовать.

Видят беженцы птичьего войска
 Под лохмотьями туч небосвод.
 Сверху падают снег, как известка,
 Бывший ангел из серого воска
 И воздушных десантников взвод.

* * *

Над ландшафтом родного села,
Окрещенного неперспективным,
Стаю птиц чуть с ума не свела
Встреча в небе с птенцом реактивным.

Самодержец пространства вперед
Мчался, занятый прибыльным делом,
Беспощадно сжигать кислород
И сверкать металлическим телом.

Видно, грянули черные дни,
Коли, сея разруху в природе,
Не признал он далекой родни
В повстречавшемся певчем народе...

Спит внизу под охраной старух
Отчий край в запустенье великом,
Безуспешно прекрасный петух
Воздух рвет оглушительным криком.

И беспомощно сморщили лбы,
Без веселых жильцов замирая,
Две крест-накрест забитых избы
За чертою колхозного края.

По ночам совершая броски,
Дезертиров крестьянской державы
Душат приступы черной тоски,
Беспощадные, как волкодавы.

22¹¹

Мюнхен

Все теперь принимаю в расчет,
Даже пепел пустых разговоров,
Замечаю, как быстро растет
Популярность певцов и актеров,
Танцовщиц. Ледяная крупа
В изобилии сыплется с неба.
На проспекте клубится толпа
Потребителей зрелищ и хлеба...

Не губить, а любить и прощать
Научилась, наверно, немного

Пара ангелов в серых плащах
Возле статуи мертвого бога.

Бог не скажет уже ничего,
Но листают чугунные книги
Толкователи воли его
И плетут роковые интриги.

Пропивает остатки души
Золотая придворная свора
И считает свои барыши,
Коронуя убийцу и вора.

Не участвует в этой игре
Воплощенная в камень наука,
Под плащом пистолет в кобуре,
А в глазах бесконечная скука.

Спартакoвский мост¹²

Анапесты

1990

* * *

Детских слез пересохшие реки,
Помнит сердце их тяжесть и вкус.
Одноклеточный дом канарейки
Превратился в резиновый куст.

Перемешаны с дробью кирпичной,
Битым льдом и кусками стекла
В биографии куклы тряпичной
Драгоценные крохи тепла.

И в подвале сибирской столицы
Мерзнут в куче гнилого тряпья
Кукла с чучелом комнатной птицы
И голодная мама моя.

Добрый дядя, устроив разруху,
Обглодавшую детскую плоть,
Дай несчастной хоть хлеба краюху
И безрадостной соли щепоть!

Но для падчериц сталинской эры,
 Нелюдимо́й и мрачно́й, как склеп,
 С неба сыплется дождиком серым
 Соль страданий на сломанный хлеб.

24

* * *

Привычный дефицит любви,
 Зато жестокости излишек.
 С крутого берега Оби
 Весна бросала горсть домишек.

Река с безоблачным лицом
 Глотала страшные подарки
 Вслед за отчаянным гребцом
 С перевернувшейся байдарки.

Волна сегодня не в дугу,
 И ветер стриг ее без ножниц,
 И корчились на берегу
 Восторги нескольких художниц.

25

* * *

Город Н. оккупирует иней,
 Укрощая кривую листву.
 Сирота, одержимый гордыней,
 Вопрошает: «Зачем я живу?»
 Бог его удостоит ответом,
 Только эхо ответ переврет.
 Обмер город, обысканный ветром,
 Обнаружив за пазухой лед.
 Застывают навывтяжку вещи,
 Ветер форточки бьет по щекам.
 Мерзнут руки, но сквер рукоплещет
 Проходимцам и временщикам.
 Ничего за душой не имея,
 Кроме мертвой земли и свобод,
 Запускает воздушного змея
 Из трубы сумасшедший завод.

26

* * *

Душу долгим постом истерзав,
 Тело бедное отдали в люди,

И презренье заморских держав
Безразлично для их самолюбий.

Даже небо с небритой звездой
Вечерами трясет от озноба,
Потому что в душе молодой
Стала царствовать черная злоба.

Тучных снов поредели стада,
А цветы превратились в оковы.
Марсиане любить и страдать
За всемирное рабство готовы.

Но чужие слова холодной
С каждым годом встречает природа,
И под тяжестью черных идей
Содрогается тело народа...

Сокращают упрямые лбы,
Как меха у старинной гармошки:
Слава богу, что мы не рабы
И до осени хватит картошки.

И в разрывах октябрьской тьмы
На пути от сумы до тюрьмы
То кабак, то чугунное горе
И горящая шапка на воре.

27¹⁴

* * *

Стартовавший с высокого стога
Над толпой забуддыг и вельмож
Стал искусственным спутником бога,
Но об небо сточился, как нож.

И над крохотной горсточкой праха
Точит маму слеза за слезой...
В сундуке сохранились рубаха
И коробочка с желтой звездой.

28¹⁵

* * *

Город Солнца¹⁶ был сделан на вырост,
Все длинней его черная тень.
Съев траву, ядовитая сырость
Выжигает глаза деревень.

С головою, пустой от мигрени,
Лучше дом свой пушу под топор,
Но на ощупь к ослепшей сирени
Подбирается хищный забор.

Ты о смерти не думаешь, друже,
Разрешая серьезный вопрос:
Эффективней охотничьих ружей
Убивает зверей хлорофос.

У тебя ж не хватает молекул
Для того, чтобы резать отца,
Переделывать реку в калеку,
А веселый ручей — в мертвеца.

Женихов революции юной,
Обобравших родную страну,
Обаяние тени чугуновой
Полстолетия держит в плену.

Так в заложниках ходит живое,
Увлекаясь вином и игрой...
Жутко кости отцовские воют
От тоски из могилы сырой.

Тяжела, как свинец, атмосфера.
Кости плачут, да ветер поет,
И зловеющая тень Агасфера¹⁷
От хозяина не отстает.

29

* * *

Родная душа и чужая природа,
Да в клетке поющий Гомер:
«Работай, учись и живи для народа,
Советской страны пионер!»

30

* * *

Без имени, отчества и языка,
На голой земле постелив телогрейки,
Мы долго жевали бесплатный закат
И пили вино, словно древние греки.

От серого пламени спрятанных звезд
Закат над районом роскошной павлина.

Шатался горбатый Спартаковский мост
Вчера за решеткой осеннего ливня.

В компании с другом, убитым тоской,
Как трудно бродяге во мгле беспредельной
Выдерживать приступ болезни морской,
По мосту скользя, как доске корабельной.

И ночью с мешком голубей в голове,
В любую погоду всегда одинаков,
Дом Грузчиков медленно плыл во главе
Растерзанной в клочья эскадры барачков.

Я шел между ними в тяжелом пальто
Туда, где окошко немеркнущей лампой
Годами терзает меня ни за что,
За то, что родился с душой косолапой...

Но есть, слава Богу, находчивый друг,
Который, истратив последнюю спичку,
На миг освещает дорогу на юг
Для бедной души, превратившейся в птичку.

А утром от птиц набухает лазурь,
И воздух над городом пестр, как газета,
И тысячи душ после комнатных бурь
Из окон летят во все стороны света.

31

* * *

Руки в брюки от холода спрячь,
Потепление будет не скоро.
Красный дом, красный флаг, красный мяч,
Красный глаз на груди светофора.

Ветер дом прожигает насквозь —
Зашаталась державы основа...
Хоть в сосульку меня заморозь,
Не лишай только теплого слова.

У живых повелителей слов
Дым столбом из бревенчатой шубы
С ароматом тропических снов,
И на окнах железные зубы...

У меня ж после жизни взаимы
Проступают сквозь бодрые фразы
Метастазы голодной зимы
Да рубцы от афганской заразы.

32

* * *

Здесь транспорт идет через две остановки,
И сохнет бельишко дешевле веревки,
И злая жена исподлобья глядит,
Как молодость чахнет и бедность смердит.

Здесь дерзкий подросток читает в трамвае
Статьи о барачно-палаточном рае.
Он больше не верит шершавой звезде
И ищет невесту в дворянском гнезде.

Отсюда идет пополнение тюрем,
Из окон, завешанных марлей и тюлем,
Доносятся жалобы вдов и сирот,
Здесь носит ножи запрещенный народ.

За мусорной кучей разбитой игрушкой,
Наохлившись, в сумерках дремлет церквушка.
Навеки забыта людьми и творцом,
С морщинистым, грязным и кротким лицом.

Шныряет сквозняк под родительским кровом,
И ангел планирует в небе багровом,
И клячу истории гонит поэт
Кривляться на сцене своих оперетт.

И тело в согласии с нынешней модой
Расшатано утром безумной свободой,
А в полдень неволей и тяжким трудом
Из кожи с костями построенный дом.

Готовясь за море отплыть из Сибири,
С тоской тяжелее купеческой гири,
Тайга под крылом самолета поет...
Привычно московское радио врет.

Пекутся в издательствах пышные книги,
И звезды срывают с небес прощельяги,
И смолоду копят богатство и злость,
Чтоб Родину-мать бросить псам, словно кость.

* * *

Стоит только ударить морозу,
 Стынут ноги, и свет мне не мил.
 Ревматизм искалечил березу —
 Я ее пожалел и срубил.

Сунул в печку корявое тело,
 Расчленив топором и пилой,
 А метель то рыдала, то пела,
 Губы выпачкав серой золой.

* * *

Если в Авеля выстрелит Каин¹⁹,
 Сразу вырастет лес баррикад,
 И пожары с фабричных окраин
 Превзойдут красотой закат.

Человечество взвоят сиреной,
 Поднимаясь на свой эшафот...
 В кое-как населенной Вселенной
 Без людей будет меньше хлопот.

* * *

Снегопад вероломной атакой
 За сто верст в деревенской глуши
 Жирным сном и прогулкой с собакой
 Ограничил пространство души.

Здесь деревья махают руками,
 И дома продаются на слом,
 И речушка, одетая в камень,
 Забывается каменным сном.

Даже ночью дрожит атмосфера
 От движения каменных птиц,
 Да гармоникой дочь Люцифера
 Развлекает веснушчатый принц.

А букварь тебя до смерти учит
 И на дальней границе строки
 Слышать сладкое рабство созвучий
 В бормотанье уснувшей реки.

День встает, голосист и уродлив.
 В небесах, словно знаки судьбы,
 Каждый дом чертит свой иероглиф
 Разлохмаченной кистью трубы...

За природу становится больно,
 Даже воздух ее не здоров,
 И стоит в тупике треугольном
 Очерстевший от книг Соколов.

Ты, к вину как к железному средству
 Прибежав, напиваешься в дым...
 Пусть тоска перейдет по наследству
 Неродившимся детям твоим.

Над деревней, и сытой, и нищей,
 Серый коршун в туманной дали
 Кружит головы женщинам, хищный,
 Как усы Сальвадора Дали.

Крепость²⁰

Светлой памяти моих родителей

2001

36

* * *

Дай за чистую совесть мне, Бог, тридцать три карбованца,
 Пусть тоска по земле носит в ящике труп самозванца,
 И костлявый октябрь, сняв цветные вериги наград,
 Наконец налегке навсегда эмигрирует в ад.

На осеннем погосте, оставшись без теплого места,
 Микрофлора меняет костюмы и репертуар...
 Для кого ж на органе лесов исполняется месса,
 И из пасти земли поднимается розовый пар?

На окраине, вдрызг надышавшись зловонием свалок,
 Чистит горло каленым железом родной соловей...
 Убивают инфаркты отцов; их чугунную славу
 Стережет для потомков презрительный взгляд сыновей.

Что ты смотришь за долгоиграющим солнечным зайцем,
 Он мелькает по белому полю казенных равнин,
 Ставя резвую подпись ногами под каждым абзацем,
 Словно пухлую рукопись жизни читает один...

И в собрании этом нет правил — сплошные примеры...
 Кто не спрятался в смерти, того посвящает злодей
 В технологию кухонных войн перестроенной эры
 И роскошную термодинамику очередей.

Сколько длинных считалок подряд пробубнит сей пройдоха
 От момента рождения вплоть до последнего вздоха?
 Если тихо задуматься, жизнь — это аэродром,
 На котором Господь без хлопот и пустых церемоний
 Расстегнул на беременной туче вдруг пригоршню молний,
 Чтобы голос подал в небесах новорожденный гром.

37²¹

* * *

Скажи мне, суровый художник Бухаров,
 Откуда ты взялся опасный такой?
 Сто тысяч портретов сердечных пожаров
 Меня обжигают в твоей мастерской.

Пуховым сугробом укрыв подорожник,
 Бог знает: кто гений, а кто дребедень...
 Родился в России великий художник
 В четверг, в декабре, на шестнадцатый день!

Одиннадцать пестрых и злых пятилеток
 Ты, зубы испортив, едва раскусил.
 О, сколько на сердце осталось отметок,
 И сколько напрасно истрачено сил!

Повсюду следы воровства и упадка,
 На небе орнамент готических птиц,
 Всю жизнь вместо дома — барак и палатка,
 И рай гарантируют — водка и шприц...

Ты рано влюбился в себя без корысти,
 Поэтому, двигаясь только вперед,
 Все ярче и яростней думают кисти,
 И краше душа на картинах цветет...

Пока на холсте соревнуются краски,
 В душе продолжают зиять пустыри...
 Пусть звери рычат за воротами сказки,
 А нежные птицы щебечут внутри.

Бывает: неделя идет за неделей,
 Молчанья обет наложив на уста,

Так хочется выразить членораздельней
Сердечную драму в пространстве холста...

Затоплены ливнями наши селенья,
Запрятаны в листьев заржавленный хлам..
Весь мир произведен от воображенья:
И грязный вертеп, и готический храм.

Но звезд отраженных ослепшие рыбы
Устали на теле Оби трепетать.
Как будто ноябрьских сумерек глыбы
На сердце поставили смерти печать.

Не внемли практичному, трезвому бреду:
Талант - это крепость в осаде продаж —
Сдается лишь самым свободным в аренду
За синее небо, за теплый гараж.

Пиши, сколько хочешь, свои сериалы,
Будь телом бессмертен, и духом здоров,
А доллары, марки, рубли и реалы —
Удел проходимцев, барыг и воров.

Блажен депутат государственной думы,
А я, к сожалению, простой гражданин
И не в состоянии крупные суммы
Платить за огонь твоих страстных картин.

Озябнув вдали от садов Палестины,
Забившимся в щель городским воробьем,
Я счастлив, что две твоих красных картины
Меня согревают и ночью, и днем...

День без крошки во рту, и в кармане шаром покати,
Я шатался по городу, бесами сбитый с пути.
Дефицит побратимов, готовых примчаться на вызов,
Холод тело грызет, под ногами хрустит бурелом,
И недобрые люди предместья с мешками сюрпризов
Стерегут свои жертвы упорно за каждым углом.
Даже с пьяной шпаной я сегодня искал примиренья,
Но вчерашних обид бушевали во мне привиденья,
Прутья клетки грудной методично расшатывал тигр,
Из глухого окна по ошибке кричала сирена...
Надоело быть пешкой чужих политических игр,

Только сердце привыкло к цепям добровольного плена.
 С трех сторон обступая, душил меня каменный лес,
 Опрокинув на голову бочку дырявых небес.
 В небесах полыхали вкрапельня таинственных знаков,
 Сном, вином и любовью взаимны искушал меня змей,
 Да царапали сердце кряхтенье и кашель барачников,
 Вспоминающих праздники коротко стриженных дней.

Мне хотелось обшарить мышиные норы вселенной,
 Или вместе с ахейцами²² плыть за прекрасной Еленой²³ ...
 Обращаясь с мольбой к самодержцу небесных палат,
 Жгу сейчас малодушно, осенним облив керосином,
 Что любил, ненавидя, и в чем был кругом виноват:
 Расстели самобранную жизнь перед сукиным сыном!

Только вдруг оказалось: я потной стеной окружен
 Незаконных детей, молодых и покинутых жен...
 Городское пространство взбуррилось шагреновой кожей²⁴:
 Чем сильнее себя любишь, теснее родной материк...
 На Спартаковский мост выхожу становиться моложе,
 Но мешают пройти баррикады из каменных книг.

39

* * *

О, как рассказать о мытарствах души неуклюжей
 Измученной жизнью и смертью безропотной твари,
 В которую делится вечность из тысячи ружей
 И в каждом углу стерегут миллионы аварий?
 Кто часто в метро до Студенческой станции едет,
 Тот город родной, словно песню без слов понимает,
 И будущим царством зимы круглосуточно бредит
 Душа от рождения полностью глухонемая...
 Другой убежден: небоскребы баракам — не ровня,
 Но так до тех пор, пока вместе не выпили литра...
 На крестном пути все равно попадетса часовня,
 Там Богу доступней из русского сердца молитва...
 У рынка подруги и жены прикованы к сумкам,
 А ты возвращаешься в вуз по центральному парку,
 И кружится лист с удивительно нежным рисунком,
 Ужасно похожий анфас на немецкую марку.

40

* * *

Надоело мне пьянство, и самоубийство не ново,
 Да к тому же на бюст не хватает металла цветного.
 А в окрестностях тела, в пространстве для муз бесполезном,
 Расцветают строенья, покрытые ржавым железом.

А за ними на поле, комбайнами плохо побритом,
 Между серой деревней и рощей порочных берез
 Разбивается парк игровой и пейзаж с лабиринтом,
 Где весь бедный народ заблудиться обязан всерьез.
 Лишь посмотришь вокруг и рыдаешь всю ночь, как белуга...
 То сидим в обороне, то врага атакуем в штыки,
 А потом выясняется: мы убиваем друг друга,
 Нас за каждым углом с нетерпением ждут тупики...
 Ах, мой терем богатый, семь пятниц на каждой неделе,
 Ни единого гвоздика нет в твоём праздничном теле.
 И летят кувырком, разбиваясь об крепкие своды,
 И снега, и дожди, и бессмысленный лозунг свободы...

41

* * *

Корчится ль рубль в кошельке с мелочишкой,
 Просит ли каши разбитый башмак...
 Кто себя чувствует вечным мальчишкой,
 Стать уже взрослым не сможет никак.

Лысый в очках, сам себе не хозяин,
 Маску однажды сдерет мудреца
 И пронесет от Москвы до окраин
 Гордое, красное знамя отца.

42

* * *

Люблю, когда мысли стремглав разбегаются в стороны
 И сразу срastaются с первой попавшейся вещью.
 Мой старый пиджак, у которого локоть разорванный,
 Теперь иллюстрирует злую судьбу человечью.

И рыжий парик ивняка, и туман возле берега,
 И шпиль телебашни, пронзивший небесное око...
 Осенние птицы страшнее, чем мессеры Геринга,
 Пикируют стаями в фильме Альфреда Хичкока²⁵.

Покой только снится, а в жизни сплошные сражения:
 Душа перед гибелью тела тоскует о духе...
 Ум, занятый сладкими играми воображения,
 Страну оставляет на откуп ползучей разлуке.

Хрустит под ногами стекло, затянулась агония,
 Спит сердце в гнезде среди нежных тенет фимиама...
 Увязнув в цветущей пучине страстей беззакония,
 Неужто забудем дорогу до Божьего храма?

Двуногое в перьях во тьме закричит кукареку,
И звери домашние станут от голода выть,
С кисельного берега брошусь в молочную реку,
Заранее зная, что мне ее не переплыть.

В такие мгновения все вспоминается снова:
Короткие слезы от дыма затопленных бань,
Тяжелая, нежная пыль большака продувного,
Где сбоку сложил свои ржавые кости комбайн.

Блины да картошка и злая заморская сказка,
Лай уличных псов под лучом одноногой луны,
И кажется, будто тевтонские рыцари в касках,
Висят на заборе кастрюли, пимы, чугуны...

Крути-не крути, мы продукты крестьянской работы,
Что б ни говорили о наших корнях доброхоты.
В родимой деревне, где в каждом окне по цветку,
Внутри кукареку поют, а снаружи — ку-ку.

Пусть каждый земляк будет в новую жизнь переизбран,
Но первыми встанут из гроба отец мой и мать...
Всего за три сотки души поклонюсь в ноги избам
И вновь в опустылевший город уйду умирать.

Средь шумного бала рассыпался жизни горох,
Вареный в котле сумасшествий, интриг, суматох...
Будь тверд и решителен: ты настоящий мужчина,
Мышь времени жесткое мясо прогрызла до дыр,
Бог умер, поэтому ты сам себе командир,
Но не соблазняет уже городская пучина.

А раньше мгновенно разгадывал ребусы лиц,
Когда с вождельем смотрел из-за черных кулис,
Как в центре бьют гейзеры денег, вина и веселья,
И музы за час вдохновения требуют мзды,
И в небе все ярче сиянье фальшивой звезды...
Мне больше не хочется пить ядовитого зелья.

Подростком стоял в подворотне ни жив и ни мертв,
Но дым над горящей помойкой был слаще, чем мед,

И падшая женщина ночью казалась царевной —
 Дарил ей цветы, воспевал, засыпал возле ног,
 Шел в грязный подвал, превращенный в роскошный чертог,
 Пока мое солнце цвело за решеткой тюремной...

Хотелось проесть меблированный космос ума,
 Но грозно блистала чешуйчатым телом зима,
 С лица моего соскоблившая честные очи —
 И в прошлом, и в будущем стало не видно ни зги:
 Ни звезд, ни зернистого моря, ни душной тайги,
 Бесследно исчезнувших в ветреном хаосе ночи.

Я спрашивал каждого встречного, как тебя звать,
 Ведь страх поддается желанью не верить, а знать.
 В алмазных когтях января задохнулась округа,
 Квартира похожа на кладбище мерзлых вещей,
 А в сердце зияет и свищет ужасная щель,
 Но сотни миров сквозь нее обнимают друг друга.

Опасней убийства в любви либеральный ликбез
 Во мраке скрипящих пружинами комнатных бездн...
 Очнувшись от счастья, как дикие звери завоем,
 И в здравом уме, даже если ты доктор наук,
 Задушишь ребенка и высосешь кровь, как паук,
 Когда вдруг отечество быть не прикажет герою.

Лишь Богу любовь посчастливилось видеть живьем,
 И рак на высокой горе не свистит соловьем,
 В душе обмелевшей рождаются чувства кривые...
 Не каждый в любви открывает себя, как Колумб,
 Снимая ночной урожай с расцветающих клумб,
 И жаль, что не мы полюбили друг друга впервые.

* * *

В. Берязеву²⁷

Два тополя в клетке октябрьского сквера
 Обходит на цыпочках пара зонтов,
 Нахмурившись, сморщила лоб атмосфера —
 Мой верный товарищ, к любви будь готов.

Давай повстречаемся без церемоний,
 Погрузим друг в друга большой листопад:
 Эол растянул километр гармонии
 И песню заводит как уличный бард.

Реки засверкала хрустальная ваза,
 В ней спит кораблей заржавевший букет...
 Вдруг наши четыре испуганных глаза
 Ослепли от впившихся в небе ракет.

Оранжевых кружится несколько тысяч,
 А желтые листья нельзя сосчитать,
 Друг в друга губами беспомощно тычась,
 Друг друга не можем никак дочитать.

За что мне с тобою такая награда:
 По серому воздуху вместе лететь...
 Пусть весело плещет на улицах града
 Народный ручей, обмелевший на треть.

46²⁸

* * *

Разбуженный дважды клаксоном души петушиной,
 Я с телом, казавшимся твердой воздушной машиной,
 Покуда терновый венец еще не был сплетен,
 С трудом притащился туда, где прославился Он.
 Волнуясь, размахивал сучьями сад Гефсиманский,
 Засыпано небо колючим толченым стеклом.
 И месяц, глядящий сквозь прорези облачной маски,
 Следил за интригой, гадая, что будет потом.
 Светало. Туман выползал из глубоких обочин,
 А Он был готов, пока спали Завета столпы,
 К пеленам плевков и ожогам плебейских пощечин,
 От жадной до зрелищ к Голгофе текущей толпы
 Слова неуклюжи, беспомощны лучшие краски...
 Он не был отцом, никогда не пьянел от вина,
 Не чувствовал судорог женской болезненной ласки.
 А в будущей жизни, скорей всего, нет ни хрена.
 В рассыпчатом мире оставивший минимум правил,
 А собственной жизни роман прочитавший на треть...
 «О, Господи, Отче, меня на кого ты оставил?
 Кому нужна жертва сия, ради Бога, ответь?»
 Что вытерпел Он от Себя не приснится Иову,
 Ужасная тайна гнетет тяжелей, чем свинец...
 Какая большая охрана приставлена к Слову:
 Откроешь последнюю букву — и будет конец.

На скотном дворе пахнет свежей махоркой,
 В субботу в деревне раздолье для бань...
 Товарищ, пожалуйста, спину пошоркай!
 Отдай нашей дружбе посильную дань!
 В предбаннике ватника светит порфира:
 Родная природа — твой лучший портной,
 А женское тело нежнее зефира
 И слаще становится после парной...
 Как только с тобой мы окажемся вместе,
 Так сразу же я уже будто не я,
 И вроде бы все остается на месте,
 В шум жизни вторгается гул бытия...
 И выглядит праздничным лес винторогий,
 Он больше не кажется фабрикой дров,
 Для чувства чудесного нет аналогий,
 Но звуки и краски беспомощней слов...
 Любовь — это тайна; язык человеческий
 Бездонное, темное зеркало тайн...
 Будь прокляты радио тусклые речи:
 Они наши чувства стригут, как комбайн...
 Ударим об руку горбатым стаканом,
 И мебель качнется как роца в грозу,
 Останется все остальное за кадром,
 И титров, конечно, не будет внизу.

Зачем деревья, снявши маски,
 Предупреждают горожан?
 К ним через скверик первомайский
 Протянет щупальца буран...
 Напасть на центр бездорожья,
 Разбушевавшихся стихий...
 Должно быть, это воля божья,
 И наказание за грехи...
 Из снега выстроена арка,
 Рой бесов вьется над землей,
 Сугробом стала иномарка,
 А вьюга — смесь ежа с змеей...
 И человек — мешок предательств
 И лжесвидетельств чемодан,
 Цепляясь за углы издательства,
 Шатался, пьяный вдрабдан...

Он, радостей вкусив досьга,
 Идти не может ни хрена,
 Но помнит твердо: не допита
 Еще бутылочка вина...
 Исчез бордовый кубик банка,
 Новосибирск, увы, — не Крым,
 И ты бредешь, как иностранка
 Сквозь снег по улицам родным.
 Ночь расцветает, как шиповник,
 Морозец лоб и щеки жжет,
 И в зеркале ума — любовник,
 А дома муж противный ждет...
 Чтоб утром выглядеть моложе,
 Не пожалеешь ни черта.
 И каждый день одно и то же:
 Работа, дети, нищета...
 Взвод ангелов на электричках,
 Без документов вечный жид...
 Душа у Бога на куличках
 Цветными фибрами дрожит.

49³⁰

* * *

Покажется вдруг: у меня — не мозги, а солома,
 И жизнь — не у моря пикник, а колхозный базар,
 Мы движемся, словно мишени для молний и грома,
 И на голове у подруги бушует пожар.
 Навстречу попалась, похожая на попугая,
 С коробкой конфет и букетом оранжевых роз...
 Откуда идешь и куда, расскажи, дорогая?
 И хвороста сколько пошло на растопку волос?
 Она улыбнулась, открыв разноцветные зубы,
 Один из зубов на закате блестел, как ружье,
 «А волосы мне за любовь подожгли душегубы.
 Горящие волосы — это проклятье мое!»
 Свет женских волос, безусловно, сильнее лучины,
 А жизнь, как посмотришь вокруг, непробудная сонь,
 В постели со мною, как порох, сгорают мужчины,
 И вечером бабочек стаи летят на огонь...
 Напротив картинной расстался я с ней галереи,
 Там много портретов, мне ж дорог один натюрморт,
 Его написал живописец из Южной Кореи,
 Он больше всех женщин любил физкультуру и спорт.

* * *

Ю. М.³¹

Снег мандариновой пахнет до слез кожурой...
 Дай мне уснуть, ради Бога, ворона, не каркай!
 С листьями клена смешавшись, летит над горой
 Сор сновидений сожженных души кочегаркой.

Ревность друзей на меня возводила поклеп,
 Двери подъездов в восторге скрипели, как скрипки,
 Хлопали ставни, а трубы рыдали вздохом,
 Ветер сморкался в платок от предательства липкий.

Суп моей жизни для женщины слишком густой...
 Бросив меня, словно осенью в погреб картошку,
 Ты будешь в свете блистать молодой красотой
 Есть детективы, ласкать черно-бурую кошку...

Пусть в твоей рюмке катается мятный ликер,
 Будят шум теплого моря и запах магнолий...
 Я в твою тихую гавань ворвусь, как линкор,
 «Здравствуй, — скажу, — наливай. Это я, Анатолий!»

51

* * *

Дождь в дружбе с молнией и громом,
 Одетый в темно-синий френч,
 Плясал и плакал перед домом
 Во время наших поздних встреч.

И старый дом стоял безмолвный,
 От страха белый, словно мел,
 А в стекла били стрелы молний,
 Ревела буря, гром гремел...

Гром сыпал страшные проклятья,
 Катился шар собачьих драк,
 Но в складках сброшенного платья
 Спал заблудившийся сквозняк.

Открылись вдруг такие дали
 Во тьме ночной, ясней, чем днем:
 В пространстве нежности летали,
 Как птицы, мы с тобой вдвоем.

С соседом жена заведет шуры-муры,
 И день после этого вырастет хмурый,
 На небе пугает отсутствие птиц,
 Ах, Боже ты мой, почему я не принц?
 В стране дураков разыгрались метели,
 Надул свои толстые щеки Борей —
 Дрожат дураки, словно мухи в коктейле,
 Обняв ледяную гармонь батарей.
 Им снятся субтропики, бани, жаровни
 И лебедь на Красном проспекте часовни...
 Замерзли чужие слова на губах
 «Мы ржавые листья на ржавых дубах,
 Чуть ветер, чуть север, и мы облетаем...»
 На улицах запах картошки с минтаем,
 И кислой капусты царит аромат
 В насупленном царстве кирпичных громад.
 Скажи: неужели мы больше не братья,
 Прекрасный цветок нашей дружбы засох?
 Ты слушаешь шорохи женского платья,
 И копишь валюту и желтый песок.
 По правую руку — огромная свалка,
 По левую — еле живая река.
 Гордишься собой, а минувшее жалко?
 Короткая память — удел дурака.
 Уже языки растеряли артикли,
 В труху превращаются бронза и медь.
 Дружок, мы дурачиться слишком привыкли,
 Давно наступила пора поумнеть.
 По улицам ночью гуляют бураны
 И в окна часами глядят как бараны...
 Ты телом, и духом пока невредим,
 Из этого мира давай улетим.
 Сегодня, сегодня, покамест не поздно.
 И мы поднимаемся вверх грандиозно.
 И мы пролетаем каре гаражей,
 Дрожит в гаражах легион сторожей
 И смотрит наружу из узких отверстий,
 В тоске ожидая чеченских диверсий...
 Снег пахнет приятней, чем одеколон,
 И памятник Ленину бродит в буране,
 И оперный грозен с клыками колонн,
 Как только задержат зарплату охране.

* * *

Я с тобой одной, товарищ, крови,
 Не грозят нам свинка и рахит,
 Пьем за вазы черных глаз коровьих
 В обрамление елок и рахит...
 Птица икс отправилась за море,
 Пусть ей снится старое гнездо,
 Птица игрек, сидя на заборе,
 Кроет ее матом от и до...
 Зарастают стежки и дорожки,
 Лес в тумане, вязкий, как творог,
 И коровьей высохшей лепешки
 Аромат струится из-под ног.
 Сложим в копны травы полевые,
 Пересядем в сани из телег...
 Над Россией вечно, как впервые,
 В кольца вьюга скручивает снег.
 Супермаркет: фауна и флора
 Крепко упакованы в фольгу...
 Спи, деревня — кузница фольклора
 В вечном перед городом долгу.

* * *

Ночь в феврале на центральную площадь вползла,
 Мертв забинтованный снегом забор из скульптур.
 Кто объявил, что они воплощение зла?
 Кто наследил на снегу? То ли бык, то ли тур³².

Кашляет двигатель в белом маршрутном такси,
 Горе мое обмотал кашемировый шарф...
 Знаешь, живется кому хорошо на Руси?
 Надо с ним выпить шампанского на брудершафт.

Города пышный пирог режет Красный проспект,
 Только закусывать жутко в чаду голубом,
 Если еще не попал под влияние сект,
 Станешь газетным чтецом или телерабом.

Если тебе повезет, будешь фотомоделю,
 Если же нет — то в коммерческий сядешь киоск,
 В мире уже не осталось свободных земель,
 Круглые сутки привыкнешь сосать карамель,
 Скука и пошлость сожрут потихонечку мозг.

Утром звезда над Спартаковским вянет мостом,
 А под мостом стережет металлический змей.
 Смотришь в окно на пустырь, а потом щи с котом,
 Мысли о смерти, но лучше не думать о ней.

Ехать бы в поезде «Новосибирск — Кулунда»
 В общем вагоне пятнадцатилетним бомжом...
 Жизнь, как посмотришь внимательно, — сплошь ерунда,
 Раньше пил водку, сейчас уже только «Боржом».

И телевизор ужасно походит на шприц
 С правого берега, если на запад глядишь,
 Нет самолетов, нет ангелов, нет даже птиц...
 Только упорно скребется под ребрами мышь.

55

* * *

Мечется тридцать панамок в детсадике,
 Кажется, Гилельс приехал в детгиз³³,
 Градины сверху летят как десантники,
 Площадь заполнили россыпи гильз.
 Из легкоплавкого нежного олова
 Делает пули небесный кузнец,
 Тысячи снайперов целятся в голову...
 Пять попаданий — и верный конец!
 Бойся открытой за городом местности,
 Бесы вверху соревнуются в меткости,
 Кто из них будет, скажи, чемпион?
 Бьющихся стекол пленителен звон...
 В городе Н. начинается паника,
 Град выбирает мишень наугад,
 Травмы на совести Бога — механика,
 Вдруг запустившего бурю в прокат.
 Дьяволу нужен сюжет в кинохроники,
 Он производит с Всевышним расчет.
 Тысячи дятлов клюют подоконники,
 Быстро рассада предательств растет.
 Жаль, на бульваре погибли растения
 Вытоптан в центре роскошный цветник...
 Буря настроит нас на размышления
 Лучше всех философических книг.
 Нету в природе счастливой обители,
 Рай гарантирует только дурдом,
 Модны в Совдепии самомучители,
 Сладкая парочка — с молнией гром.

Все страстотерпцев коварные происки,
 Им жить привычно во мгле и во зле...
 Пусть мое тело хоть в Скотопригоньевске³⁴
 Люди сдадут на хранение земле...

56³⁵

* * *

Себя вспоминаю в палате районной больницы:
 Кудахчет за окнами дождик с утра до обеда,
 Вороны всю ночь до утра продолжают браниться,
 По небу большой самолет пролетел, как торпеда...
 Четыре собаки воюют за роль приживалки,
 У птиц то ли свадьба идет, то ли только помолвка,
 За окнами двор живописней закаменской свалки,
 А если сказать по-простому — сплошная помойка.
 Готовый на все для спасения собственной шкуры,
 (Болезнь — это кара Господня и строгая школа)
 Сажу на диете, хожу принимать процедуры,
 Но главное зло — в ягодицы четыре укола...
 Я выпишусь самым здоровым отсюда к апрелю
 И сразу же честный портрет напишу акварелью
 Своих настроений и страхов, обид и фантазий,
 И в жизни не будет уже никаких безобразий.

57

* * *

Вдруг звон колокольный с звонками пустого трамвая
 Смешались с гудком из холодного горла реки...
 Я сплю, и летает по комнате мама живая,
 И стелит по полу лоскутные половики.
 И бабушка, в гости приехав, вздыхает, не плачет
 Молитву творит и у Господа просит: прости.
 Десяток яиц в узелке и пшеничный калачик
 Для внука она сберегла, голодая в пути.
 Повяло влажным теплом из добротного хлеба,
 И вспомнил вкус черных картошин из недр чугуна,
 Корова стояла там гордая, как королева,
 Под нею на корточках благоговела страна...
 Молчит Богоматерь с младенцем на темной иконе,
 Преследуют страхи в последние ночи и дни:
 Ужели засохли мои деревенские корни,
 Ужели в деревне совсем не осталось родни?
 Ужели и я, расцветавший в стране нелюдимой,
 Любивший и преданный бывшей женой за авто,
 Как легкий листок, оторвавшись от ветки родимой,
 Лечу в неизвестность, лечу, превращаясь в ничто?

Молчи, не мычи с хомутами печали на шее:
Холодная печка в избе, и не светят огни...
Мы стали разборчивей, жестче, хитрей и умнее,
Но так бескорыстно не можем любить, как они.

58

* * *

Худая ночь сгущается под крышей,
Свет зажигают в доме нерадивом,
Мой сын в обнимку с кошкой бело-рыжей
Вдруг замирает перед объективом.
Остановись, мгновенье, ты прекрасно!
Как фотовспышка вздрогнула зарница...
Прекрасное всегда однообразно,
Коль надоест, захочешь застрелиться.
Я, разгрузавший месяц слова гравий,
Запечатлен для завтрашних известий...
Сдирает зависть кожу с фотографий,
Осуществив слепую жажду мести.
Злит щебет птичьей пишушей машинки,
И химзавод дымит, как сигарета,
Деревья разбросали фотоснимки
Живого своего автопортрета.

59

* * *

Мы, каракули Бога, пытались себя прочесть,
Но чем дальше, тем толще беспомощной жизни тетрадь,
И на первых страницах уже неразборчивы строчки...
Тесно диким словам на просторах трехспальной стопы,
А домашние мирно пасут капитанские дочки
За спиной в политической буре кипящей толпы.

Слуги бело- и краснокирпичного нежного тела
Не забыли, хоть жизнь на три четверти в смерть улетела,
Обжигавший зрачки электрических окон пунктир,
Да метели шершавый язык, обдирающий щеки...
До свидания в будущем, рай коммунальных квартир,
Где хрустели дешевым вином и учили уроки.
Сторож собственной дури, игрушка заморских забав,
Не дыша, не любя, еле-еле просуществовав.
Между тем доморожденным счастьем и купленным этим,
Начинаешь шептать «лимонад», «шоколад», «пастила»
И облезую кроличью шапку ломать перед третьим,
И трясти перед ним головой из цветного стекла.

Помогал мне барак засыпной, маргинальный барашек,
 Накопить в голове миллиард разноцветных стекляшек,
 Не украсть, так украсить цветами районный сумбур,
 Там, где царствует хаос прямых и изломанных линий...
 Но посмотришь однажды из узких глазных амбразур,
 Как заплеванной скверик вдруг хвост распускает павлиний,
 И в душе моей мрачной становится сразу светло,
 Когда город глядит на нее сквозь цветное стекло.

После рюмки кагора над родиной небо в алмазах,
 И цветы на пуховых плечах и пирожные в вазах.
 В кошельке громыкает остаток артельной казны,
 Но в бутылки с бордовым вином не осталось ни грамма,
 И ободранных луковиц пару в проемах глазных
 С жутким скрипом вращает весеннего дня панорама.

60

* * *

В землянках стряпают оладьи или драники
 С корой берез и запахом полыни...
 Петр Чаадаев говорил: мы странники —
 Хранятся в душах русские святыни.
 Нам сроду чужд пьянящий запах выгоды,
 И гомон рынка с детства ненавистен...
 У нас не созревают даже выводы,
 Возвышенный обман дороже истин.
 Висит угроза самоистребления,
 Нет чистых рук для исполненья Слова,
 Но светят три божественных волнения,
 Запечатленных гением Рублева.

61³⁶

* * *

Ю. Мазуренко

Мне солнце неделю казалось несбыточным благом,
 И тело терзал неожиданный острый мороз,
 Глаза небеса вытирала морщинистым флагом,
 А к вечеру флаги буквально сверкали от слез.
 Вдруг дождь неожиданно выстрелил снежною дробью,
 Пока облака кувыркались над сморщенной Обью...
 Возникло желанье напиться, вдохнуть хлороформ,
 Я чувствовал кожей: вот-вот разыграется шторм,
 Тогда содрогнутся отцов молодые надгробья,
 И будет любимая мама глядеть исподлобья,
 Жена прекословить и требовать дочка реформ...

Кончается лето. Сентябрь. Жене тридцать два,
С болтливых деревьев летит золотая листва.
Мой замок панельный сегодня прекрасен и жалок,
В нем радостно жить, прожигая чужие часы...
Среди гаражей с погребками и мусорных свалок
Пролаяли душу насквозь беспризорные псы.
По небу летают и каркают злые амурсы,
Мечтаю захлопнуть навек своих глаз амбразуры.
Живи, как захочешь, моя дорогая жена,
Послушай, как глухо вздыхает герой пятилетки
И тычется в стены бетонной двухкомнатной клетки,
И нянчит под черепом тени вчерашнего сна...
Хотелось примерзнуть зрачком к твоему фотоснимку,
Где звонко смеешься с лохматым медведем в обнимку...
Походам в леса за грибами объявлен конец,
И дачных восторгов с трудом докрутилась пластинка...
Боюсь: обернется скандалом, разрывом сердец
Свидание кроткой Сибири и дикого рынка.

Кто вздрагивал в мирное время при каждом звонке,
Рвал старые связи и двери держал на замке,
Но в шубе сосновой спешил на свидание с вьюгой,
И думал: в любви перелетной какая корысть?
Чтоб днем перед публикой хвастать красивой подругой,
А ночью лить слезы и жесткие простыни грызть?
Забудет богиня из цементных недр Искитима,
Уйду, с головою закутавшись в облако дыма,
И сердце порадуя рюмкой крутого вина:
Меня не обманет теперь никогда новизна...
Быстрее сгорает сегодня моя папироска,
И лит круглосуточный рай за решеткой киоска.

Когда я глаза поднимаю от каменных книг
И в зеркале вижу: кривляется полустарик,
Одно из отродий святого народа-неряхи...
Он снова у старшего брата качает права
И требует выжечь глаголом напрасные страхи,
Которые шлет опереточный город Москва.

Сыграй на трехрядной гармонии уездный Гомер,
Невинные души спасая от хищных химер...
Сберечь на похмелье просроченной юности крохи,
Вчистую истратив бывшие богатство и мощь,
Стремится страна на закате советской эпохи,
Впиваясь в зеленые губы бутылочных роц.

Пока на дорогах не выросли за ночь сугробы,
 Пока еще льется в стаканы вино, а не яд,
 Отпразднуй с друзьями явление осени, чтобы
 И за морем знали, как здорово пьют и едят,
 Очистив карманы и души от мелочной злобы,
 В столице Сибири счастливые дети трущобы.

Но сердце болит после буйных пиров и охот,
 О них без ошибок сумел б рассказать Вальтер Скотт.
 Я первым лицо свое вымажу бронзовой краской,
 Когда, зародившись в коричневом сердце равнин,
 Штурмуют Европу приливы тоски азиатской
 И новой войны надувается пышный павлин.
 Нырнув на прощанье в пленительный хаос квартиры,
 Вчерашние дети и кухонных войн дезертиры
 Уходят в пучину размолвок и драк мировых:
 Их мучают стоны гитары нетрезвого барда
 И манит богатым огнем золотая кокарда,
 И греет слепая надежда остаться в живых,
 Но тех, кто остался, кусает инфаркт миокарда...

Довольно вариться в крутом кипятке перемен —
 А может быть, лучше к нему отнестись как спортсмен,
 Двадцатому веку под занавес сделав подарок
 В обмен на гнилое тряпье и фальшивую дичь...
 На Родине вольно пасутся стада иномарок —
 Пора их зеленую шерсть пулеметами стричь.

62

* * *

По минному полю любви запоздалой
 Идущая кажется самой усталой
 Из стаи соперниц — ревнивых подруг
 Под музыку долгоиграющих вьюг.

За ней, пока дремлет нетрезвый охранник,
 Ногой попирая асфальт, по пятам
 С толпой отшумевших парадов и паник
 Шел памятник грозный, как гиппопотам.

А рядом тащился угрюмый подросток
 В кургузом пальтишке из шахматных досок.
 Под северным небом он сильно продрог,
 Пылает в душе его хворост тревог...

Казалось, еще молодой пролетарий
И каждое утро стоит у станка,
Но чувствует трепет грудных полушарий
Сквозь тонкую вязку ее свитерка.

Дуй, ветер — любви беспощадный свидетель,
Слепой от рожденья и глухонемой!
Срываются двери и форточки с петель
И листья с ветвей перед каждой зимой.

Закружатся дервиши в танце старинном
С глазами под шапкой дырявых волос,
Покрытые медью и ультрамарином,
Хотя еще даже не грянул мороз.

И варит при свете небесных жемчужин
Сугробы рассыпчатой каши метель...
Любовники зим, собирайтесь на ужин,
На черный с бензиновой гарью коктейль!

Хрустит под ногой изумруд стеклотары,
У желтого месяца профиль кривой,
Машины пронесятся, выпучив фары,
Покорные зову судьбы легковой.

Попробуй забраться в глухую аллею,
Пока этот мир еще черт не побрал,
Под сенью деревьев понюхаем клею,
Погрузимся в самозабвенье, в астрал...

Любовь безобразно похожа на мину,
Готовую вдребезги мир разнести,
Пусть каждый уносит свою половину.
Другой посылая «прости»...

Ах, как мне хотелось влюбиться с разбегу,
К губам параллельным приклеить свой рот,
Блуждать, как бомжи, по глубокому снегу
От первой звезды до последних ворот.

Ты семьдесят зим меня нежил в неволе,
Повесив на стену ковер хризантем...
Зачем теперь гонишь на минное поле
И мучаешь призраком счастья зачем?

* * *

Стережущие небо на родине хмурой
Палисадник с березой, изба-инвалид...
Городская душа под бревенчатой шкурой,
Как чужая собака ночами скулит.

Изготовлю божка из сырого полена,
Крепко спит вся родня до седьмого колена:
Заслужила у Господа вечный покой
Безразмерной работой и темной тоской.

Незаконные звезды на небе сияют,
Только темные люди об этом не знают...
В рай плывут на подземных ладьях земляки,
На сухие глаза положив пятаки.

И чудовище с носом, торчащим снаружи,
Вышив полную кружку декабрьской стужи,
Дышит каторжной грудью и шлет домовых
Мучить деток, от морока еле живых.

64

* * *

Утро. Ум вязнет в густой простокваше.
Невыносима герань на окне.
Слышу соседа-курильщика кашель:
Он похмелиться приходит ко мне...
Я, неприступный, как терем девичий,
Буду спросонья невежлив и дик,
Если отброшу лохмотья приличий,
Вынесу раннему гостю вердикт:
Ты уходи подобра-поздорову:
Я по утрам сам с собой незнаком...
Мама уже подоила корову —
Хочется чаю с парным молоком...
Если приходят неожиданные лица,
Может случиться ужасный курьез:
Вдребезги сердце от счастья — разбиться,
Зоркие очи — ослепнуть от слез...
Сделаю вид, что весьма благодарен,
С ним поделюсь калорийным меню.
Гость мой незванный — сибирский татарин,
Злая преамбула к новому дню.

* * *

Ты вдруг налетишь на меня, как осенняя буря,
 Мою одностенную жизнь отправляя на дно,
 То злобно ругая, то тихо со мной балагурия,
 Умелой рукой разливаешь в стаканы вино...

А мне экзотическим кажется этот напиток,
 Я пью с отвращением сладкий продукт твоих чар
 С голодной от ревности пригоршней черных улиток,
 И хмель ударяет мне в голову, как янычар.

Из всех кавалеров в дни оптовой купли-продажи
 Особенно нежными будут любовники зим.
 Поэтому ты на лице не меняешь пейзажи,
 И выберешь ткань для нарядов — туман или дым.

Как мы осторожны, пугаясь огласки и света,
 Нам стыд дальноточный дополнит сверхточный инстинкт...
 По сердцу стреляет октябрьской ласки ракета,
 Но русское сердце в хрустальных чертогах грустит.

Пусть чувства корчует десница осеннего ветра —
 Посмотришь, а в окнах: равнины, как кости, белые...
 И буря в груди рвет и мечет чертеж геометра
 В деревни глаза голубые и полные мглы.

Покрытые пылью от демисезонных бомбежек,
 Приснятся случайно тебе Хасавюрт и Шали,
 Но лица героев, что вырезал памяти ножик,
 К глазам твоим за ночь уже навсегда приосли.

Под лампою ангелы кружат и ползают гады,
 И жизнь на бумаге течет без курьезных помех...
 Когда я ловил на тебе восхищенные взгляды,
 Души дирижабль поднимался от гордости вверх.

* * *

В кирпично-панельном кроссворде советской эпохи,
 Наверное, каждый разбойник в душе — соловей,
 И я бы запел, только знаю: дела мои плохи,
 И новому племени скучно без песни своей.

В соленых глазах плоский ужас газетной чахотки
 Пивного киоска потомственный нес крепостной...

Как мне ненавистны продажные ласки красотки,
 (Случайные связи прочнее тюремной решетки),
 Но мучает жаждой меня политический зной.

Октябрь пестрогрудый приветствовал голосом нежным,
 Любовь обещаая, дарил мне стеклянные сны,
 Воздушные замки чертил и крылом центробежным
 Стирал их небрежно: они никому не нужны.

Багровые пятна испортили плащ патриарха,
 Полки насекомых его зачитали до дыр,
 Свечою сгорит на лугу триумфальная арка,
 А к вечеру Жуков проплет свой парадный мундир.

Уже ничего не осталось у Родины бедной,
 На совесть и честь у рассудка большой аппетит...
 С какой высоты эта женщина кажется бездной,
 Душа разорвется, покуда до дна долетит.

С прекрасно-холодной картины Дали Сальвадора
 Пока еще сыплется время, упорный комар,
 Лети изо всех своих сил, не жалея мотора,
 И, высосав кровь, прекрати этой жизни кошмар.

* * *

Люди любят отруби и жмых,
 Звуки томно-нежного мычанья
 В розах твоих раковин ушных
 Вместе с песней умного молчанья.
 Почему художник глух и нем,
 Кухонно-кафейные витии?
 Миллионы музыкальных тем,
 Пропадают на периферии...
 Расцветают нотные значки
 В сне, в траве, колесами измятой,
 Ты их жизнь сквозь толстые очки
 Наблюдаешь, словно соглядачай.
 Слишком много времени и карт,
 Как шестерка в стершейся колоде,
 Бродит беспризорный музыкант
 В чаще заковыристых мелодий.
 Разве не испытываешь шок,
 Следуя промышленной ложиной,
 Если каждый встречный пастушок
 Стих пасет кнутом и матерщиной?

С черствым пряником бывшей жены,
 Перешедшей во власть сатаны,
 Пережил я души разоренье,
 Но свободней и легче дышал,
 Потому что никто не мешал
 Бормотать свое стихотворенье...
 Решено было: только усну,
 Как жена у окна закукует,
 Прокукует родную страну,
 Но под юбками копит казну
 И в разнос моей жизнью торгует.
 Словно кошка, не помня родства,
 В дом жена липкий дух воровства
 И предательства приторный запах
 После клятв и признаний в любви,
 Сберегая под юбкой рубли,
 Вечерами приносит на лапах...
 Я проснулся в холодном поту:
 Вдруг не пряник, а камень во рту,
 Оглянулся вокруг и заметил,
 Что зрачок мой сосет пустоту,
 А в душе вместо пламени пепел.
 Метр за метром в семейной стране
 Оккупируют мрак и пустыня,
 Нет спасенья в войне и в вине,
 Имя Бога сегодня в цене,
 Но торчит, как заноза, во мне
 И молиться мешает гордыня.
 Так проспал я, слепой ротозей,
 Крах семьи и разрыв биографий,
 А жена покупает друзей,
 Превращает квартиру в музей
 И смеется со всех фотографий.
 И поверженный, как Прометей,
 Без жены, без семьи, без детей
 Я служил самому себе пищей,
 А жена за три дня расцвела,
 Я ж остался в чем мать родила
 Вместе с Родиной доброй и нищей,
 Но надеюсь: лишь станет светать,
 Возвратится ко мне благодать,
 Прекратится разгул чертовщины,
 И в клубок я смею смотать
 Изрубившие душу морщины.

* * *

Когда нестерпимым становится холод разлуки,
И скорая помощь уже не примчится на вызов,
Оркестр души издает похоронные звуки,
И слезы летят со стекляннобородых карнизов.

От слез не спасешься за каменным веером града,
Широкие улицы туго шнурует поземка,
Звонку телефонному бывшая женщина рада,
Но голос ее мне приятен, как визг поросенка.

Глаза откровеннее окон больничной палаты,
Я в комнатном зеркале вырастил честный гербарий:
Букеты болезней, соленые дни без зарплаты,
Рай дружеских выпивок, сказки сердечных аварий...

Как шарик воздушный вдруг сморщится, смят и проколот,
Так вянет ребенок, кусая веселые губы,
Немыслимо вынести метафизический холод
В натопленной горнице даже в объятиях шубы...

Со скрежетом стекла царапают черные ветки,
Врываются в двери одна за другой интервентки,
Срывая одежду стыда, торопясь, задыхаясь,
Заранее полностью в том, что случится, раскаясь.

Одной говорю: почему мы друг друга не знаем,
Неужто мы раньше друг друга нигде не встречали,
Сегодня друг в друге на крыльях любви исчезаем,
А завтра готовы расстаться навек без печали?
Другую, когда рассветет, называю Еленой,
Пока она рядом, я не одинок во вселенной.

Еще нестерпимей становится холод разлуки,
Болят голова у раба беспризорной науки.
Ты, вечный подросток, фанат дискотек и кроссовок,
Рискуешь погибнуть в бездонной пучине тусовок!
Давай суетиться в чаду городских вернисажей
И дух врачевать только с помощью водки и шприца:
Под небом, богато украшенным снегом и сажей,
Становится чучелом каждая сильная птица.

* * *

Ленивая домашняя скотина,
 Обглоданные косточки плетня,
 Где сохнет телогрейка из сатина
 И бредня рыболовного мотня.
 В тени законсервирован до ночи
 Оазис комариных сквозняков...
 Помещик, браконьер, сельхозрабочий,
 Здесь царствует художник Мясников³⁹.
 Богему галерей пославши на фиг,
 Он ловит стерлядь, ходит по грибы...
 Не забывай себя, великий график,
 Не прекословь велениям судьбы!
 Попав в капкан реки и огорода,
 Смотри, дружок, душой не обедней...
 Заблудится во тьме душа народа
 Без света путеводных «Сибогней».
 Из мглы редакционного застенка
 На жигуле сквозь пыль и жуткий зной
 Летят к тебе Берязев и Клименко
 Как мухи за поживую лесной.

Но лишь под вечер, выпив кружку водки,
 Отец «Моготы» понимает вдруг:
 Чем выше темпы лесоразработки,
 Тем громче сердца в клетке тела стук.
 И у костра в припадке русской грусти
 Он видит рой возвышенных картин...
 В ассортименте рыжики и грузди,
 Брусника и небес ультрамарин...
 Природы разношерстные лохмотья
 Железное кромсает воронье...
 Ты раньше с нею был единой плотью,
 А нынче мельтешишь как тень ее...
 На кольцах близорукого Сатурна
 Июньского дождя зернистый штрих...
 Колян, не проживет литература
 Без текстов фантастических твоих!

* * *

Я приезжал из Кривошекова
 через понтонные мостки,
 взор, как растение высокое,
 бросал на город тень тоски.

Боярышник колот иголками
 и, двигаясь туда-сюда,
 в реке пестрели треуголками
 разнообразные суда...
 Сады обмахивались веером,
 в тени гудели комары,
 с ума сходявшие конвейером
 от расцветающей жары.
 В такое время мне над Обью
 в кайф собирать металлолом
 с сооружением наподобие
 великой девушки с веслом...
 Как страстно грудь ее могучую
 и бедер яростный размах
 я штурмовал при первом случае
 в кривых, заброшенных домах...
 На рынке фрукты и баранина,
 ревет в зверинце дикий лев,
 сто раз влюбить в себя боярина —
 мечта любой из местных дев.
 И вновь на улице Чаплыгина
 для жизни, загнанной в тупик,
 луна насажена, как рыбина,
 на молнии бандитских пик...
 Шум стадиона водно-лыжного,
 и гул закаменских пространств
 сквозь звуки гимна, еле слышного,
 легко меня вводили в транс.
 Хотелось жить, не лая Моською, —
 творить железные дела...
 Ведь юность кажется громоздкою,
 пока не выгорит дотла.
 Я помню похороны Сталина
 и Брежнева, а результат:
 душа ничем не опечалена,
 как в увольнении солдат
 балдеет, глядя на закат.

72

* * *

Уже на газоны пикируют желтые листья,
 Но летние сны распевает души соловей...
 Природа еще раз дает нам урок бескорыстия,
 Легко отдавая одежды с уставших ветвей.
 Ах, где прокутить мне удавшейся жизни излишек,
 Имущество сдать в гардероб, получив номерок,

Чтоб горький осадок июньских любовных интрижек
 Удобрил газоны моих поэтических строк.
 Но больно на празднике жизни царапает плечи
 Лавровый венок, унесенный с чужих похорон.
 Должно быть, другая любовь от любви излечит.
 А жизнь без любви — механический «Декамерон».
 Ты помнишь, а впрочем, сад памяти — жертва склероза,
 Сентябрь деревья одел в золотой переплет.
 Кричать бесполезно в безжалостных лапах мороза
 И капать в отверстия ран и зеленку, и йод.
 Просторней становится в воздухе новосибирском,
 И мысли цветут, но философу прошлое жаль...
 Ты скоро дождешься, как с диким, пронзительным визгом
 Вдруг треснет от холода синего неба хрусталь.

73

* * *

Пролистав календарь, захочу помолиться
 На листочек с названием странным «среда».
 В этот день обещала руки твоей птица
 На плече моем петь и смеяться всегда.
 От осенних дождей отсырел каждый атом,
 И уют кабинетный забрал меня в плен,
 А у любящей женщины в сердце косматом
 Просыпаются медленно змеи измен.
 Скоро выползут злые тоска и обида,
 Вырвут с мясом из паспорта верности кляп...
 Пусть уходит на дно светлых дней Атлантида,
 Ворох воспоминаний, привычек и клятв.
 Шлет оплывшее прошлое сердцу угрозы,
 Просочилась слеза из-под облачных век...
 Подарю на прощание желтые розы,
 Чтобы вспыхнул в душе золотой фейерверк.
 Я устал от любви твоей злой и жестокой,
 Пары гусениц сладких, презрительных губ...
 Кровь сегодня дешевле томатного сока,
 И на каждом углу неопознанный труп.
 У высоких рябин задрожали верхушки,
 Держат ветки огонь немигающих ламп.
 Сколько времени мне насчитают кукушки?
 Все отдам лишь за то, чтоб забыть тебя. (Штамп!)
 Неужели начнутся такие приколы,
 Когда стану один я, кряхтя, словно дед,
 Наносить своей совести спящей уколы,
 Разбирая гербарии выцветших лет?

* * *

Осенний вечер в наши разговоры
 Запустит стаю серых миражей,
 Впотьмах по полкам шарят мыши-воры,
 Пока их кот не выгонит взащей,
 За окнами пустого павильона
 Трясут кусты охапками рапир,
 А выше над фигурой Лаокоона⁴⁰
 Шумит-кипит рябин кровавый пир.
 На коврике вибрирует котенок,
 Заносит вьюга лабиринты троп...
 Движеньем нежных снежных шестеренок
 Бог управляет, глядя в микроскоп.
 В паноптикуме временных конструкций
 Нас двое, а снежинок — тьмы и тьмы...
 Ты будешь церемонно, как Конфуций,
 Любить богатства нищенской зимы.

75

* * *

Не глумись, осенний лес-барыга,
 Над моей духовной нищетой,
 Ты сейчас прекрасен словно книга
 В чешуе обложки золотой.
 За окном вороны — зазывалы
 Мне сулят тройные барыши...
 Ты пройди сквозь книжные завалы,
 Сохранив казну своей души.
 Уморил библиотекарь леший:
 Ввысь лечу и падаю в овраг...
 Наглотавшись слов, полуослепший
 Выберусь из леса кое-как.
 Телогрейка, мокрая от пота,
 Слиплись веки — не откроешь глаз.
 Господи, пожалуйста, на фото
 Щелкни меня в профиль и анфас!

76

* * *

На жесткие спины крестьянских телег
 Тяжелыми хлопьями падает снег.
 Захочешь забыть виртуальные дрязги,
 Проведай пространства отчизны родной.
 Душа в синяках от проселочной тряски
 Свернется клубочком в кибитке грудной.

Едва не попав под колеса, ребенок
 Перстом близорукому Богу грозит.
 Нет света в бездонных очах лошаденок,
 Влекущих возок в непролазной грязи.
 И справа, и слева источник блаженства —
 Заброшенных строек угрюмый размах.
 А может, не надо искать совершенства
 И лучше бродягой смердеть в лопухах?[?]
 Уж лучше ослепнуть, чем видеть такое
 В масштабе больной, разоренной страны.
 Опять после ночи без сна и покоя
 Шатаются мысли, без водки пьяны.
 У Господа столько событий в архиве.
 Начнешь разбираться — сломается ум,
 И сразу увидишь подсолнух на ниве,
 Цветущей в бесплодных песках Каракум.
 На углях зажаривай дикую утку,
 На зверя набрасывай длинный аркан,
 А если удастся присесть на минутку,
 Покажется мягче дивана бархан.
 «Да кто ты такой, на себя непохожий?» —
 Спроси свою душу: она ведь не спит...
 Порою так хочется вылезть из кожи,
 Сменить вдруг свой имидж, а также прикид.
 Себя погружаешь за локоном локон
 По локоть в трясину бетонных громад,
 И в душу из черных компьютерных окон
 Глядит, не мигая, чешуйчатый гад.

77

* * *

В родительском доме тяжелая дверь на запоре,
 Там новый хозяин купается в сладком поту,
 Подсолнух глядит на меня через дырку в заборе,
 От желтого взгляда слова застревают во рту.
 С трудом поднимая руками тяжелые веки,
 Стою перед домом как столб еле-еле живой:
 На крыше гордятся богатством листы нержавеющейки,
 И двор зарастает неласковой дикой травой.
 А в детстве ломилась от птицы большая ограда,
 И вечером с поля корова несла молоко.
 О, где же деревня — души моей боль и отрада?[?]
 Ты вроде бы рядом и так от меня далеко.
 Лепились друг к другу родни фотокарточки в раме...
 И слушал спросонья ворчливый бревенчатый дом,
 Как новое платье шумит на сияющей маме,

И сабля судьбы уже жадно свистит над отцом.
 Семейная жизнь в это время была настоящей,
 Вдруг сердце сломалось, и сразу потух его взгляд.
 Гонцы за вином в магазин отправляются чаще,
 И в горнице круглые сутки гулянки кипят...
 Стонали от топота ног половицы и вещи,
 Хотели, как лучше, а все выходило не так...
 Чем больше вина, тем пространства для радости меньше,
 А утром с похмелья в больной голове кавардак.
 Пропали без вести пиры и ристалищ Ахиллы,
 Спилась Пенелопа, зарезан в Чечне Телемах⁴¹,
 Оранжевый клен у родительской вырос могилы,
 И желтые окна сверкают в соседних домах...
 Пока еще катится дней беспризорных телега,
 Редющий к осени лес за деревней угрюм,
 И в кухне по стенам, казалось, до самого снега
 Рассыпана горсть тараканов, как черный изюм.

78

* * *

Лишь станут тополи буреть, визжит пила и свищет сабля,
 Бряцает глухо листьев медь в составе струнного ансамбля,
 Зачем коричневый кафтан сдирает бедная горбунья?
 Готов с досады лечь под танк чертополох в ночь полнолуния,
 Кумач спрессованный в печи, трещат смолистые поленья,
 Заинтригованы бичи гипнозом пышного горенья.
 С небес обрушился потоп. На ветке яблоко, как орден.
 Из листьев рваное пальто, и выцветший восторг на морде.
 И город, где народ страдал, моргает брошенной монетой...
 Его за фук возьмет вандал с ордой приспешников отпетой.
 Штурмуют банки босяки, бомжи поживы чуют запах.
 Пройдут над городом полки дождей в широкополых шляпах.
 О траекториях комет, о шуме моря городского
 Легко задумался поэт, в дремоту вязкую закован.
 Он, сын бессонницы сухой, облокотившись на перила,
 С утра колдует над строкой с пером, ныряющим в чернила.
 Во всем бинокль виноват, пейзаж придвинувший вплотную.
 Он учит нас беречь солдат, и мать встречать как неродную.

79

* * *

Дрессированных вьюг косяки провожают из школ,
 Как себя ни одень, все равно будешь гол как сокол...
 Сколько новых нарядов небесная шьет мастерская
 Для вонзившихся в землю сентябрьских злых деревень?
 Неизбежно сползает с ума красота воровская,
 Ну а то, что осталось, сожрет ненасытная лень.

Я недавно узнал: не бывает любви нерушимой,
Из счастливых людей не заметил вокруг никого...
Хлынул нищенский дождик, прикинувшись швейной машиной,
И состарилось сразу лица моего вещество.
Лейся яростней, дождь, над страной моей горизонтальной,
Чтобы русская боль оставалась всегда музыкальной!

Самолетик зомбирует небо рыданьем турбин,
Самокрутка дороги чадит под копытами стада,
Вечерами у Бога на лбу расцветает рубин...
Почему ж для меня в этой жизни отравя — отрада?

«Что ты взором пугаешь окрестности, как неродной?»
«Поломалась пружина в середке души заводной,
И язвит изнутри круглосуточно острый осколок,
И по-прежнему трудная дума не сходит с ума...»
Проглотившая сослепу горсть патефонных иголок
Раздирает лицо мне до крови косматая тьма.

80⁴²

* * *

Прожили полвека у моря старик со старухой,
Любили друг друга и вместе боролись с разрухой.
Он, главный добытчик, был мастер по рыбным наукам,
Она же вязала хорошие варежки внукам.
Старуха мечтала о счастье, большом и высоком:
О новом корыте и банке с гранатовым соком,
Серьгах, кашемировой шали, пуховом платочке...
И так постепенно она домечталась до точки.
То солнце блистает, то спрятано небо за тучей,
Всем правят законы, но все-таки царствует случай.
Как после поста появляются борщ и пельмени,
Так сердце старухи склоняется вдруг к перемене...

Старуха сидит у разбитого в щепки корыта,
Калитка вселенной с утра до обеда открыта,
Бродить по вселенной желанья нет у старухи:
«Пускай там летают и ползают грязные мухи.
Там жить неуютно, поскольку нет дна и покрывшки,
Туда не поеду я ни за какие коврижки...»
В тазу рукомоynom к утру образуется наледь,
У хижины берег морской превращается в свалку.
Уж лучше из дома уехать, чем с бабой скандалить —
Все чаще поэтому ходит старик на рыбалку.
Под рокот прибоя уймутся волненья и страсти,
И кажется сразу такой недалекой свобода,

Когда разбираешь свои рыболовные снасти,
 И воздух вдыхаешь, пропитанный запахом йода...
 Я тоже, бывало, срывался из дома от ссоры
 (Жена в это время меня ненавидеть училась)...
 Покуда обшаривал взглядом морские просторы,
 Остался один, не заметив, как это случилось.
 Морщинами лоб мой украсили соль и забота,
 Когда-то вот так же был в Болдино сослан Овидий
 Осваивать взорами берег Эвксинского Понта
 И даже общаться с людьми примитивнее мидий...

Забрасывал невод два раза старик вхолостую,
 На третий раз вытащил рыбку старик золотую.
 И та обещала, кивая на синюю воду,
 Любое желанье исполнить в обмен на свободу...
 Чем старше, тем легче угрозы желаний телесных,
 Старуху съедает желаний несметная стая,
 Желанья кричат много дней из тарелок железных:
 «К лицу тебе жемчуг и мантия из горносталя...»
 Льстецы затевают без пауз балы и гулянки
 И вверх поднимают старуху сильнее домкрата.
 «Хочу, — говорит, — из крестьян в столбовые дворянки,
 И мужа — не простолюдина, но аристократа!»
 Волнуется море, очами во мраке сверкая,
 Песок позолочен лузгою подсолнечной нежной,
 Старуха, как выпьет три рюмки, уже никакая,
 Зовет старика простофилей, уродом, невеждой.
 Взбесилась старуха — себя величает графиней,
 Она перед зеркалом меряет модные платья,
 Хоть кожа в морщинах, и волосы выкрасил иней,
 И громко смеются над ней ее сестры и братья.
 Когда ж закачался семейный корабль над бездной,
 К старухе старик обращается с речью любезной:
 «Довольно капризничать, брось свои бредни, старуха.
 Прошу ради Бога — отца, Бога — сына и духа!»
 Старик, чтобы выглядеть лучше, стал стричься и бриться...
 Но что ей рыбак: она замуж желает за принца.
 Мечтает жить с принцем сто лет она без перебранок,
 За то, что с работы приносит халвы и баранок...
 Быстрее в голове у старухи желаний круженье —
 Старик лебезит перед рыбкой и давит на жалость,
 А рыбка не хочет к старухе идти в услуженье,
 Желанья старухи она исполнять отказалась.

 Обида жрет сердце, как брюхо спартамца лисица,
 Коварная рыбка в объятиях моря резвится,

На теле заметней следы запустенья и порчи,
 Старуха уже из себя молодую не корчит.
 Не радует жизнь со счастливым исходом, интригой,
 И рытвин охалки мешают развитию пьесы,
 И принц оказался плешивым скупым прощельгой:
 Он в жизни блюдет не ее, а свои интересы.
 Старуха без усталы твердой рукой, как копыто,
 Стыдясь своей темной души, словно злого уродца,
 Пытается склеить разбитое в щепки корыто:
 Возможность хоть что-нибудь склеить всегда остается.

81

* * *

*В. Квадяеву*⁴³

Ты живешь много лет и, рискуя, шутя, разглагольствуя,
 Произвел дочерей, отдал полностью Родине долг,
 Любишь верную женщину сильно, но без удовольствия
 И с похмелья болеешь так страшно, что воешь, как волк.

Наша русская жизнь в неудобное время посеяна...
 В девяносто седьмом от рожденья Христова году
 Я тридцатого мая на тихую улицу Ленина
 Поздравлять тебя с праздником длинным подарком приду.

Этот радостный день в личном деле Володи Квадяева
 Я готов отмечать еще минимум семьдесят раз.
 Если он пригласит; разве мы своей жизни хозяева:
 Люди могут забыть, только Бог будет помнить о нас.

Лишь недавно узнал: все советские барышни — персики,
 Мягко стелют атласное тело, да больно кусать...
 Нам с тобой неужели придется прилежно до пенсии
 Их лохматые книжки от корки до корки читать.
 Ты всегда, новорожденный, жил в окружении девичьем,
 Справедливость ценил, попирая бродячий закон...
 В твою честь мы сегодня напьемся с Сережей Гуревичем.
 Стал свободен народ, только счастлив, конечно, не он.

Две морщины прибавь ко второй половине столетия,
 Пусть в грудном саркофаге горячее сердце не спит.
 В день рожденья из слов остаются одни междометия.
 А из вкусных напитков всего предпочтительней — спирт.

* * *

Кошка мяукает, птица поет,
 Муж, если выпьет, жену избобьет.
 Наши подруги живучи, как кошки,
 Носят мешки по шесть ведер картошки...
 Мы, перезревшие холостяки,
 Женские чары для нас — пустяки.
 Волга впадает в Каспийское море,
 Кони пшеницу едят и овес...
 Жизнь, к сожалению, — не плоскогорье,
 Это долина страданий и слез.
 Так почему ж вы нам дарите щедро
 Райских блаженств распустившийся сад?
 Каждый, покинувший женские недра,
 Втайне мечтает вернуться назад...
 Съевший пуд соли крутого помола,
 Я над собою до слез хохотал,
 Больно с тех пор мою щеку колола
 Память слезы, превращенной в кристалл.

* * *

А. Котелкину⁴⁴

За сутки гроза докатилась из Красного Яра
 До города Н. на попутном хвосте гужевом,
 Сначала пугала людей наподобье кошмара,
 И ливня ремнями хлестала дорогу и дом.
 О, как в непогоду себя сохранить и пожитки?
 Деревья ломались с хрустом на сильном ветру,
 Но бор простоял невредимым, промокший до нитки,
 И каждый твердил про себя: никогда не умру.
 Бордовый автобус тащил за собою столб пыли,
 Другие отважились бурю в селе переждать,
 Но несколько изб свои очи от страха закрыли,
 Поэтому в горнице мне ничего не видать.
 Я сразу же понял: «Любимая, ты мне не рада!
 Скажи почему, а иначе с ума я сойду?»
 От шквальных ударов стонала и выла веранда,
 Заглядывал в окна согнувшийся тополь в саду.
 Пока мы смотрели программы второго канала,
 Зеленая, смятая роза мелькала в окне...
 «Сказала б тебе почему, если б только я знала».
 Когда уже стало светать, ты ответила мне.
 «На сопках Манчжурии» вальс танцевал палисадник,
 И куст в темноте трепетал, словно скачущий всадник...

Поедем, дружок, если лъзя применить автостоп,
 Чтоб утром достигнуть границ областного абзаца!
 Наш дом, как ковчег, погружен во всемирный потоп —
 Куда нам скакать, иль важней — от кого нам спастись?
 И мы оседлали без спешки своих лошадей,
 Доверили смело свое достоянье друг другу...
 И бросились в путь, где был каждый святой и злодей,
 И каждое слово мы трижды пускали по кругу...
 Лил дождь на дворе и счастливый лавандовый пот,
 Листва на кустах, как горячая грудь, колыхалась,
 И рыл свои норы во тьме нетерпения крот,
 Но все-таки волю к любви победила усталость.
 Большая гроза превратилась в сплошной ураган,
 По улице с грохотом мимо ведро прокатилось,
 По небу летали сараи, кибитки цыган...
 А впрочем, на все Провидение Божье и милость.

84

* * *

Сколько лет, сколько зим пролетело
 Как горюем и празднуем врозь...
 Точит сладкая ржавчина тело,
 Душу сразу проела насквозь.

На обломках погибших империй
 Превращается жизнь в натюрморт,
 И мне кажутся дикие звери
 Благоднее рыночных морд...
 У тебя иномарка и фирма,
 Новый муж, деловой, словно бог.
 Только кадры из старого фильма
 Застают мою душу врасплох.

И обид растревоженный улей,
 Поднимая свой легкий народ,
 За любовь, просвистевшую пулей,
 Копит самоубийственный мед.

А потом после нескольких рюмок,
 С точки зренья барыг — недоумок
 Заключение выводит из книг:
 Раз любовь — это шторм и цунами,
 Чтобы жить прошлогодними снами,
 Просвисти свое счастье, старик!

Хочешь броситься с камнем на шею,
 В мутноструйную речку Иня,
 Разве кто-нибудь сможет нежнее
 Обнимать тебя после меня?

85

* * *

Дни с каждым годом короче, а ночи длиннее,
 Будни суровее, праздники злей и пьяней.
 Крест на плечах тяжелее, чем крестик на шее...
 Падает снег, как повестка из царства теней...
 Раз уж святой человек, то пришел ниоткуда,
 Жаждет богатства и власти всегда прохиндей...
 Вечное сердце насквозь прогрызает секунда,
 Если становятся вещи главнее идей...
 Чистое поле теплей, чем чужие хоромы,
 Где за смертельные игры на чай подают,
 В царском пальто из завязанной в узел соломы
 Ищет поэт под опущенным небом приют.

86⁴⁵

* * *

Постой, озираясь беспомощно, свежий подранок:
 На улице тесной, где тополь трясет головой,
 Тебя поджигает обилие ярких приманок,
 И столько соблазнов на дух ополчается твой.
 Как будто там дьявол расставил силки и ловушки,
 Закупорив липкой пластмассой ушные ракушки
 И суетных зрелищ анонсы приклеив к глазам...
 Еще не найдя, можешь ты потерять себя сам.
 А выведешь вечером тело свое на прогулку,
 И сердце упорно груди разбивает шкатулку,
 Чтоб собственной музыки муки услышать в себе.
 Ты должен окрепнуть со временем в жесткой борьбе...
 Пока в подмастерье явиться готовится гений,
 В лице, перерезанном горестной трещиной рта,
 Судьба совместит фотографии прошлых волнений
 И всех вдохновений — ты станешь кругом сирота.
 Посмотришь внимательно: в бархатных недрах альбома
 На каждой странице толпятся одни мертвецы...
 Дух, если неистов, способен вломиться в любого,
 Но Бог тебя крепко и нежно берет под уздцы.
 Уехать б в деревню без глянцевого пестрой обложки,
 Где раки зимуют и Моня гоняет телят.
 На синем лугу у козленочка чешутся рожки,
 И, кажется, щиплет траву от волнения взгляд.

Рыбнадзор реквизирует сети,
 За решеткою мать и отец...
 Утром слышно на улице: дети,
 В ваши сени явился мертвец.
 Плачь, утопленник — рыба закуска,
 Весь распух и расцвел, как сирень!
 На кругах Чернышевского спуска
 От событий кипит каждый день.
 Я здесь жил как бродяга случайный
 И молчал как секретный агент,
 Сохранив под покровами тайны
 Про Нахаловку массу легенд...
 Натворить можно столько от скуки,
 Получив покровительство муз...
 Раз сложился у местной гадюки
 С проституткой внебрачный союз.
 Забренчали бродячие слухи:
 У влюбленных счастливые дни...
 А какие друг другу услуги
 Демонстрируют ночью они?
 Сердцу женщины надо простора:
 Кабаки, казино... Через год
 Расцвела неожиданно ссора,
 Получился летальный исход.
 Быстро глину кусают лопаты,
 И встречается с теплой землей
 Тело уличной Клеопатры⁴⁷,
 Зацелованное змеей...
 Неужели мои побратимы
 К убеждению склонили меня,
 Что, по-видимому, совместимы
 На земле человек и змея?
 Каждый встречный в Нахаловке — бездна:
 Прячет в тесной груди бензобак,
 Отнестись к нему надо любезно,
 А иначе — натравит собак.
 Если водки не выпьешь ни чарки
 И пойдешь совершать променады,
 Налетят словно буря овчарки,
 Разорвут, закусуют, съедят...

* * *

В стране, от рожденья привыкшей гулять без предела,
 Пространство посевов родной сокращается речи.
 С весною на крыльях орава грачей прилетела,
 Кто встретит их хлебом и солью, кто — залпом картечи.

Кавказским акцентом пропитаны улей вертепа,
 Железные банки, вокзалы, кубышки гостиниц...
 И мне показалось, хоть это, конечно, нелепо,
 Что сам я в родимой России уже проходимец.
 И ты проходимец, мы оба с тобой проходимцы,
 Поскольку страной управляют плуты и мздоимцы...

К несчастью, душа у меня воровать не умеет,
 Как быстро сегодня осеннее небо темнеет,
 Для тысяч миров я являюсь единственной связью,
 А джип, проезжающий мимо, облил меня грязью.

89

* * *

Вот эти избы, вросшие в суглинок,
 На берегах больших, студеных рек
 И песни с черно-красных грампластинок,
 Как ни старайся, не забыть вовек.
 Все то же небо с коршуном и тучей,
 Все те же степь и лесополоса,
 Ау, надежда сразу стать могучей,
 И за ночь сделать былью чудеса...
 Прищуривай компьютерные очи:
 Так нестерпимо жидок белый свет.
 Нет ни крестьян уже и ни рабочих,
 И вообще России больше нет...
 Убраться б по добру и по здорову
 Куда-нибудь из патоки мирской
 И втихомолку радоваться слову,
 И смерть принять с любовью и тоской.

90⁴⁸

* * *

Воцаряется в Моткове сладкий запах запустенья,
 Из двенадцатидюймовки по деревне шпарит гром.
 Неожиданно желтеют все окрестные растения,
 Свалку сеялок и жаток обнаружив за бугром.
 От тяжелого удара зашаталась в доме стенка,
 В палисаднике пылают три рябиновых костра,

В бухгалтерии страданий Александра Денисенко
 В роли вечных кредиторов папа, мама и сестра.
 Отпирает ящик бедствий в биографии Пандора⁴⁹,
 И поэт, коровки божьей созерцающий значок,
 Прежде, чем перекреститься и принять стакан кагора,
 Сплел на лбу пучок морщинок с бородой из впалых щек.
 Для торговцев пьяной смертью этот парень костью в горле,
 У него в груди все глуше производит сердце шум,
 В октябре народ российский на поэзию прожорлив,
 Любит песни Александра как источник светлых дум.
 А в Михайловском пространстве бродит Пушкин по аллее
 (Вижу красную рубашку, не доехав три версты).
 Он заплачет беспощадно, станет в тридцать раз беднее
 От погибшей в русском поле невозможной красоты.
 Мир родной зимою пахнет, сам себе противореча,
 Там, где роща зеленела, среди нив чернеют пни.
 Только раз в тысячелетье, может быть, случится встреча
 Двух осенних вдохновений возле пасмурной Ини...
 Вдалеке гнедые кони днем рассеялись по лугу,
 Мужики, отцы семейства, вероятно, час подряд
 Разноцветными словами ткут приветствия друг другу,
 А потом на косогоре, молча, грустные стоят.
 А внизу Иня струится на свиданье с полной Обью,
 В поэтические очи впился намертво ландшафт.
 Чтобы жить, не подражая своему правдоподобию,
 Выпьют русские поэты из горла на брудершафт.
 И пойдут, смеясь и плача, два прекрасных Александра,
 Два обнявшихся пророка в затуманенную даль...
 Сверху каркает ворона, черномазая Кассандра⁵⁰,
 Мимо них учитель сельский давит сердцем на педаль.
 Дол, наплакавшийся вволю, накануне зимней стужи,
 Понял: осенью в тумане каждый станет никакой...
 Вдруг с поэтами подмышкой, перепрыгивая лужи,
 Побежит огромный тополь к электричке за рекой.

* * *

Изба-старуха в ватной кацавейке,
 Заросшая землей до самых глаз.
 Какой анахронизм в двадцатом веке!
 Здесь русский дух. Он жидкость или газ?
 А может, это плоть, где нету духа,
 Облеплена подсолнечной лузгой?
 Здесь вечно благоденствует разруха,
 Не Русью пахнет — бедностью людской.

Для странствующих в мире ради Бога
 На стол поставлю воду, соль и хлеб...
 И словно марсианская тренога
 Среди полей торчит опора ЛЭП.
 Рвись, туча, над поверхностью речною,
 Бей градом опаленное жнивье...
 Автопортреты Родины со мною,
 Как поздно мы оплакали ее.

92

* * *

Год, слава Богу, продан, пропит, прожит⁵¹...
 Бессонница. Компьютер. Седуксен.
 «Я вас любил. Любовь еще, быть может,
 В душе моей угасла не совсем».
 Мне робости, и ревности мишенью
 Довольно быть, ведь я же не дебил,
 А рыцарь принимающий решение,
 Одно из двух: люблю или любил...
 И коль любил, а ныне равнодушен,
 Нельзя тревожить женщину ничем,
 Не буду приглашать ее на ужин
 И посылать букеты хризантем,
 Лекарств от нервов накупив в аптеке,
 Сижу, на губы наложив печать...
 Слабо исчезнуть с глаз ее навеки
 И о любви стихов не сочинять?

93

* * *

В. Клименко⁵²

Крылья окон, словно крышки гроба,
 Раскрывает ветер створки рта...
 Разве может быть святою злоба?
 Может быть святою доброта!
 Заревет железная гагара
 В жестком оперенье голубом,
 Ветвь с цветами русского пожара
 Доставляя в европейский дом.
 Содрогнитесь, нежные народы,
 Вот яйца кощеева секрет:
 Скорчившейся статуи свободы
 Гольи и обугленный скелет.

* * *

Ломается, крошится тонкая снежная корка,
 С соломой навоз перемешан в коровьем хлеву,
 На солнце оттаял коричневый угол пригорка,
 Здесь мартовской ночью назначено мне randevu.
 Еще незаношенный ватник парадный надену,
 Насыплю каленых орешков в глубокий карман.
 Я буду тебя штурмовать, как китайскую стену,
 А ты говоришь, что любовь — это самообман.
 Мы встретились в полночь у мрачного сельского клуба,
 Веселая дева и кухонных схваток герой,
 Друг друга мы трогали медленно, нежно и грубо,
 Сатиновый ватник и черная кроличья шуба,
 Кружился над нами мешок с ледяной мошкаркой.
 На левой горячей руке уже нет рукавицы,
 Завыла собака в соседнем дворе — к мертвецу,
 Но в темных сенях так ужасно скрипят половицы,
 И темные-темные тени бегут по лицу,
 Дул ветер холодный с пустого бесхозного поля,
 Еще ни в одной из избышек не видно огня,
 Твои кавалеры давно приготовили колья,
 Они за подругу убить обещали меня.
 Кто кроме любви, в это время придет на подмогу,
 Хозяев народной морали жесток приговор.
 То кошка, то ведро во тьме попадались под ногу,
 Когда я из горницы к выходу крался, как вор.
 Я вышел на воздух, пронзительно дверь запищала,
 Чернели в тумане амбары и пахло овсом...
 Ты помнить всю жизнь обо мне в эту ночь обещала.
 Ах, как мне хотелось скорей позабыть обо всем.

* * *

Мешает вспыхнувший вдруг ливень
 Мне в люди выйти без проблем,
 Нас счастье любит все ленивей,
 И жизнь дороже, чем Эдем,
 Гремит цепями кот ученый,
 Русалка вписана в ландшафт,
 И дуб под слоем пыли черной,
 Как уголь, поднятый из шахт.
 Под небом цвета манной каши
 То урожай, то недород...
 И жаль, что все богатства наши
 Прибрал к рукам чужой народ.

Что хочешь сделать для комфорта,
 Несостоявшийся супруг?²
 Согреть чайку, отрезать торта,
 Сбыть жизнь наскучившую с рук...
 Кто будет первый покупатель,
 С кем ты сойдешься на цене?³
 В груди сработал выключатель,
 И свет погас во всей стране.

* * *

Услышав слова на тюремном жаргоне,
 Откроешь глаза кое-как с бодуна
 И вдруг обнаружишь, что мчишься в вагоне,
 И в грязном окне отразится страна...
 Мелькнет полунищенский быт полустанка:
 Десяток домишек и свора дворян,
 Здесь в ситцевом платье стоит негритянка
 И держит в руке федерации флаг...
 Увидев, не можешь сдержать удивленья,
 Хотя эпизод — не смешной анекдот.
 Меняется облик и цвет населенья,
 И даже язык уже нынче не тот.
 Раз в жизни решился вскочить на подножку,
 Три четверти жизни крестом зачеркнув,
 Я в быт поездной уже врос понемножку,
 Но гнусное радио чистит свой клюв...
 Нас будут в дороге насильственно пичкать
 Подобранной местным гурманом попсой.
 Подохни с натуги, железная птичка!
 О, будьте блаженны, Высоцкий и Цой!
 В последнем вагоне Содом и Гоморра⁵⁴:
 Кавказец, старуха и бывший зека,
 В корзине лежат тридцать три помидора,
 И прячется мина на дне рюкзака.
 Смеются и плачут в ковчеге плацкартном,
 Несуемся с севера рысью на юг...
 В дороге не вздумай довериться картам —
 Иначе рискуешь остаться без брюк.
 Нашелся земля по имени Вадик,
 Он только из зоны и вдребезги пьян,
 На нем кирзачи и потрепанный ватник,
 Но сразу же видно, что он из дворян.
 Окрестная флора меняет ливреи,
 Морозит, а в поезде летний режим.
 На родине мы, как в Египте евреи —
 Скажи: от кого и куда мы бежим?²

Наверно, не в ту мы родились эпоху,
Толпа одиночек — не грозная рать.
Да, беженцы мы, хотя каждому лоху
Известно: нельзя от себя убежать.

97

* * *

На резвость коричневой силы одной лошадиной
Мужик свою радость менять не готов никогда,
Но женщина мимо плывет оторвавшейся льдиной...
Грызи ее тело до смерти, гнилая вода!
Защелкнулись челюсти зверя по имени злоба,
А зависть повсюду растет, словно хищный сорняк,
Но вновь вдоль деревни плетется гнедая зазноба,
И ветром разносит последствия всех передраг.
В душе крепостной уже поздно заделывать брешу
От пушечных ядер предательств и сабель обид...
Родной человек по призванию все-таки пеший,
А конь ему нужен, когда его сердце скорбит.
Непарнокопытный, вези меня дальше от дома,
Раскисла дорога, и лошадь по брюхо в грязи.
Пусть ночка встречает с букетами молний и грома,
Ведь жизнь, если счастья нет, — перманентный транзит.

98

* * *

Помню лицо твое в профиль на лекции в вузе,
Пестрых подруг диалог, словно пенне цикад,
Веток замерзшие змеи сплетаются в узел,
Ветер настойчиво рвет полинявший плакат.

Все это минуло. Нынче другие причуды.
Ты равнодушно из форточки смотришь, во двор
Плавню с небес в волдырях от весенней простуды
Падает солнце, похожее на помидор.

Сломана в городе жизнь — даже ты, наблюдатель,
Жжешь каждый день по две пачки крутых сигарет,
И поздравленья друзьям к каждой праздничной дате
Шлешь, сознавая прекрасно, что их уже нет...

99

* * *

Опрометчиво створки дверей не закрыв на щеколду,
Я уехал в деревню с мечтой заблудиться в бору:

Превратилась душа в добела раскаленную колбу,
 Испугался, что дома взорвусь, очокурюсь, умру...
 Мокнет ночью чугунный фонарь у дежурной аптеки,
 Где поэт составляет пейзажа абстрактный портрет.
 Здесь по улице Ленина бродит Ромео Монтекки,
 И Джульетта навстречу летит, чтоб стрельнуть сигарет.
 Сколько девушек чудных старательно учится в вузе,
 Но гарцует в свободное время, влюбляясь на спор...
 Ты живешь на углу, где автобус с Советской на Фрунзе
 Не рискнет повернуть, если забарахлит светофор.
 Ну, а если рискнет повернуться на красный однажды,
 И большое чудовище с яростью врежется в лоб...
 От любви умирать романтичней, модней, чем от жажды,
 Но страшнее всего — с головой погрузившись в сугроб.

100

* * *

В зените страна перестала отбрасывать тень,
 Как ветхая краска сползла красота с деревень...
 Устроим, сограждане, проводы русской деревни:
 Рассеялся в северном воздухе мира оплот,
 Смешавший в характере желтую глину и кремний,
 А также святую надежду на автопилот.
 Здесь нынче на каждой березе растет автомат,
 И даже в июне идет снегопад черно-бурый,
 Здесь чудная девушка верит в любовь, пока над
 Воскресшими храмами лихо летают амуры.
 Накинь на зеленое с белым желток куполов:
 Яичницу с зеленью жаждут жевать малолетки...
 Земля остановится, ежели Бог-птицелов
 Для русской души не построит железные клетки.
 Я понял: быть честным сегодня намного трудней,
 Чем мускусной ночью плевать против ветра в колодец.
 Пусть с шумом и яростью мчится процессия дней,
 И Бог купола трансформирует в шляпки для модниц...
 Из сильно живущих здесь каждый второй инвалид:
 Металл впечатлений грызут роковые контрасты...
 И чувствует сердце, как тело смертельно болит,
 Пока информации требует ум коренастый.

101

* * *

Хворостом жизни питается время ночное,
 Ветер весеннею ночью дома колошматит,
 Утром душа начинает молить о покое:
 Может разбиться, как только терпенья не хватит.

Стрелки по кругу щекочут курносые числа,
Завтра устроим по крашенным яйцам поминки,
Даже в белке и желтке больше здравого смысла,
Чем в проглотившем Россию убийственным рынке...

Глупо гордиться отцовской и дедовской славой,
Старыми песнями рвать обожженные глотки,
Тихо лежит под хоругвями смерти костлявой
Милая родина с обликом круглой сиротки...

Друг мой, постой, свое честное сердце послушай,
Что оно скажет апрельскому ветру и птичкам...
Праздник в душе начинается дудкой пастушьей
С солнцем на небе, как красным пасхальным яичком.

102

* * *

Разбив у луны отражение в окнах колодца,
Пьян музыкой леса сегодня пивной павильон,
Кто рядом стоял, показалось: он тихо смеется
С осадком терзаний в груди на один миллион.
А сверху кричал весь обросший щетиною леший,
Картонными крыльями хлопя, как идиот,
Рябиновых ягод мешок, в октябре перезревший,
Вставными зубами он в темные ночи клюет.
И серым птенцом, вылетавшим вчера из пеленок,
По небу осенняя тучка везет свой багаж,
Чтоб сбился с пути и в грязи утонул жигуленок,
Чтоб он не приехал в село на осенний шабаш.
Поплачем о лете, понюхав сушеные травы
В рассыпчатом стоге, где лакомств на тысячу ртов,
Кусты в палисаднике носят заранее траур,
И впрочем пора уже ужинать: завтра покров.

103

* * *

Т. Т.⁵⁵

Как пышно расцвел в золотых небесах фейерверк,
Но кончился праздник — среда превратилась в четверг...
Будь благославленно, шершавое имя Татьяна,
Сияй на лице белозубый оскал фортепьяно!
Любовь, если искренно любишь, всегда беспредел
Друг в друге от темной тоски заблудившихся тел...
Пожалуйста, будь хоть сегодня моею голубкой,
Мешок первосортного хохота спрятав под юбкой.

Лишь гром прогремит, ворон ворону выключает глаз,
 Любую измену легко пережить в первый раз,
 Пока горб гордыни не вырос грозней Эвереста.
 Кикимора, божья коровка, христова невеста...
 Кто спать не ложился и был обеща́ньями сыт,
 Без крошки во рту, когда жрали плуты и тихони,
 Но самое страшное — часто испытывал стыд,
 На ветках души разоряющий гнезда симфоний...
 Весь год вместо музыки воздух пронизывал вой,
 Сентябрь раскрашивал город багрянцем и охрой,
 Я спал беспробудно, а раб и надсмотрщик твой
 С тобой ликовал на странице, от слез моих мокрой.
 Любитель похвастать и мастер украсть и продать,
 Он ночью под ливнем без зонтика даже не вымок,
 От стаи стихий откупившись собраньем ужимок...
 Я все-таки верю; сойдет на меня благодать
 За то, что храню на груди дорогой фотоснимок...
 Ты вспомнишь родимой земли монастырский устав,
 Дотла свою жизнь прежде времени прохотав
 И зря соблазнив простаков вавилонскою башней...
 Срастайся с моей, забубенной, сильней и бесстрашней.

104

* * *

Еще не закончилась пасмурных дней волокита,
 И сыплется сверху мешками зубной порошок,
 Свист ветра в сухих камышах и костлявых ракетах,
 Но сердце смеется и дышится так хорошо...

За стаю домишек, столпившихся под телебашней,
 За каждый небритый пригорок цепляется взгляд,
 Когда повторяется приступ любви вчерашней,
 И воспоминаний в душе разливается яд.

Зачем маршируют вдоль берега банки эмали,
 И красную рыбу ловцы поднимают на щит,
 И дым, из трубы выползающий, так накрахмален,
 Что, в небо вонзившись, столпом вавилонским торчит?

Сорвавшись с цепи, меня рвут тридцать три суматохи
 За то, что забыл лебеду и коричневый жмых,
 За то, что из поздних детей сумасшедшей эпохи,
 Которых вычеркивать рано из списков живых.

Большую десницу в египетской тьме запрягая,
 Всевышний не знает, что завтра случится со мной,

Поэтому надо прощаться, моя дорогая,
Пускай никогда не рыдает твой глаз озорной.

На сто километров хватает истерик дорожных:
Стремительно окна души заплетают вьюны,
Бугринскую рошу, как блюдо засохших пирожных,
От глаз отрывают замерзшие нитки слюны.
Машина гудит, несмотря на щелчки и придирки,
И ветер в груди продолжает свистеть во все дырки.
Душа прижимается к небу наждачной щекой,
Зевает зима во всю ширь азиатской равнины...
Душа засмеется, когда за широкой рекой
Распустится в диком кустарнике свист соловьиный.

105

* * *

Под бешеным солнцем спят мирные лесопосадки,
И в мареве бор молчалив, как тюремный барак,
С заросшей бурьяном поляной на роль танцплощадки
Едва ль конкурировать может глубокий овраг.
Но быстро на небо стекаются черные тучи,
С подкладкой белей и нежнее любых орхидей,
У тучи вдруг к ужасу хвост обнаружится щучий,
И топает туча сильней, чем табун лошадей.
Открытая пасть у нее шире братской могилы,
И вмиг извлекаются молний стальные клыки,
Из недр ее вылетают нечистые силы...
Об этом бояться на людях вещать старики.
Вот нынче в Мочище гроза разошлась не на шутку,
И вырвала с корнем сосну, взбаламутила гать,
И кроме того, что затискала дикую утку,
Готова бессмертную душу в наперсток загнать...
Танцует гнедая кобыла, почуяв свободу,
И пенится нежного ржания синий карбид,
Бросается в круг бесшабашно, как в бурную воду, —
Фонтанами бьют насекомые из-под копыт...
Сражаясь с колючими членами хищных растений,
Их варварской солью дождя пропиталась латынь,
Гурьбою под ноги кидаются длинные тени,
В деревне звенит колокольчик весь день динь-динь-динь.
Ах, сколько еще будет властвовать, грохат и злиться
Над ширью сибирской стихия, круша сухостой,
И русский мужик о спасенье природы молиться
На темный от времени Господа образ святой.

* * *

Потраченная молью тяга к счастью,
Былой любви прокисшее вино...
В страны моей взъерошенную чащу
Входить без спроса не разрешено...
Здесь, крутят те же мифы в кинозале,
Здесь русский дух, и жизнь, как на вокзале,
Шум барахолки и конвейер мод,
И никогда не кончится ремонт.

107

* * *

Сон природы родной нарушается шорохом мысли,
На коричневой скатерти высохших планов букет...
Чтобы мысли друг друга до смерти к утру не загрызли,
Поместила их память в отдельный железный пакет.
Прочь из города выгонит вдруг терпкий запах свободы,
Взявшись за руки, сядем на поезд «Москва — Курундус»,
Замелькают огни, городские предместья, заводы,
Весь разорванный в клочья великий советский союз...
От сердечного жара комфортно в тоннелях плацкартных,
И в походные емкости, булькая, льется вино...
Погадай мне на гуще кофейной, а лучше — на картах...
Впрочем, я уже знаю, что ждет меня смерть, все равно.
Тонет форточка в луже, сухарь в кипятке перепутья,
И фонарик вагонный мигает на каждый аул,
И весна медным лбом разбивает хрустальные прутья,
Так что каждый в стране слышит сердцем таинственный гул.
Растелешилась степь после медленной зимней утехи,
И наполнил крестьянские окна нагой чернозем,
Покоробились русской души золотые доспехи,
Будто солнце и ветер их резали толстым ножом.

108

* * *

В тумане над соснами дремлет подъязок,
Лес спрятал за листья глаза ежевик,
С котомкой, бечевкой армяк подпоясав,
Скрипит сапогами сибирский мужик...
Попался на зуб нефтегазопроводу,
Насквозь провонял, захирел, пожелтел...
Дух недр выбрал рабство в обмен на свободу,
В натуре бродяга — всегда бракодел.
Осталось две горсточки крови крестьянской,
Должно быть, сегодня на целый народ.

Кто был победитель разборки троянской?²
 Он всем чернокнижникам дал укорот...
 Петух голосист, как трибун петербургский,
 В кудрях шестимесячных тонет овца,
 Две спелые дыни растут из-под блузки,
 Но синие очи стекают с лица...
 Спокойно в пейзаже, опухшем от лени,
 Снаружи работает ветер-колдун,
 И дрожь пробирает, когда в отдаленье
 Плетень на околице бьет колотун.

109

* * *

Родная природа могуча, умна и любезна,
 Нет в мире природы прекрасней ее и скромней,
 Зияет в души ее зеркале мрачная бездна...
 Какие идеи клубятся и варятся в ней?²
 Очнется ли мать на заре после дозы забвенья,
 Способен ли сын расхищение мыслей пресечь?²
 Остались в казне языка только местоименья...
 Танцуй умирающей лебедью, русская речь!
 Что ж пусть дотанцует до кладбища царская птица,
 Засыпав окрестности скорбными перьями букв...
 Какие стихи еще вырастут в книжках из ситца?²
 Не только сосна и осина, но даже — бамбук.

110

* * *

Почитай мне из самого раннего,
 Что-нибудь почитай Мандельштама.
 В небесах от летящего лайнера
 Остаются на память два шрама.
 Вдаль плывут облака неуклюжие,
 И уста повторяют «разлука»...
 У искусства простое оружие:
 Звуки образа, образы звука...

111⁵⁶

* * *

Кряхтенье и кашель обвисшей трубы водосточной,
 Большая поленища жирных березовых плах...
 Уеду подальше отсюда куда-нибудь срочно,
 Иначе постигнет меня неминуемый крах.
 Жгут зависть и ревность сильнее июльской крапивы,
 И, кажется, жизнь залетела в крошечный тупик.

Я знаю: у нашей любви уже нет перспективы,
 Как женский характер изменчив и как многолик.
 И будто студент, заваливший последний экзамен,
 Когда всем собратьям по курсу вдруг сдать повезло,
 Я буду в квартире один, подавившись слезами,
 До вечера, словно в бреду, разбирать барахло...
 На всем отпечатки притворства, игры, карнавала,
 Вдруг штопки ее на носке обнаружил следы...
 Уж лучше бы буря сейчас за окном бушевала,
 И с неба на землю обрушилось море воды.
 Нет лучше погоды, чем дождь, для серебряной свадьбы,
 Но сил не хватило у нас до нее дотянуть...
 И я, как помещик разграбленной чернью усадьбы,
 Запрятал в двухкомнатный панцирь разбитую грудь.

112

* * *

Злое тело умрет и с душой не успеет проститься,
 И душе без него одиноко в пространстве живом,
 Она вслед полетит вглубь земли, как домашняя птица,
 Чтоб душевным теплом обогреть заколоченный дом.
 Хоть один только раз обратиться б к живым из могилы,
 Если плачут о родине кости, объятые тьмой:
 «Как ужасно душе экономить душевные силы
 И пришествия скорого ждать Твоего, Боже мой!»
 Всей системой корней проникая в глубины земные,
 Там, где в мире без солнца сияют души миражи,
 У могилы дрожат тополя, как душевнобольные:
 Тело тянется к свету из клетки бессмертной души...
 Под землей на обед собираются хищные твари
 И сосут, и кусают, и лижут холодную плоть.
 Голова распухает от птичьих кондитерских арий,
 Для души в небесах приготовил чертоги Господь.
 Неужели кончаются жизнь и любовь безвозвратно,
 Для меня ядовиты рассудочных логик плоды...
 На лазоревом небе рассыпаны трупные пятна,
 И ползут по равнине сплошные поля лебеды.

113

* * *

Чем старше жизни лес, тем больше дров,
 А бурелом — собранье ветхих мумий...
 Спит среди жертв сердечных катастроф
 Рассудок, поврежденный льдом раздумий,
 Еще сентябрь в лекарственном чаду
 Метет полы, засыпанные мелом,

Считая, что находится в саду,
 В саду прекрасных чувств одервенелом.
 Здесь не слышать жужжанья хищных пил,
 И пчелы не охотятся за медом,
 Кто многих ненавидел и любил —
 Не будет худо говорить о мертвом.
 Так душно в непроветренной душе,
 В ней трезвым долго трудно находиться.
 И как людской судьбы пресс-аташе
 Висит на горизонте рыба-птица...
 И нет прочней решетки белых рук,
 Ум под завязку заселен грачами,
 Пугает ночью, появляясь вдруг,
 Автомобиль с коварными очами.
 Трать, друг, воображения бюджет,
 В «Анналах» растратжирь его, как Тацит!⁵⁷
 Я пережил свой подлинный сюжет,
 Продравшись через дебри имитаций.

114

* * *

Усталый, вспотевший я встал из дремучего сна,
 Ветвями за душу сон долго цеплялся упорно...
 Какого ж тебе, Соколов, еще надо рожна:
 Бутылку кефира и радости теплой уборной?⁹
 Растрепанных чувств уже полон капустный кочан,
 Для их воплощенья любая годится погода...
 Не жизнь, а букет антиномий⁵⁸ у односельчан,
 Штурмующих реку истории в день ледохода.
 Колхозным порядкам в деревне объявлен бойкот,
 Всю ночь щиплют воздух провинции серые совы,
 И празднует свадьбу в саду вожделения кот,
 Но день наступает одетый в костюмчик джинсовый
 И мне по утрам по колену тринадцать морей,
 И лошадь галоп претворяет в живой амфибрахий,
 А срочный ручей свою рысь воплощает в хорей,
 Гекзаметром дышат ночные абстрактные страхи.
 Дымится сигарка в высоких зубах ивняка,
 Но ночь не желает признать своего поражения...
 Для твари у Бога нет воли на дар языка,
 И ждут от меня эти бестии средств выраженья.
 На зеркало поздно пенять, коли рожа крива,
 Но хуже, когда даже мысли кривыми рождаются,
 И ты лихорадочно ищешь такие слова,
 Чтоб было еще на кого в этой жизни равняться.

* * *

Ощетинилось зимнее утро гудками,
 Панорама дымов на ладони реки.
 То ли Зевс-громовержец курил с мужиками,
 То ли небо коптили одни мужики.
 Сильный ветер меня оторвал от работы,
 А потом передали по радио блюз,
 Я из дома бежал, несмотря на заботы
 Непосильно тяжелый, но радостный груз.
 Полоумный, куда понесло тебя нынче,
 Что ты хочешь: богатства, любви, эполет?
 Или мучиться, как Леонардо да Винчи,
 За всю жизнь не закончив свой автопортрет?
 Чтобы вдруг на холсте задышала Джоконда,
 Нанеси миллион гениальных мазков...
 Это вряд ли по силам для членов худфонда,
 Так Шагал не напишет и даже Машков.
 Ох, какой снегопад. Стало глухо, как в трюме,
 И из дома, хоть палкой гони, не уйдешь.
 Стали речи короче, а взгляды угрюмей,
 И не хочет мечтать о любви молодежь...
 Под негаснущей вывеской автовокзалов
 Рядом с кучей понурых маршрутных карет
 Собирает коллекцию снежных кристаллов
 Очарованный собственной смертью поэт.

Невразумительные годы⁶⁰

2004

116

* * *

Мои стихи заводятся, как мыши,
 Как козыри в чужой колоде карт,
 Когда сосульки-градусники крыше
 Под мышки устанавливает март.
 В пространстве жизни мрачной и сутулой,
 Похожей на облупленный дурдом,
 Уже огонь души почти задуло,
 И шамкает зима беззубым ртом.
 Я позабыл, когда мне было тридцать...
 Разносит тело в клочья бури вихрь.
 Страна родная как императрица
 До гроба любит подданных своих.
 Как, Господи, друзей осталось мало,
 Но сохранились в памяти еще

Дурман бараков, запах коммуналок,
 Благоуханье каменных трущоб.
 Могилы стариков грызут старухи,
 К застойным дням любовь в груди горит.
 В роскошном царстве злобы и разрухи
 В большом фаворе бронза и гранит.
 И вот ковчег мой грузопассажирский
 Готов отплыть под колокольный звон.
 Я пышно расцветал в Новосибирске,
 Пусть мою осень нынче видит он.

117

* * *

Уже не так, как раньше, мучит
 Обиды горькая полынь.
 И опыт пошлой жизни учит:
 Нет ни героев, ни святынь.
 История — возня в лакейской
 Из-за доходов и чинов...
 Все брызги слякоти житейской
 В тебя попали, Соколов?

118

* * *

Пока долгоиграющая вьюга
 Рассыпчатую музыку прядет,
 Приснятся мне прекрасный ужас юга
 И в небе солнце, сладкое, как мед,

И колдовские голоса в эфире,
 И вкус вина с ореховой халвой...
 Проснулся я в нетопленной квартире,
 Растерянный, голодный, чуть живой.

«Почто, — спрошу эпоху ветровую, —
 Не граблю, не ловчу и не ворую,
 Последний среди русских недотеп,
 Не славлю идол рыночный взახлеб?»

Жужжа, слетают ангелы и мухи,
 С шипеньем выползают орды змей
 На роскошь ослепительной разрухи
 Многострадальной Родины моей.

Пусть «сникерсы» питательнее жмыха,
 Пускай бананы — «хлеб» для бедняков...

Россия вдруг очнулась, как бомжиха,
С похмельной дрожью, в пятнах синяков,

День, прошумевший судорогой пьяной,
Установил на крови власть ножа,
Ночь бродит как фотограф с обезьяной,
Блицуя и от холода дрожа.

Наохлились дома, зажмутив очи,
Про липовый протез скрипит кровать...
Какие сны цветут на клумбе ночи!
Как страшно их в упор не узнавать!

119

* * *

Ледяным, мохнатым зимним утром
Душный мрак жжет кожу, словно йод,
А душа летит в такси маршрутном
К дому, где меня никто не ждет.
Даже книги мне уже не рады
И все время валяются из рук...
На пути сугробов баррикады,
Стужа и безмолвие вокруг.
Небо в январе темнее снега
Падает на лозунг «миру — мир»...
Доходяга, бабочка, коллега,
Бездевушка, Бог твой ювелир.
Рощи облетели, поле голо,
Мрачен политический режим.
Голосами грубого помолла
Друг на друга больше не кричим.
Но еще грустней тебя молчащей
Наблюдать, не распечатав рта.
Сердце заставляет биться чаще
О любви несбывшейся мечта.
Не жалею, не зову, не помню...
Тлеет жизни скрученный табак,
Входа нет в души каменоломню
Для красивых женщин и собак.
Кто ж тогда вверху так жутко воет,
Что уже не хочется заснуть?
Или вновь любви гиперболоид
Прожигает каменную грудь?

* * *

Жестоко в городе январском
 По окнам бьет метели плеть,
 Ты, сытый злобой и коварством,
 Решаешь завтра умереть.
 Как школьник, выучив уроки,
 Откроешь серый, пыльный том:
 «Белеет парус одинокий
 В тумане моря голубом».
 Какое море, ветер, парус!
 Что кинул он в краю родном?
 Бог сыплет с неба звезд стеклярус
 На мэрию и на роддом.
 В квартире все тебе не мило,
 В тумане пуля ищет грудь
 У Лермонтова Михаила,
 И не блестит кремнистый путь.

* * *

В. Никифорову⁶¹

Свеча. Бумага. Бормотуха
 Змеей вползает в пищевод.
 Вдруг муза ввалится без стука,
 Вино из горлышка допьет.
 На Эверест посуды грязной
 Пикируют квадриги мух.
 Культурой мелкобуржуазной
 Пренебрегает русский дух.
 По радио метеосводке
 Внимает пьяная Ассоль⁶²,
 Дрейфуют в вылившейся водке
 Огрызки хлеба с колбасой...
 Из дома рвется пленный разум
 В раздолье пригородных роц.
 Кося вчера подбитым глазом,
 На кухне муза варит борщ.
 В квартире пахнет запустеньем,
 Картошкой, луком и котом.
 Снаружи в городе весеннем
 Машины движутся ползком.
 Иван гуляет в парке с Марьей,
 Коров провозят на убой...
 И ради этих жалких тварей
 Господь пожертвовал собой?

Для них небес открылись дали
 И на земле расцвел Эдем?²
 Но, если Господа распяли,
 Без Бога людям жить зачем?³
 С сердечных ран сдирать коросту
 Среди мышшиной толкотни
 И к заельцовскому погосту
 Плестись в родительские дни,
 И вслед смотреть чужим машинам,
 И слушать радиомуру
 С плодово-ягодным аршином
 В руке, дрожащей поутру?⁴

122

* * *

*М. Омбыш-Кузнецову*⁶³

Труднее астматика дышит пейзаж на картине,
 В ней вязнет внимательный взгляд, как комар в паутине.
 «Грачи прилетели» — конец ледяной эпопеи,
 «Не ждали»⁶⁴ — грустнее последнего мига Помпей⁶⁵.
 Свет солнца художник смешал с электрической мглою,
 Махая беспомощно кистью, как дворник метлою:
 На подвиг любви уже сил остается немного,
 И слезы с корнями из глаз вырывает изжога.
 Тупик Кольванской и Каинской, блеск Сибревкома
 Ты, вспомнив, подавишься вдруг подкатившимся комом,
 И сразу откроется прошлого светлая эра,
 Ничтожными кажутся слава, богатство, карьера...
 Когда погибает в оковах рассудочных Гойя⁶⁶,
 На холст низвергается слякоть дорог Уренгоя⁶⁷.
 В кошмарном сплетении труб, арматуры и балок,
 Как беден душой человек и физически жалок.
 Изношена вера в людей из бетона и стали,
 И лодка тоски по Вокзальной плывет магистрали.
 Ужели горбатого выпрямить может могила
 Под сенью зеленых и красных икон Михаила?²
 Будь, Омбыш, свободен от ренты животного страха,
 Профессорской лаской питая студентов из НГАХА.
 Для них, если надо, расходуя время и нервы,
 Ты мощной рукой школяров превращаешь в шедевры.
 А кто самого тебя лечит от подлых ударов?³
 Рембрандт и Иванкин да хмурый подвижник Бухаров.
 Они в День рождения твой остаются на страже,
 Развесив картинок пасьянс к четвергу в «Антураже».
 От оргии с красками месяц очей не поднимешь,
 А как не поднять: принуждает пророческий имидж.

Гоняешься мыслью за кисточкой, сросшейся с птицей,
 С вибрацией света, сиренью, жуком, плацданицей...
 Но бьет, прямо в сердце прицелившись углем и краской,
 Тоска совершенства, чреватая участью рабской,
 А может надежда устроить простому народу
 Из душевной культуры триумф возвращенья в природу?
 Лишь гений, тщеславия чуждый, закупорив уши,
 В бессмертие рвется сквозь дебри чудовищной чуши.
 Я думаю ночью, укрывшись до глаз одеялом:
 Кто ж все-таки правит художником: Бог или дьявол?
 А он, пребывающий в самозабвенном восторге,
 Рискует очнуться в дурдоме, а может быть, в морге.
 И встречный боится его необузданной прыжки,
 А как же еще утолять ему жажду открытий.
 Блажен живописец в объятиях умственной лени,
 Приученный чернью за деньги копировать тени.
 Шумит на цветных фотокарточках пойманный тополь,
 А тень его бурей ветвей осеняет акрополь.
 На улице Ленина в зарослях душевного мрака
 Давно караулит художника тень как собака.
 Когда клен, торчащий в глазу твоём, вянет без почвы,
 Такими красивыми кажутся в сумерках очи.
 Уставший творить пусть использует водку и опий
 Для самоспасенья от хищного натиска копий.
 Так тени теней размножают художники в рамках,
 А тени людей о спасении молятся в храмах.

123

* * *

Я побирушкой темно-серой,
 Худой, с мозгами набекрень,
 В разладе с общей атмосферой
 Скребусь в квартире целый день.
 Свободной воли злая сила
 Коварней тысячи изжог
 Меня, как в гроб, заколотила
 И как вода ушла в песок.
 Пережевав наук уроки,
 Газетных сплетен вермишель,
 Распухшая на солнцепеке
 Ползет тоска в глазную щель.
 Домашней скукой околдован,
 Я не хозяин себе сам...
 Бомж во дворе, как в цирке клоун,
 Приводит в ужас нежных дам.

Вверху под вздохи дряблой жести
 Магнитофон творит намаз,
 И как бельмо невольник чести
 Всегда мешает счастью масс.
 Плесни ж мне кислоты соляной
 В лицо, ревнивый домовой,
 За земляничную поляну
 И за родник в глуши лесной,
 За очи, выпившие дали
 Необъездных родных равнин,
 Где дарит подданным медали
 Осенней флоры властелин.
 Где сон разматывает длинный
 Животное, потупив взгляд...
 И ноги русские из глины
 От перемены мест болят.

124

* * *

*Виктору Чиркову*⁶⁸

Пусть серым по серому в сумерках крыльями совы
 Рисуют твоей отцветающей жизни портрет,
 Проглоченный форточкой быстро, как ужин грошовый,
 К утру переварится уличных дрызг винегрет.
 Уютно в купе до упора зачитанной книги,
 И в погреб души постороннему вход воспрещен,
 Багровые листья на ветках гремят, как вериги,
 Под окнами ждут виртуозы любовной интриги,
 Ты все еще дышишь. Чего ж тебе нужно еще?
 Блистает безумная конница тысячей сабель,
 И дождь для атаки лишь ждет подходящий момент,
 Плывет над домами большой, как мечта, дирижабль,
 По радио мучает душу цыганский ансамбль,
 В кармане сквозит недостаток банкнот и монет.
 Должно быть, не зря тебе злые видения снятся,
 Расставшись с которыми год остаешься без сил.
 На плечи и голову нежные птицы садятся,
 Не помнишь, когда только ты их к себе приручил.

Отпразднует город рождение Вити Чиркова,
 Разрезанный Обью, одетой в песок и гранит,
 На небе блистает луны золотая подкова,
 И брачные игры ведут эскадрильи сильфид.
 В кустах от бессонницы арии вяжет пичужка,
 Вопрос за вопросом в уме сочиняет рассвет:
 «Ты чувствуешь время, дизайнер, мудрец и пьянчужка?»

С тобою знаком я не первую тысячу лет!
 Лишь прошлое знает всему настоящую цену —
 В него загляни, когда будешь немножко трезвей,
 Тебя, новорожденный, зря соблазнит на измену
 Минувшему, веткой сирени прикинувшись, змей».
 На клумбах ВАСХНИЛа танцует орда забывудок,
 На Витю посмотришь, увидишь: он вовсе не пьян...
 «Зачем же ты будишь, — евклидовский спросит рассудок. —
 Заснувшие души, включая свой умный баян?»
 — «Бог знает, — ответит с цветущей во рту сигаретой
 Чирков, табаком убажывая могучую плоть. —
 Сон духа грядет, но спасет от опасности этой
 Мусическим даром⁶⁹ меня наказавший Господь!»
 На ощупь войди в лабиринт перламутровых кнопок,
 Его не постигли гроссмейстеры Фишер и Таль...
 Ширь русской души, облаченную в лен, а не в хлопок,
 Открыла баяна волнистая горизонталь.
 Родной небосвод глуповатою синькой окрашен,
 А помнишь, как весело жили мы в прошлом году?
 Стекляннобородые рыцари падали с башен,
 И вялыми листьями люди катились по льду...
 Бес в бороду ребра крушит у незнающих броду,
 Хор листьев звучит тяжелей, чем шалыпинский бас...
 А жизни корабль зарывается в мертвую воду,
 Влача за собой караван размечтавшихся барж.
 Оплакан женой, под гуденье больничного хора,
 В октябрьском морге завернутый в серый мешок...
 Любезный дружок, ты на небо поедешь не скоро,
 Сдирая морщин паутину с щетинистых щек.

125

* * *

На цветном деревенском морозе
 Куры роются в снежном пуре,
 Дятел, выучив азбуку Морзе,
 Долбит в дереве точки с тире.

Почему обмороженной кожи
 Цвет бумаг из столичных контор,
 И мужик молчаливей вельможи
 С похмелюги смолит «Беломор»?

Еле движется стихотворенье
 Без идей, вызывающих шок...
 Строчки Пушкина пахнут сиренью,
 Пробирают до самых кишок.

За околицей царство ребенка
Заражает своей чистотой,
Отелилась в пригоне буренка —
Почему ж в моих мыслях застой?

И летают, как птицы над бором,
«Кто», «когда», «отчего», «почему»...
Жду: какой-нибудь гость разговором
Вдруг рассеет душевную тьму.

Заходи — коллективно заводем
Попурри из родных мелодрам,
Пилигрим, под собачьим конвоем
На снегу оставляющий шрам.

126⁷⁰

* * *

На крутых небесах расплазуются звезд муравьи,
Гамлет выйдет курить за ворота панельного замка,
На алмазе души израсходовав зубы свои,
Трет нужда организм, словно плечи бурлацкая лямка.
Нахлобучив на голову толстый мешок темноты,
Разжевала последнюю порцию ночи скотина,
Распускаются нервы, и пышно клубятся цветы
Сна, в правах уравнившего принца и простолюдина.
Любит Бог коротышек, у них превосходная статья,
В полдень жизни чугунные тени мощней и короче,
Во все стороны вечности бросилось время шатать
Неразношенный разум, измученный ужасом ночи.
Завершается жизни упорный, бессмысленный труд,
Полный громом побед и подсчетами спущенных петель...
Доверяться любимым опасно: за грош продадут.
Разве женщинам свойственна в черные дни добродетель?
И невинность Офелии зря стережет фаворит,
Добираться до сути в ней скучно и конным, и пешим...
Почему ж о любви каждый встречный с тоской говорит,
Будто был в ней всю жизнь не преступником, а потерпевшим?
Если жертвовать долгом во имя прекрасных очей,
Превратится отчизна в забытую Богом обитель...
Всходит принц на Спартаковский мост эфиопа мрачней,
И в любви, и в убийстве себя проявив как любитель.
И наперник угрюмый его, далеко не старик,
Но не рад уж давно ничему, утомленный изжогой.
После смут социальных и мелких дворцовых интриг
По ночам обожая курить над железной дорогой.
Прячет стены дворец под коростой ужасных картин,
Горы пыли жемчужной скопились в углах помещенья,

Гамлет десять веков в Эльсиноре кукует один,
 Водку горькую пьет и у призраков просит прощенья...
 Обращает внимание редко на свой экстерьер,
 Занавесившись дымом от слуг и от бешеной скуки:
 Никогда не хватает ни денежных средств, ни манер,
 Ни смолы кругового терпенья для штурма науки.
 Ночью, кажется, мельницы времени трут все подряд,
 И луна в облаках уже пенится гуще, чем мыло...
 За окрестности юности жадно цепляется взгляд:
 Тело вдребезги память души от волненья разбило.
 Поднимает буран обесцененный вихрь бумаг,
 Снегопад гримирует фасад стоквартирной ночлежки,
 Отзываются всплески стихий помраченьем в умах,
 Но борцы за здоровье уже начинают пробежки.
 О, плешивый подросток, глаза опускающий вверх:
 На часах гастронома уже половина шестого...
 Снег над городом кружится курам заморским на смех —
 И предчувствует сердце явление Царства Христового.

127⁷¹

* * *

Летит голубая моторка
 По глади широкой реки,
 Хмельных продавиц военторга
 Везут с ветерком мужики.
 Воды шелковистая пряжа,
 И шепот прибрежных раки,
 Мозолистый окорок пляжа
 Пробудит к любви аппетит.
 И страшно любить, и приятно,
 Ты вечно к любви не готов...
 Лохмотья реки неопрятной
 Кромсают десятки винтов.
 Прочь, остров в зеленой порфире,
 Где дремлет в траве от жары
 Прекрасная нечисть Сибири:
 Клещи, муравьи, комары...
 Да здравствует жизнь скоростная
 На фоне инертной страны,
 К ней рвешься душой, забывая,
 Что годы твои сочтены.
 Лети, голубая моторка,
 Распарывай швы у реки,
 Лети до Москвы и Нью-Йорка,
 Пока не взорвется подкорка
 От приступа черной тоски.

Подвергнуть забвению тщится
 Душа накопившийся сор,
 И жадно глядит продавщица
 В открывшийся водный простор.
 А где-нибудь в Новосибирске
 Питомец бетонных громад
 Лет десять как шейх аравийский
 Реки не вкушал аромат...
 С душою темней росوماхи
 Случайный старик городской
 Приходит гасить свои страхи
 Волной желто-серой обской.

128

* * *

На набережной встряхивает гривами
 Рябин и лип стреноженное тело,
 Закрылось солнце сводами дождливыми —
 И вдруг душа, как небо, потемнела.
 Прощайте, тяжкий гнет благоразумия
 И здравый смысл, лишенный полномочий,
 Когда луны египетская мумия
 Царит в громадной пирамиде ночи.
 Но молодая, шумная компания
 Гуляет до утра по Сибревкома,
 Ведь бешеная скука выживания
 Пока еще едва ли ей знакома.
 Хруст веток, скрип подошв и скрежет гравия —
 Кузнец порядка с плохо сшитой речью
 И списком жертв дневного равноправия
 Неторопливо движется навстречу.
 Он, по ошибке принятый за демона,
 Сегодня всем, всем, всем дарует милость.
 А нам с тобой, любимая, зачем она?
 Ведь счастья нет, и солнце закатилось!
 Дав нищим духом удовлетворение
 Во времена сезонных перемирий,
 Начнут слова в тюрьме стихотворения
 Беспрекословно делать хакакири.
 И вмиг озябнув в государстве случая,
 Ругается душа со старшей бездной,
 А тень моя страшней, чем мышшь летучая,
 Штурмует крепость истины железной.
 Пускай в часы накопленной бессонницы
 Слабеет сила ревности позорной,

Худая мышь трансцендентальной совести
 Скребется между кухней и уборной.
 И жадно дышит из сырого погребца
 Ночь траурной старухой после ссоры,
 Роскошным продолжением апокрифа
 Луна в окно сочится через шторы.
 На улице под рваными обложками
 Деревья опекают круглых сирот,
 В квартире у подруги пахнет кошками,
 На чердаке бомж царствует как Ирод.
 И в ад, дыша бензином и туманами,
 Похожий на железного дракона,
 Промчится полный трезвыми и пьяными
 Автобус из центрального района
 Под музыку и стерео, и моно.

129

* * *

Т. А. Ермоленко⁷²

Мокрый день, и снежная крупа,
 В подворотне курит шантрапа,
 В дебрях придорожного бурьяна
 Кончился у птиц ангажемент...
 Пользуется сквера фортепьяно
 Спросом до ноябрьских календ.
 Ты несешь домой от церкви к цирку
 Апельсины дочери-подруге,
 На доске пространства чертит циркуль
 От тоски окружности и дуги.
 А зима приходит в платье белом
 И бросает, чуя силы убыль,
 На ладонь, испачканную мелом,
 Сморщенный от ненависти рубль.
 Ласточка, снежинка, Лорелея⁷³,
 Отвечай глазами на вопрос:
 Почему горит, меня не грея,
 Бледный и бессильный цвет волос?
 Рядом кружит ветер в желтой кофте,
 Точит зуб во тьме блатная рать.
 Нежные цветы имеют когти —
 Могут душу в клочья разорвать.
 Мне с тобой сегодня не до шуток,
 Мы, тоской друг друга утомив,
 Ждем, когда очнувшийся рассудок
 Запретит любви тяжелый миф.

Встречи миг короче, чем мизинец —
 Пей, дружок, разлуки горький яд...
 Город стал похожим на зверинец —
 Не заметишь, как тебя съедят.
 Испечет ноябрь чудо-торты,
 К четвергу из крупчатой муки.
 Жилмассив осенней мглой затертый,
 Как «Челюскин», взвояет от тоски.
 И душа поэта Соколова
 С трюмом, полным кающихся вдов,
 Отойдет от берега родного
 И бесследно сгинет среди льдов...
 Я живу бедней церковной мыши
 И неважно выгляжу анфас...
 Так зачем ты мучишь сердца мышцы
 Васильками выплаканных глаз?

130

* * *

Пока танцует дворник возле булочной,
 Зима в сентябрь является царевой,
 С ее приходом станет жизнь рассудочной,
 С ума сойдешь от нищеты душевной.
 Смешались в кучу листьев тарабарщина,
 Вороний гай и хриплый лай собачий,
 Вдруг пожелаешь по примеру Гаршина⁷⁴
 Разбиться насмерть, прыгнув с крыши дачи,
 Хотя в честь двадцать первого столетия
 Шумит оркестр на Выборной⁷⁵ фальшиво,
 Летают листья, словно междометия,
 Танцует сквер, как многорукий Шива⁷⁶.
 Весь день апофеозом невезения
 Царь мух жужжит в пространстве междурамном,
 Невозмутимо в небеса осенние
 Взмывает шар над Вознесенским храмом...
 Один поэт новосибирский вечером
 В тоске самоубийства ест варенье,
 Хрустят дожди, подруга смотрит глетчером...
 Тогда-то вот и всходит вдохновенье.
 Сползает ночь на снег туманом грифельным,
 Горит ладонь, лишь стоит снять перчатку...
 А ты готов пожертвовать двугривенным,
 Чтобы душа могла плясать вприсядку?

* * *

Под березкой худой и поникшей
 Горожанка тоскует в грозу
 По Христу, по Толстому, по Ницше,
 А по мне не уронит слезу.
 Жмутся лошади ночью к телегам
 Будто к ним привязали магнит,
 И звезда над изношенным снегом,
 В темноте еле-еле горит.
 Лошадь в городе сделалась лишней,
 Авеню иномарки шерстят...
 Что ж ты жадно вдыхаешь, гаишник,
 Испарений бензиновых яд?

Обожаю пиры и ночевки
 В помещенье, где грязь и клопы,
 В недрах малолитражной хрущевки,
 Ненавистой родной скорлупы.
 От авансов любви кровожадной
 До утра откажусь наотрез,
 Ночь на голову прыгает жабой,
 Словно мокрый, холодный компресс.
 И мелодией песни заветной.
 Кончив спор между «быть» и «иметь»,
 Неожиданно и незаметно
 Сон ломает меня, как медведь.

* * *

Растоптал невразумительные годы,
 Разжевал невыносимые слова,
 В телогрейке, вышедшей из моды,
 Из ума не выехав едва.
 Шумное родное захолустье
 Праздника, который не вернуть...
 В сердце у поэта индекс грусти
 Вверх растет, как в градуснике ртуть.
 Каторжная русская истома,
 Царь-девица, щука, автостоп,
 Красный флаг над зданием обкома,
 От стыда до неба дымный столб.
 Лодку жизни, никуда не годной,
 Покидают дети и жена,
 И теперь душе твоей голодной
 Некому насыпать горсть пшена.

Разве ради них не лез из кожи,
 А потом без чувств не падал с ног?²
 Тополь всем проезжим и прохожим
 Дарит свои уши, как Ван Гог⁷⁷.
 Ты во сне становишься гуманным —
 Не обидишь мухи и овцы...
 Ночь ложится вирусным туманом
 На бараки, избы и дворцы.
 А проснувшись, молишься как инок,
 В пыльных окнах не видать ни зги,
 Кроме роя пляшущих блондинок
 В жестко-нежных платьях из фольги.
 Ты в ведро из полихлорвинила
 Брось букет фальшивых, постных ласк,
 Чтобы вдруг погибшие светила
 Засияли в пепельницах глаз.
 С головы до ног в долгах, как Пушкин,
 Весь в морщинах, хмурый и седой...
 Что ж ты в кособокой комнатухе
 Вечность возмущаешь ерундой?²

133

* * *

Невтерпеж душе от русских песен,
 А без них она скорей умрет.
 Почему луны тяжелый перстень
 На воде не тонет, а плывет?²
 Поднимает ветер черно-пегий
 Стаи водоплавающих грез.
 Дождь ночной, запутавшийся в снеге,
 Обдирает ржавчину с берез.
 Стонут флоры фурии в пейзаже,
 Принуждая фауну молчать...
 Милостивый Господи, когда же
 Перестанет жизнь во мне кричать?²
 Неохотно листья ниц ложатся,
 Кроме тех, кто легок и упрям.
 Эшелон алмазного эрзаца
 До утра разбросан по полям.
 И холодной, серой, нежной мглою
 На бордовый глинистый бугор
 Вдруг плеснет с отвагой молодою
 Из реки русалок мертвый хор.
 А художник, вымокший до нитки,
 Слушает, пока еще не пьян,
 Проводов высоковольтных скрипки
 Да осин ободранный баян.

Пусть в жизни молодой, где тонко, там и рвется,
 Но в старости страшной чумы любой разрыв,
 А женщина любить всю жизнь меня клянется,
 На следующий день о клятве позабыв.
 Готовый потакать любым ее капризам
 Прощения просил, лил слезы, жил вверх дном,
 И нежная душа фарфоровым сервизом
 Звенела от стыда в шкафу моем грудном.
 Хотя народ с утра готов к труду и к бою,
 На городе лежит дождя густая сеть.
 В тумане голубом вдруг встретишься с собою...
 Не дай мне, Бог, себя в натуре рассмотреть.
 И снова кавардак, когда без церемоний
 Распроданы и кровь и золото побед,
 А там, где свил гнездо израиль филармоний,
 Совсем не так давно шумел политпросвет.
 Накинувшийся дождь и холоден, и мелок,
 На дереве свернул программу соловей,
 Воротит душу мне от выигрышных сделок
 Не только с кем-нибудь, но с совестью своей.
 Прости, Новосибирск, лишившихся наследства,
 Тех, кто под выходной, приняв по двести грамм,
 Просьплется с семьей из транспортного средства
 И свой последний рубль пожертвует на храм.
 За городом в полях пестро от мать-и-мачех,
 И осень по утрам когтит листву как рысь.
 Мне больше невтерпеж выхаживать лежачих,
 А тех, кто всех живей — от ненависти грызть.
 Пока осенний мир был пьян и беззаботен,
 За роскошь и покой безлюдного житья
 Клен красный растерял детей своих сто сотен
 И тут же их забыл, и Бог — ему судья.
 На теле буйных лет следы от ран и порчи,
 Но дух еще здоров, и прав старик Рабле:
 Осенняя любовь — не самый худший кормчий
 Плывущих в никуда костлявых кораблей⁷⁹.
 Мой пульс, как курс рубля при Брежнев, стабилен,
 И мучит только боль от пеня Аонид⁸⁰,
 Пусть бывшая любовь летит в автомобиле,
 Я буду дальше жить пешком, как инвалид.
 Вот занавес упал, комедии финита,
 Народ гремит дверьми разношенных ДЖа,
 А я вдохнуть боюсь через цилиндр фильтра
 Последний кубометр заморского дымка.

* * *

Мы в любви давно уже не асы,
Но зато в нас нет ни грамма лжи,
Мы лежим в земле как теплотрассы,
К нам ползут озябшие бомжи.

Ведь тепла ни для кого не жалко —
Грейтесь, беспризорные князья...
Но душа — не мусорная свалка,
И незванным лезть в нее — нельзя.

Чашка кофе с капелькой «Шартреза»
И на блюде вялый «Камамбер».
Снова в грудку ржавого железа
Превратился первомайский сквер.

Чтобы относиться по-отцовски
К беззащитной матери земле,
Люди в бор приходят заельцовский
Робко, словно в фотоателье...

Каждый вдруг, к любви попавший в сети,
Забывает пищу и питье,
Почему ж беспомощно, как дети,
Мы всю жизнь ждем милостей ее?

Не берет любовь военнопленных,
Беспощадна даже к молодым,
И, как пара пойманных вселенных,
Мы друг друга видеть не хотим.

Красоту, доставшуюся даром,
Не имеем права погубить...
От колодцев в сквере сухопаром
Пар ползет на бронзу и финифть...

[Женщина по-девичьи смеется
Для приманки выпивших вельмож
И под сердцем носит, как уродца,
Днем и ночью собственную ложь...

В голове под шалью голубою
С похотью соседствует расчет...
Каждый, кто обманут был тобою,
В черный час судить себя начнет.]

Но, покамест двигатели ночи
 Держат в страхе собственную тьму,
 Вытекает из часов песочных
 Время неподвластно никому.

И подруга, жгучая, как перец,
 Проклиная общую судьбу,
 Видит в юных женщинах соперниц
 И ревнует к каждому столбу.

Нет давно ни денег, ни поклонниц.
 Жизнь — копилка страхов и обид...
 Так зачем же желтый, как японец,
 Месяц но ночам за мной следит?

Грабят ненаписанные книжки
 Молнии и гром чужих побед,
 Целый месяц Обь без передышки
 Бьется о гранитный парапет.

Но стихии чувствуя истому,
 И худым предчувствием томим,
 Обратившись к образу святому,
 Ты стоишь с лицом глухонемым...

Страшно встретить губ гусиной кожей
 Утром холод стиснутых зубов,
 В шубе дорогой, как под рогожей,
 Станешь вдруг несчастней, чем Иов⁸².

Бог — свидетель судорог прощанья,
 Путаницы мыслей и вещей...
 Тело гложут ревность и отчаянье,
 Вьет гнездо в душе стыда Кощей.

После бури будешь хмур, но сдержан,
 Можешь даже выпрыгнуть в окно,
 Дождь пронзая папиросным стержнем
 И тумана стекловолокно.

* * *

Зимы имущество бесхозное,
 Морозы, птичья болтовня...
 Люби меня, пока не поздно,
 Люби меня.

Над нищетой лесопосадок
 И деревень полуживых
 Еще не выпавший в осадок
 Снежок танцует как жених.
 Пока ты в розницу и оптом
 Себя с похмелья продаешь,
 Краюха хлеба пахнет потом,
 Сугроб щетинится как еж,
 Вороны стаей грампластинок
 Над домом кружатся с утра.
 Мир — вовсе не театр, а рынок,
 И в нем нет места для добра.
 Нас беспощадный дух наживы
 Подстерегает как бандит.
 Хотя сердца для чести живы,
 И для любви простор открыт...
 Давно размножены на фото,
 Но не вместились в прейскурант
 Тоска рембрандтовских офортов
 И дрожь бетховенских сонат.
 Ликуйте, стриженные овцы,
 Ведь доблести цена — алтын...
 И вряд ли явится к торговцу
 Вдруг совесть, словно блудный сын!
 И лишь звезды свечным огарком
 Озарена юдоль людей...
 А я не буду олигархом,
 Не буду точно — хоть убей.

137

* * *

Т. Ермоленко⁸³

В компаниях светских всегда на себя негодую,
 Врасплох налетев на улыбку твою молодую,
 А дома свободный от ига подруг благосклонных
 Цвету вечерами в беседах с тобой телефонных.
 С рождением что ли, желанная, полусвятая!
 К тебе как репейник цепляется времени стая...
 Все меньше желаний — вино только ради потехи,
 А что впереди? Поликлиники, морги, аптеки.
 Упадок науки и благоухание мифа...
 Молюсь перед сном о тебе, привокзальная нимфа!
 Когда же на чай пригласишь меня вечером в терем,
 Чтоб город под утро шатался в нас заспанным зверем,
 И в сквере разыгрывал сцены борьбы греко-римской
 Поэту, плывущему в лодке тоски по Нарымской?

На мокрую улицу россыпью листья ложатся.
 Зачем только было им нужно весною рождаться,
 Шуметь среди братьев под солнцем и мглой голубою
 И, скрючившись, падать на землю, любуясь собою?
 Ночь в Новосибирске страшнее фантазии Босха,
 Вдруг щеку погладит снежинка из нежного воска,
 Как только закружатся бесы в безбрежной стихии
 В причудливом танце под осени звуки глухие.
 А дождь в темноте представляется вдруг пулеметом,
 По демонам флоры строчащим в саду полумертвом,
 Где каждый витийствовать может о собственном страхе,
 Скрывая свое самодурство в сибирском размахе.
 Открой свое тело зиме, а не шукам дизайна,
 На выдумки ночь в ноябре чересчур урожайна.

138

* * *

Снег над деревьями кружится белой вороной,
 Мир на корню, серебра не жалея, скупая.
 Выдернув провод змеи из души телефонной,
 Ночь раздевает наощупь себя, как слепая.
 Ревность вонзает в меня металлический коготь,
 Лишь вспоминаю тебя обнаженной до края,
 Дали бы нежные губы губами потрогать,
 Я бы от счастья взлетел с тобой в небо, родная!
 Снова на сучьях бугрится рассыпчатый иней,
 Снег под ногами скрипит скорлупою яичной,
 Пусть мне дороги заказаны в терем к княгине,
 Буду один куковать я в ночлежке кирпичной.
 В теплой постели меня обнимает истома,
 Жизнь тяжела, беспросветна, но спать еще рано —
 Я до утра буду медленно пить из альбома
 Солнечный мед репродукций Ватто Антуана⁸⁴.

139

* * *

Как серый налим, замороженный сетью в Нарыме,
 Я жабрами впитывал воздух завода пластмасс,
 За мною следили деревья глазами гнилыми,
 И в небе луна отказалась сверкать как алмаз.
 Хотелось воспеть от души городские красоты
 И от земляков получить чернозем похвалы,
 Но в новых домах, превращенных в роскошные дзоты,
 Недобрые взгляды из окон торчат как стволы.
 Отдав до копейки налог летоосени кровью,
 Берез хороводы и кленов цыганский шалман,

Как только в морозы возникла угроза здоровью,
 Закутались по уши в толстый, тяжелый туман,
 Родные пространства однажды вдруг стали чужими,
 А нового счастья вино мимо рта протекло
 У тех, кто полжизни отбухал в советском режиме,
 Кого обмануло фальшивой звезды барахло.
 Погас коммунизма маяк, и не видно дороги:
 Глаза притомились, и компас сломался давно,
 И царствуют в центре заморских реклам осьминоги,
 И манят улыбкой фортуны людей казино.

140

* * *

*О. Волковой*⁸⁵

В тот час, когда глаза полузакрыты
 И рот едва не рвется от зевоты,
 Среди овец в ковчеге волки сыты,
 И с длинной бородою анекдоты,
 И так прелестна бытовая мерзость,
 Что освещенный адскими огнями
 Дух взбунтовался: широко разверзлась
 Рождественская пропасть между днями.
 Предпочитая шишкинским медведям
 Калейдоскоп картинок в духе Клее⁸⁶,
 Мы прочь из дома в сумерках поедем
 Туда, где сердцу русскому теплее,
 Когда помчим галопом или рысью,
 Не поддаваясь зависти и злобе...
 Портреты наши грифелем и кистью
 Запечатлеют тени на сугробе.
 Зимы ландшафт, пленительный и жуткий,
 Открылся со Спартаковского моста,
 Фонарь, цветущий пышно, ради шутки
 Бросал букеты в пасть ночного монстра.
 Охалки света жадно зверь глотает,
 Не поперхнувшись, в городской берлоге.
 Провинциальной вьюгой замечает
 Воспоминаний узкие дороги.
 Не разберешься, где лицо и маска...
 Меня, на милость Божью уповая,
 Вези в Мочище через площадь Маркса,
 Храпя на спусках, тройка легковая!
 Пускай лицо терзает снега щелок,
 Забились в щели уличные шавки,
 Дворец буржуев в логове хрущевок
 Шарашится, как слон в посудной лавке...

За тех, кого любил и помнил плохо,
 Взвод фурий собирает недоимки.
 К окну машины Дед Мороз-пройдоха
 Приклеил городские фотоснимки.
 Какой чужой Новосибирск на фото,
 Какой далекий от оригинала!
 Метель, как тень Иуды с фресок Джотто⁸⁷,
 Меня в сухие губы целовала...
 В груди поэта, сердце, бейся чаще,
 Воображенье, рвись из Спарты в Трою
 За женщиной, легко переходящей
 От Менелая⁸⁸ к новому герою...
 Скребет авто холст ночи мастихином⁸⁹,
 Волнует сердце магией движенья.
 Дай, Бог, на волю рвущимся стихиям
 Мощь языка для самовыраженья!
 Но прекословя колоколу храма,
 Тоскует в филармонии соната,
 Работает метели пилорама,
 У облсовета с грацией сената.
 Звезда волхвов ведет до Вифлеема,
 Мать сына спать укладывает в ясли,
 И на флагштоке римская эмблема
 Блаженствует, как сыр, катаясь в масле.

141

* * *

На голове, обросшей мыслями,
 Уже нет места для волос,
 Не килограммами, а милями
 Синоптик меряет мороз,
 Но все пышнее церемонии,
 И красочней журналы мод,
 Хотя в родной стране Лимонии⁹⁰
 Пейзаж похож на натюрморт...

Нам суждено общаться жестами,
 Пока секретари ЦК
 Шумят морщинистыми текстами
 Бессмертного временщика.
 Кто разберет его каракули
 Среди убийственных морщин?
 Попы, мошенники, оракулы,
 Вожди немыслящих машин...

Базар-вокзал в аудитории,
 А пастырей слепых овец
 Трясут истерики истории,
 Закончившейся наконец.

* * *

Дайте пилюли и спирт для души заболевшей,
 Чтобы она по ночам непрерывно не ныла,
 Новосибирцу, обросшему мохом, как леший,
 На барахолке сменявшему шило на мыло...
 Не посвящая досуга проклятым вопросам,
 Чтобы душа без любви голодала и мерзла,
 Лучше вступить на корабль ахейский⁹¹ матросом
 И созерцать круглосуточно волны и весла.
 Хватит, беззвучно шумящие волны Гомера,
 Слух мой калеча, друг с другом свободно калякать,
 Вдаль за Прекрасной Еленой уходит галера,
 Тела морского зубами попробовав мякоть.
 Хищный форштевень в нее зарывался по уши
 И, из воды поднимаясь, выплевывал пену...
 Как ни старался, не смог свою клятву нарушить
 Фауст, одним из последних ласкавший Елену.
 Громко гордится она свежескроенным платьем
 И перед зеркалом холит свои украшения —
 Женщины вечность проводят за этим занятием,
 Царского плена страшнее в любви поражение...
 Трои окрестность пресытилась смрадом и дымом:
 Зевс, это ты мясорубки троянской инвестор!
 И Агамемнон, на родине став нелюбимым,
 По твоему наущенью убит Клитемнестрой!⁹²
 Лишь Одиссей, собирающий хлебные корки,
 Сразу подался к цыганам в кочующий табор,
 Чтобы дремать на траве с самокруткой махорки
 В красных губах, составляя букеты метафор.
 Плоть изнасилась до крайности, штопай-не штопай,
 Лучше погибнуть, чем жить в окружении черни...
 Скучно на острове медленно гнить с Пенелопой⁹³,
 Если еще не размотан клубок приключений.
 Он, как Кощей, не молился над каждой минутой,
 И не стыдился одежды своей затрапезной...
 В мире любовь остается священной валютой,
 И конвертировать в доллар ее бесполезно.
 Город зевает, объятый цветущей ленью,
 Снег изготовлен из книжек, разорванных в клочья,
 Только поэт настоящий с живым удивленьем
 Чувствует звезды, бесшумно растущие ночью.

* * *

Любимая, не надо хмуриться:
 Еще работают киоски,
 Реки ошипанная курица
 Готова к полной заморозке.

Царевна, симулякр⁹⁴ вечности,
 Звезда, охрипшая сирена,
 Спи, на груди сложив конечности,
 В мешке из полиэтилена.

Хлебнув вина, соблазнам хаоса
 Душа сдается без базара.
 Пассаж из оперетты Штрауса
 Издаст пустая стеклотара.

Чтоб не был пьяными прохожими
 Затоптан в грязь прекрасный вечер,
 Следы за ангелами божьими,
 Поэт как авиадиспетчер.

Среди людского изобилия
 Лишь у поэта нету пары.
 Берез разодранная библия
 Ковром покрыла тротуары.

На рейде пар спускает «Собинов»,
 Зуб лунный ковыряя мачтой...
 Сегодня вечером особенно
 Жизнь кажется пустой и мрачной.

Жар-птицей листьев, снятых в панике,
 Оплачены издержки роста...
 И вновь снежинок многогранники
 Приносят в город дух сиротства.

Проезд в авто чреват аварией,
 Жужжит оса электродрелью,
 И ты не хочешь разговаривать
 Со мной четвертую неделю.

* * *

Над вазой с пионами кружатся синие мухи,
 Подруга вдыхает цветов увядающих газ...
 Ей грустно всегда после нескольких рюмок сивухи,
 А после шампанского — прыгают слезы из глаз.⁹⁵
 В такое же время другая с бокалом крюшона
 Уходит от сверстниц в подвале курить коноплю,
 Увидев все это, мой разум кипит возмущенно,
 Но я почему-то ее еще больше люблю.
 У третьей во рту расцветает тюльпан сигареты,
 Когда ей накину на плечи ворсистый пиджак,
 Зачем ко мне в уши влезают чужие секреты:
 От лишнего знания всегда попадаешь впросак.
 Четвертая гордую жизнь, как портвейна бутылку,
 За двадцать секунд выпивавшая жадно до дна,
 Сейчас за улыбку пытается выдать ухмылку,
 Вонзая в обидчика взора двузубую вилку,
 И я удивляюсь: какого ж ей надо рожна!

В удушливом мраке тускнеет зрачок сигареты,
 И в форточку сердца вползают обида и страх.
 Будь проклят обед на огне моих чувств разогретый,
 Пусть гири грехов твоих взвесит судьба на весах.
 Пора поднимать на поверхность, Родосский Андроник⁹⁶,
 Высокие горы бесценной духовной казны...
 Зачем трансформировать свод исторических хроник
 Душе по ночам в бесполезные дивные сны?

Лишь только рассеется морок ночной полуправды,
 Есенинский клен обглодают дворовые псы,
 На лезвиях черствой травы засверкают смарагды
 Рассыпанной поутру пушкинской жгучей росы.
 И ветер в листе, не сырой, но по-блоковски ржавой,
 Играет с рябиновой гроздью... И снова, как встарь,
 Зима молодая по улицам шествует павой,
 А следом за нею плетется мороз-государь.

* * *

Мне дорог звон хрустального фужера
 И тополиных почек нежный клей.
 Ведь счастье человечества — химера,
 А время мчится к смерти все быстрей,

Вокруг шумит парад самодовольства
И слепит блеск коммерческих картин.
Вино любви теряет свои свойства,
Когда ты долго пьешь его один.

Душа всегда останется бездомной,
Но тело быстро чахнет от разлук...
Стремглав сквозь поры крепости двухтомной
Пройдет магнитной бури ультразвук.

И в ящике окна обледенелом
Врасплох однажды застаешь мечту:
Она, с чужим совокупляясь телом,
Грозит убить свою неполноту...

Гусь лапчатый, живущий всухомятку,
Все знает про любовь наверняка,
Он не умеет резать правду-матку,
Но мучит ночью тело языка.

Бог до суда хранит твои мгновенья —
Чего ж еще ты хочешь, волчья сыть?
Хочу, свирепой жаждой вдохновенья
Переполюсь, быть или... не быть!

А дождь косматый вновь в центральном парке
Копытом твердым в землю бьет, как конь.
И в небесах огни электросварки
Во сне пугают девушек-тихонь.

146

* * *

За хвост самолета цепляется птиц вереница,
И третьей ногой для старух служат лыжные палки.
Твой голос услышу, и плоть моя воспламенится,
Но скоро погаснет, дымя, словно мусор на свалке.

Горит на ветру эскадрон гренадеров в кирасах,
Вдруг рота гусар, разгоревшись, взорвалась, как порох,
А чернь в это время пьет пиво на дачных террасах
И тратит себя до копейки в пустых разговорах.

Костлявая осень бросает в людей воробьями,
Проходит поэт сквозь каре тополей прогуляться,
С похмелья страдает пропойца, проснувшийся в яме,
А женщина видит в погонщике слов тунейца.

В компании с музой, спиной повернувшись к быту,
Я вновь позабыл расписание бури магнитной,
У ночи октябрьской тело тугое, как битум,
Его успокаивать нужно постом и молитвой.

С презрением к набитым цитатами энтузиастам
Ждут в воздухе мысли слова словно аэропланы.
Цыганкой гуляя по улице в платье цветастом,
Осенняя буря коверкает смелые планы.

Нарежет ломтями поэт циферблат каравая,
И так загуляет, что вскрикнет солдатская койка,
И как хорошо, что у женщины память плохая,
Ей даже в любви повторяться не страшно нисколько.

Материк⁹⁷

2006

147

Консервная баллада

И сам не заметишь, как жизнь переедет экватор,
И сразу же город родной пропадет за холмом.
Из зеркала смотрит в упор на тебя консерватор,
Расторгнувший свадьбу души с беспилотным умом.

Желаний ковер-самолет из меню самобранки,
Сбивавший с дороги ума партизанский отряд,
С утра загоняет русалок в консервные банки,
В консервное счастье, в гущенной любви маринад.
Дай волю, старик, расшатавшимся к вечеру нервам,
Звездой размагниченный ум тарахтит не попад...
Не радуют праздники в сумрачном царстве консервном,
И абorigены не могут понять листопад.

Поджилки прибоая под Новосибирском трясутся,
Когда низкий берег с утра лихорадит от выюг.
Консервная буря однажды посредством трезубца
Меня пригвоздит и повесит сушиться на крюк.
Царь мира сего — неустанный ловец человекoв,
Какую наживку в охоте на нас предпочтет?⁹
А выберет он, головой хорошо покумекав,
Любовь к приключениям, силу, богатство, почет.
Эпохе, в правах уравнившей охотника с дичью,
Поможет подруга украсть у Прокруста⁹⁸ кровать,
Чтоб больше не прятать в рукав свою голову птичью
И носом железным в открытую печень клевать.

Бульвару на Красном зима угрожает осадой,
 Взят штурмом Нарымского сквера крутой материк,
 Душа под влиянием чар красоты беспощадной
 Бросает знамена к немывтым ногам прощелыг...
 В консервном раю неизменно сырая погода,
 Цветет ревматизм, консерватор над рюмкой кряхтит,
 Спартаковский мост на ремонт заморожен полгода —
 Для связей со мной у подруги исчерпан кредит.
 У чувств увядающих пышную бронзу декора
 Легко консервирует серая патина лжи,
 А утром откроет свой фирменный ящик Пандора,
 Бродягам на дне оставляя надежд миражи.
 Консервному времени нравятся пышные сцены —
 Без страха разлить и испортить пятном пир горой
 Поставлю на стол алкоголя хрусталь драгоценный
 И блюдо с блинами, и вазочку с черной икрой.
 И пусть в этой жизни рождаться и гибнуть не ново,
 Устал я спастись от стаи консервных обид...
 Заткните фонтан, наконец, госпожа Пугачева,
 Позвольте послушать спокойно ансамбль Аонид^{99!}
 Раз желтые птицы стартуют с насиженных веток,
 И желтые дети гордятся консервной страной,
 Божественной музыки дайте вкусить напоследок,
 И перышка легче — прощание с жизнью дрянной.

148

* * *

Н. Смородниковой¹⁰⁰

Пока шумит берез китайский веер
 И нагоняет холод в города,
 Из пункта А реки большой конвейер
 Уносит мое горе в никуда.
 Смотри, как вьется лентой темно-синей
 Ленивая сибирская река...
 Боярышник рассерженной гусыней
 Терзает мою грудь исподтишка,
 И клен шуршит ногтями в маникюре,
 Не гей, не вор в законе, не святой,
 И отражает жизнь в миниатюре,
 Блистающую нищей красотой.
 Вообрази над пригородной зоной,
 Как Обь с похмелья поменяв свой жанр
 Накроет вдруг волной серо-зеленой
 Моторки сухопутных горожан.
 О, страшный шум беснующихся фурий,
 Во власти их река на много миль...

Что может быть в натуре лучше бури,
 Когда в душе четвертый месяц штиль.
 На дно идите, скученные годы,
 Былой любви невыносимый гнет.
 Пусть картой в глубине речной колоды
 Козырной масти рыбка промелькнет.
 Ты помнишь, только загуляет осень,
 Дышала в окна близкая река,
 И на Фабричной в доме № 8
 С тобой цвели мы, словно два цветка.
 Бывает, мир представится пустыней,
 И песен звезд не слышно в небесах,
 Но ты выходишь с лентой темно-синей
 В небрежно взбитых пышных волосах.

149

* * *

В. Ярцеву¹⁰¹

Липы на задворках поликлиники
 Жертвуют имущество на храм.
 С веток светло-желтые полтинники
 Сыплются на землю по утрам.
 Рай зажжется к вечеру неоновый,
 Вспухнет одиночества синдром.
 Нет со мной Арины Родионовны,
 Друга нет и кружки нет с вином.
 Мне луна в окно глядит неласково,
 Сон прельстил мечтой и был таков.
 Языка обрывки тарабарского,
 Мешанина стуков и звонков.
 С химзавода облако зловония
 Накрывает Кировский район,
 Но какая чудная симфония
 Зазвучала вдруг со всех сторон...
 Над гусинобродскими оврагами,
 Над военным в доску городком
 Новобранец снег идет зигзагами,
 Словно выпил лишнего с дружкой.
 Снег идет нежней и нерешительней,
 Чем родные братья: дождь и град,
 И следит за снегом горстка жителей,
 Гордых, будто выиграла грант.

* * *

Новосибирск в ненастье глуше хутора,
 Дни тянутся гурьбой одни и те же,
 И в добровольном рабстве у компьютера
 Душа общаться с музой стала реже.
 Дождь льет и льет с неистощимым бешенством,
 Шумит с утра до ночи неустанно,
 И я тебе представляюсь жалким беженцем,
 В Сибирь попавшим из Таджикистана.
 Небесной канцелярии претензии
 Телеграфируй, сердце, из подъезда,
 Пусть одурманил запахом гортензии
 До смерти нас двухкомнатная бездна.
 Мы отгуляли вместе дни рождения,
 Прошла любовь, но все же помним оба,
 Как наших душ роскошные растения
 Тянулись вверх из книжного сугроба.
 Ужели чувства были только книжными,
 И смерть их нам не нанесла урона?
 Сидит, блестя очами неподвижными,
 От слез окаменевшая Горгона¹⁰².
 Обвешан куст стеклянной бижутерией,
 Труб водосточных кашляют свирели,
 И в новой жизни похоть с бухгалтерией
 Отпразднует победу неужели?

* * *

Т. В.¹⁰³

Отвергнув с сочувствием лезть подогретой воды,
 Добытой из недр и пригодной для нужд населения,
 Октябрь за любовь с новобранцев не требует мзды,
 Но просит ее с ветеранов за шок исцеления.

Пусть щелкают клювами пейджеров стаи в кустах
 О мнимой свободе от приступов черной корысти,
 Ты любишь как бабочка осенью, жизнь не за страх,
 За праздники ягод рябиновых, собранных в кисти.

Но перипетий разбирая подробно мосты,
 Напрасные страхи за чистую примешь монету
 И, вдруг обнаружив в зиме идеал красоты,
 Роскошную осень мгновенно сживаешь со свету.

Кленовый листочек стремится на землю упасть,
 Как будто ему недостаточно сил тяготенья...
 Устала Деметра¹⁰⁴ — да здравствует чистая страсть!
 И руки дрожат у любовников от нетерпенья.

Умножилось за ночь количество снежных полос,
 И ты пожинаешь плоды своего безрассудства:
 Жужжит механизм наслаждения даже в мороз,
 И белые куры в полях непрерывно несутся.

От вспухшей гордыни себя называешь на «вы»,
 За тридевять верст не встречая ни волка, ни зайца —
 Метет и метет от Находки до самой Москвы,
 То вьюга мешает высиживать снежные яйца.

Что шепчешь в кулак? — на прощанье белугой завой,
 Пройдись колесом, ведь покой тебе больше не снится!
 Царапает плечи провисшая над головой
 Октябрьского неба тяжелая власяница¹⁰⁵.

* * *

А. Чернову¹⁰⁶

Прошу Вас до утра остаться,
 А Вы мне разве возразите?
 Жизнь — промежуточная станция
 В межчеловеческом транзите.
 Бог понял, не были мы ровней:
 Где праздник, там вино и драка.
 Сплыл сад с жуками и жаровнями
 В стихотворенье Пастернака...
 В любви незыблемы традиции,
 Но с каждым годом все грустнее
 Жевать глазами экспозиции
 Полотен, пляшущих в музее.
 Ах, сколько красного и милого,
 А золотого — выше крыши!
 Больны художествами Шилова
 Чиновники и нувориши.
 В автобусе, хрустя огурчиком,
 Заговорят о Рафаэле
 Четыре барышни с попутчиком,
 Как выцветшие акварели.
 И о Пикассо впечатления
 Тасует сплетников орава,

Ведь обо всем, без исключения,
Она судить имеет право.
Для тех, кого трясет истерика
При трансформациях натуры,
Тибетские компрессы Рериха
Важнее фирменной микстуры.
Ссутулившись во время Брежнева,
Сердца дерзать в любви отвыкли,
Но сколько чистого и нежного
Накоплено в застойном цикле.
Едва скрипишь, порою брезгуя
С утра подняться из постели,
Как семь слепых с картины Брейгеля¹⁰⁷,
Сползают в вечность дни недели.
Ощерились в снегу растения:
У них одежды нет и дома,
Мощнее силы тяготения
Содома жирная солома.
Штурмуя твердыни женской верности,
Когда героев поколенья
Влекут скользящие поверхности
Восторгами самозабвенья.
Не так ли, словно после Батгья,
В дни, полные огня и риска,
Листают сны подслеповатые
Рулоны грез Новосибирска.
Грузи осенних чувств химерами
Глухой цилиндр калейдоскопа,
Чтоб за теньями темно-серыми
Потух последний глаз циклопа.
Плати за каждую метафору,
Воображение большое,
Дай в живописи — больше сахару:
Зачем народу остальное?
Народ забудет остальное.
За место на ковчеге Ноя.
Как Рембрандт на коленях с Саскией¹⁰⁸,
Дуб осень празднует с рябиной,
Им почести окажет царские
Зима с ухваткой ястребиной
И ночью город за заслонами
Фабрично-заводских окраин
Трясет лохмотьями зловонными,
Весельи, словно Ванька-Каин.

* * *

Муза стучит за окном железякой,
 Кажется вымыслом явь,
 Я, дорогая, любил тебя всякой —
 Душу в покое оставь.
 Первому встречному в сумерках даром
 Песню играя с листа,
 Хмурый июль обожжет скипидаром
 Все дорогие места.
 В Новосибирск штурмовать бутерброды
 С роскошью недр и тайги
 Едут со скарбом чужие народы,
 Дальше не видя ни зги...
 Спрыгнувший с поезда в куртке прожженной
 Шнырь кулундинских степей
 Кружится над лесопарковой зоной,
 К сердцу пристав как репей.
 Клены и тополи сбросили цапки
 С высохших праздничных тел...
 Разве Владимир Иванович Вернадский¹⁰⁹
 Это увидеть хотел?
 Пахнет из тамбура жженой резиной,
 Встретились пламя и лед,
 Сторож из школы отравой крысиной
 Сквер первомайский зальет,
 Чтобы, гуляя компанией шустрой,
 Свежие выпускники
 Выдали мне за союз с Заратустрой¹¹⁰
 Ссадины и синяки.
 «Есть еще хаос в вас, — я говорю им, —
 Верьте — родится звезда!
 Сядем, обнимемся, власьть погорюем,
 Скажем грядущему «да».
 Жизнь проиграв, словно битву на Калке¹¹¹,
 Чистой воды старичок
 Пустит по кругу бутылъ минералки,
 Хлеб, колбасу, коньячок.
 Сыну, крещеному в дикой купели,
 Ночью на зависть другим
 Дружно хрустальные рюмки пропели
 Счастья сиротского гимн.
 Улицу в честь космонавта Титова
 Песней запрудит Орфей,
 Живший еще до Рожденья Христова,
 Русский до мозга костей.

Кто же еще, кроме новосибирца,
 Может отвергнуть менад?³
 Женскому сердцу не хочется биться:
 Горек любви мармелад.
 Кажется, встретились мы не впервые,
 Память — сплошной бурелом.
 Дымом наполнились сны золотые,
 Грязью и битым стеклом.
 Пахнет в Аиде лесной земляничкой,
 Стикс холодней, чем Иня.
 Не до свиданья — прощай, Евридика,
 Лихом не помни меня.
 Встретиться с девушкой, самой невинной,
 В юности каждый мечтал.
 Руки подруги испачканы глиной,
 В голосе ржавый металл.
 Девушки кончились, счастье — химера,
 Жизнь в рукавах коротка...
 С желтым портфелем студент универа
 Из Академгородка
 Понял, родившись в Советском Союзе,
 Мудрость шагреневых строк:
 Молодость — вихрь страстей и иллюзий,
 Запертых Богом в мешок.
 Ветер, меня отправляя в нокдаун,
 Песню заводит, как Цой.
 Прошлое кажется не волкодавом —
 Помесью волка с овцой.
 Буря бульвар, как Самсона Далила¹¹²,
 За ночь остригла под ноль,
 Кончился стих, но остались чернила,
 Хлеб и зеленая соль.

154¹¹³

* * *

М. О.-К.¹¹⁴

Не дай Бог лицо твое без грима
 Зеркало покажет в шестьдесят,
 На закате дня хоругви дыма
 Мрачно над заводами висят.
 Видишь в каждом юном недоумке
 Вызов, став мишенью для проказ,
 В клетке тела, словно в старой сумке,
 Носишь душу как противогаз.
 Без души отравлен был давно бы
 Ты ужасной былью городской,

Где субъекты корчатся от злобы
И глядят в грядущее с тоской.
Ветер в будке ночи толстокожей
Смешивает с шелестом листвы
То возню мышей в углу прихожей,
То разборки уличной братвы.
В полночь среди каверзных диковин
Распухает жизни вещество...
Ты оглох сильнее, чем Бетховен,
Ты не слышишь больше ничего.

Безделушки в моцартовском кресле
Крась, художник, долларов за сто,
Музыка людей покинет если,
Мир проглотит хищное ничто.
Даже смерти музыка причастна:
Без оркестра нету похорон...
Почему ж ты, милая, несчастна?
Выйди слушать колокольный звон!
Мучит участь органа общения,
Скоро он сгниет наверняка.
Попроси у Господа прощенья —
Поживи совсем без языка!

Ты и я, как Альфа и Омега,
Тянемся друг к другу из руин...
На букет цветущих веток снега,
Мягкого, как белый пластилин,
В кипятке людских противоречий,
Ангел, распыли аэрозоль,
Чтобы мог с тобою каждый встречный
Разделить по-братски хлеб и соль.
Господи, скажи: чего мне надо?
Цвет вселенной — вечности зевок!
Нет любви в пейзажах Леонардо:
Море, горы, сеть пустых дорог...
Облаков густая простокваша,
Услан камнем к смерти трудный путь.
Вечность, прозевать явленье наше
Сможешь ли еще когда-нибудь?

* * *

*И. Ульяниной*¹¹⁵

Из головы весь мусор выкину, стихи оставлю,
На гору отнесу кудыкину ружье и саблю.
Идет прием с утра до вечера металлолома,
И на зубах слепого Хроноса хрустит солома.

Все перетрется: целомудрие и госприемка,
 Раздулась похоть желтой нутрией, скрипит поземка.
 Пейзаж с лица сотрет косметику, не свой от грусти,
 И сам себе, как пастырь смертнику, грехи отпустит.
 Сорвет с плеча доху из соболя — наденет ватник
 Вкушать душой под сенью тополя нектар галактик.
 Минувший год был добрым барином и за кулисой
 Мог лакомиться гусем жареным тайком с актрисой,
 Шепча ей скверные истории, целуя руки...
 Как на дрожжах, в консерватории плодятся звуки.
 На тощем горле сквера узники раскрутят шарфы,
 Чтобы извлек крупицы музыки Эол из арфы.
 Вокруг подробней, чем у Плиния¹¹⁶, и в стиле ретро
 Кусты покрыты слоem инея в три сантиметра.
 Поэт, шедеврами беременный, живет в фаворе,
 Но шапка краденого времени горит на воре.

2004

156

* * *

Плачь Ярославной¹¹⁷, дева в платье бежевом,
 В сумбурной жизни вечно неполадки:
 Том Манделъштама в сумке с мертвым пейджером,
 И недра дискотеки кисло-сладки.
 Хотя октябрь раскинул перед взорами
 Пасьянс бульваров, ярких, как комета,
 Между тобой и мной мосты не взорваны,
 А сгнили, развалившись незаметно...
 Ломоть батона мажешь маслом сливочным,
 Пьешь крепкий чай с египетским лимоном,
 Но вдруг воспоминанием обрывочным
 Душа тебя трясет бесцеремонно,
 Как в греческой трагедии без зрителей...
 В окне буран кипит молочным супом,
 Хруст листьев скорпионов отвратительней,
 И муха в стену ввинчена шурупом.
 Укором обезлюдевшей окрестности,
 Заставив смолкнуть в сквере хоры дичи,
 Повис свинцовый ужас неизвестности,
 Как фон в портретах позднего да Винчи.
 Я прогуляю тело возле тополя,
 Оставшегося за ночь безволосым,
 И тень моя, похожая на Гоголя,
 Свой подбородок совмещает с носом.
 И кажется темней шкатулки лаковой
 Мой бывший дом, где враг трубит победу.

Меня другая обнимает ласково...
Я никуда отсюда не уеду!
Снег, наждака нежнее и шершавее,
Лежит на сучьях сосен темно-рыжих,
Любимая — оплот самодержавия —
Давай с тобой прокатимся на лыжах?

Январь 2005

* * *

Однажды притащусь с душой заплесневелой
Из бездны городской в глухой осенний лес,
Скользнет над головой испанской каравеллой
Лист клена по волнам смутившихся небес.

Зажмуришься и сам представишься былинкой,
Летящей никуда в пучине неземной...
Трюм полон до краев сокровищами инков,
Индийской коноплей и аравийской хной.

Осинник вразнобой поет в дыму багряном,
На веки положив тяжелую сурьму.
Ненужный человек идет к нему с баяном
И робко норовит подыгрывать ему.

Пока он рад внимать мелодии звучащей,
Но вдруг взмахнет платком серьезная Иня...
Чем дальше вглубь себя, тем сердце бьется чаще:
Не знает даже Бог, что ждет еще меня.

Крапива, лебеда, чабрец, увядший донник...
Залезешь на бугор, где слиплись десять троп,
И весь Новосибирск как будто на ладони,
А я в бинокль кручу его калейдоскоп.

Пространству, наугад разрезанному Обью,
Навеки мне чужим остаться суждено,
Но надо мной сосна склоняется с любовью,
И воздух в октябре вкуснее, чем вино.

Сойди на нет, луна, светла и круглолица —
Я тьмы густой шербет пью как персидский шах...
Себя переменить — и в первый раз влюбиться,
Пусть жизнь сильнее шумит в безумствах и слезах.

Январь 2005

Куста осеннего брошюра,
 Зачитанная на ветру,
 Я уходящая натура,
 Но, к счастью, весь я не умру.
 Душа моя в заветной лире
 Стряхнет воспоминаний прах:
 И вкус блинов на гидрожире,
 Афган, Чечню и грудь в крестах,
 Где сочиненную Лесковым
 С похмелья сказку про блоху
 Шут с выговором местечковым
 Сыграет в лицах дураку.
 И сфабрикованная сцена
 Тому милей земли родной,
 И он, как ветер копны сена,
 Затылок чешет пятерней,
 И нет в душе его отрады,
 И власти белый дом не свят.
 Все женщины как симплегады¹¹⁹
 Его расплющить норовят.
 А ты стоишь под образами
 И крест рисуешь, как актер,
 Лаская грешными глазами
 Тугие прелести сестер.
 Но чудо строчки Мандельштама
 Сдирает катаракту с глаз:
 Поэзия — фундамент храма,
 Бог ей преображает нас.
 Поэты шьют стихи на вырост,
 Они любви дают простор...
 Роса отчизны очи выест,
 Пока звезда взойдет в фавор.
 Цвет жизни вянет между пальцев,
 В стихах — пыльца ее и сок,
 Чтоб, с Божьей помощью, скитальца
 Отпеть народный ветер смог,
 И бронзовый от древней мощи,
 Запутывался среди строк
 В трехцветных гимнах русской рощи
 Китайской грамоты знаток.
 Пускай шаманит понарошку
 Субъект и тянется к кресту,
 Букет мороженой картошки
 Ловя ноздрями за версту.

Март – апрель 2005 г.

* * *

Кажется минувшее былинкой —
 Ты уже не нужен никому,
 Но душе, как птице перед льняной,
 Жаль терять привычную тюрьму.
 Оставляя правду осязанья
 В карусели сумасшедших дней,
 Загрусти по яблокам Сезанна,
 Потерявший Родину Эней.
 Приголубить нежную Дидону¹²¹
 Не велит кремнистая звезда —
 Неужели этому пижону
 Светит участь Вечного Жида?¹²²
 Пыльная шоссе́нная наука
 Открывает нашей жизни суть:
 Погулять и — в мураве без звука
 До Христова праздника уснуть.
 А проснувшись — поздно просыпаться:
 Ты во сне еще успешней смог
 С тенью сумасбродного испанца
 Завязать галантный диалог.
 Бьется сердце чаще и сильнее,
 И сегодня всех живых живе́й
 Дон Кихот с мечтой о Дульсинее
 Носится, как с песней соловей.
 И хотя проигрывал все матчи,
 И любви жар-птицу упустил —
 Миф о дворянине из Ламанчи
 Только трезвым умникам не мил.
 Что, поэт, от запаха наживы
 Прячешь нос в атласное жабо?
 Кто в оффшор спустил твои активы,
 Понял вдруг: ему уже слабо
 Царственным бомжом в чертополохе,
 Глядя в лужи грязное трюмо,
 Чуют, как автопортрет эпохи
 Прожигает вечности клеймо.
Март – апрель 2005

Осень

Е. А. С.¹²³

Себя почувствовала свергнутой
 Минувшей ночью с пьедестала,
 Но дворнику с бутылкой вермута
 Гнилой листвой рукоплескала,

Вдовой шиповника цветущего,
То страстной, то стыдливо-томной,
Предвосхищала гибель сущего
От гнета участи бездомной.
Район разлегся Божьей вотчиной
Под звезд нечесаной охраной,
И ты с игрушкой раскуроченной,
Паршивым псом и кошкой драной
По тротуару, словно по полю,
Прижав к груди мешок ошибок,
На исповедь к слепому тополю
Бредешь в кроссовках фирмы «Reebok».
Асфальт не дышит под покровами
Роскошных жертв сезонной драмы,
Тетеревами краснобровыми
Со всех сторон летят рекламы.
Но с равнодушием крестьянина
Душа глаза рукой закрыла
И на дорогу из Маслянина
Свое имущество сложила...
Стихотворением беременной
Душе опасно без охраны —
Лес, облысевший преждевременно,
Дождем зализывает раны,
Растерянность скрывая в хворосте
Разнообразных оговорок,
Таксомотор на третьей скорости
Взбивает в пену вязкий творог...
И жаждет сладости насилия
Его латунная валторна,
И тела душная Бастилия
Стихии варварской покорно
Отдаст с рублями привилегии
И, семечек в карман насыпав,
Переместится на телеги
Из недр бронированных джипов.
И, поплевав для счастья на руки,
Начнет пришпоривать лошадок,
Летя вдоль сквера ярче радуги,
Сквозь мглу ничьих лесопосадок...
Куда? Влюбленная по-черному
То в преферанс, то в астронома,
Предпочитала хлебу черствому
Деликатес из гастронома.
Куда? Встают сооружения
Давно увядшего ВАСХНИЛа.

До головокружения
 Когда-то все ты невзлюбила...
 Сумбур житейского волнения
 С тоской вселенского масштаба
 В грузовике стихотворения
 Скандалят, как мужик и баба,
 Но только брань не липнет к вороту
 В пространстве умственной размолвки,
 Бьет седина поэта в бороду,
 А в ребра вгрызлись бесы-волки.
 Еще старается распутица
 Украсить пестрой грязью правду,
 Кишит метафорами улица,
 Рыча подобно леопарду.
 И злой певец из стана вражьего
 Надеется загнать Пегаса,
 Пока не съела зависть заживо
 И впереди свободна трасса.
 Он прет на светофоры красные,
 Хотя предвидится развязка,
 Но только хлопоты напрасны:
 И среди грохота и лязга
 Трясутся двое вечность в кузове,
 Дождем вареные вкрутую,
 И души их в союзе с музами
 Плетут мелодию слепую.
 И голосов чересполосица
 Дуэт ворон сгоняет с ветки,
 И беспризорный город просится
 Жить под крыло зимы-наседки.

Апрель 2005

161¹²⁴

* * *

Методично сахарная пудра
 Засыпает дом со всех сторон,
 От душевной смуты лишь под утро
 Связывает мысли вялый сон.
 Книжки — неудачников отрада.
 Господи, гори они огнем!
 «Библия», «Коран» и «Илиада»,
 Да еще фадеевский «Разгром».
 «Русским лесом» Леонид Леонов
 Грузит «чуждый чарам черный челн»,
 Налетев на риф аттракционов,
 Пушкин на забвенье обречен.

И пока луна копейкой медной
 Исподволь воспаляет плоть,
 Скука — дочь тоски ветхозаветной
 Мать свою сумела побороть,
 И, легко презрев на радость змия
 Подвиг власяницы и вериг,
 В бездуховной мгле лежит Россия,
 Кутаясь в китайский пуховик.
 Прижимая глаз к оконцу ночи
 На краю рассыпчатой земли,
 Мысль в себе стремится, что есть мочи,
 Вывихнуть традиций костыли.
 Но невероятная кручина
 Впитывает в бронхи высоту:
 Встанешь рано — зеркало в морщинах,
 Сигарета мылится во рту.
 Зубы чистишь, куришь, варишь кофе,
 Продолжая жадно видеть сон.
 В зеркале двойник — анфас и в профиль:
 «Божий дар зачем тебе, пижон?»
 Вспоминаешь словно под копирку
 Для провинциальных поэтесс
 Дом в деревне, деда бескозырку
 И отца мучительный протез.

Апрель 2005

* * *

Дорогая, давай летаем,
 Навсегда улетим в никуда.
 Скоро жизнь до конца пролистаем,
 Взвесим прибыль ночного труда.
 На прощание с именем Божьим
 Постоим у родимых могил...
 Неужели увидеть не сможем
 Всех, кто нас беззаветно любил?
 Вопреки предсказаниям науки
 Скоро грянет назначенный час —
 И придут сюда дети и внуки
 Безнадёжно оплакивать нас.
 Ветер мусор гоняет по пляжу
 И поет, словно нищий метек¹²⁵.
 Пусть как раки в кастрюле попляшет
 Чернь из баров и дискотек.

* * *

Пускай ты родом из Дубровина¹²⁶
И помнишь поле, бор и реку,
Но память — странная штукавина:
Она мешает человеку
Бежать вперед, вбирая жабрами
Членистоногие минуты,
И обещать глазами жадными
Полцарства за стакан цыкуты.
Ужели смерть — гарант спасения
Души от мусора и срама,
Коль не вмещает сны осенние
Реальной жизни панорама?
Покуда яд в стакане пенится,
Объ, как царевна Несмеяна,
Плетется вынужденной пленницей
С Алтайских гор до океана.
На берегу с друзьями грации
Поют и честно пьют винище.
Реки в Российской Федерации
Для пьяниц нет добрей и чище.
Раз суждено здесь дни разматывать —
Мы никогда не протрезвеем.
Стихотворение Ахматовой
Висит в глазах воздушным змеем,
На фоне вод по воле случая
Взбредет минувшего картина,
Ноктюрном неблагополучия —
Дрожь насмерть бьет простолюдина,
Но вдруг из тьмы народа праздного
Взмывает ангелов эскадра,
Туда, где у проспекта Красного
Встал храм Святого Александра¹²⁷.
Как будто церковь благоденствует
В составе местных Божьих вотчин —
Мощь благодати в ней не действует,
И дух в стенах ее испорчен:
Полвека в храме киностудия
Квартировала областная...
Сейчас как демон правосудия
Над ним шумит воронья стая.

Сдувает скукой повторения
Золу проигранных сражений...
Не Андромаха, а — Каренина
Мечтает о самосожженье,

Как только заблагорассудится
Обнять любви завсегдагая.
От чувств, скорей всего, отщутится
В раю душа ее ночная.
[Пока житейские подробности
Сжигают фабрику кочегарки,
У фей новосибирской области
Из рукавов торчат сигарки.]¹²⁸

.....
Ну, полно, милая, упрямитесь,
Не будь овцой среди товаров —
Садись в авто с улыбкой пряничной,
Держа в руке души огарок.

2, 8, и 11 мая 2005

164

* * *

В едва откупоренном сне
Такие перспективы:
Мне двадцать, на носу пенсне,
И мама с папой живы.
Еще в райкомах ловят блох
Грядущие банкиры,
И не мечтает каждый лох
Податься в рэкетеры.
На крест правители плюют,
Довольные собою...
Мыслитель просится в приют,
Кряхтит, стучит клюкою,
Цвет жизни пробует спасти
И мнит себя Орфеем...
Любимая, меня прости
За то, что врозь стареем.

6 мая, 30 октября 2005

165

Отрывок из поэмы

Весной на улице Фабричной
Не без участия Аонид
Собор души русскоязычной
Кричит кикиморой навзрыд,
На встрече с юностью-царевной,
Влюбленных низвергавшей в ад,
Суров, как Скобелев под Плевной¹²⁹,
Бог отворачивает взгляд.

Но кормит школьной шоколадкой
Пацан придворного Муму,
В душе лелея кисло-сладкий
Букет иллюзий про тюрьму.
Отца фуражка пахнет морем,
Он в брюках клеш, со стопарем
Кричит: «Мы флот не опозорим,
Пусть даже все, что есть, пропьем!»
Ах, Боже, китель где отцовский,
Погоны, кортик, где он сам?
Плетусь, кряхтя по-стариковски,
За портвешком в универсам,
Чтоб в проходном Новосибирске
Дни детства встали в полный рост,
Давно родителей и близких
Уже прибрал к рукам погост.

В тисках удачи неизменной
Кустилась дружная семья,
И двор казался ойкуменой,
И город рос быстрее, чем я.
В китайской куртке не по росту,
Освободившись от опеки,
Вдруг по Спартаковскому мосту
Однажды вышел на проспект,
Добра и зла не разумея,
Не ведая научных тайн,
Ристалищ местного Бродвея
Вмиг сделался завсегдатай.
Учился путано и скверно
Между спортзалом и кино,
Тайком с героями Жюль Верна
И По Эдгара пил вино.
И в опьянении, на диво
Внезапно, из дворовых недр
Повелевал мне с коллективом
Инстинкт перемещаться в центр.
Где, как «Туманность Андромеды»¹³⁰,
Отягощен избытком сил,
Когда смеркалось, до «Победы»
От «Маяковского»¹³¹ бродил.
Зачем? Там полчища Мамаея
Творили темные дела,
С ума сводила скука злая,
Но, слава Богу, не свела.
И жизнь текла не так уж плохо,
И дом под каждым был кустом,

И вдруг стихотворений Блока
 Вонзился в память третий том
 Наперекор молве слащавой
 и без надежды на авось,
 «Когда в листе сырой и ржавой
 Рябины заалеет гроздь...»
 И вслед за этим потрясеньем
 Помчались стаей по пятам
 Крестьянский Лермонтов — Есенин,
 Ахматова и Мандельштам.
 Поэтов русских вереницы
 На перепутье лет и зим
 Кружились надо мной как птицы,
 Лишь Пушкин был непостижим.
 Он в безысходности и блеске
 Лет в пятьдесят открылся мне,
 Когда к реке проспектом Невским
 Катился с фигой в портмоне...

Бывало, от боев кулачных
 Трещал на площади «плетень»,
 Шел дым из заведений злчных,
 Варилась сплетен дребедень,
 И открывал мне Казанова
 Воображенья Бухенвальд,
 И милиционер блатного
 Ногами втапывал в асфальт,
 Век сокрушался от истомы,
 Но мальчик рад был, если мог
 Из-под полы купить альбомы:
 Гоген, Вламинк, Сезанн, Ван Гог
 Да Густав Климт, блиставший в Вене,
 Где Фрейд — с душой почти на «ты»,
 И передвижников в забвенье
 Пылились честные холсты.
 Для современников, влюбленных
 В реальность снов, зачем Сезанн?
 От гнета чувств неразделенных
 Хотелось волю дать слезам.
 Девичий взгляд острее стали
 Подросткам души резал в кровь...
 «Ау, Липовская Наталья¹³²,
 Ты наша общая любовь!»

Общаюсь нынче церемонно
 При встрече с дамой пожилой...

Опять листва, желтей лимона,
Кладет на грунт за слоем слой.

По кругу — склянка с «Солнцедаром»,
И мама шепчет: «Божемой»,
Рычит в зверинце календарном
День счастья с траурной каймой:
Порою портят жизнь мужчины
Сильней, чем зубы — конский жмых,
Очередные годовщины тех,
Кто «живее всех живых»,
Когда сподобишься родиться
В день смерти главного вождя —
В январском мраке дохли птицы,
Тепла нигде не находя...
В стране, как в зале ожидания,
С провинциальной чистотой,
Вдруг оттепель в похолоданье
Перерастала и в застой...
Но мог легко, как в сказке детской,
Приумножать души казну,
Учиться, в Армии Советской
Надежно защищать страну.
И философствовать, и вирши
Писать под руководством муз,
Карабкаясь вперед и выше:
Казался вечным наш Союз.
Мечтаний явь, вождей харизма,
Соблазны райского труда...
Ужель, звезда социализма,
Ты закатилась навсегда?

Я плакал, когда умер Сталин,
И вслед толпе его чернил,
Был чудной женщиной отставлен,
Родителей похоронил...
Должно быть, жизнь пришла в упадок,
Коплю стихи, как царь Кощей
И завершить шестой десяток
Мечтаю в обществе друзей.
Сгибает груз переживаний...
Но, видимо, не вышел срок:
В груди горит огонь желаний,
Багровый, как Луи Армстронг,
Когда он с выпученным взором,
Готовый лопнуть от натуг,

Как будто потный черный ворон
 Вдувает музыку в мундштук.
 Он гениальностью распарен
 Трубой до неба достает,
 И с ревностью сибирский парень
 Следит за фейерверком нот...
 Еще не изменяет тело,
 И ум в распоряжение свой,
 Но, чу — душа зашелестела,
 Как куст заржавленной листвой.

Март, ноябрь 2005

* * *

Кому подруги ласка жирная,
 А мне — желтеющая нива.
 И туча, в небе барражируя,
 Бьет в поле молнией лениво.
 Овес — растение домашнее —
 Покрылся страха мелкой дрожью.
 Как сновидение вчерашнее
 Проходит дождь по бездорожью.
 Дурман травой, грибами, ягодой
 Несет из черной пасти бора,
 И кедр растет китайской пагодой,
 Набитый шишкой до упора.
 Снуют бурундуки да белочки —
 Шумит сосна глухонемая.
 И наш Творец такие мелочи
 Не принимает во вниманье.

...Ждут перемен в окошках лиственных
 Береза, белая от страха,
 И клен, дрожащий как молитвенник
 В руках угрюмого монаха.
 И волоча мешок со свеклою —
 Что делать, раз такая карма —
 Сияет вор улыбкой блеклою
 В сопровождении жандарма.
 Молись, поклоны бей, рассчитывай —
 И добавляй к своим наградам
 Мигрень шкатулки малахитовой,
 Вкось инкрустированной градом.
 Любить, как Бог велел, — утопия,
 Спешి оказывать услугу...
 Страдающий от плоскостопия
 Брел ливень вброд босой по лугу.

167

Чтобы не видеть жизни мерзости
 В развесистой телепрограмме,
 Над истолченной ливнем местностью
 Поэт весь день летал кругами.

Апрель-май 2005

* * *

Уже плакаты с рыжим городеночком
 У площадей оскомину набили,
 По выходным, затосковав по елочкам,
 Из города ползут автомобили.
 Но вечерами в первомайском скверике
 Вовсю клубятся сборища кикимор,
 От беспокойства жители в истерике,
 Но все мрачней поэт Титов Владимир.
 Он говорит: будь зорче и внимательней,
 Когда ступаешь варварской дорогой,
 Поскольку среди честных обитателей
 Нет зверя злее фауны двуногой.
 И никогда не будут переделаны
 Рабы хотений в совести твердыни.
 Отыщут жертвы собственные демоны
 Среди повальной эллинской гордыни.
 Насытив ум, изогнутый заранее,
 Букетами известий из астрала,
 Бульвара в центре косточки бараньи
 До блеска буря мглою обглодала.
 Щекотки ради, бодрые растения
 Тела свои предоставляют мухам,
 Центральный парк сует лицо осеннее
 В мешок с дождем у облака под брюхом.
 Смиренно шаря взглядом в складках местности,
 Поймет селены золотая жаба¹³³,
 Как истерзало бремя неизвестности
 Поэзию районного масштаба.
 И вновь потомство клона шелудивого
 С похмелья утром у пивной столпилось,
 И, песню сердца разгрызая, иволга
 Не милостыню ждет у нас, а милость.
 Ждать милостей — нелепое занятие:
 Их брать силком советовал Мичурин
 И смело заключал в свои объятия
 Огромный сноп ветвистых загогулин.
 Он их мусолил долго, как язычников,
 Затравливая вид за верность виду,

И заказал успешнее, чем Чичиков,
Родной природе в церкви панихиду.

Июль 2005

168

Отрывок из поэмы

Женщина — очей очарованье,
Убранная в бархат и батист,
В серых недотыкомках собранье
Падаешь внезапно, словно лист,
Но, врасплох захваченная шквалом,
Вновь себя возносишь в небосвод.
За тобой, как поезда по шпалам,
Ковыляет ветреный народ.
Не встречалась милая такая
В дебрях светских и научных сект,
Взгляд зеленый, как волна морская,
Поступь серны, хищный интеллект.
Губы на ветру вкусней брусники,
Волосы крыжовника рыжей...
Мне теперь к чему заморский сникерс?
Пусть он станет пищей для мышей!

.....

Пурпурной помадой беспардонно
Красишь губы яростней актрис,
Профиль твой из тонкого картона
Ножницами вырезал Матисс.
Пели гимн Кустодиев и Рубенс
Красоте насыщенной твоей.
Скажешь «нет» — меня под корень срубишь —
И в душе завьется суховей.
Лучше умереть мне, как Иуде,
Чем не знать любовного питья.
Заклубится на небесном блюде
Белоснежных облаков кутья.
Обними ж взлохматившимся взором
Сборище клеветов и ханыг,
Завтра груды листьев вместе с сором
Увезет за город грузовик.
И поэт на рандеву с разрухой
В сквере неизвестно почему,
С плейера закачивает в ухо
Песни про суму да про тюрьму.
Разве мог нанюхавшийся байкер,
Или сумасшедший олигарх

139

СТИХОТВОРЕНИЯ

Детским сном в сатиновой фуфайке
По сутробам шествовать в пимах,
На мосту Спартаковском исчезнуть,
Не оставив никаких улик?
А взамен без совести и чести
Из тумана вылезет двойник,
Чтобы славословить и глумиться,
Требуя имуществ и свобод —
Воли сыромятная синица
Журавля свободы заключет...
Бросить ей на завтрак ржавых крошек,
Вымоченных в дедовском вине,
В крапинку дать небо и в горошек —
Клетчатое только не по мне.

.....
С плоскогорья лазерного диска
Скачанная в память Аонид
Музыка сирен Новосибирска
Изнутри безжалостно язвит.
Так язвит, что ржут автомобили,
С седоками бросившись с моста,
И речные хляби отступили —
Между берегами пустота.
И над обнажающимся руслом
Орды птиц устроили бедлам...
Но влюбленным в настроенье грустном
Незачем глядеть по сторонам.
Небо собирается над Обью
Вскрыть себе живот, как самурай,
Чешую рассыпавшая рыбью
Буря гнет к земле огрызки стай...

Прочь товарок каменные шутки:
Изнывая от избытка грез,
На Речной вокзал инстинкт в маршрутке
Мне в подарок милую привез.
Выпив кофе бархатную розу,
Вечером в бордовом галифе
Женщину труднее, чем занозу,
Вытащить на ауто-да-фе¹³⁴.
Под влияньем скверной атмосферы
В головах динамик захрипел,
Сожжены последние барьеры —
Здравствуй, праздник безнадежных тел!
Ах, как нас обрадовала встреча.
Словно век друг друга ждали мы,
Но юдоль вдвойне согнула плечи
Накануне бешеной зимы...

Разыгрался в мыслях беспорядок,
Расцвела не вовремя мечта:
Заблудиться в гуще нежных складок
Целовать заветные уста.

.....
Без путеводителя и карты
Странником в загадочном краю
Обмакни седые бакенбарды
В женщину, печальный парвеню.
Зарыдают ангелы глухие,
Заскрипит машина бытия,
Если мы друг в друге, как стихии,
Потеряем собственные «я».

.....
Шевелящий щупальцами улиц
Город отшатнулся от реки,
Сверху прах посыпался, взметнулись
Пламени и дыма языки,
Вся земная твердь заколыхалась
Под щетиной выпущенных стрел...
Неужели первобытный хаос
Нас, творенья Божьи, одолел?

.....
Мы с тобой одной цепочки звенья,
Так срослись: ничем не разорвешь,
Вечерами яд самозабвенья,
И в окне луны золотая брошь.
В облаках всю ночь висит, проныра,
Хорошо видна со всех сторон,
В круглых дырках, как головка сыра,
И желтей, чем греческий лимон.

.....
На стене завистливого дома
Наши тени выплясались всласть,
Вновь из окон желтых, как солома,
Сто голов высовывает страсть.
И летят две темные лошадки
По ковру рассыпавшихся книг.
Вожжи держит демон кисло-сладкий,
Нахлобучив до бровей парик.
А под утро в спальне без упрека
Хрустнет чувства нежное стекло:
Миску с кашей выскребла сорока,
Горизонт дождем заволокло.
У небес бездонна стеклотара,
Погуляли — и прощай-прости...

Осень из центрального бульвара
 Делает мясное ассорти.
 Не мечтай к губам пивяки губы
 Приучить на несколько минут.
 От любви уму и силе убьешь
 В жизни, скороспелой, как этюд.
 Но в последний раз, восторга сабля,
 Режь мне тела желтое бревно!
 Я и ты из одного ансамбля —
 Но любить друг друга нам грешно.
 Сердцу сердце произносит тосты,
 Каждый, знаю, честно пьет за них —
 Застит свет туман вуалехвостый,
 Видно, я на самом деле, псих.

.....

Август – октябрь 2005

169

* * *

Поедем осенью в деревню,
 Где каждый встречный нем и глух,
 Хлопочет леший, словно евнух,
 Вокруг растерянных старух.
 Скопить бы на зиму дровишек,
 Заделать щель, набрать воды!
 Корова как Марина Мнишек¹³⁵
 Воротит нос от лебеды.
 Уже не чаёт доли праздной
 Насквозь прокуренный народ,
 В нем скука жизни непролазной
 Зевотой раздирает рот,
 С рассвета занятой обменом
 Всего, что водится, на спирт.
 Убитый бабой Агамемнон
 Бесславно на погосте спит.
 Кто судия там, неизвестно;
 Как говорил Некрасов, — Рок.
 Бухая в дупель Клитемистра¹³⁶,
 Опухший с голоду сынок.
 В постперестроечном пожаре
 Одна поднявшая сынка
 Мечтала: скоро этот парень
 Страну прославит на века...
 В природе, выдубленной ветром,
 Ориентир — церковный крест,
 Исполнит долг сестры Электра¹³⁷,
 Зарежет мать свою Орест.

Избавившийся от Эриний¹³⁸,
 Он станет мужем и царем...
 Икру на ветках мечет иней,
 Стеклом блистает водоем,
 Хор мух в скворешнике уборной,
 Оркестры уличных собак,
 Здесь дух, прославленный соборный,
 Наверное, уже иссяк.
 Но хороши, как прежде, дали,
 И бездны тайн скрывает мгла,
 Вблизи же — ни одной детали,
 Чтоб сердце радовать могла.
 Пейзаж с хавроньей возле джипа,
 Да щит с призывом сникерснуть
 Меня разят как вирус гриппа,
 Так что ни охнуть, ни вздохнуть.
 Когда езды неосторожной
 Гроздь жертв переправляют в ад,
 Лишь на ветру в пыли дорожной
 Обертки чипсов зашуршат.
 Жрет под абсент севрюгу с хреном
 Братва в райцентровской пивной,
 И подрастающая смена
 Глядит и давится слюной.
 Леса подвержены погрому,
 Их всасывают города...
 Почто ж влечение к родному
 Не прекратится никогда?

Сентябрь 2005

* * *

Когда в моем сердце созреет цунами,
 И ты заготовишь контейнер обид,
 Какой грандиозный скандал между нами
 Всю ночь на плите, словно студень, кипит.
 Когда ж наконец приготовится блюдо,
 Приборы на стол, а спиртное — вперед,
 Но прежде, чем пить, в ожидании чуда
 Пусть сердце, зажмурившись, тихо замрет.

Не будешь добротню уложенный в ящик
 Свидетелем пышных своих похорон,
 Листочек с березы — умелый ныряльщик,
 Нырни виртуознее, чем чемпион!

Не страшно друг в друге проделывать бреши,
 Сорвавшись с цепи беспорядочных сжук.
 Но Бог, помогающий всем потерпевшим,
 Нам выкрутит очи и выключит звук.
 Погаснет к утру безобразная ссора,
 Мы сядем, как два утомленных танцора,
 Как пара китов на смертельной мели,
 С сердцами, гудящими, словно шмели.
 Природа — улыбка больного ребенка,
 Разбитый в аду беспризорный цветник.
 Хрустят под ногами песок и щебенка,
 И жизнь, будто шкаф непрочитанных книг.
 2000

Осенние птицы¹³⁹

2009

171

* * *

С календарика отрывного
 Отколуывая листок,
 Совесть мучает Соколова,
 Если нет давно свежих строк.
 Что же делать? — «ни дня без строчки!» —
 Но нет строчек и слов давно...
 Строчки — сизые голубочки,
 Вот вода для вас и пшено!
 Ветер, листья срывающая с веток,
 Отпускает искать свобод
 Желто-розовых малолеток
 Под заклеенный небосвод.
 И летят они врассыпную.
 Застилая Красный проспект...
 В сквере снега пасту зубную
 Ест сошедший с ума субъект.

172 (Вариант [57])¹⁴⁰

* * *

Василию Соколову¹⁴¹

В трезвон колокольный с звонками пустого трамвая
 Вмешался гудок парохода с открытой реки...
 Я сплю, и летает по комнате мама живая,
 И стелит по полу лоскутные половики.
 И бабушка, в гости приехав, вздыхает, не плачет,
 Молитву творит и у Господа просит: прости...

Десяток яиц в узелке и пшеничный калачик
 Для внука она сберегла, голодая в пути.
 Ах, бабушка Анна, с тобой не пришлось мне проститься,
 И, вряд ли, могилку твою я найду в Ерестной¹⁴².
 Нет памятной в жизни того дорогого гостинца —
 Когда это было? Наверное, ранней весной...
 Повяло влажным теплом из добротного хлеба,
 И вспомнил вкус черных картошин из недр чугуна,
 Корова стояла там гордая, как королева,
 Под нею на корточках благоговела страна...
 Скорбит Богоматерь с младенцем на темной иконе,
 И страхи растут, будто близятся судные дни:
 Ужели засохли мои деревенские корни,
 Ужели в деревне совсем не осталось родни?
 Ужели и я, расцветавший в стране нелюдимой,
 Где папа в шинели и мама в тяжелом пальто,
 Как легкий листок, оторвавшись от ветки родимой,
 Лечу в неизвестность, лечу, превращаясь в ничто?
 Молчи, не мычи с хомутами печали на шее:
 Холодная печка в избе, и не светят огни...
 Мы стали разборчивей, жестче, хитрей и умнее,
 Но так бескорыстно не можем любить, как они.

173

Возвращение Бонапарта

Пейзаж превращая в трагический фарс,
 Летят электрички под звуки фанфары.
 В облупленной комнате грозный, как Марс,
 Писатель с похмелья творит мемуары.
 И рыщет как волк его пристальный взгляд
 С бельмом, на котором — «запретная зона»,
 Где русские избы бесстыдно горят,
 И счастье преследует Наполеона.

Казалось, приспела пора отдыхать,
 И на горизонте нет призрака гунна,
 Но лучшие женщины бросились лгать,
 И вмиг от него отвернулась Фортуна.
 Судьбы беспощадное солнце зашло,
 И вновь императору выпала участь —
 На полном скаку проиграть Ватерлоо¹⁴³,
 В палатке от дикого насморка мучась.
 Там с уксусом губку для страждущих уст,
 Блистая в осеннем плаще из багрянца,
 Подносит с ухмылкой калиновый куст,
 Похожий на пьяного преторианца¹⁴⁴.

* * *

Проснешься не удачливым Емелей
 И не буржуем русским, а совком
 В многоэтажном монстре из панелей
 С построенным напротив двойником.
 Легко с однообразным окруженьем
 Мириться, если ходишь полупьян...
 Снег, кажется, стреляет по мишеням,
 Бьет в вырожденных пушкинских цыган.
 Романса сокрушительным страданьем
 В тупик цыганский поезд прошумел,
 И нынче вымогательство с гаданьем
 На рынках и вокзалах их удел.
 Что за корысть, Творец, в народе этом,
 Презревшем ускоренье и застой?
 Он, дань отдав вину и сигаретам,
 Из-под полы торгует наркотой.

Глухой зимы наскучившая рента
 Снимается бутылкой со спиртным,
 Акселерат, нанюхавшись «Момент»,
 Взлетает вверх как черно-бурый дым.
 Но только ты к полету не способен,
 Тебя прельщают твердые пути,
 Где тьма невразумительных колдобин
 Стремится в клочья душу растрясти,
 Когда грызешь опять в таксомоторе
 Дорожный жмых, не хочешь — а грызешь
 И держишь путь, конечно, в крематорий,
 И с горечью глядишь на молодежь,
 Летящую огромными прыжками,
 С восторгом прямо в пропасть, а не в высь,
 Прекрасную, как банка с пауками,
 В которой человеку не спастись.

* * *

Мост над сумбурными тысячелетьями,
 Солнечный свет ниоткуда.
 Женщина — ваза с цветами и сплетнями,
 Хрупко-пуховое чудо.
 Из-за тебя крепостные поэзии
 Выглядят, как прощелыги.
 Из-за тебя, докатившись до пенсии,
 Пишут ненужные книги.

Знаешь всю жизнь, а встречаешь, как новое,
 В толстом пальто без парфюма.
 Что же ты, горе чугунно-пуховое,
 В зеркало смотришь угрюмо?

176

* * *

Живу в надежде, что Елена когда-нибудь приснится мне¹⁴⁵,
 Из недр полиэтилена тогда достану я пенсне,
 И солнечным протуберанцем, тот сон в уме запечатлев,
 Я на соперников бросаться начну с рычанием, как лев.
 Сражен таинственной Еленой на склоне жизни Соколов,
 Амур, охотясь во вселенной, меня зачислил в свой улов.
 Трагедии и мелодрамы наполнят дни мои, увы:
 До смерти образ этой дамы не выгашить из головы,
 Ужасная жара в Сибири, зашкаливая, бьет рекорд,
 Растения черны как гири, а клумба — чистый натюрморт.
 И я совсем не Казанова, мне ближе духом — Одиссей.
 Смешались все оттенки Слова в несчастной голове моей.
 Дом пахнет высохшей сиренью, пропали сон и аппетит,
 Ко мне по щучьему веленью письмо из Франции летит.
 Быстрее почты электронной нет в этом мире ничего,
 Без писем Лены неуклонно мое хиреет вещество.
 Но и она, тая тревогу, грустит, надеюсь, обо мне,
 И жадно ест вишневым йогурт, играя с дочкой в буриме.
 Покуда длятся эти игры, как мне себя перебороть,
 Любви надежды, словно тигры, всю ночь терзают мою плоть,
 Из-за расстройста аппарата дух снимет тело, как пальто...
 У Леночки — ума палата, таланты, а под платьем что?
 Там на неведомых дорожках толпится множество чудес...
 Но тело — лишь души обложка... Каков души удельный вес?
 У ревности железный коготь и многоствольное ружье...
 Ах, как мне хочется потрогать, поцеловать везде ее...
 Хожу сомненными убитый, я без Елены, как без рук,
 И стихоплет незначительный и только кандидат наук,
 С мечтой, исправив все изъяны, Елену страстью сжечь дотла...
 Не верю, что от обезьяны любимая произошла!

177

* * *

В Сибири вновь разгул антициклонов —
 За что на нас напали эти гады?
 А вслед за ними Гриша Добросклонов¹⁴⁶
 Зовет простой народ на баррикады.
 Он очарует самых верных женщин,
 Но в их глазах слывет попом-расстригой,

Когда зубами желтыми скрежещет
 И поднимает свой топор над книгой.
 Как ребятни, дивящейся неделю
 Морской звезде на знамени багровом,
 С оболтусом, ошкуренным метелью,
 Придется поделиться теплым кровом.
 Разделишь с ним последнюю краюху,
 А также деньги и жену родную —
 А в полночь он зарубит мать-старуху,
 Чтобы потом гулять напропалую.

Опять в широких лысинах бессилья
 Зима предъявит круглый счет природе,
 И самой первой вьюги эскадрилья
 Аэродром устроит в огороде.
 Хотя пути мышленья непролазны,
 Суглинок прозы мягче щебня виршей,
 Рассудок черни падок на соблазны
 Кривой звезды, над городом повисшей.
 Пусть, кровь заката высосав до капли,
 Звезда-вампир довлеет над районом...
 Из Ерестной вернувшись, словно с Капри,
 Идет поэт в венке темно-зеленом.
 На кухне мечет масло, хлеб и яйца —
 И пребывает в настроенье жутком,
 Но, пообедав, сможет рассмеяться
 И бросить камень вслед газетным уткам.

178

* * *

Догорающей жизни солома,
 И пронзительный запах шанели...
 Незнакомка из желтого дома,
 Ты забыла меня неужели?²
 Помню, как проникал к тебе в терем
 Сквозь дождя черно-бурые прутья
 С шестикрылым таинственным зверем,
 Повстречавшимся на перепутье¹⁴⁷.
 В чудном тереме с водкой и тортом,
 Словно в башне из кости слоновой,
 Мы втроем предавались восторгам
 До зари, золотой и багровой.
 Только вдруг кукарекает птица —
 Кончен бал, и плоды наших оргий
 В переплетах на полках пылиться
 Повезут на авто в книготорги.

Желтых листьев густое повидло
 Толстым слоем лежит на дороге,
 Сердцу кажется: солнце погибло,
 Но рождается месяц двурогий.
 Ах, зачем это чудо с рогами,
 Золотистым покрытое плюшем,
 Люди добрые топчут ногами,
 И машины колесами плющат?

179

* * *

И Стикса лед хрустит в зубах Харона¹⁴⁸,
 И хищных сосен неподвижна крона,
 В Аиде безнадежна красота...
 И пуганая днем с огнем ворона
 Боится ночью каждого куста,
 Не пробуй петь, поскольку не уверен:
 Для русского флирт с музыкой смертелен,
 Но как иначе выразить себя,
 Когда в душе ворочается эллин,
 И счастье не поймать, как воробья?

Гудит струна железного Трансиба,
 Над ней дрейфует жареная рыба
 По бездорожью мраморных небес,
 И некому теперь сказать «спасибо»,
 Без визы отправляясь за рубеж.
 Не побоявшись выглядеть нелепой,
 Луна у ночи в пасти желтой репой
 Распухла так, что проглотить нельзя,
 За музыку в соавторстве с Евтерпой¹⁴⁹
 Из грязи метя сразу же в князья.
 Не видеть бы проклятой магистрали:
 За ней цветенье жизни прозевали,
 Понеже¹⁵⁰ толстобрюхая река,
 Дрожа в эпилептическом запале,
 Как от дрожжей в затаренной опаре,
 Обрушится на мост в честь Спартака.

180

* * *

Над городом жара висит чугунной гирей —
 Перелистай в уме холодных дней альбом,
 А выглянешь в окно, и солнце, словно чирей,
 Напомнит о себе в убежище любом...

Поскольку есть в родне Мария и Иосиф¹⁵¹,
 Ты в постные года не знал других утех,
 Как, выпуклым стеклом глаза свои украсив,
 Сидеть до петухов во льду библиотек.
 Кто в книгах ощущал под корками заглавий
 Родного языка и пламень, и гранит,
 Собрание букв во рту катает словно гравий,
 Пока в стихии слов их Бог не растворит.
 Мечтавших разбирать в пыли благоговейно
 Ткань Слова круглый день, презрев июльский зной,
 Однажды соблазнит вкус крымского портвейна
 С халвой в одном кульке и женской болтовней.
 За белозубый смех бессонницей придется
 Платить, и очи съест быстрее дыма стыд.
 Но, ежели душа от счастья захлебнется,
 Гоморру и Содом Господь тебе простит.

181

* * *

Е. Салиной

Брось ломтик батона с корицей в густое, как мед, молоко,
 Твой друг, к сожаленью, не рыцарь, и дом — не салон рококо,
 Где шумно в альковах роскошных шалят одалиски¹⁵² Буше¹⁵³ —
 На это смотреть тебе тошно, и ветер гуляет в душе.
 А, может, с альбомчиком Климта¹⁵⁴ представишь расцвет либерти:
 В Сибири убийственный климат, и трудно не сбиться с пути.
 Когда бы не слова лепнина, душа в тот же час отцвела.
 Спасаясь от пьяного сына, мать чудом осталась цела...

Поэт к эльсинору¹⁵⁵ родному прибился угрюмый, как принц,
 С бочонком ямайского рому и парой смазливых девиц.
 Но разве помолишься Богу в пыли королевских хором,
 Где выжить уже не помогут ни женские ласки, ни ром?²
 Понеже в орфическом¹⁵⁶ джазе с Армстронгом поет Фитцджеральд —
 Как девушки листья в экстазе с деревьев летят на асфальт.
 Что делают с музыкой негры?² — Она, словно храм без опор,
 Кромсает душевные недра, бросая в мажор и в минор...
 Но нынче родного глагола симфоний востребовал слух:
 Свобод нахлебавшись по горло, народ превращается в слуг
 И холит тельца золотого, и курит ему фимиам —
 Рассеялись пастыри Слова по тюрьмам и желтым домам.
 Горбатый стакан Сивкой-Буркой сперва в небеса вознесет —
 Осыпавшейся штукатуркой в осадке великий народ.

На кухне с бутылкой крем-сода не выразить с помощью слов,
 Как музыкой дикой свободы страну соблазнил крысолов.
 Он, вмиг на балы и парады истратив народный бюджет,
 На совесть и честь от досады науськает стаю газет,

Чтоб мать ощущать, как чужую, во тьме выбираясь из луж,
 А сам убежит врассыпную с деньгами в заморскую глушь.
 Для сына нет участи горше — покинуть родительский дом,
 Но совесть и честь как партнерши всегда не в согласье с умом.
 Тот мелочно, как математик, пускает в расход сыновей...
 Для русского скрипки Амати¹⁵⁷ дорожке степной соловей.

Ты с музую, трезвой в дрезину, придирками муча глагол,
 Впоследствии простолюдину отведать даешь разносол.
 Он сморщится, как от касторки, прослушав десяток стихов
 И выкурив пачку махорки, вдруг водки потребует штоф.
 Какую ужасную пьянку с утра затевает злодей!
 Еще бы гитару, цыганку, да тройку гнедых лошадей...
 Наскучил мне терем, в котором собранье духов и румян —
 Помчаться б на лодке с мотором, пока еще кормчий не пьян...
 Под крики взъерошенных чаек, исполненных старых обид,
 Как будто взбесившийся чайник, моторка ревет на Оби.
 А прошлое тонет в тумане, и беса становится злей
 Поэт, убежав из Тамани от участи страшной своей.

182

Хам торжествующий¹⁵⁸

1

Пора, мой друг, прощаться со стихами, поэта жребий горек и тяжел,
 Не вспоминая о «грядущем Хаме»¹⁵⁹: ведь он давным-давно уже пришел
 И над собраньем прелестей районных распространил хулы и глума свет,
 Но нас, друг в друга бешено влюбленных, между его избранниками нет.
 Хам, безусловно, ненавидит пасху и злодеяньем платит за добро,
 Выдавливая, как зубную пасту, лихих людей из тюбика метро.
 Размноженное хамское отродье цветет по обе стороны реки,
 И обращенье «Ваше благородье» с презреньем упраздняют босяки.

2

В тупик самозабвения ты загнан, где пузырится мертвая вода,
 Судьба судьбу, перекрестив зигзагом, ведет из ниоткуда в никуда.
 Ни дна тебе не будет ни покрывки, а только перемешанная муть,
 И глаз прекрасной дамы фотовспышки тебя уже не смогут обмануть.
 Но не мытвем, так катаньем ты атом заставишь на мгновенье побледнеть,
 Чтоб страх вселенной фотоаппаратом на память смог дурак запечатлеть,
 А после предоставить в обозренье научных достижений и побед
 Для собственного умопомрачения подопытного узника портрет.
 Пока народ шумит за горизонтом, как вещь в себе, непознанный никем,
 Зачем на Мерседесе шестисотом дурак спешит отправиться в Эдем?
 Бездарно жизнь на мелочи истратив, не может он спросить: «кто я такой?»
 У зеркала, честнейшего из братьев, когда уже курносовая с косой
 Сопит и ждет удобного момента, чтоб, у Творца не требуя наград,
 В карете скорой помощи клиента без проволочек выпроводить в ад.

Хотя свой образ, выстроенный дивно, душа благоустраивать должна:
Раба страстей судьба бесперспективна, и ждет его с улыбкой сатана...

3

Холодная, дождливая неделя ландшафты трансформировала в суп,
Где плавает, как в фильме Бунюэля¹⁶⁰, зарезанной мечтой ветвистый труп.
И люди, не сочувствуя забаве, согласны наблюдать со стороны,
Как демоны железными зубами рвут тело обездвиженной страны.
Одно спасенье — старый, добрый вермут, поскольку ночью волей властных сил
Преображенью город был подвергнут и пал, в конце концов, как Измаил¹⁶¹.
Живя в крошечной самообороне, цедя сквозь зубы новый-старый гимн,
Ты в переименованном районе в десятый раз становишься другим...
Покамест бремя хамского недуга не раздробило своды бытия,
Давай-ка выпьем, верная подруга, по рюмке обычного питья!
Никто вокруг не примет нас за пьяниц, глотком вина утешься, сибарит,
И злого счастья девичий румянец ланиты бледной дамы озарит.
А лучше чай заварим зверобоем, пусть застит очи ее платья ткань,
Когда глядит в окно на нас с тобою Новосибирск, а не Тьмутаракань¹⁶².
Он, огушенный монотонной тенью столицы, откровенно в год свиньи
Представит нам обширные владенья и выставит сокровища свои...
Где с песней в перестроечном дурмане, пренебрегая рыночной тропой,
То в душегубство бросятся крестьяне, то в эсхатологический¹⁶³ запой.
А в городе приезжие мужчины в лесостепном и водном паспорту¹⁶⁴
Преображают фабрики в руины и делают из порта сироту...
Хоть площади украшены дворцами, и иномарки мчат во весь опор,
Кто мы и где, уже не знаем сами, и глохнет сердца пламенный мотор.

4

За барахолкой тракт гусино-бродский, автомобили провожая в путь,
От ласточек, рисующих наброски, с собою сходства требует чуть-чуть,
Они штрихами легкими хотя бы попробовали б выразить, смеясь,
Как мучат проезжающих ухабы, колдобины, коричневая грязь...
О, жадная проселочная глина, целующая путников взасос,
Съест с потрохами даже исполина, а тракторы оставит без колес...
Но выпестует ворох летней лени когда-нибудь за городом июль,
В тумане термоягодных варений кусают пауты большее пуль.
Столб воздуха настоян на полыни, как выпьешь полстакана — тянет спать,
Под гнетом замороженной гордыни душа начнет о вечности роптать...
Над телом промотавшего сына в сосновой телогрейке и с горбом
Спит западно-сибирская равнина, в рекламный помещенная альбом.
А мы поодиночке и попарно, сойдясь к реке, устанем от степей,
Где по-провинциальному вульгарно луна прилипла к небу, как репей.
Но, ощутив, что мы великороссы, войдем гурьбой по щиколотки в Обь,
И камешков на дне цветная россыпь уймет метафизическую скорбь.
Листочек по течению без цели на север отправляется пешком,
А счастье наше Богом неужели погребено под глиной и песком?

Тоска по золотым шестидесятым встревожит сердце, несмотря на стыд,
 Ведь детство надувным аэростатом всегда в пространстве памяти парит.
 Переварив времен песок и гравий поймаешь, как хитроумный Одиссей:
 Нет лютого мороза величавей, а оттепели — хуже и грязней.
 Когда взойдет звезда капитализма, российское пространство закоптив,
 Ужели нашу жизнь звезды харизма оставит сразу без альтернатив,
 И ветер Богом проклятое семя в беспечные забросит города,
 Чтоб хамы, презираемые всеми, там утвердились раз и навсегда...
 Блажен, кто примирился с горькой тайной и возлюбил старорежимный хлам,
 Где пищу тишины патриархальной вкушают земляки по вечерам
 И сосуществованье еле длится, пар выпущен, и в комнате темно...
 Но почему душа всегда стремится на огонек наивного кино?

183

* * *

Ничего нет достоверней вымысла в царстве пожирателей молвы,
 Мода вон из дома мусор вынесла — пифии¹⁶⁵ в фаворе и волхвы¹⁶⁶.
 Даже птицы в небе дышат жабрами, потому что воздух — страшный яд,
 И кусты схватить руками жадными каждого поэта норовят.
 Запах денег вместе с дымом ладана пропитал калейдоскоп недель,
 И душа, как Соня Мармеладова¹⁶⁷, каждый день выходит на панель.
 Крепостного муз с глазами кролика, душу заложившего за стих,
 Манят экзотической символикой уроженцы свалок городских.
 Ночью снега карточные домики разбивает ветер в пух и прах,
 Разбросав окружности и ромбики на давно не кошенных полях.
 Разоблачены любовь и истина, ставшие предметами продаж,
 Взвились бесы высохшими листьями, устремляясь прямо на шабаш.
 Ах, как они быстро размножаются, покрывают дол за пядью пядь!
 Им простые люди не решаются в одиночку противостоять...
 Бог, пошли нам ангелов-карателей, а иначе соскрести никак
 Невозможно с душ у обывателей мирового глениа горький шлак.
 Ведь души небесные сокровища, как песок, не держатся в горсти,
 И за миллиарды Абрамовича не удастся их пообрести.
 В человеке без самосожжения вянет Богом вскормленный глагол,
 И тогда предел воображения — самолеты, яхты и футбол.
 Чтя зимы неписанные правила — сладко спи, закутавшись в тулуп:
 Жизнь не зря страдать тебя заставила от огня, воды и медных труб,
 И, хотя любовь с престола свергнута, и ты стал ничем не знаменит,
 Женских губ кольцо со вкусом вермута тянет к себе пуще, чем магнит...
 Но, процесс закончив исторический и предвосхищая Страшный суд,
 Из стакана пить портвейн «Таврический» в сквер тебя товарищи зовут.

* * *

Однажды с каторги домашней уходишь странствовать в запои
 С звездой в корзинке телебашни, как будто рыбкой золотой
 Для исполнения желаний, от чада кухонной плиты
 С напором льва, а сердцем лани, и с диким ужасом на «ты».
 Всю жизнь — страницу манускрипта — крест-накрест зачеркнув пером,
 Уйдешь евреем из Египта, отягощенный барахлом.
 Но, приступы водобоязни преодолев, с мешком щедрот
 За что египетские казни шлешь на обобранный народ?

185

* * *

*Юрию Попкову*¹⁶⁸

Зачем старик упрямый, как ребенок,
 Во сне читает слово «листопад»,
 Когда снежинки в форме шестеренок
 Вокруг летят вразброд и невпопад?
 Спеша к земле на ежегодный саммит,
 Садятся, словно птицы на насест...
 Душа всегда про осень мандельштамит,
 Когда ей тело нянчить надоест.
 В засученной штанине переулка,
 Где сбились в кучу несколько карет,
 Хранит сугроба белая шкатулка
 Какой — не догадаешься — секрет.
 Снег как бальзам для городской утробы,
 Но знак несчастья для зверей и птиц...
 Однажды вдруг откроешь, что сугробы —
 Футляры для кощевых яиц.
 Снежинок фантастические числа —
 Укор воображению дельцов...
 Никто про снег писать не научился,
 Как Пушкин, Тютчев, Мальшев¹⁶⁹, Рубцов.

186

* * *

В часы бессонницы распахнутый вино и старым грампластинкам
 Под звуки Александры Пахмутовой дух противостоит инстинктам.
 Как противостоит? Уверенно — клюет их, словно мошек птица,
 Стихотворением беременный не в состоянье разродиться.
 Но только на девятом месяце (Бог за страдальцем смотрит в оба)
 Он от тоски сначала взбесится и разорвется, словно бомба.
 Но «образ мира, в слове явленный», вдруг станет Господа дорожке,
 И с духа, будто рыбы вяленой, сползет шагреновая кожа,

Когда без страха и страдания функционирующей мышцей
 Он растерзает, как пиранья, портрет, забыв про живописца.
 Шедевры православья кряжистой изделий варварской Европы —
 За это ли, дрожа от ярости, на нас наставят микроскопы
 Микроцефалы, осквернители святынь, отребье зарубежья...
 От духа сталинского кителя у них всегда болезнь медвежья.

187

* * *

Неужели Михайло Сергеевич Омбыш¹⁷⁰
 К юбилею не сделает автопортрет?
 И душа, на ветру трепеща, как оборвыш,
 Завернется в обрывки вчерашних газет,
 Где по-прежнему травит кремлевского горца,
 И про козни масонов толкует бомонд,
 И бродяга в лохмотьях грызет, что придется,
 Лоскутом целлофана закрыв горизонт.
 А над ним, разорвав тяготения узы,
 В окровавленных шкурах взлетят с тополей
 Незаконные дети Горгоны Медузы,
 Но художник не смотрит на них, как Персей.
 Из обломков вещей и огрызков пейзажа
 На холсте он убежище строит душе,
 Только слово «душа» выговаривать даже
 Разучились свидетели века уже.
 И художник ученого тоньше и глубже
 Выражает бездомной души красоту...
 Свежевыпавший снег узнает себя в луже,
 Под замком до весны в ледяном паспарту.
 Сбросит Бог новостей площадные издания —
 И завязнут в сугробах квадриги аллей.
 А душа — невозможный предмет созерцанья,
 Как ее, не убив, представляет дисплей?
 Для субъектов во власти зеленого змея
 Честь и совесть — не доблесть души, а изъян.
 С головой Иоанна танцуй, Саломея¹⁷¹,
 И свободой от Бога смущай россиян!
 Почему ж не Аидом¹⁷², а пьяной Валгаллой¹⁷³
 Человеку грозит пенсионный экстрим,
 Будто честно неправде служил шестипалой
 И кормил ее трепетным сердцем своим?
 Обнаружив себя сквозь морщины на коже,
 Ноет сердце в груди, как ансамбль цыган,
 Но всегда будет тьмы низких истин дороже
 Возвышающий нас над собою обман.
 Кто поверит, что гений, гонимый корыстью,
 С музой линий и красок встречался на «ты»,

И признанья добился щетинистой кистью,
 Беспощадные краски втирая в холсты?
 Нет, никто, если ям не страшась и колдобин,
 Отбиваясь в дороге от хищных зверей,
 Он от щедрости духа не будет способен
 Постигать себя так же, как Дориан Грей.
 Сорок лет королем, сторонившимся пешек,
 Штурмовал горизонт, не приемля корысть,
 И не понял: искусства каленый орешек,
 Хоть до смерти трудись — все равно не разгрызть.

188

* * *

Елене Салиной

Словно с писаной торбой, с наукой
 Суетишься, резвись, до седин,
 С косоглазой, хромой, криворукой,
 Одержимый неистойвой скукой
 И удачливый, как Аладдин.
 Но чем больше откроешь, презренный,
 Тем сильнее сгущается тьма,
 До корней разветвленной вселенной
 Не дотянется скальпель ума.
 И, лелея задрипанный атом,
 Будто деву в собольем манто,
 Ты в полемике с вечным Сократом¹⁷⁴
 согласишься, что знаешь Ничто.
 И хотя кучу книг прочитаешь,
 Не способен ничто предсказать,
 Потому что не знаешь, что знаешь,
 И не знаешь, что следует знать.
 И природа с закрытым забралом,
 Как дорога, ведущая в Рим,
 Слишком благоволил генералам,
 Но жестока к чинам рядовым.

189

* * *

Светлане Кековой¹⁷⁵

Смотрю, как улетают птицы, и не идут слова на ум,
 У птиц носы торчат, как шприцы, и крылья производят шум.
 Отточен ветром каждый коготь, но очи нежностью полны,
 Вокруг, как моль, порхает копоть при свете сморщенной луны.
 Казалось, нечему удивиться, но ахаеть, взойдя на мост:
 Гуськом летит за птицей птица в страну магнолий и мимоз.
 Вслед птицам бросят взгляд мещане, пока они не скрылись с глаз,
 С шампанским к птицам на прощанье явиться требует соблазн.

И мы с собой приводим женщин, звеня под звездами стеклом.
 И под подошвами скрежещет ржавеющий металлолом.
 Но наши женщины не рады, ведь летней роскоши отстой
 На потемневшие фасады бросает отблеск золотой.
 Вдруг организм души расстроит в комочек скрючившийся лист.
 Летит журавль как астероид сквозь окна дальнозорких линз.
 И утки треугольным строем до облаков взлететь смогли
 Под немигающим конвоем полночной спутницы земли.

Заставит спрятать руки в брюки поэта смелых птиц краса,
 Закроет рот его подруге, принудит вверх раскрыть глаза,
 Чтобы душой следить ревниво за ними, словно нищий принц —
 Аборигенам жилмассива нет дела до отлета птиц.
 Живущий раз, без подоплеки, в долгах страны со всех сторон,
 Народ — поклонник зрелищ легких, стремиться ввысь не хочет он.
 Поэтому ль нет птицам места в пространстве северной страны?
 Родные гнезда их семейства зимой дотла разорены.

...А птицы так неосторожны, так высоко они летят.
 Тарелкой заварных пирожных внизу накрыт для них ботсад.

На юг летите с Богом, птицы, под чудный звон вдовы Клико¹⁷⁶,
 От вас, дымясь, как блюдо с пиццей, Новосибирск отстал легко.
 С любовью вслед вам фабрик трубы пускают ядовитый газ,
 И роща в рыжей шубе зубы берез оскалила на вас.

Не стая мраморных надгробий преображает материк,
 Где браконьер вам горстью дробы с хвостов и крыльев перья стриг.
 И только сквер губных гармоник сыграет вам прощальный гимн...
 В дождя гремящий рукомоильник лицо погрузит андрогин¹⁷⁷.
 Пусть отмывает влага божья, не разбирая, чей черед,
 Грязь творческого бездорожья и мерзость скаредных забот.
 К пернатым зависть — лучший спонсор в миг счастья, скользкий, как налим.
 Октябрь — Навуходоносор¹⁷⁸ жжет птичий Иерусалим.
 Зимую жизнь однообразна. Герой — не йог, а Дон Жуан¹⁷⁹,
 И перспектива хилиазма¹⁸⁰ не увлекает горожан.

190

* * *

С летним попрощаемся семестром
 На природе в окружение муз,
 Управляет там лесным оркестром
 Ветер, хвойно-лиственный на вкус.
 И душе поэта стало зябко,
 Несмотря на водочный компресс,
 И она трепешет, словно тряпка,
 Под высоким куполом небес.

Но, когда чудесная машина
 Выпьет ковш смолистой темноты,
 Не жалея белого бензина,
 Город в нас летит, поджав хвосты.
 С городом в груди дойду до ручки,
 Бронзовой, обшарпанной, дверной,
 Чтобы от аванса до полочки
 Музыку его кормить собой.
 В отпуске оркестр Арнольда Каца¹⁸¹,
 Потому что умер дирижер.
 Как Орфею, мне в Аид спускаться
 Невозможно с некоторых пор.
 В ноздри лезет запах базилика,
 Плачет потерявшийся щенок...
 Кто, когда споткнется Евридика,
 На нее не оглянуться б смог.

191

Отрывок из поэмы

*Сергею и Даниле Меньшиковым*¹⁸²

1

Жить художник должен в маске Фауста, чтобы слыть последним чудаком.
 Пусть судьба — дочь космоса и хаоса — душу его мнет, как глины ком.
 И, в наследство получив призвание, про себя узнав не из газет,
 Надо не впадая в прозябание — пережить рождение и расцвет,
 Живопись холеры заразительней и точнее шахматных фигур
 Существует вовсе не для зрителей, в мир внося порядок и сумбур.
 Творчество — всегда процесс готический, неподвластный критике мышей,
 Шанс дает нам умереть физически с ощущением праздника в душе.

2

Хорошо на городских окраинах полюбить безмолвие степей
 И по снегу от Мороза Каина¹⁸³ поскакать, дрожа, как воробей.
 Жутко в поле с тополями рыжими, там, где ветер на коне гнедом
 Лезет в окна мастерских под крышами, ставших для художников гнездом.
 Что ж они у Господа за паузой яйца золотые не несут,
 Словно омут, высушенный засухой, холст кистями без толку скребут?
 Здесь поэты делают с живописцами муз своих костлявый эскадрон¹⁸⁴.
 Бесы, притворившись рыбоптицами, атакуют их со всех сторон.
 Рад в России человечей убыли дух, свободный от моральных пут.
 Память о Рублеве, Глинке, Врубеле выкорчуют бесы и сожгут.
 Электрички воют как валькирии¹⁸⁵, объезжая стороной тот дом,
 Где грешно мечтать о перемирии между сатаной и Христом...
 Где давно не тешатся рассказами, как почетно гибнуть за металл,
 Окнами уставясь лупоглазыми на осенне-зимний карнавал...

Пусть стремятся к славе бесы поверху, просчитав и взвесив каждый шаг,
 Все равно у них не хватит пороху, чтобы жизнь истратить просто так,
 Чтоб всего себя отдать за Родину, не за лес и речку — за мечту,
 Присягнув не Зевсу или Одину¹⁸⁶, а как люди русские — Христу...

3

Не спастись художнику от хаоса, если платит совестью — за страх...
 Ветви тополей, как перья страуса, обрывает ветер в Снегирях¹⁸⁷.
 Кисти по холсту полет и трение, краски, словно бархат и сафьян...
 Гений — это Господа творение, а не отпрыск грязных обезьян!
 Но царю природы совесть по фигу, а тем паче — истина и честь.
 Нет среди людей, готовых к подвигу, недоступна им благая весть.
 Если жертвы Энгельса и Дарвина в живописи нынче правят бал,
 Колесом прогресса жизнь раздавлена, и весенний цвет ее завял.
 Бесплезно ждать расцвета творчества, если будет властвовать Швыдкой¹⁸⁸,
 Тело от беспомощности корчится, дух убит безвыходной тоской.

4

Пахнет ночь вином и чебуреками, на задворках лают три Муму,
 Пушкина любить в России некому, он здесь не известен никому.
 Никому не нужен больше Меньшиков: ни Сергей (ни даже Даниил),
 Трудятся художники без сменщиков, и холсты творят — не для горилл.
 Будь художник мироздания шкипером, доживи хотя бы лет до ста,
 Чтоб цвели под монотонным шифером истина, добро и красота.

5

Как постичь безумную чувствительность, с помощью какого волшебства
 Сны преображаются в действительность, люди — в тени, вещи — в божества?
 Как сутулой жизнью искореженный, дух, как только Бог укажет срок,
 Чудные создания Сережины исправляет вдоль и поперек?
 Ненавижу больше перца оперу и на вернисаж иду, как в суд,¹⁸⁹
 Где Данила рыб пускает по миру, и они по воле волн плывут.
 И Сергей спустил произведение, где явившись в профиль, не анфас,
 Нежный персонаж без объяснения от и до меня всего потряс.
 Спрятаны под веками тяжелыми от вниманья сплетниц и сорок
 Очи чудной девушки, как желуди, ищут сердце, где пустить росток.
 Что ж пустили корни и украсили интерьеры буржуазных масс,
 Где они, как яблоки на ясене, производят в душах диссонанс.
 Кажутся они такими безднами, лишь посмотришь в них — и воли нет...
 И от них стихами бесполезными защитить не смог себя поэт.
 Но шедевры гения без алиби облетят как жухлая листва,
 Всплывшая весной наружу в наледи, чтобы скрасить скуку естества.

Отупев от безумных попоек
 И зеницы от страха закрыв,
 Полетела душа, словно Боинг,
 Из татарской Москвы в Тель-Авив.

Там какая погода сегодня? —
 Изобилие лилий и роз...
 Пусть душа возле Гроба Господня
 О себе погорюет всерьез.

* * *

*Валерию Кузнецову*¹⁹⁰

Выкопали вовремя картошку,
 Слава Богу, дом к зиме готов.
 Посидим, товарищ, на дорожку
 После летних, праведных трудов.

Разожжем, чтоб день прогнать ненастный,
 Из ботвы картофельной костер,
 Пусть огонь, рыча, как зверь клыкастый,
 Разорвет в клочки небес шатер.

Праздник жизни победила серость,
 И цветущей сложности — конец.
 Тарахтит в сарае биоксерокс,
 Размножая стриженных овец.

Надоели хуже редьки зимы.
 Лето не купить за миллион.
 Лето и зима несовместимы,
 Словно Дионис и Аполлон¹⁹¹.

Сделали деревья хакакири —
 Лужи в сквере цвета каберне.
 Ветер с плеч нахаловских Валькирий
 Обрывает полта и кашне.

Проходи, не обращай вниманье:
 Пьяные, чего же с них возьмешь.
 Бешеного ветра приставанья —
 Рецидив любви, а не грабеж...

Почему же вдруг в родной природе
 Дух высокой музыки иссяк?
 Бесы разыгрались на свободе,
 Словно стая бешеных собак?

Ангелы, должно быть, прозевали...
 Но нисходит светлая печаль,
 Если веришь в миф о Парсифале
 И хранишь надежду на Грааль¹⁹².

* * *

Скажи, о чем задумалась, психея¹⁹³,
 Перед портретом Дориана Грея?¹⁹⁴
 Почто картина многотрудных дней
 Оригинала выглядит мрачней?
 Заглохните, проклятые вопросы,
 Кричащие во мне, как альбатросы,
 То хором, то без пауз, вразнобой,
 Когда наедине с самим собой...

Наскучит мыслей мелочная склока —
 Откроешь том стихотворений Блока¹⁹⁵,
 И вдруг увидишь из окна спросонок
 Платформу, поезд, сад с кустами блеклыми,
 Старуху в шали с парой собачонок.
 Век прогремел, но прежние амбиции
 Надежно охраняются в провинции.
 В фуфайке, с костылем в сплошных морщинах,
 Мадам сидит под вывеской «милиция»
 И грезит о промчавшихся мужчинах.
 Зачем тебе гусар, рукой небрежною
 Облокотясь в купе на бархат алый,
 По сердцу полоснул улыбкой нежною
 На полпути перед своей Валгаллой¹⁹⁶?
 Ответа нет, давно увяли лилии¹⁹⁷
 И локоны, и очи, как горчица,
 И лишь надежды сердце в избылии
 Плодит всегда, пока в груди стучится.
 И поезд мимо неизбежно мчится.

Прогнется ветер вдоль вагонной линии,
 Качнув сильней состав на перегонах...
 Молчат, как прежде, желтые и синие,
 И те же плач да пение в зеленых¹⁹⁸.

* * *

Еще белы от нафталина шубы,
 Но утром невпопад
 Целует тебя в пряничные губы
 Случайный снегопад.

Он нерешителен, как будто бы в разведке
 Во вражеском тылу —
 Запечатлеет снегирей на ветке,
 Собаку на углу.

Потом начнет шататься врассыпную
И жизнь твою теснить,
И душу беспризорную, больную
Не миловать — казнить.

196

* * *

Горевать и печалиться — нет трудней ремесла,
Сок отчества высосет эта осень дотла,
Скоро вылижет досуха его лимфу и пот,
Раньше всех это вычислит городской идиот.
Над деревьями синими набухает луна,
Кубометр уныния вставив в раму окна.
Из зрачка желто-карего потечет исподволь
На районное зарево трансцендентная боль.
И в романе Тургенева запоздалый ездок
Лечит кожи шагреневой на ветру лоскуток.
Что ж ночами осенними ты в одной из контор
Колесом нетерпения тормозишь монитор?
Утром смуглые олухи морщат в кучу метлой
Черноглазой черемухи свежесодранный слой.

197

* * *

1

Гусеница красного трамвая утром проползет по авеню,
Жилмассив, как рыба заливная, сплошь корпускулярно-волновая,
Помещен в октябрьском меню.
В эту пору даже Ванька Каин¹⁹⁹ слушает, как падает листва
На одной из городских окраин, где созрел плацдарм для колдовства.
Ослепленный фейерверком снеди, там грызет глазунью крысолов
В сковородке из казахской меди и желтков церковных куполов.
А наевшись, засвистит на флейте, тиражи срывая в «спортлото»,
И детей ни пироги, ни плети не удержат дома ни за что...
Вырос что ли в городах сибирских спрос на крысолова ремесло?
Остается мало самых близких, а число далеких возросло.
Время унижаться, ждать мороза, взглядом беспокоя окоем.
Кризис, кавардак, метаморфоза кожей ощущаются во всем.
Если пережить волну дефолта у питомцев муз тонка кишка,
Вытряхни на праздничное фото душу из костлявого мешка.
Кто ее, взьерошенной, помятой, на бумажный взводит пьедестал?
Только Гайдн в «Прощальной» 45-й²⁰⁰ да Бетховен, а потом — провал.
Рассыпает даром украшенья клен перед безумной детворой,
Словно грех конкретного рожденья смертью искупающий герой.
В фотоаппарате на штативе флоры увядающий металл,
Оптом без надежд о перспективе в вечность оцифрованным попал,

Чтоб консервы тайн открыть пошире, и сложился терем теорем,
 С радостью блаженные Сибири обязались сразу быть ничем.
 Задыхаясь без скабрёзной шутки, начиная жизнь с чужой строки,
 Обгоняют гусениц маршрутки желтые, как майские жуки.

2

Слово, заключенное в темницу, на свободу выпустил старик,
 И его, как жареную птицу, обглодал голодный ветер вмиг
 И, на покосившемся заборе прочищая снегопадом пасть,
 Поощряет лес фантазмагорий, где зверей дотла сжигает страсть.
 В шапке-невидимке без урона бой победой завершит Персей²⁰¹,
 Оразившись в зеркале, Горгона станет пса домашнего смиренней.
 Эту сцену Меньшиков Данила вдруг переведет на полотно,
 Где с Самсона юная Далила золотое сострижет руно.
 Жертвам жизни в царствии небесном Богом предусмотрены места —
 Неужели ты там будешь вместо скрюченного желтого листа?
 Видимое — зеркало, в котором человек встречает бытие.
 И внутри возлюбленной — Пандора²⁰², с черной челкой, как Мирей Матье.
 Голосом, прокуренным и хриплым, призывает быть, а не иметь,
 В одночасье облетевшим липам запрещая возрождаться впредь.
 Женщина летит из бездны в бездны и свою лелеет скорлупу,
 В скорлупе, украшенной помпезно, день и ночь она кричит ку-ку.
 Что же ты творишь немилосердно в эту ночь беззубую со мной,
 Незнакомка, пляшущая скверно, молча на дороге под луной?

198 (Вариант [139])²⁰³

* * *

Как старый налим, замороченный сетью в Нарыме,
 Я жабрами впитывал воздух завода пластмасс,
 За мною следили деревья глазами гнилыми,
 И в небе сверкала луна, как граненый алмаз.
 Хотелось воспеть от души городские красоты,
 И от земляков получить шоколад похвалы,
 Но зорко из окон домов, превратившихся в дзоты,
 Следили за мной подозрительных взглядов столвы.
 Сегодня ковчег мой октябрьский едва управляем,
 Но все же подругам морщинистым необходим,
 Когда поплывут журавлей косяки баттерфляем,
 Попавшие сразу в попутный воздушный Гольфстрим.
 За ними листва под влиянием термальных течений
 Влачится, зрачки обжигая сиянием шкур.
 Спасения нет в этом городе от заблуждений,
 И смысл ауспиций²⁰⁴ не может постигнуть август²⁰⁵.
 Кончается жизнь, как завод в патефоне трофейном,
 Уже рукоятку вертеть не хватает дрожжей.
 И вера в прогресс эфемерней бутылки с портвейном,
 И храм — это только красивый ансамбль муляжей.

Где берег Оби украшается порослью рыжей,
 И жадного банка за месяц отстроился куб —
 Вдруг как привидение встретит трамвай с Водно-Лыжной²⁰⁶
 Фабричная улица лесом дымящихся труб.
 Зачем этот призрак является, ум будоража?
 Знамен нашей славы с успехом прошла распродажа —
 Без имени-отчества в документальном кино
 Мой город как Китеж ушел безвозвратно на дно...
 Такси на мосту на меня словно кошки шипели,
 И крыша театра казалась могильной плитой,
 Часовня на месте угрюмой фигуры в шинели,
 Как зуб на проспекте в коронке торчит золотой.
 Над прахом домишек, скопившихся в Каменской яме,
 Шустрит в «Эльдорадо» и «Мегазе» новый народ.
 И чернь, с отвращеньем смеясь над опавшими днями,
 Свой слух услаждает халвою хазарских острот...
 Еще дребезжит многоклеточный призрак трамвая,
 И мучит фокстроты оркестр в Центральном саду...
 И кружится в воздухе порознь листва отрывная
 В безумной надежде с земли улететь на звезду.

199

* * *

Опять октябрьский листопад меняет тему разговора,
 На Маркса сорок лет подряд шумит кинотеатр «Аврора»,
 Закручивая кинофильм, где мизансцены, как спагетти,
 И шестикрылый серафим в пространстве кружится до смерти.
 Отправленный в юдоль Отцом, он бодрствовал глубокой ночью,
 А утром как тяжелый сон рассудком разрывался в клочья.
 Пророка нет в стране, ну что ж, зато милиция на страже,
 И, словно шишкинская рожь, толпа волнуется в пейзаже...
 Продукция земли родной — бальзам уму и ощущениям —
 За сутки выкрашена хной корыстным волшебством осенним,
 Береза в рыжем парике трясется, как больная птица...
 Когда мечтает вниз к реке студент с сокурсницей спуститься,
 Скатиться кубарем туда, где девушка на все согласна,
 И рядом пенится вода, и, безусловно, жизнь прекрасна,
 Смочи в реке подошвы ног — и сразу ум зайдет за разум,
 Обь вступит с ними в диалог движением волнообразным.
 Ужо тебе, река, как встарь, назло восточному варягу
 Перемещать воды янтарь, обсасывая власть корягу.
 Как жадно верят в мир иной, пока блестит речная сбруя,
 Захваченные ерундой, друг друга храбро интригуя.
 Но вдруг ненастье налетит, и дождь смешает краски спектра,
 И Обь, как Ахеронт²⁰⁷, шумит, и ты не Марья, а Электра,

И твой наперсник весь в поту, содрал с себя прикид штафирки²⁰⁸,
Царем Итаки на плоту бежит гостеприимства Кирки...²⁰⁹
Под вечер уходить пора, а в перспективе — дискотека,
Где куздра глокая бокра с бокренком будланула штеко²¹⁰.

200

* * *

Сергею Ларченко²¹¹

Продолговатые минуты по вечерам черней ворон,
Не мне Челлини Бенвенутто²¹² луны чеканит медальон.
Предвосхищая беспорядки, пронизан воздух волшебством,
Надев лиловые перчатки, сирень взбесилась за окном.
Цветы махровым полотенцем до дыр протрут глаза раки,
В саду сова кричит младенцем, и дверь на улице скрипит.
Ей вторят сказочные птицы, тесня рассудочный глагол,
А чудных зрелищ очевидцы глядят по ящику футбол.
Лет триста соки суеверий сосал ученый, как паук,
Рыча и плача, словно звери, из них родилась тьма наук.
Мне эта тьма связала руки, фальшивая до мозга вся,
В пространство подвига и муки ложь с путаницей привнося,
Чтобы воспитанник агоры²¹³, душеприказчик теорем,
На фоне фауны и флоры себя не выделил ничем.

201

* * *

Андрею Чернову²¹⁴

Мне однажды привиделось: в город, как в душный чулан,
Потекли от мороза спастись ватаги крестьян.
С топорами, в тулупах и серых, как мыши, пимах,
Проникают во двор по сугробам глубоким впотьмах.
Повернувшись к окну, сразу чувствую, что-то не так,
Будто в рот ко мне вполз сигареты дешевой червяк.
И стою, захлебнувшись его ядовитой слюной,
Сам не зная, конечно, какой я при этом смешной.
Догадавшись, конечно, что кто-то снаружи глядит:
Ангел, что ли, хранитель, а может, скуластый бандит?
И мешает почувствовать лампы цветной абажур,
Как дрожат на снегу силуэты зловещих фигур...
Город вечером крут и на выдумки шибко горазд,
И театр на площади, кажется, слишком скуласт,
И бордового банка квадрат, и подземки дыра
Азиатских гостей с нетерпением ждут до утра.
Большевистская улица псов разведет по углам,
Когда вьюга с асфальта сметет накопившийся хлам.

И злодеи поедут по улицам темным ночным,
 Без идей, без рублей и, скорей всего — пьяные в дым
 От Фабричной — к Советской, минуют Спартаковский мост,
 Где, оскалившись, свесились грозди разбойничьих звезд,
 И над улицей Ленина звездочку в двадцать карат
 Собирается с неба содрать незаконный мигрант.
 И томить неизбежностью будет ветвящийся мрак
 Души спящих мальчишек, не знающих, жить дальше как.
 Но в подвале глухом сортирует коллекции снов
 С сигаретой, привыкшей к губам, знаменитый Чернов.
 Из семейства кошачьих, разгадчик убийственных тайн,
 Словно маг, на дисплее творящий бумажный дизайн,
 Ожидая, когда под покровом измученных лип
 Припаркует на Красном свой транспорт скуластый Эдип.
 Он архивы чудовищной памяти выскреб ножом:
 Златовратные Фивы²¹⁵, проклятый родительский дом,
 Где еще до рожденья, попав в лабиринт роковой,
 Сын зарезал отца и с его обвенчался вдовой.
 Став для матери мужем, он дочери — любящий брат,
 И пустые глазницы как русские села горят.
 Пухлоногий царевич, такого ль желал ты рожна?
 Злобных фурий страшней тебе в уши ревет тишина.

Городская метель залистает семейный альбом,
 Где покорный верблюд вдруг становится царственным львом,
 Но годится, едва ль, для владыки верблюжья трава,
 И капризы ребенка — венец трансформации льва.
 Обмозгует когда-нибудь незначительный поэт
 Этот ужас декабрьский и желтый, густой декабред
 И начнет занавешивать окна, поняв, наконец,
 Что приходит ему без отсрочек сплошной декабрец.

202

* * *

Есть что-то чудное в крестьянах: из них любой влюблен, как царь,
 В коррозию лесов жестяных, полей щетинистую гарь,
 Гордясь собой, как Стенька Разин, одетый в бархат и сафьян...
 Но даже Бог из грязи в князи не сможет вытянуть крестьян.

Крестьянин в мире современном по ощущению изгой,
 И к самым резким переменам судьбы склоняется весной
 И только водкой душу лечит, счет не ведя заслуг своих, —
 Ему перед собою легче быть грешником среди святых.
 И без китайских церемоний, когда беда к стене припрет,
 Припав щекой к своей гармонии, он про калинку запоет,

Или когда химеры рынка влекут сильнее, чем вино,
И что калинка, что малинка — ему, похоже, все равно.

К чему прилипнет взор усталый, слезясь на бешеном ветру,
Где медленно в озер кристаллы болота мечут клюкв икру,
И завизжит в поселке дальнем свиньей транзитный гарантас,
С лесов приглушенным рыданьем не попадая в резонанс?²
Крестьянам не до коммунизма, земля поможет, словно мать,
Без городского сатанизма им сто веков существовать...
Хоть отпечаток разоренья лет пятьдесят лежит на всем —
У них соленья и варенья, мешки с пшеницей и овсом...

И, полный лермонтовской грусти, крестьянин смотрит на стога,
А в чистом небе — гуси, гуси кричат, конечно, га-га-га.
Как в положении осадном, крестьянин выйдет на обрыв,
Цигаркой с желтым самосадам родное небо закоптит,
И два ведра на коромысле крестьянских плеч не тяготят,
И в голове кривые мысли перегоняют жизни яд...

203

* * *

Страшно пребывающим в блаженстве вдруг остаться к старости без денег.
Путаясь в ногах, мужских и женских, с бородой, всклокоченной, как веник,
И еще готов к труду и бою, но, когда провизии ни грамма,
Шляпу положив перед собою, просишь подаянья возле храма.
Будешь рад подслеповатой крошке — подберешь и съешь без угрызений,
С завистью следишь, как воробышки скачут по распутице весенней.
Съезжившись в замыганной ветровке, видишь, поминая Бога всуе:
Все дома скупили по дешевке на Советской улице буржуи.
На неделе у тебя семь пятниц, и погода действует, как дрожжи,
А суббота — рай для горьких пьяниц, гибнущих в душевном бездорожье.
Как Емеля, каждую неделю напиваясь, дышишь еле-еле...
И тебе, а не Пантагрюэлю, в марте жить труднее, чем в апреле.
От похмелья не спасает сметка, и балдеют от азартных игр
Собственники Красного проспекта, казино назвавшие «Князь Игорь».

204

* * *

Владимиру Мандриченко²¹⁶

Безнадежный художник ужасно хандрит,
Но надеется: только закончится пост —
Из пространства и времени метеорит
Вдохновения свалится прямо на холст.
Ветер примется с кленов сдирать кожуру,
Хочет кобальт и кадмий смешать,

Чтобы тени деревьев вмещались в игру
 И к холсту приложили печать.
 Несмотря на работу и в ведро, и в зной,
 Дна успеха никто не достиг,
 Потому что себя беспредметной мазней
 Выражал безответный инстинкт.
 И поодаль от стаи берез-недотрог,
 Так как не с кем про жизнь говорить,
 Рыжий тополь смотрел, как метался Ван Гог
 Перед тем, как себя застрелить.
 Пока образы сон упакует в снопы,
 На глаза епитимью наложит луна,
 Чтобы встретиться с лицами листьев слепых
 И узорами льда на фрагменте окна.

205

* * *

Очи, одуревшие от книжек,
 Погрузи в бездонное окно,
 Где на ветке скачет чижик-пыжик,
 И друзья в беседке пьют вино.
 Мучат губы серого оттенка
 Жемчуг слов до мартовских календ,
 И в душе писателя Клименко²¹⁷
 Правит бал сплошной ресентимент²¹⁸.
 И ему вина уже не надо,
 И друзья в беседку не зовут.
 Под оркестр глухого листопада
 В порошок слова его сотрут.
 Левитана голос монотонный
 Слушает с вниманьем имярек,
 Ищут заельцовские мадонны
 Счастье в душных недрах дискотек.
 Но проходим звуки буги-вуги
 Портить настроенье не должны...
 И такая благодать в округе,
 Если б не предчувствие войны.

206²¹⁹

* * *

Костлявое тело, как остров в пучине души мировой,
 Послужит защитой от монстров, тщеславных, довольных собой.
 Невольником, чернорабочим, согнувшись над безднами строк,
 Оно их полюбит, как отчим: поскольку отец всего — Бог.
 А Штраус, вальсируя в Вене в течение пригоршни лет,
 Стихийный пожар вдохновенья спустил на кошмар оперетт.

Нельзя поддаваться гордыне, гордыня — чума для бродяг.
 Бог учит к любимой картине всегда относиться, как враг.
 Чтоб недруги вмиг присмирели, грызя впопыхах, словно жмых,
 Роскошный букет акварелей с фигурами русских святых.
 А сколько душевной мороки потребовал каждый этюд?
 Машин по Фабричной потоки туда и обратно снуют.
 Их участь — в мазуте и саже метаться в Нарым или в Рим.
 Что празднуешь на вернисаже угрюмый Иванкин Вадим?
 Не Верди, Гуно и Россини, а кроткий пронзительный Глюк
 На красном, зеленом и синем плетет свою сеть, как паук.
 И бедные дети науки, попав в эту сеть, словно мухи,
 Хрустят на зубах красоты вдали от гримас суеты.
 Художник живет, как в экстазе, без денег, жены и родства,
 От века взыскующий связи с Троичностью Божества.
 А тело корсет атмосферы чем старше, тем больше теснит,
 Нет сил вдохновенья и веры у плачущих аонид.
 Тебе прозвонит сорок девять в двенадцатый мартовский день
 И радость взлетит, словно лебедь, над пеплом родных деревень.
 В одном преступленьи замешан, второе — исполнить готов...
 Но конным труднее, чем пешим, пить пиво из вражьих голов.

207

* * *

Поэту редко дарят розы, и, раз нет истины в вине,
 Он трезвый смотрит, как березы ворон гоняют в вышине²²⁰.

Любого ободрать до нитки стремится встречный снегопад,
 И пышной флоры пережитки к земле безропотно летят.

Снег рухнет целеустремленно, чуть-чуть, пожалуй, запоздав...
 Посеребрённый отпрыск клена зубами вцепится в рукав,

Поскольку в поисках спасенья к поэту льнет любая тварь...
 Весь бронзовый от огорченья, стоит, как вкопанный, фонарь.

Разинув рот, с улыбкой детской, он днем и ночью на посту
 На скате улицы Советской спиной к горбатуму мосту,

К мосту Спартаковскому. В яме клубится электричек тьма —
 Как клетка с злыми соловьями, всю ночь сводящими с ума,

Ста поездов, сошедших с рельсов, трагичней их сумбурный вой.
 Напоминают погорельцев, кусты, бредущие гурьбой

На фоне чугуна и стали... В себя заглянешь: как на грех,
 Жизнь мчится по горизонтали, а надо, чтобы снизу — вверх.

С похмелья примешь снег за перхоть, а похоть выдашь за любовь...
 За город хочется уехать, где ветры рвут друг друга в кровь,
 Где пьяные от свежей злобы к поверженному вдрызг врагу
 Белогвардейские сугробы засели в Заячьем логу²²¹.

208

* * *

Вновь проселка сиротский суглинок покрывает ковром снегопад.
 Слышишь — нежные кости снежинок по утрам под ногами хрустят?
 Разве прав громовержец Юпитер, заставляя любить этот шум?
 И взбивает из снега кондитер крем для торта зимы наобум.
 Но инкогнито реквием в маске репетирует месяц навзрыд,
 Чтоб Сальери, готовясь к развязке, испытал на себе цианид.
 Почему ж после этого гений добровольно садится в тюрьму,
 Где танцуют чугунные тени и визжит соловей, как Му-му?
 Разрядилась души батарейка — надоело возиться с душой,
 И нельзя обойтись без римейка, обдирая оазис чужой.
 Но кому-то угодна работа — выковыривать мысли из книг,
 Шить шинель себе из шевиота и пристраивать к ней воротник,
 Сбирать упаковки от жвачки, разводить на эон²²² канитель...
 Ты же мертвый, Акакий Башмачкин, на хрена тебе эта шинель?

209

* * *

Обманы Пушкина и Тютчева
 Дороже низких истин тьмы,
 И произвол вельенья щучьего
 Сумы желанней и тюрьмы
 Для сердца русского... От бешенства
 Сгорела в сотый раз Москва,
 И сушатся портянки беженца
 В версальских парках Бенуа.
 Погребена идея нации.
 Но крот истории не сыт —
 Пора ль капитулянтке Франции
 Привить кусающийся стыд?
 Или давно протухла Дания,
 А Гамлет родом из цыган?
 Сгинь, липкий вирус сострадания,
 «Как сон, как утренний туман!»

210

* * *

Преврати в источник вдохновенья,
 Сэр Оскар Уайльд,
 Перпендикулярное паденье
 Снега на асфальт.

У истока Красного проспекта
 Ты, как Одиссей,
 Требуешь от каждого субъекта:
 «Дай пятьсот рублей?»
 Подставляешь голову и плечи
 Под удар стихий,
 Чтобы жестким сделать орган речи,
 Как бильярдный кий.
 От тебя шарахаются птицы,
 Вянут кроны лип,
 Красно-желтый лист клеймом убийцы
 К волосам прилип.
 Бросишься с Парнаса в гушу улиц,
 Может, зря,
 Добывая, словно тот же Улисс²²³,
 Банку янтаря.
 Грандиозно, впившись в губы кружки,
 Пить янтарь взасос...
 На закуску вобла, сыр и сушки —
 Что воротить нос?

 Ничему дурак не научился:
 Не посмел...
 В толстых пальцах Бога раскрошился
 Мел.

211 (Версия [65])²²⁴

Россия

Ты вдруг налетишь на меня как осенняя буря,
 Мою одноместную жизнь отправляя на дно,
 То с тихой улыбкой, то с злобным оскалом пит-буля
 Умелой рукой разливаешь в стаканы вино...

А мне экзотическим кажется этот напиток,
 Я пью с отвращением этот любовный нектар,
 И ревность мне сердце сосет миллионом улиток,
 И хмель ударяет мне в голову, как янычар.

Из всех кавалеров в часы мировой распродажи
 Особенно нежными будут любовники зим.
 Но ты на лице никогда не меняешь пейзажи,
 И выберешь ткань для нарядов — туман или дым.

Как мы осторожны, пугаясь огласки и света,
 Нам стыд дальнзоркий дополнит сверхточный инстинкт...
 По сердцу стреляет октябрьской ласки ракета,
 Но русское сердце в роскошных чертогах грустит.

Пусть чувства корчует десница осеннего ветра —
 Посмотришь, а в окнах: равнины, как кости, белые...
 И в клетке груди разрывают чертеж геометра
 Деревни глаза голубые и полные мглы.

Покрытые пылью от демисезонных бомбежек,
 Приснившись случайно, Баграм, Хаса-Вьюрт и Шали,
 Как в детстве Дик Сэнд, дядя Степа и серенький ежик,
 К глазам твоим за ночь уже навсегда приросли.

Под лампой ума размножаются мелкие гады,
 Но жизнь на бумаге течет без курьезных помех...
 Когда я ловил на тебе восхищенные взгляды,
 Души дирижабль поднимался от гордости вверх.

212

* * *

От старости стала душа дальнозоркой,
 Но требует каждую пятницу бань.
 Красотка, пожалуйста, спину пошоркай!
 Отдай нашей дружбе посильную дань!
 Зачем тебе модный кафтан и порфира:
 Родная природа — отличный портной,
 А женское тело нежнее зефира
 И слаще становится после парной...
 Попарившись вволю, ныряем без паник
 В сугроб белоснежный, как женская грудь...
 Закрой свою пасть, деревенский предбанник!
 Кустодиев, можешь теперь отдохнуть!
 Как только с тобой мы окажемся вместе,
 Так сразу же я уже будто не я,
 И вроде бы все остается на месте,
 В шум жизни вторгается гул бытия...
 И выглядит праздничным лес винторогий,
 Он больше не кажется фабрикой дров,
 Для чувства чудесного нет аналогий,
 Но звуки и краски беспомощней слов...
 Любовь — это тайна; язык человечесий —
 Бездонное, темное зеркало тайн...
 Будь прокляты радио тусклые речи:
 Они наши чувства стригут, как комбайн...
 Ударим об руку горбатым стаканом,
 И мебель качнется как роща в грозу,
 Останется все остальное за кадром,
 И титров, конечно, не будет внизу.

213 (Редакция 3)²²⁵

* * *

О чудной Елене в квартире пустой затоскую,
 И черные мысли примчатся верхом на химере.
 И тотчас Мартынов²²⁶ зарежет княжну Лиговскую,
 И Лермонтов в петле пеньковой умрет в «Англетере».
 Субъекты, на горе себе расщепившие атом,
 И дети с пеленок до мозга костей почемучки,
 Поедем со мной любоваться ночным снегопадом,
 Когда Академгородок уже в полной отключке.
 Отправимся в полночь не к диким зверям на съеденье,
 А прямо к костру, разожженному лешим на базе,
 Где мозг отправляет в полет за виденьем виденье,
 И нет никого, кто не верит в реальность фантазий...

214²²⁷

* * *

Октябрь, ноябрь... Календарь неизбежно закончится,
 И требует вечность с живущих оброк ежедневный,
 Посмотришь в бинокль: мимо окон летит велогонщица
 С фигурой Дианы и профилем юной царевны.
 Куда ее тащит порыв без значенья конкретного?
 Полны антресоли доверху добром барахольным:
 Мешок антреприз, театрального сора конфетного...
 И гибнет Декарт²²⁸, пораженный холодным Стокгольмом.
 И миф раздувает октябрьский пузырь революции,
 С певцами империи Тютчев, Леонтьев, Горацкий...
 И змеи дождя по стене расползаются, вьются и льются.
 И нет эволюции — только поток эманаций²²⁹.
 Скажи: энтропия²³⁰ — и сразу такое мерещится:
 В дождливую осень из дома не сделать ни шага,
 И по миру ходит с сумой молодая помещица,
 А рядом с ней тащится еле живая дворняга...
 Срастаются в узел глухие собачьи страдания,
 И драмы людские в чужом непристойном обличе
 То в хрипах из крана, то в труб водосточных рыданиях,
 То в рвущихся в окна снаружи стенаниях птичьих.
 Рассудком, как липка ободранным, видишь растерянно,
 Как к пристани сердца пристало прохожее судно,
 И желтые листья (не ясно, с какого растения)
 На землю стремятся упасть, чтобы спать беспробудно.
 Уволь капитана в украшенном золотом кителе,
 И некому станет отдать роковую команду:

Отправиться в прошлое, где безутешные зрители
 Душой заполняют плывущую в бездну веранду.
 Давно вторсырью обещала Фабричная улица
 Отдать пароходы, сосущие берега вымя...
 И женщина в белом с картины художника Шурица
 На выставке вертит глазами, узнав мое имя.

215²³¹

* * *

Из леса попадешь однажды в Дом ученых,
 Там новый вернисаж, там Шуриц Александр²³².
 Ноябрь. Душа в плену иллюзий полусонных:
 В созвездии блудниц, гепардов, саламандр.
 Там гости на пиру страдают от мигрени,
 И арии поют бродячие коты,
 И ангел, бросив дом в густых кустах сирени,
 Как бабочка на свет летит из темноты...

Хотелось рассмотреть, как Александр Шуриц
 Изображает шум крадущихся минут,
 И женщины в цвету, похожие на куриц,
 Из глубины холстов зрачками сердце жгут.
 Здесь явный перебор причудливых пейзажей,
 Но в них, хоть пропади, нельзя попасть извне,
 Так хочется обнять прекрасных персонажей,
 Но с ними дураку нельзя сойтись в цене.
 Легко ли ощущать любви осадок в мышцах,
 Придя назад в приют, холодный и пустой,
 Где беспокойный ум всегда понять стремится,
 Как тарыхтит в груди контейнер встреч с мечтой.
 И некому сказать, что сердцу одиноко,
 Но, сев за монитор, раскусит джентльмен:
 Расцвет или закат сибирского барокко,
 Покой картин в кольце кусающихся цен...
 Ужель пришла пора поговорить о главном —
 Прервав ночлеги глаз в пустотах серых стен?
 Красавиц напиши, беседующих с фавном
 Среди зверей и птиц, на вздрогнувшем холсте.

216²³³

* * *

Вдруг истина явит себя в существе мутноглазом,
 С растрепанной книгой, насквозь бормотухой пропахшем.
 И сразу же взбесится мой непричесанный разум,
 Накормленный впрок пирогом с хвойно-лиственным фаршем,
 Привыкший об облике истины думать иначе:
 Ее обрывать в креп-жоржет, возводя на котурны,

Не ведьмой костлявой — красавицей видеть, тем паче
 Район, окружающий нас непристойно-сумбурный...
 Назло пожирателям истин, студенткам филфака,
 Вдруг Гоголь как моль вылетает из складок «Шинели»
 Сгущать над отечеством тучи душевного мрака
 И жизнь превращать в суматоху без смысла и цели.
 Но мысль о случившемся сразу же делает сальто, —
 Паскаль, огорошенный истиной, платит ей тем же:
 Пейзажи Моне, по признанью Оскара Уайльда, —
 Причина прекрасных туманов, цветущих на Темзе.

217²³⁴

* * *

Валерию Кузнецову

Глина в чутких пальцах у Валерия, словно птица, дышит и поет.
 Будто в ней сидит гомеомерия²³⁵, исподволь готовая в полет —
 Дрожь высоких крыльев нетерпения, прекратись! Звенит огонь в печи!
 Вдохновенья смесь с отравой бдения — к собственной мелодии ключи.
 И когда из глины, как динамика, заструится музыки ручей —
 Станет бесполезная керамика людям хлеба Божьего важней.
 И давно известно меланхолику: чтобы обесмертить запах бурь,
 Глянцевую нежную майолику покрывает пестрая глазурь.
 Как изъян на коже терракотовой, выест солнце слезы Аонид,
 Но тебе уже по связи сотовой ни одна звезда не позвонит...

218²³⁶

* * *

В детском сне городская окраина, порт речной и бараклов разброд,
 Где под знаменем Ленина — Сталина к коммунизму шагает народ.
 Перед высохшей мумией с аурой клятвой верности мучают рты,
 Расцветают от музыки траурной кумачовые с крепком банты.
 Здесь в фаворе не правда, а истина, и прилипли к уму простака
 Приключения мистера Твистера в стихотворном вранье Маршака...
 Но, не споря с казенными книжками, мы усвоили жизни урок
 И бесстрашно хрустели ледышками, души выставив на солнцепек...
 А на кафедрах горе-философы добивались за пищу и кров,
 Чтобы каждый болван стоеросовый сокрушал трансцендентных богов.
 Но все меньше у постников рвения лицемерить с восьми до шести,
 И на родине даже растения не хотят, хоть убейся, расти...
 В гуще жуткого частного сектора, утонувшего в собственном «я»,
 Андромаха оплакала Гектора и утратила смысл бытия...

Завершается мыльная опера, рухнул занавес, горек итог.
 Вместо Маркса молиться на Поппера²³⁷ учит темного папу сынок,
 И родителю не на что сетовать, если есть чего выпить и съесть...
 Ветер с клена, как старого сеттера, рвет клочками бордовую шерсть.

* * *

Ты рано выходишь в проснувшийся сад
 И кажешься первому встречному грустным,
 Румяные жабы следят из засад,
 Как тень твоя бродит по грядкам капустным.
 В фуфайке, махая тяжелым кнутом,
 Хромает пастух, комплектующий стадо.
 От яркого света прищурился дом
 За темно-зелеными шторами сада.
 Ночь прячется в погреб, оставшись без сил,
 Погасла реклама с бутылкою фанты.
 Весь год под охраной ужасных верзил
 Деревню трясут за грудки коммерсанты.
 Не думай, что скоро народ городской
 Устроит ревизию их поголовью...
 Он спит, одурманенный русской тоской,
 В обнимку с беспомощной русской любовью.
 Как сделать, чтоб все проходимцы ушли
 Без жирной добычи, покрытые сажей?
 Волнуется море бесценной земли,
 А все остальное — в свободной продаже.

220

* * *

Галине Петровне Лазарчук²³⁸

Полюбил легионы дождя я, наверно, за то,
 Что свободнее дышится городу после обеда.
 Собираясь рубашку и тело мое превратить в решето,
 С ветки тополя мчится безумный комар как торпеда.

Пионерским костром открывается жизни сезон,
 Приготовился тщательно с вечера я, малокровный,
 Эмигрировать без колебания в праздничный сон
 Дня рожденья прекрасной и доброй Галины Петровны.

Приглашенные в дом этот временный нынче к семи,
 Мы вдыхаем до боли жемчужную пыль книжных полок...
 Сколько лет переносит счастливое иго семьи
 Мать, жена гениального Жени, учитель-филолог?

Вьпьем русских напитков совместно с пророком Ильей,
 Салютующим в честь именинницы залпами грома.
 Пусть веселые ангелы кружат над вечной землей,
 А враги и завистники наши гниют, как солома!

Между связками бус дождевых заблудился мой взгляд,
Ничего нет надежней сейчас и обманчивей крепкого зелья —
Покровителя сборищ и драм, вдохновителя пышных баллад,
Неизменного средства приблизить канун новоселья.

21 июня 1991

221²³⁹

* * *

Словно фильм режиссера Кустурицы, под откос разгоняется сон
Пассажира с Октябрьской улицы под безумные вопли ворон.
Не сюжет, а сплошная нелепица, безобразие, вымысел, сор...
Как монады философа Лейбница²⁴⁰, мы друг друга не видим в упор.
Есть в России эффект андеграунда после мора, войны и чумы.
Райской жизни китайская грамота погружает в смятенье умы.
И у каждого храма встречается не Горгона, так сумрачный Вий,
И, наверное, впору отчаяться, если б не было Божьей любви.

222

* * *

Пока не завершается предзимье,
Могущество изношенной страны
В большом комиссионном магазине
Сбывается бомжам за треть цены.
Мир — это секта, песня жизни спета,
Дождь лижет зданий мраморный туман,
И по бульварам Красного проспекта
Уже не мчится с музыкой шалман.
И все комплиментарные легенды
Избранники из недр народных масс,
Как верные клиенты секунд-хенда,
Донашивать горазды после нас.
Кто покупает — платит как попало,
Посюсторонний мир в ладах со злом,
И дезертиров сразу после бала,
Сквозь строй прогнав, заруют в чернозем,
Оправдывая лавром и омелой
Жизнь глупую, как русское лото.
За музыкой души заплесневелой
Откроется еще бог знает что.

223

* * *

В полдень лес горячий, словно домна,
А с утра еще холодноват.
Солнце, ты горишь неэкономно,
Посвети на двести киловатт,

Ограничься парой ведер блеска
И охапкой яростных лучей,
Чтоб увидеть, как глубоко леска
Погрузилась грузилом в ручей...

224

* * *

Агония лета. Нет слов для отчета,
Но сон будоражит мечта.
Вернулась вчерашняя мысль из полета,
И пользы в ней нет ни черта.
Блажен, кто, родившись в Советском Союзе,
Свободой задет до кишок...
А может быть, жизнь — это стая иллюзий,
Попавшая в темный мешок?
Оглянешься — станет на сердце хреново,
Я полон тоски, как Орфей.
Пусть жил паренек до Рожденья Христова —
Он русский до мозга костей.
Какой неудачный итог приземленья:
О чем размышлял — позабыл...
Смотрю исподлобья на наши селенья,
Смеяться и плакать нет сил.

225

* * *

И отрок ревет, разлюбив новогоднюю елку
И стих позабыв про отчизны кусачий дымок,
Дома вечерами закрыли глаза на защелку,
И люди от страха в резиновый слиплись комок.
Бойтся душа даже глаз из телесной кабины
Уже показать: никому теперь здесь не родня...
Попробуй взглянуть в беспощадные очи чужбины
От первого дня до последнего Судного дня.

Публикации на интернет-ресурсе Проза.ру²⁴¹

226²⁴²

* * *

Станиславу Михайлову

Дожил без всяких проволочек поэт до сорока семи.
Скопил десяток тысяч строчек, но не завел еще семьи,
С простой фамилией «Михайлов», поклонник крепких сигарет.
Объект агрессии нахалов за то, что умный и брUNET,
Не вор, не кочегар, не плотник — до слова свежего охотник,
И воспевать готов коньяк, когда дела идут никак.

Мы из тоталитарной секты — стихов Михайлова чтецы,
 Тяжеловесных, как ландскнехты, и виртуозных без гнильцы.
 Лавровым увенчать готовы венком творца, а не иным,
 Его красивые коровы вскормили молоком парным.
 Но своего рожденья дату он принимает, как тайфун...
 Стихи — скольженье по канату в девичий обморок трибун.

Да, кстати, звать поэта «Слава», он, феодал и крепостной,
 Картофель сажит величаво в родном Абрашине весной.
 На зло стихотвореньям новым, там прущим к небу из канав,
 Вдруг осень входит с Мясниковым, задумчивым, как космонавт.
 Что думает художник бывший, необъяснимо до сих пор:
 В его мозгу скребутся мыши и воет Караканский бор,
 И тархтят аэропланы, и брат на раны сыплет соль...
 Сгубил все творческие планы непобедимый алкоголь.
 Он, хищной дланью угрожая, толкает жертв своих на край.
 Им дела нет до урожая — будь осторожен, Николай!
 Увы, был Мясников и — нету: не дружит с лесом и рекой.
 Какой урок он даст поэту? Михайлов Слава не такой!
 Не поддается чарам змея. А Коля перестал творить,
 «Высокой страсти не имея для звуков жизни не щадить!»
 Один в деревне недостаток — кромешный дефицит интриг.
 Тяжелых лет в душе осадок поэт почует, как старик.
 Влачить сезон трудов вериги принудит жадный огород,
 А в городе кипят интриги, вино, друзей круговорот...
 Когда перебороть печали не могут девы и коньяк,
 Поэт с утра фильтрует дали через мозолистый кулак.

227²⁴³

* * *

Словно фильм режиссера Кустурицы, под откос разгоняется сон
 Пассажира с Октябрьской улицы под осенние крики ворон.
 Пробуждение — это авария. Хищный клюв превращается в рот,
 Из которого, вырвавшись, ария бурю жутких оваций сорвет...
 Есть в России эффект андерграунда для оставленных плакать в Крыму,
 А история — филькина грамота, непонятная никому.
 В ней уроды вгрызаются пилами в мякоть слабых, изношенных тел,
 В ней «чужие» воюют с вампирами, а в России царит беспредел.
 Здесь Каренина гибнуть торопится, разрешая проклятый вопрос:
 В русском сердце скорбит Богородица и страдает распятый Христос.
 Пробужденье от муки, наверное, сокращает круиз мизансцен,
 Но готов приключение скверное испытать до конца джентльмен.
 И какие там, Господи, прелести, в суеде независимых стран?
 Лучше нам пережевывать «Челюсти», чем Буденновск, Кизляр и Беслан.

* * *

Опять на метро от Студенческой мчишься без цели,
 И с левого боку мелькают оазисы станций,
 Морозец декабрьский змеей сквозь вагонные щели
 Кусают студентов, попасть захотевших на танцы.
 В прекрасных головках закручены дебет и кредит:
 Не хочется умницам утром дотла разориться...
 Какой-то старик от Студенческой станции едет
 И горько вздыхает, что Новосибирск — не столица.
 Старик убежден: небоскребы баракам — не ровня,
 Но так до тех пор, пока сдуру не выпил пол-литра...
 Ему на пути все равно попадетса часовня,
 Там Богу доступней из русского сердца молитва..

С центрального рынка, прикован к хозяйственным сумкам,
 Философ плетется домой по центральному парку,
 И кружится в воздухе лист с деликатным рисунком,
 Ужасно похожий анфас на немецкую марку.
 А листья опавшие кажутся вкусным печеньем,
 Голодному парню, летящему на мотоцикле...
 Но марки изъяты давно уже из обращения,
 А к евро умы старосветские быстро привыкли.

* * *

Ночь в шубе, сшитой из ондатр, приходит в город, как в театр.
 И, обустроившись в партере, обзрывает интерьер:
 Архитектурные потери воображенья и манер...
 Над симфонической сиренью свисает месяца брелок,
 Чтобы к Христову Воскресенью творили Гlinkа и Брюллов.
 Но затошнит аборигена предвестье скорых передряг,
 Во тьме, взвывая как гиена, летит по улице варяг...
 Нет правды в бронзовом ландшафте, и круче тысячи чертей
 Транжирит прибыли от нефти новороссийский Прометей.
 В упадке Хохлома и Палех, прогнили нитки теплотрасс,
 За небом лишь в районах спальных следят, не покладая глаз.
 И в центре с ржавым пулеметом готовится напасть на банк
 В оцепененье полумертвом обкуренный и грязный панк.

Душа золу словесных углей вылизывает языком.
 Как тигр, вырвавшись из джунглей, блестит очками Сибревком.
 Но пусто место встреч минувших, почил в забвенье Одиссей,
 И звуки му вползают в уши без разрешения властей.
 Когда в словах избыток фальши, и у души заклинит руль —
 Скорей вези меня подальше, шофер, из города за рубль!

* * *

Легкомысленный март начинает веселый сезон,
 Я ногой попираю обутленный череп сугроба,
 В нем уютно свернулась в клубок прошлогодняя злоба —
 Пусть сойдет благодать на весенних любовниц и жен,
 Изменявших нам тысячу раз или верных до гроба...
 Нас пропеллер восьмерки внезапно срывает с гнезда,
 В складках кожи сердитого неба сверкает звезда,
 А вокруг хороводом клубятся мужские планеты,
 В глубине твоих глаз наливается слез виноград,
 Но поет соловыха из «Литературной газеты»:
 «Сексменьшинства всегда — это лучших людей авангард»...
 Убедительней подлинных мыслей и чувств муляжи,
 У прекрасных и преданных женщин плохие мужи...
 От весеннего воздуха тихо балдеет природа,
 Как толпа мужиков перед женскими окнами бань...
 Из тебя и меня невозможно сложить бутерброда:
 Я домашний осел, ты лесная пугливая лань.

Караван карнавалов души и ужасная тайна,
 Королева, мочалка, сильфида, несущая вздор...
 На окраине ветер свистит из скелета комбайна,
 И синхронно с грудным метрономом волнуется бор.
 1999

* * *

В листок календарный мужчины впиваются зорко,
 Два сросшихся бублика — это, конечно, восьмерка...
 Ах, это число — генератор глубоких морщин
 У самых ответственных, преданных, нежных мужчин.

Когда в кошельке дребезжит невысокая сумма,
 Известно любому, какой выбирается путь.
 Вскипает орда мужиков перед входами ЦУМа,
 Трещит, словно хворост, в толпе богатырская грудь...

И даже в Эдеме Адам, очарованный Евой,
 Готов был во имя любимой на каторжный труд...
 Увы, каждой женщине хочется быть королевой,
 У каждой из них перспектива — попасть в Голливуд.

На Красном проспекте пасутся стада иномарок...
 В лепешку разбейся, но сделай подруге подарок!
 Мы все одинаковы: тащим, как прежде, в альков
 Охапки прокладок, колготок, белья и духов.

Я мудрую мысль у Льва обнаружил Толстого:
Любая из дам круглосуточно к счастью готова.
У нежных подруг расцветает пышной красотой,
Про подлинный возраст хронически врут паспорта.

Жизнь наших любимых — на четверть мираж и легенда.
Что женщине нужно? Машина, квартира, фазенда,
Наряд от Кардена, орава горластых детей...
И муж — управляющий банком, а не Прометей!

1998

Альманах «Мангазея»²⁴⁸

232

* * *

Начинает кавалерия испытание клинков,
Из-под стражи лицемерия выпускает дураков.
Первый маршал указание произносит, как приказ,
К высшей мере наказания приговаривая нас.
Без сочувствия казенного с соловьями острых шпор
Слуги лютого Буденного исполняют приговор.
И без тел в могилах братских на окраине страны
Наши головы дурацкие навсегда погребены.

Из личных архивов²⁴⁹

Из архива В. А. Берязева

233²⁵⁰

* * *

Отважный демос в клюве с крепкой «Примой»,
тебе давно милей, чем героин,
Триумф весны — весны неповторимой,
и жирный, пухлый масленичный блин.
Когда в скрипучем колесе сансары
рассудок трут вериги черствых слов,
ты, как босяк, фильтруй свои базары,
и мартовский сугроб грызи как плов.
Но, словно из колоды драной козырь,
глядит подросток, мал еще и глуп,
как, с понтом, утром импортный бульдозер
из-подо льда корчует черный труп.
Кто и откуда мученик, замерзший
назло крутым сибирским холодам?
Ему хватило все же дивной мощи
допить до дна из горлышка Агдам.

А, может, он объектом стал разбоя,
 людских не испугавшийся угроз?³
 Какие превосходные обои
 приклеил к моим окнам Дед Мороз.
 Случается, вниманья раздвоенье
 меж миром посторонним и своим
 легко отобразит в стихотвореньи
 мой старьёй шестикрылый аноним.
 Его диагноз не всегда бесспорен,
 но видишь, рассыпает госпожа
 в снегу штук пять помятых беломорин,
 как знак вниманья — для бомжа...

234²⁵¹

* * *

Чтоб покончить с мелочными склоками,
 Прочитай стихотвореньи Блока мне,
 И увижу из окна спросонок
 За платформой сад с кустами блеклыми
 И старуху с парой собачонок.
 Век прошел, но те же в ней амбиции,
 Несмотря на то, что из провинции,
 С костылем, в фуфайке, вся в морщинах
 Женщина поодаль от милиции
 Думает всё то же — о мужчинах.
 Толку нет, давно увяли лилии,
 На мечты энергии не хватает.
 В мире вдруг пересеклись две линии:
 И гипотенузу режет катет.
 Бес в изображеньи Микки Мауса!
 Как ни бейся, не спасти от хаоса
 За глухим окном опочивальни
 Синий свет очей и перья страуса,
 Соловьиный сад и берег дальний.
 Все мы жертвы Энгельса и Дарвина,
 Колесом прогресса жизнь раздавлена —
 Тело и душа — везде изъяны.
 Веет смрадом из могильной ямы.
 Нет уже следов Татьяны Лариной,
 И с еще не высохшей испариной —
 Бог произошел от обезьяны...

235²⁵²

* * *

Трясущимися руками в рассыпавшейся стране
 Сложить хочу оригами, на нос нацепив пенсне...

* * *

Давай из города уедем
 Туда, где бор ревет медведем,
 И море моет берега,
 И сладок сон, как курага.
 Ужели жизнь отбушевала,
 И позади девятый вал...

Пусть как паяц Леонкавалло
 Вонзит комар в меня кинжал.

Из архива Ю. Д. Григорьева²⁵³

237²⁵⁴

* * *

Словно фильм режиссера Кустурицы, под откос разгоняется сон
 Пассажира с Октябрьской улицы под церковный малиновый звон,
 Где фальшивый эффект андерграунда в неизвестность отплывшем Крыму
 Для истории — филькина грамота, непонятная никому.
 В ней уроды вгрызаются пилами в мякоть слабых, изношенных тел,
 В ней «чужие» воюют с вампирами, а в России вообще — беспредел.
 Пробуждение от муки, наверное, сокращает круиз мизансцен,
 Чтоб не смог приключение скверное испытать до конца джентльмен.
 И какие там, Господи, прелести, в суете независимых стран?
 Лучше нам пережевывать «Челюсти», чем Буденновск, Кизляр и Беслан.

238²⁵⁵

* * *

Словно фильм режиссера Кустурицы, под откос разгоняется сон
 Пассажира с Октябрьской улицы под осенние песни ворон.
 В детском сне городская окраина, порт речной и бараков разброд,
 Где под знаменем Ленина — Сталина к коммунизму шагает народ.
 Перед высохшей мумией с аурой клятвой верности мучают рты,
 Расцветают от музыки траурной кумачовые с крепом банты.
 Здесь в фаворе не правда, а истина, и прилипли к уму простака
 Приключения мистера Твистера в стихотворном вранье Маршака...
 Но под мышкой с казенными книжками мы усвоили жизни урок
 И бесстрашно хрустели ледышками, утром вывалив на солнцепек.
 А на кафедрах горе философы добивались за пищу и кров,
 Чтобы каждый болван стоеросовый сокрушал трансцендентных богов.
 Но все меньше у постников рвения лицемерить с восьми до шести,
 И на родине даже растения не хотят, хоть убейся, расти...
 В гуще жуткого частного сектора, утонувшего в собственном «я»,

Андромаха оплакала Гектора и утратила смысл бытия...
 Завершается мыльная опера, рухнул занавес, горек итог.
 Вместо Маркса молиться на Поппера учит темного папу сынок,
 И родителю не на что сетовать, если есть чего выпить и съесть...
 Ветер с клена, как старого сеттера, рвет клочками бордовую шерсть.
 Есть в России эффект андерграунда, здесь случается все, как в дыму
 Соль истории — филькина грамота, недоступная никому.
 В ней уроды вгрызаются пилами в мякоть слабых, изношенных тел,
 В ней «чужие» воюют с вампирами, а в России царит беспредел.
 Здесь Каренина гибнуть торопится, и решается вечный вопрос:
 В русском сердце скорбит Богородица и страдает распятый Христос.
 Пробужденье от муки, наверное, сокращает круиз мизансцен,
 Но готов приключение скверное испытать до конца джентльмен.
 Ах, какие еще искушения ожидать от искусственных стран?
 Разве лучше пожар и крушение, чем Буденновск, Кизляр и Беслан?

Из архива Н. Д. Смородниковой²⁵⁶

239

* * *

Слова простые замирают в горле,
 Напрасно Бога каждый день молю.
 Не знаю, это счастье или горе,
 Сказать — Наташа, я тебя люблю.

240

* * *

Прошу тебя — на спину ляг,
 Закройся от всего руками.
 Тогда появится в дверях
 Твой белый сон,
 Как черный камень.

Не застучит, не запоеет,
 К постели сядет осторожно.
 С твоей постели не вспорхнет
 Зеленым ветром подорожник.

И прошлогодняя трава
 Воспрянет под густым сугробом,
 Как будто новая весна
 Тебя разбудит первым громом.

1965

241

* * *

Вдруг вспомнишь и подносишь снова лампу
К портрету, где лежишь в гробу,
Голодный волк зимы протянет лапу
К голубому лбу.

1967

242

* * *

За околицей лето пропили,
Без любви, без надежды, без зла,
В золотые колодцы крапивы
Опустилась ночная звезда...

1967

Из архива С. П. Степанова-Прошельцева²⁵⁷

243

На ларек

Ты теперь за широкой рекой
Через мост от сентябрьских мест.
Над зеленым заплыл далеко
Благовест, благовест, благовест.
А вчера прошлогодний балет
Выступал меж чугунных перил,
Опускался зеленый берет
На больные глаза балерин.
На ларек, на ларек, на ларек!
И повеет зеленым карниз.
Желтоглазый мохнатый зверек
Запищит из-за черных кулис.
Завершив оборот годовой,
Если в очередь нынешний взнос
Нам придется платить головой,
А взамен — рыбы головы звезд.

Цифры в квадратных скобках, следующие за номером концевой сноски, обозначают номер стихотворения в данной книге. Сноски и комментарии, относящиеся к одному и тому же стихотворению, сгруппированы.

Гнездо поэтов

¹ Гнездо поэтов: Сборник стихов. / [Сост. В. А. Берязев]. – Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1989. – 256 с., ил. ISBN 5-7620-0244-6

Редактор издания – А. И. Плитченко. Художник – Е. Ф. Зайцев. Корректор – О. М. Кухно. Тираж 2500 экз.

В издательской аннотации сборник представлен так:

«Сборник стихов многооттенный: любовь, творчество, работа, поиски себя, обретение глубокого чувства Родины, чувства причастности к ее судьбе. Авторы – неформальные поэты Новосибирска».

В биографической справке автора указано: «Публикуется впервые». Между тем, в июльском номере журнала «Сибирские огни» за 1989 год под заголовком «Шестидесятники» (с. 45-49) были опубликованы стихи четырех авторов «Гнезда...» и анонсирован его скорый выход в свет. Из пяти стихотворений Соколова в подборке четыре вошли в коллективный сборник, а одно – в «Спартаковский мост». Сам Анатолий вспоминал, что подборка стихотворений для сборника была составлена как из прежде написанных, так и из новых, а стихи 60–70-х гг. были отредактированы либо переработаны автором.

Текст и пунктуация приведены в соответствие с последующими прижизненными публикациями, если коррективы были невелики по объему. Значительные изменения отражены в комментариях, а в отдельных случаях стихотворения представлены в дальнейших сборниках как новые редакции.

² [2]. Стихотворение впоследствии включено в четыре авторских сборника Соколова. В сборниках «Материю» (с. 99), «Крепость» (с. 80) и «Осенние птиць» (с. 80) ему предпослано посвящение Евгению Лазарчуку, педагогу, поэту, журналисту, другу Анатолия со студенческих лет. Стихотворения Е. А. Лазарчука публикуются в том же сборнике «Гнездо поэтов». Ему посвящено также стихотворение [47] настоящего издания. Пунктуация выверена по последнему прижизненному сборнику 2009 года.

³ *Малюта Скуратов* – самый известный опричник царя Ивана Грозного. Его имя стало нарицательным для обозначения безжалостного палача.

⁴ [3]. В публикации на интернет-ресурсе Проза.ру (<https://proza.ru/avtor/sotoll46>) автором поправлена запятая в третьей строке – перенесена в конец строки, что несколько изменило высказывание. Там же автор обменялся с читателями репликами в комментариях:

Мастерски передали ужас нашего времени в ожидании по большому счету рукотворных катаклизмов. Хорошо бы в будущем произведении уравновесить хоть немного в плюс, дать немного надежды... С надеждой, Михаил Е. 30.08.2009 13:55

Вы сами, конечно, понимаете, что мои намерения не причем. Так слова легли. И как они еще могут лечь (и могут ли вообще зашевелиться), один Бог ведает.

Спасибо за внимание. Удач Вам и вдохновений. Извините, еще забыл добавить. Отмеченный Вами текст написан более 20 лет тому назад, когда еще ничто не предвещало вскоре грянувших катаклизмов. Анатолий Соколов 30.08.2009 15:18

Значит Вы Пророк в некотором роде... Михаил Е. 30.08.2009 15:37

⁵ [5]. Пунктуация приводится по сборнику «Крепость» (с. 54-55).

⁶ [11]. Впервые опубликовано в журнале «Сибирские огни», 1989 г., № 7, с. 47. В сборнике «Крепость» (с. 110) стихотворение опубликовано с посвящением Г. Абольянину. *Абольянин Геннадий Михайлович* (1931–2007) – «рыцарь поэзии», собиратель материалов, касающихся жизни и творчества М. Цветаевой, Б. Пастернака, А. Ахматовой и О. Мандельштама и др. С Анатолием был знаком с 1960-х годов по знаменитому «лито Ильи Фоянкова». О Геннадии Абольяnine А. Соколов написал эссе, опубликованное в журнале «Сибирские огни» (2010, № 3).

⁷ [13]. Вариант по сборнику «Крепость» (с. 52). Первая строка 2-й строфы ранее читалась: «*Наверно, местный парикмахер...*» В 4-й строфе изменены еще два слова (*в паузах – в паузе; Уже – Давно*).

⁸ [17]. Впервые опубликовано в журнале «Сибирские огни», 1989 г., № 7, с. 46. Текст дан в редакции сборника «Крепость» (с. 45). Последняя строфа в журнале и в «Гнезде поэтов» была такой:

Паломник, пилигрим или беглец,
Когда же я по воле провиденья
Вздохну, освободившись наконец
Из липкой паутины сновиденья?

⁹ [20]. Впервые опубликовано в журнале «Сибирские огни», 1989 г., № 7, с. 46. Начало 2-й строфы в первом сборнике: «Перед натиском желтой метели...».

¹⁰ [21]. Впервые опубликовано в журнале «Сибирские огни», 1989 г., № 7, с. 46. Предпоследняя строфа в первом сборнике:

И беспомощно сморщили лбы,
Без веселых жильцов замирая,
Две *крест-на-крест забытых* избы
За чертою колхозного края.

¹¹ [22]. Название «Мюнхен» дано только в первом сборнике. В последующих изданиях автор от него отказался. Пунктуация в последней строфе несколько меняет оттенки смысла и введена в сборниках «Крепость» (с. 79) и «Материки» (с. 172).

Спартакoвский мост

¹² Спартакoвский мост: Сборник стихов. – Новосибирск: ТПО «Журналист», СО «ДЛ», 1990. – 48 с. – (Поэтическая библиотека альманаха «Мангазея»). ISBN 5-08-007478-7 Отв. редакторы – Н. Г. Ермолина, Е. А. Лазарчук. Художник Ю. Л. Сокольников. Корректоры А. И. Денисенко, В. И. Ярцев. Тираж 3000 экз. Издательская аннотация: «Анатолий Соколов – поэт необычный. «Из тяжести недоброй» он создает прекрасное. Войти в мир его поэтических образов непросто, а выйти – невозможно».

¹³ [23]. Впервые опубликовано в журнале «Сибирские огни», 1989, № 7, с. 46.

¹⁴ [27]. Опубликовано в альманахе «Мангазея», вып. 1. 1990, с. 21.

¹⁵ [28]. Там же, с. 21.

¹⁶ «*Город Солнца*» – название романа-утопии Томмазо Кампанеллы (1568–1639).

¹⁷ *Агасфер*, или Вечный Жид – легендарный персонаж, обреченный скитаться по земле до Второго пришествия Христа.

¹⁸ [34]. Из переписки автора с читателями на Проза.ру:

А здесь я в Вас узнаю кого-то другого. Как все это странно... У меня вообще бывает такое впечатление, что на этом сайте со мной ведет беседу всего один человек. Не каждый день, но время от времени. Ирина М. 26.08.2009 18:26

Увы, я тот же самый. Просто тексты рождались в течение двадцатилетнего периода и в различных пространственных координатах. Соответственно, они отличаются друг от друга. Впрочем, как говорил Малларме, стихи пишутся не мыслями и настроениями, а словами. А слова складываются, как хотят. Следующим на странице будет самый свежий и страшенький текст. Сейчас я его вставлю. Удачи Вам! Анатолий Соколов 26.08.2009 18:45

(Ред.: Следующим по времени после комментария были вставлены тексты: «Обманы Пушкина и Тютчева...» и «Преврати в источник вдохновенья...»)

¹⁹ Каин и Авель – библейские персонажи, братья. Согласно Книге Бытия, Каин был первым в истории убийцей, а Авель – первой жертвой убийства.

Крепость

²⁰ Эпиграф книги на авантитуле: *Светлой памяти моих родителей.*

Крепость: Стихи. – Новосибирск, 2004. – 128 с. (Поэтическая библиотека журнала «Сибирские огни»). ISBN 5-86272-118-5. Тираж 500 экз.

Редакционная коллегия: В. А. Берязев, А. П. Буслов, А. В. Горшенин, Н. М. Закусина (гл. редактор), В. И. Клименко. Художник В. Н. Савин. Предисловие В. А. Берязева.

²¹ [37]. Стихотворение обращено к другу Анатолия Соколова со школьных лет – *Виктору Семеновичу Бухарову*. В. С. Бухаров (р. 1944) – советский и российский живописец, акварелист, член Союза художников СССР, России (1973), Почетный академик Российской академии художеств. Живет в Новосибирске.

²² [38]. *Ахейцы* – одно из основных древнегреческих племен, Гомер в «Илиаде» под ахейцами подразумевает всех греков Пелопоннеса.

²³ *Елена Прекрасная* в древнегреческой мифологии – прекраснейшая из женщин. Елена была похищена их Спарты троянцем Парисом, что стало поводом к Троянской войне.

²⁴ *Шагреневая кожа* – кожа с декоративной пупырчатой поверхностью. Изготавливалась из спинной части шкур лошадей, сейчас – из козьих и овечьих шкур. Окрашивалась чаще в зеленый цвет.

²⁵ [42]. Имеются в виду самолеты германской «люфтваффе», которой командовал Г. Геринг, и основной мотив фильма ужасов А. Хичкока «Птицы».

²⁶ [43]. Сын поэта – *Соколов Василий Евгеньевич*, родился в 1979 году. В настоящее время живет в Германии. Стихотворение автор включал почти во все сборники.

²⁷ [45]. *Берязев Владимир Алексеевич* (р. 1959) – поэт, эссеист, переводчик, публицист, литературный деятель, гл. ред. журнала «Сибирские огни» (1999–2014). Живет в Новосибирске.

²⁸ [46]. На интернет-ресурсе Проза.ру стихотворение опубликовано автором под названием «Сон».

²⁹ [47]. *Евгений Лазарчук* – см. комм. к [2].

³⁰ [49]. Комментарий автора на Проза.ру:

«...прикол. Может быть, не совсем удачный. К сожалению, все и всегда делаю наспех и живу вообще без черновиков». Анатолий Соколов 19.09.2009 23:48

³¹ [50]. Юлия Мазуренко – подруга Анатолия Соколова на рубеже 2000-х гг. Ей посвящено еще одно стихотворение – [61], датированное на Проза.ру 1994-м годом.

³² [54]. *То ли бык, то ли тур* – цитата из песни В. С. Высоцкого «Про дикого вепря».

³³ [55]. *Гилельс приехал в детгиз...* Гилельс Эмиль Григорьевич (1916–1985) – советский пианист и музыкальный педагог, начавший играть с пятилетнего возраста и добившийся за свое искусство всевозможных наград и почетных званий. Удары града здесь сравниваются с экспрессивной игрой на фортепиано, удары пальцами извлекают звуки, сходные с ударами градин по различным предметам. Есть подозрение (исходя из контекста), что музыкальный образ был привнесен вынужденно, из этических соображений, чтобы не употреблять другую фамилию известного лица. При этом стихотворение, и так достаточно мрачное, стало бы излишне жестким и даже жестоком.

³⁴ *Скотопригоньевск* – вымышленный город, где разворачивается действие романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы».

³⁵ [56]. Позже, 12.10.2009 г. Анатолий выложил на Проза.ру новую редакцию этого стихотворения. Добавлено 4-е четверостишие:

Ужасно проснуться подопытным кроликом в клетке,
Не оригиналом, а копией, бледною тенью...
Пью с энтузиазмом горстями цветные таблетки.
На водке – табу, и еще – ультиматум куренью.

Изменена также предпоследняя строка: «Фамильных безудержных страхов, обид и фантазий...»

Из переписки автора с читателями портала по поводу этого стихотворения:

...этому тексту, с одной стороны, уже лет двадцать. Но последний месяц занимаюсь на досуге тем, что заново переписываю и редактирую старое. И это стихотворение подверглось существенной перделке. В прежнем виде его стыдно было представлять здесь. Анатолий Соколов 13.10.2009 18:02

Это импровизация, написанная лет 20 тому назад. Попалась на глаза случайно.захотелось заново отредактировать и кое-что добавить. Что в результате получилось – Вам судить. Анатолий Соколов 13.10.2009 18:05

³⁶ [61]. На Проза.ру стихотворение опубликовано под заголовком «1994». Второе посвящение Юлии Мазуренко (см. комм. к [50]).

³⁷ [63]. Под названием «Застойный сон» опубликовано в альманахе «Мангазея», Вып. 2, 1993 г. Из переписки с читателями на Проза.ру:

Не хуже Некрасова написано. Понравилось. С уважением, Елена Б. 28.08.2009 06:00
Чересчур, конечно, Вы про меня. Но спасибо. Анатолий Соколов 28.08.2009 06:08
Не чересчур. Глубоко пишете. Тревожите. Это далеко не у каждого получится. Елена Б. 28.08.2009 06:11

То, что не «у каждого», утешает. Дает повод для удовлетворения тщеславия. Впрочем, стихи пишутся словами. Моя заслуга в том, чтобы не мешать им соединяться друг с другом в композиции. Анатолий Соколов 28.08.2009 11:45

³⁸ [65]. В сборнике «Осенние птицы» и в журнале «Сибирские огни», 2010, № 1 опубликовано под названием «Россия». При этом автором внесены значительные изменения в пяти строфах. Новая редакция публикуется здесь под номером [211].

³⁹ [70]. Речь идет о *Мясникове Николае Федоровиче* (1954–2012) – новосибирском художнике и писателе, который каждое лето жил в своем деревенском доме в Абрашино, с головой окунаясь в сельские хлопоты. Далее *Берязев* и *Клименко* – общие друзья Соколова и Мясникова.

⁴⁰ [74]. *Лаокоон* в греческой мифологии – жрец бога Аполлона в городе Троя. «Лаокоон и его сыновья» – скульптурная группа в музее Пио-Клементино (Ватикан), изображающая их смертельную схватку со змеями. Скульптура имеет несколько копий, в том числе в России.

⁴¹ [77]. *Ахилл* – главный герой «Илиады». *Телемах* в греческой мифологии – сын царя Итаки Одиссея и *Пенелопы*, один из главных персонажей поэмы Гомера «Одиссея».

⁴² [80]. В последнем сборнике «Осенние птицы» автор внес некоторые изменения, не носящие принципиальный характер (измененный текст выделен курсивом):

Старуха мечтала о счастье, большом и высоком:
 О новом корыте и банке с гранатовым соком,
 О плюшевой кофте, серьгах, кашемировой шали...
 Домашние хлопоты воображенью мешали.
 То солнце блистало, то пряталось небо за тучей,
 Всем правят законы, но все-таки царствует случай.
 На смену посту появляются борщ и пельмени,
 Так сердце старухи склоняется вдруг к перемене...

Начало последней строфы приобрело такой вид:

В Сибири студеной старик умирает от горя,
 Коварная рыба резвится в объятиях моря

А строка

Старуха без устали твердой рукой, как копыто

Изменена на:

А после сутулая твердой рукой, как копыто

⁴³ [81]. *Квадяев Владимир Николаевич* (р. 1945) – друг Анатолия Соколова, с которым они росли в одном дворе и поддерживали отношения в дальнейшей жизни.

⁴⁴ [83]. *Котелкин Анатолий Михайлович* (р. 1949) – двоюродный брат А. Е. Соколова. Живет в Новосибирске.

⁴⁵ [86]. Текст стихотворения приводится в поздней редакции 2009 года. Был размещен Анатолием Соколовым в сентябре 2009 года на интернет-ресурсе Проза.ру. В сборнике «Крепость» (с. 91) некоторые строки иные. Первая строка: «*Постой, землячок, артефакт, инвалид и подранок...*»; второе четверостишие:

*Не дьявол ли всюду расставил силки и ловушки?
 Закупорит радио с детства ушные ракушки,
 И телекартинки к отзывчивым липнут глазам...
 Еще не найдя, можешь ты потерять себя сам.*

В четвертом четверостишии изменены две строки:

*Ребенок, подросток, студент и непризнанный гений,
 В лице, перерезанном горестной трещиной рта,
 Судьба совместит фотографии прошлых волнений
 И всех вдохновений – ты нынче кругом сирота.*

А в строке «Но Бог себя крепко и нежно берет под уздцы...» устранена явная опечатка – не «себя», а «тебя».

⁴⁶ [87]. *Кузнецов Александр Викторович* (р. 1952 г.). Трояродный брат А. Соколова по линии отца. Врач-патоанатом, доктор медицинских наук, профессор, преподает анатомию в НГМУ.

⁴⁷ *Клеопатра* – последняя царица эллинистического Египта. Прославилась благодаря драматической истории любви к римскому полководцу Марку Антонию. В годы ее правления Египет был покорен Римом, сама Клеопатра окончила жизнь самоубийством, чтобы не стать пленницей Октавиана.

⁴⁸ [90]. Стихотворное обращение к другу – поэту Александру Денисенко. По рассказам Александра, накануне Анатолий возвращался последней электричкой из Тогучина и, проезжая мимо Мотково, вспомнил о друге и покинул ее на ходу, раздвинув сильными руками двери. Сообразив, что время для визита неподходящее, переночевал в стогу либо в заброшенном строении и поутру явился в гости. Плодом этого романтического приключения и стало стихотворение. 9-ю и 10-ю строки Анатолий Соколов изменил в 2009 году, публикуя стихотворение на Проза.ру:

Отпирает ящик бедствий *вездесущая* Пандора,

И поэт, коровки божьей *получающий* значок...

А строка «Вдалеке гнедые кони днем рассеялись по лугу...» выглядит так: «Вдалеке пасутся кони, вмиг рассеявшись по лугу...»

⁴⁹ *Пандора* в древнегреческой мифологии – первая женщина на земле, созданная Гефестом по велению Зевса. Из любопытства она открыла полученный от Зевса сосуд (ларец, ящик), из которого по миру разлетелись все несчастья и бедствия, а под захлопнутой крышечкой осталась одна лишь надежда. Крылатая фраза «открыть ларец Пандоры» означает совершить действие с необратимыми последствиями.

⁵⁰ *Кассандра* – дочь троянского царя Приама и Гекубы. Отличалась красотой и была любима богом Аполлоном, от которого получила дар прорицания. Но за то, что она не отвечала на его любовь, Аполлон наказал ее тем, что никто не верил ее предсказаниям.

⁵¹ [92]. Первая строка на Проза.ру: «Год, слава Богу, *был бездарно* прожит...»

⁵² [93]. Посвящение *Владимиру Клименко*. Клименко Владимир Ильич (1950–2011) – российский писатель, поэт, автор фантастических произведений, журналист и редактор и друг поэта. В 2000 году, работая в «Сибирских огнях», был редактором книги А. Соколова «Крепость».

⁵³ [94]. Поздняя редакция: строка «*Кто кроме любви*, в это время придет на подмогу...» в 2009 году поправлена автором на «*И кто же ко мне* в это время придет на подмогу...». В строке «Чернели в тумане амбары *и пахло* овсом...» исправлено на «с тяжелым овсом».

⁵⁴ [96]. Выражение «*Содом и Гоморра*» иносказательно означает место крайнего разврата, где попираются моральные устои общества. Реже – в значении «ужасный беспорядок», «беззаконие». В современном русском разговорном языке «содомом» называется также шум, беспорядок, суматоха. Повествование о грехе жителей Содома (греч. «горящий») и Гоморры (греч. «потопление») и истреблении этих городов содержится в тексте книги Бытия 19:4-11.

⁵⁵ [103]. Посвящение *Татьяне Трубиной*, однокурснице Анатолия Соколова в годы учебы в Новосибирском педагогическом институте (1968–1972 гг.).

⁵⁶ [111]. В публикации на Проза.ру автор изменил 6-ю строку «*Меня от обиды, боюсь, разобьет паралик...*» Также была поправлена пунктуация в трех местах.

⁵⁷ [113]. *Публий (Гай) Корнелий Тацит* – древнеримский историк, автор больших исторических трудов «История» и «Анналы».

⁵⁸ [114]. *Антиномия* – рассуждение, доказывающее, что два высказывания, являющиеся отрицанием друг друга, вытекают одно из другого; ситуация, в которой противоречащие друг другу высказывания об одном и том же объекте имеют логически равноправное обоснование.

⁵⁹ [115]. На Проза.ру 17.09.2009 г. автором была опубликована новая редакция стихотворения, отличающаяся первыми тремя четверостишиями:

Ощетинилось дымом лицо городское,
 А ноябрьский ветер – плохой брадобрей,
 До обеда район оставляя в покое, –
 Надувает на ветках шары снегирей.
 Лишь один стихотворец над бытом возвышен,
 Только влюбится в девушку – сразу разрыв.
 Кто из дома во двор сломя голову вышел,
 О делах и мечтах вдруг совсем позабыв?
 За спиной зашуршали словами соседи,
 Но запас выражений мгновенно иссяк.
 На сугробах вкрапленья железа и меди,
 И в душе громыхает гора железяк.
 Полоумный, куда...

Комментарии автора из переписки с читателями:

...*Машков – русский художник, входил в объединение «Бубновый валет» с Кончаловским, Осмеркиным, Куприным и др. Автор прекрасных поэтических натюрмортов. Я серьезно занимаюсь и живописью. Анатолий Соколов 17.09.2009 16:27*

Невразумительные годы

⁶⁰ Невразумительные годы: Стихи. – Новосибирск: ИД «Сибирские огни», 2004. – 64 с. (Поэтическая библиотека журнала «Сибирские огни»). ISBN 5-86272-104-5
 Тираж 500 экз. Редакционная коллегия: В. М. Башунов, В. А. Берязев. Художник Н. Мясников.

⁶¹ [121]. *Никифоров Владимир Семенович* (1943–2019) – прозаик, публицист, кандидат технических наук, профессор Сибирского университета водного транспорта. Автор восьми книг прозы.

⁶² *Ассоль* – героиня романа Александра Грина «Алые паруса».

⁶³ [122]. *Михаил Сергеевич Омбыш-Кузнецов* (р. 1947) – российский художник, живущий в Новосибирске. С середины семидесятых его известность приобрела всесоюзный масштаб. В 1981-м он стал лауреатом премии Ленинского комсомола, в 2000-х годах – заслуженным художником РФ и членом-корреспондентом Российской академии художеств.

⁶⁴ «*Грачи прилетели*» и «*Не ждали*» – известные картины русских художников Алексея Саврасова и Ильи Репина.

⁶⁵ *Помпеи* – древнеримский город близ Неаполя, погребенный под слоем вулканического пепла при извержении Везувия 24 августа 79 года.

⁶⁶ *Франсиско Хосе де Гойя-и-Лусьентес* (1746–1828) – испанский художник и гравёр, один из первых и наиболее ярких мастеров изобразительного искусства эпохи романтизма. Характер его искусства резко меняется перед событиями Великой французской революции. Жизнеутверждение в творчестве Гойи сменяется глубокой неудовлетворенностью, праздничная звучность и утонченность светлых оттен-

ков – резкими столкновениями темного и светлого. В его живописи все чаще царят трагизм и мрак, поглощающий фигуры.

⁶⁷ *Уренгой* – город в Ямало-Ненецком автономном округе, центр крупнейшего газодобывающего района. В 1980 году М. С. Омбыш-Кузнецов написал работы, вошедшие в «Тюменский цикл» художника, среди которых картины «Дорога на Уренгой», «Сибирские нефтяники» и др.

⁶⁸ [124]. *Чирков Виктор Владимирович* (1946–2005) – одноклассник Анатолия Соколова по школе № 74. Дизайнер, лауреат государственной премии СССР (1985), работал в Сибирском физико-техническом институте аграрных проблем (СибФТИ АП).
⁶⁹ «*Музыкальным даром*» – от греч. *musike* – искусство муз. Имеется в виду дар, талант в какой-либо из сфер искусства и науки (поэзия, музыка, танец, театр), которыми покровительствовали музы.

⁷⁰ [126]. В публикации журнала «Сибирские огни» (№ 5, 2002 г., с. 105) автором поставлено посвящение Сергею Гуревичу, другу детства Анатолия Соколова. *Гуревич Сергей Александрович* (р. 1946) работает врачом-кардиологом высшей категории в одной из клиник Новосибирска.

⁷¹ [127]. В журнальных публикациях – с посвящением В. И. Клименко (см. комм. к [93]).

⁷² [129]. *Ермоленко Татьяна Александровна* – доцент кафедры декоративно-прикладного искусства НГПУ. Второе посвящение Т. А. Ермоленко – см. [137].

⁷³ *Лорелея* – центральный персонаж романтической поэзии, героиня немецких народных легенд – речная фея, манящая к себе с утеса плывущих по Рейну и уносящая их в пучину.

⁷⁴ [130]. Русский писатель *Всеволод Михайлович Гаршин* (1855–1888) в возрасте 33 лет совершил самоубийство, бросившись в лестничный пролет.

⁷⁵ *Выборная* – улица в Новосибирске в районе пединститута, где некоторое время жил А. Соколов.

⁷⁶ *Шива* – индуистское божество, верховный бог в шиваизме, одно из его имен Натараджа – Царь танца (санскр.). Часто изображался многоруким и танцующим.

⁷⁷ [132]. *Винсент Ван Гог*, голландский живописец, в очередном припадке безумия отрезал левую мочку своего уха, завернул в газету и отправился в бордель, расположенный по соседству, где разыскал знакомую Поля Гогена. Ей он передал этот сверток и попросил хранить его. Увидев содержимое, женщина упала в обморок.

⁷⁸ [134]. *Закусина (Загородная) Нелли Михайловна* – поэт, переводчик. Член Союза писателей СССР (1976) и РФ. Лауреат премий им. Н. Г. Гарина-Михайловского (2000), им. В. Я. Зазубрина (2004). Живет в Новосибирске.

⁷⁹ *Франсуа Рабле* (1494–1553) – французский писатель, редактор, врач. Один из величайших французских сатириков, автор романа «Гаргантюа и Пантагрюэль». Соколов намекает на фантастическое плавание «обновленного» Корабля Дураков, которое было описано в последних частях романа.

⁸⁰ *Аонид* – т.е. муз искусства.

⁸¹ [135]. Грамматические ошибки и пунктуация, не замеченные в издании, поправлены автором при публикации на Проза.ру. При этом автор исключил строфы 8 и 9 (в публикуемом варианте они оставлены и взяты в квадратные скобки).

⁸² *Иов* – главное лицо библейской книги Иова (Ветхий Завет), он «был непорочен, справедлив и богобоязнен и удалялся от зла» (Иов. 1:1), был богат и счастлив в

семейной жизни. Но сатана стал утверждать, что его благочестие исчезнет с потерей земного счастья. В ответ Бог позволил сатане испытать Иова всеми бедствиями земной жизни. Пройдя суровые испытания и став примером терпения, Иов вновь обрел земное счастье.

⁸³ [137]. Второе посвящение Т. А. Ермоленко (см. комм. к [129]).

⁸⁴ [138]. *Антуан Ватто* (1684–1721) – знаменитый французский живописец, один из основателей рококо. Широкую известность приобрел благодаря изысканным колоритным картинам, названных современниками «галантными празднествами».

⁸⁵ [140]. *Ольга Волкова* – однокурсница Соколова по педагогическому институту в 1968–1972 гг.

⁸⁶ *Пауль Клее* (1879–1940) – немецкий художник, теоретик авангардного искусства. Экспериментировал с различными техниками, изобрел собственный пуантилизм (картины, состоящие из разноцветных квадратов), стремился передать максимальное движение минимумом изобразительных средств.

⁸⁷ *Джотто ди Бондоне* (XIII–XIV вв.) – итальянский художник и архитектор, основоположник эпохи Проторенессанса. Автор, видимо, вспоминает роспись южной стены капеллы дель Арена в Падуе под названием «Поцелуй Иуды», где Иисус и Иуда расположены в центре композиции, и имеет в виду неискрытость снежного поцелуя, нежели какие-либо художественные решения фрески.

⁸⁸ *Менелай* – герой гомеровского эпоса «Илиада», муж Елены, женщины, из-за которой началась троянская война: сын царя Трои – Парис, будучи в гостях в Спарте, влюбился в Елену, а когда Менелай уехал на Крит на похороны деда, очарованная молодым Парисом Елена покинула мужа, дочь, родину и уплыла вместе с ним в Трою. Владыка Спарты потратил 10 лет на возвращение неверной жены, явив собой символ гордыни и упорства.

⁸⁹ *Мастихин* – специальный инструмент, использующийся в масляной живописи для смешивания красок, очистки палитры или нанесения густой краски на холст.

⁹⁰ [141]. Жаргонное словечко *Лимония* восходит к слову «лимон» (миллион обесценившихся рублей), появившемуся в первые годы нэпа как одно из иронических наименований Советской России. Оно подчеркивало как разруху (инфляцию), так и барыжническую сущность наповских порядков. Можно было бы увидеть параллель с началом 1990-х годов, когда в повседневном обороте фигурировала наличность с шестью нолями, но стихотворение датировано 1989-м годом. Потому вероятнее, что это аллюзия на «страну Лимонию» из «Баллады о детстве» В. Высоцкого.

⁹¹ [142]. Ахейцы у Гомера – см. комм. к [28, 38].

⁹² *Клитемнестра* – в древнегреческой мифологии дочь спартанского царя Тиндарея и Леды. Выдана замуж за микенского царя *Агамемнона*, возглавившего греческое войско в походе на Трою. Клитемнестра по возвращении мужа убила его и его любовницу Кассандру. Впоследствии была убита собственным сыном *Орестом*, отомстившим ей за гибель отца.

⁹³ *Пенелопа* – супруга Одиссея, героиня гомеровской «Одиссеи», мать Телемаха. Имя ее является символом супружеской верности.

⁹⁴ [143]. *Симулякр* – копия, не имеющая оригинала, семиотический знак, не имеющих означаемого объекта в реальности.

⁹⁵ [144]. 4-я строка дана в последней авторской редакции. В книгах было: «А после шампанского – сыплются слезы из глаз».

⁹⁶ *Родосский Андроник* – греческий философ-перипатетик и ученый-филолог, осуществивший первое критическое издание корпуса аристотелевских сочинений, с именем которого связано возрождение классического аристотелизма в I веке до н. э. и начало многовековой традиции комментаторов Аристотеля.

Материк

⁹⁷ Материк: Стихи. – Новосибирск: ИД «Сибирские огни», 2006. – 224 с. (Поэтическое приложение к журналу «Сибирские огни»). ISBN 5-87550-002-6. Тираж 1000 экз. Редакционная коллегия: А. И. Кобенков, В. А. Берязев. Художник Сергей Новоселов. В издательской аннотации сообщается, что «в книгу “Материк” вошли стихи прошлых лет и новые произведения, написанные в 2005 году. Общую тональность книги можно определить как тревогу не только за личностное бытие, но и за судьбу своей страны, за нравственное здоровье народа».

⁹⁸ [147]. *Прокруст* («растягиватель») в древнегреческих мифах был разбойником, который заманивал в свой дом путников, приглашая переночевать. Когда путник попадал на ложе, он оказывался связан, и тем, кому оно было велико, Прокруст вытягивал ноги, а кому коротко – отрубал их. Разбойника победил великий Тезей, который смог освободиться из пут, бросил Прокруста на его топчан и отрубил голову. Фразеологизм «прокрустово ложе» обычно используют, когда говорят о мерке, под которую пытаются насильно подогнать.

⁹⁹ *Аониды* в древнегреческой мифологии – название муз искусства (так наз. «титанических» муз).

¹⁰⁰ [148]. *Мельникова (Смородникова) Наталья Денисовна* – подруга детства и юности Анатолия. Живет в Новосибирске.

¹⁰¹ [149]. *Ярцев Владимир Иванович* (1945–2019) – новосибирский поэт, автор нескольких поэтических книг, один из близких друзей Анатолия, автор эссе о творчестве Соколова. Второе посвящение В. И. Ярцеву предпослано стихотворению [30] при его повторной публикации в 2006 году.

¹⁰² [150]. *Горгона Медуза* – наиболее известная из трех сестер горгон, чудовище с женским лицом и змеями вместо волос. Ее взгляд обращал человека в камень. Была убита Персеем.

¹⁰³ [151]. Стихотворение посвящено *Соколовой Татьяне Васильевне (Т. В.)*, бывшей жене Анатолия, с которой он прожил 16 лет.

¹⁰⁴ *Деметра* (др.-греч. «Мать-земля») – в древнегреческой мифологии богиня плодородия, покровительница земледелия.

¹⁰⁵ *Власяница* – длинная грубая рубашка из волос или козьей шерсти, которую носили аскеты на голом теле для умерщвления плоти.

¹⁰⁶ [152]. *Чернов Андрей Александрович* (р. 1959) – художник-график, дизайнер, архитектор, член Союза художников России. Живет в Новосибирске.

¹⁰⁷ На картине Питера Брейгеля Старшего «Притча о слепых» изображено шестеро слепых, которые цепочкой движутся вперед, ведомые слепым поводырем... Один за другим они падают в яму. Семеро слепых у Соколова – семь дней недели.

¹⁰⁸ «*Автопортрет с Саскией на коленях*» – знаменитая картина, на которой Рембрандт изобразил самого себя со своей молодой женой.

¹⁰⁹ [153]. *Вернадский Владимир Иванович* (1863–1945) – русский и советский ученый-естествоиспытатель, мыслитель и общественный деятель, создатель науки

биогеохимии. Из философского наследия Вернадского наибольшую известность получило учение о ноосфере, Вернадский также считается одним из основных мыслителей направления, известного как русский космизм.

¹¹⁰ *Заратустра* – основатель зороастризма (маздеизма) – первой из известных монотеистических религий; жрец и пророк. Точное место его рождения и время жизни неизвестны. Заратустра разделил добро и зло как две изначально существующие силы, не имеющие между собой ничего общего. Призвал следовать добру и отвергать зло. Широко известен философский роман Фридриха Ницше «Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого» (1883–1885). «Заратустра первым увидел в борьбе добра и зла подлинный движитель всего и вся, и перевод морали на язык метафизики в качестве силы, причины, самоцели», – писал Ницше позже о своем романе.

¹¹¹ *Битва на реке Калке* – сражение между объединенным русско-половецким войском и монгольским корпусом, на территории современной Донецкой области. Сначала были разбиты половцы и основные русские силы, а через три дня 31 мая 1223 года сражение закончилось полной победой монголов.

¹¹² *Далила* – в Ветхом Завете женщина, предавшая *Самсона*, выдав секрет богатырской силы его злейшим врагам, филистимлянам. Вся сила его таилась в волосах, после стрижки которых он терял ее.

¹¹³ [154]. Из переписки с читателями на Проза.ру:

Все строки – сплошное головокружение! Замечательно! С уважением, Татьяна П.
14.08.2009 22:49

Спасибо за добрые слова. Но пишется так трудно, словно последние времена наступают. Удач Вам и вдохновений. Анатолий Соколов 15.08.2009 01:12

¹¹⁴ Инициалы в посвящении *М. О.-К.* означают – *Михаилу Омбыш-Кузнецову*.

¹¹⁵ [155]. *Ульянина Ирина Николаевна* – новосибирский журналист и писатель, автор популярной «женской» прозы.

¹¹⁶ *Плиний Старший* – древнеримский энциклопедист и государственный деятель; автор «Естественной истории».

¹¹⁷ [156]. *Плач Ярославны*, жены князя Игоря Святославича Новгород-Северского, – один из самых ярких и трогательных эпизодов в «Слове о полку Игореве».

¹¹⁸ [158]. *Меньшиков Сергей Михайлович* (р. 1957) – художник-график, живописец, член Союза художников России (1993). Включен в Золотую книгу культуры Новосибирской области в номинации «Династия» (2008). Братьям Меньшиковым А. Соколов посвятил три стихотворения, из них два – непосредственно Сергею (см. [59, 191]).

¹¹⁹ *Симплегады* (от греч. «сталкивающиеся») в греческой мифологии – скалы, плававшие у входа в Понт Эвксинский: сталкиваясь, эти скалы уничтожали корабли.

¹²⁰ [159]. Публикация на Проза.ру снабжена посвящением Владимиру Мандриченко. *Мандриченко Владимир Петрович* (р. 1948 г.) – художник-график, член Союза художников России. Живет в Новосибирске.

¹²¹ *Дидона* – в античной мифологии основательница города Карфагена. В поэме Вергилия «Энеида» Дидона влюбляется в прибывшего из Трои *Энея*, и его неверность становится причиной ее смерти.

¹²² *Вечный Жид* – см. комм. к [28].

¹²³ [160]. Посвящение *Елене Артемовне Салиной*, последней жене поэта.

¹²⁴ [161]. Переписка с читателями в комментариях на Проза.ру:

От Ваших стихов повеяло чем-то давно забытым и таким близким. Я сегодня как раз думала о том, можно ли в традиционный способ передать восприятие мира сегодняшнего. И это как ответ: «Мысль в себе стремится, что есть мочи, Вывихнуть традиций костыли». Спасибо. Что еще скажешь? Галина П. 18.08.2009 19:59

Почему «давно забытым и таким близким»? Всегда, когда хочется сказать что-то новое, приходится сопротивляться давлению языка (помните у Гумилева «душно пахнут мертвые слова»), в котором уже все есть... Анатолий Соколов 18.08.2009 20:40

Простите, я имела в виду совесть литературы, которая ныне никому не нужна. А второе – страшно повторяться, когда чувствуешь, как снижается потолок времени. Галина П. 18.08.2009 20:43

Совесть, уважаемая Галина, не определяется сознательной установкой. Вот, мол, буду совестью. Она зависит от той стихии языка (Слова), медиумом которой тебе посчастливилось стать, благодаря, например, встрече с серафимом, как в пушкинском «Пророке». Удач Вам и вдохновений. Анатолий Соколов 19.08.2009 10:13

¹²⁵ [162]. *Метеки* (др.-греч., букв. «переселенцы»). В Древней Греции – неполноправные жители Аттики, иностранцы, поселявшиеся в ней.

¹²⁶ [163]. *Дубровино* – большое село и пристань вниз по течению Оби в 100 км от Новосибирска. Отец Анатолия Соколова был родом из Дубровино.

¹²⁷ *Храм Святого Александра* – храм во имя Великого князя Александра Невского, заложенный в 1896 году, первое крупное здание будущего города Ново-Николаевска. Расположен в развилке ул. Советской и Красного проспекта, рядом со Спартановским мостом. В советское время в храме располагалась Западно-Сибирская студия кинохроники. В 1989 году собор вернули прихожанам. К 1991 году реставраторы вернули собору первоначальный вид.

¹²⁸ Предпоследнее четверостишие (заключено в квадратные скобки) автор удалил в последней редакции стихотворения.

¹²⁹ [165]. *Михаил Дмитриевич Скобелев* (1843–1882) – русский генерал, участник Среднеазиатских завоеваний Российской империи и Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., на которую пришелся пик его военной карьеры. Успешные боевые операции, осада города Плевны показали генерала как «гения наступательной войны».

¹³⁰ *«Туманность Андромеды»* – социально-философский научно-фантастический роман И. А. Ефремова. Написан в 1955–1956 гг.

¹³¹ *«Победа»* и *«им. Маяковского»* – кинотеатры в центре Новосибирска, пространство между которыми вдоль Красного проспекта и улицы Ленина служило пешеходной зоной («Бродвеем») для гуляния молодежи в период хрущевской оттепели 1962–1964 гг.

¹³² *Липовская Наталья Григорьевна* – жившая в соседнем подъезде (ул. Фабричная, 8) ровесница Анатолия, дочь начальника Речпорта, красивая девушка, в которую все сверстники «были поголовно влюблены» (см. книгу Ю. Григорьева, с. 61).

¹³³ [167]. Ранее было *силены золотая жаба* – опечатка, повторенная в нескольких изданиях. Имеется в виду Селена, луна, похожая на жабу.

¹³⁴ [168]. *Ауто-да-фе* – (акт веры) – торжественное оглашение приговоров инквизиции в Испании и Португалии. Означало также приведение приговора в исполнение, сожжение осужденного на костре.

¹³⁵ [169]. *Марина Мнишек* – дочь сандомирского воеводы, жена Лжедмитрия I, венчанная с ним в мае 1606 года незадолго до его гибели, и коронованная как русская царица (первая женщина, коронованная в России); затем жена следующего самозванца, Лжедмитрия II, выдававшего себя за первого. Царствование ее в Москве продолжалось неделю. Москвичам девушка не понравилась – ни внешне, ни характером. А еще Марина не желала носить местную одежду, чаще одевалась в польские туалеты. Плюс ко всему питала нездоровую любовь к богатству и роскоши.

¹³⁶ *Агамемнон и Клитемнестра* – см. комм. к [142].

¹³⁷ *Электра* – дочь Агамемнона и Клитемнестры, излюбленная героиня греческих трагедий. В юности стала свидетельницей убийства отца матерью и её любовником Эгисфом. Смогла организовать бегство маленького брата Ореста из Микен. Последующие семь лет своей жизни провела в трауре, не скрывая ненависти и презрения к виновникам смерти Агамемнона. После возвращения Ореста стала вдохновительницей мести и сумела организовать убийство матери и Эгисфа.

¹³⁸ *Эринии* (от др.-греч. «гневные») – в древнегреческой мифологии богини мести и ненависти.

Осенние птицы

¹³⁹ *Осенние птицы*: Книга стихотворений. – Новосибирск: ИД «Сибирские огни», 2009, 96 с. (Поэтическая библиотека журнала «Сибирские огни»). ISBN 5-86272-015-4. Тираж 250 экз. Редакционная коллегия: В. А. Берязев, С. Г. Михайлов, В. И. Титов. Редактор В. А. Берязев.

¹⁴⁰ [172]. Вариант стихотворения [57], отличающийся изменениями в первых двух строках:

*Вдруг звон колокольный с звонками пустого трамвая
Смешались с гудком из холодного горла реки...*

Далее автором было добавлено третье четверостишие «Ах, бабушка Анна...», а строка «Любивший и преданный бывшей женой за авто...» заменена на другую: «Где папа в шинели и мама в тяжелом пальто...»

¹⁴¹ Посвящение сыну – Василию Соколову поставлено в сборнике «Осенние птицы».

¹⁴² *Ерестия* – деревня, расположенная на берегу Оби вверх по течению, примерно в 130 км от Новосибирска.

¹⁴³ [173]. *Ватерлоо* – селение на территории современной Бельгии, в 15 км от Брюсселя. Битва при Ватерлоо – последнее крупное сражение французского императора Наполеона I.

¹⁴⁴ *Преторианцы* – личные телохранители императоров Римской империи, с тех времен так называли охрану римских полководцев.

¹⁴⁵ [176]. В стихотворении речь идет об Елене Артемовне Салиной (см. комм. к [160]).

¹⁴⁶ [177]. *Гриша Добросклонов* – персонаж поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», народный заступник.

¹⁴⁷ [178]. *Шестикрылый зверь* – Серафим из Пушкинского «Пророка».

¹⁴⁸ [179]. *Харон* в греческой мифологии – перевозчик душ умерших через реку *Стикс* в *Аид* (подземное царство мертвых).

¹⁴⁹ *Эвтерпа*, или Эвтерпа (др.-греч. «увеселяющая») – в греческой мифологии муза лирической поэзии и музыки.

¹⁵⁰ *Понеже* – устаревший союз со значением «потому что», «так как».

¹⁵¹ [180]. Святой *Иосиф* Обручник – супруг Девы *Марии*, земной отец и воспитатель Иисуса Христа; прозван Обручником потому, что был, согласно христианским догматам, лишь обручен с Девой Марией и стал ее супругом де-юре, но не де-факто, храня ее девственность.

¹⁵² [181]. *Одалиска* – женщина, состоящая в гареме султана.

¹⁵³ *Франсуа Буше* (1703–1770) – французский живописец, его картины современники называли зеркалом, отражающим французскую придворную жизнь.

¹⁵⁴ *Густав Климт* (1862–1918) – известный австрийский художник, основоположник модерна в австрийской живописи. Главным предметом его живописи было женское тело, и большинство его работ отличается откровенный эротизм.

¹⁵⁵ *Эльсинор* (англ. Elsinore, дат. Хельсингёр) – город в Дании, на северо-восточном побережье острова Зеландия. Место действия пьесы Уильяма Шекспира «Гамлет, принц датский».

¹⁵⁶ *Орфизм*, как толкуется в БСЭ (статья Орфизм), – мистериальный культ и религиозно-философское движение в Древней Греции, последователи которого считали мифического поэта Орфея учредителем «гаинств», инициация в которые давала надежду на загробное спасение и вечное блаженство. Понимание жизни в орфизме – как «очищение» от скверны первородного греха, как высвобождение божественного начала в человеке из титанической скверны.

¹⁵⁷ *Амати* – итальянское семейство скрипичных мастеров из Кремоны.

¹⁵⁸ [182]. На интернет-ресурс Проза.ру Анатолий Соколов выложил текст под названием «Торжество хама».

¹⁵⁹ «*Грядущий Хам*» – название сборника публицистических статей (1906) русского писателя и общественного деятеля Д. С. Мережковского, который «грядущим Хамом» назвал «грядущего на царство мещанина».

¹⁶⁰ «...как в фильме *Бунюэля*» – скорее всего, автор ссылается на фильм Луиса Бунюэля по сценарию Сальвадора Дали «Андалузский пес» (1929), наполненный сюрреалистическими образами, натуралистическими и жестокими.

¹⁶¹ Турецкая крепость *Измаил* была взята в декабре 1790 года русскими войсками под командованием А. В. Суворова в ходе русско-турецкой войны. «...пал в конце концов, как *Измаил*» – имеется в виду долгая осада и три попытки взятия крепости до Суворова.

¹⁶² *Тьмутаракань* – русское княжество, существовавшее в X–XII вв. на Таманском полуострове и Восточном Крыму с центром в городе Тьмутаракань (Тамань). Княжество было известно с древности по летописям и «Слову о полку Игореве», но поскольку местоположение его было неизвестно, многие считали княжество вымышленным эпосом, пока в 1792 году не был обнаружен Тьмутараканский камень, на месте которого и была найдена археологами легендарная Тьмутаракань.

¹⁶³ *Эсхатология* (от греч. «последний, конечный») – в религиозных мировоззренческих системах учение о конечных судьбах человеческой личности и всего сущего в «вечности», т. е. в перспективе, за пределами истории, биографии, вообще «этого» мира. Следует различать индивидуальную эсхатологию, т. е. учение о посмертных судьбах единичной человеческой души, и универсальную эсхатологию, т. е. учение о цели и назначении космической и человеческой истории, об исчерпании ими своего смысла, об их конце и о том, что за этим концом последует.

¹⁶⁴ *Паспарту* (фр. passe partout) – кусок картона с вырезанным в его середине отверстием под рамку, в которую вставляют фотографию или рисунок.

¹⁶⁵ [183]. *Пифии* – жрицы в храме Аполлона в Дельфах, на склоне горы Парнас. Через них Аполлон возвещал волю Зевса людям, обратившимся за прорицанием и принесшим соответствующую жертву.

¹⁶⁶ *Волхвы* (др.-рус. «кудесник, волшебник, гадатель») – древнерусские языческие жрецы, осуществлявшие богослужения и жертвоприношения, которым приписывались умения заклинать стихии и пророчить будущее.

¹⁶⁷ *Соня Мармеладова* – персонаж романа Федора Достоевского «Преступление и наказание».

¹⁶⁸ [185]. *Попков Юрий Владимирович* (р. 1954) – российский этносоциолог, философ и фотограф. Доктор философских наук, профессор. Главный научный сотрудник Института философии и права СО РАН.

¹⁶⁹ *Мальшев Валерий Викторович* (1940–2006) – поэт из Новосибирска, друг и соратник Анатолия Соколова по «поэтическому цеху».

¹⁷⁰ [187]. *М. С. Омбыш-Кузнецов* – см. комм. к [122].

¹⁷¹ *Саломея* – иудейская царица, дочь Иродиады; впоследствии царица Халкиды и Малой Армении. Один из персонажей Нового Завета. Мать Саломеи, Иродиада, состояла в связи с братом своего мужа (и отца Саломеи) Филиппа (Ирода Ботза), за что публично осуждалась Иоанном Крестителем. Осуждение, вероятно, и послужило причиной заключения, а в дальнейшем и казни Иоанна Крестителя. Будучи научена своей матерью, Саломея потребовала убить пророка Иоанна Крестителя, и после казни ей была принесена на блюде его голова.

¹⁷² *Аид* в древнегреческой мифологии — бог подземного царства мертвых и название самого царства мертвых.

¹⁷³ *Валгилла* (Вальгилла, Вальхалла) – в германо-скандинавской мифологии небесный чертог в Асгарде, куда попадают после смерти павшие в битве воины, и где они продолжают прежнюю героическую жизнь.

¹⁷⁴ [188]. Сократ (470–399 г. до н. э.) – древнегреческий философ, учение которого знаменует поворот в философии от рассмотрения природы и мира к рассмотрению человека и к собственно философской теории. Сократу приписывается фраза, содержащая самоссылающийся парадокс: «Я знаю только то, что ничего не знаю, но другие не знают и этого».

¹⁷⁵ [189]. *Жекова Светлана Васильевна* – российский поэт, филолог, автор трех литературоведческих книг, а также ряда статей. Ее стихи переведены на все европейские языки. Лауреат многих литературных премий. Живет в Саратове.

¹⁷⁶ *Вдова Клико* – всемирно известная компания-производитель шампанских вин и бренди.

¹⁷⁷ *Андрогин* – человек, наделенный внешними признаками обоих полов, объединяющий в себе оба пола, либо лишенный каких бы то ни было половых признаков. Человек, который чувствует себя и мужчиной, и женщиной.

¹⁷⁸ *Навуходоносор II* (VII-VI вв. до н. э.) упоминается в Библии. Имя правителя ставят рядом с Юлием Цезарем и Александром Македонским. Молодой Навуходоносор совершил несколько успешных военных походов на Ближний Восток. Трижды вторгся в Иудею и брал Иерусалим, при последнем завоевании города уничтожил его, до основания разрушив Храм Соломона. Прославился возведением двух чудес света – Вавилонской башни и Висячих садов Семирамиды.

¹⁷⁹ *Дон Жуан* – один из «вечных образов» литературы: ненасытный обольститель женщин, родом испанец. Его имя стало нарицательным обозначением повесы и распутника.

¹⁸⁰ *Хиллизм* (от греч. «тысяча»), или миллениализм (от лат. «тысяча» + «год») – представления в рамках христианской эсхатологии о «периоде торжества правды Божьей на земле», которое должно наступить перед «концом мира».

¹⁸¹ [190]. *Арнольд Михайлович Кац* (1924–2007) – художественный руководитель и главный дирижер Новосибирского филармонического оркестра, профессор, лауреат Государственной премии России, народный артист СССР, Почетный житель г. Новосибирска.

¹⁸² [191]. *Сергей и Данила Меньшиковы* – новосибирские художники, друзья Анатолия Соколова (см. также комм. к [158]).

¹⁸³ «...от Мороза Каинца» – имя Каинна стало нарицательным для злобного, завистливого человека, способного на подлости по отношению к самым близким людям.

¹⁸⁴ «...муз своих костлявый эскадрон». Если у поэтов в древнегреческой мифологии 4 музы (Полигимния, Эрато, Каллиопа, Евтерпа), то у художников – ни одной. (Примечание автора).

¹⁸⁵ *Валькирия* (др.-исл. «выбирающая убитых») в скандинавской мифологии – дочь славного воина, или конунга, которая реет на крылатом коне над полем битвы и решает, кому из воинов, павших в бою, попасть в небесный чертог – Вальхаллу.

¹⁸⁶ *Зевс* – в древнегреческой мифологии бог неба, грома и молний, ведающий всем миром. *Один*, или *Вотан* – верховный бог в германо-скандинавской мифологии, в то же время, бог войны и победы, покровитель военной аристократии, хозяин Вальхаллы и повелитель валькирий.

¹⁸⁷ *Снегири* – микрорайон в Новосибирске, где находится мастерская С. Меньшикова. (Примечание автора).

¹⁸⁸ *Михаил Ефимович Швидкой* занимал различные должности в сфере культуры: председатель ВГТРК (1998–2000), министр культуры РФ (2000–2004), председатель Федерального агентства по культуре и кинематографии (2004–2008), спецпредставитель Президента РФ по международному культурному сотрудничеству (с 2008 года) и т. п.

¹⁸⁹ В 5-й части стихотворения начало второго четверостишия в публикации журнала «Сибирские огни» (Соколов Анатолий. «Когда наедине с самим собой...» // 2008, № 6) было продублировано строкой «Ненавижу больше перца оперу и еще, конечно, Страшный суд...»

¹⁹⁰ [193]. *Кузнецов Валерий Владимирович* (р. 1954) – художник декоративно-прикладного искусства. Член Союза художников России (2001). Произведения хранятся в музеях РФ и частных собраниях в Германии, Франции, Швейцарии, США, Южной Кореи. Живет в Новосибирске. Ему посвящено также стихотворение [217]. Упомянутая в третьем четверостишии «цветущая сложность» – аллюзия на важную категорию философии Константина Николаевича Леонтьева (1831–1891), русского писателя, литературного критика и социолога. В сформулированном им законе «триединого процесса развития» рождение общественного организма (государства) он определял как «первичную простоту», смерть – как «вторичное смесительное упрощение», жизнь – как «цветущую сложность». О ее конце, победе серости и шипет Соколов. Упоминание имени К. Н. Леонтьева, как свидетельство внимания автора к его личности и учению, мы наблюдаем в стихотворении [214].

¹⁹¹ *Дионис*, *Вакхос*, *Бахус* – в древнегреческой мифологии младший из олимпийцев, бог растительности, виноградарства, виноделия, производительных сил природы, вдохновения и религиозного экстаза, а также театра. *Аполлон* в древнегреческой и древнеримской мифологиях – златокудрый бог света (отсюда его прозвище Феб – «лучезарный», «сияющий»), покровитель искусств, предводитель и покровитель муз, предсказатель будущего, бог-врачеватель. В языческом пантеоне символизируют противоположность небесного и земного начал.

¹⁹² Миф о *Персифале* у Кретьена де Труа (XII в.) – история поисков святого *Грааля*, загадочного талисмана, хранящегося в замке, с владельца которого Персифало суждено снять тяготеющее над ним заклятие.

¹⁹³ [194]. *Психея* в древнегреческой мифологии – олицетворение души, дыхания; представлялась в образе бабочки или девушки с крыльями бабочки.

¹⁹⁴ *«Портрет Дориана Грея»* – единственный опубликованный роман Оскара Уайльда. В жанровом отношении представляет смесь романа воспитания с моральной притчей.

¹⁹⁵ Анатолий Соколов размышляет над стихотворением А. Блока «На железной дороге», проецируя судьбу героини на нынешний век. Для понимания вектора этих раздумий и глубины аллюзий полезно вспомнить этот текст:

Под насыпью, во рву некошенном,
Лежит и смотрит, как живая,
В цветном платке, на косы брошенном,
Красивая и молодая.

Бывало, шла походкой чинною
На шум и свист за ближним лесом.
Всю обойдя платформу длинную,
Ждала, волнуясь, под навесом.

Три ярких глаза набегающих –
Нежней румянец, круче локонов:
Быть может, кто из проезжающих
Посмотрит пристальней из окон...

Вагоны шли привычной линией,
Подрагивали и скрипели;
Молчали желтые и синие;
В зеленых плакали и пели.

Вставали сонные за стеклами
И обводили ровным взглядом

Платформу, сад с кустами блеклыми,
Ее, жандарма с нею рядом...

Лишь раз гусар, рукой небрежною
Облокотясь на бархат алый,
Скользнул по ней улыбкой нежною,
Скользнул — и поезд в даль умчалю.

Так мчалась юность бесполезная,
В пустых мечтах изнемогая...
Тоска дорожная, железная
Свистела, сердце разрывая...

Да что — давно уж сердце вынуто!
Так много отдано поклонов,
Так много жадных взоров кинуту
В пустынные глаза вагонов...

Не подходите к ней с вопросами,
Вам все равно, а ей — довольно:
Любовью, грязью иль колесами
Она раздавлена — все больно.

¹⁹⁶ *Валгалла, Вальхалла* – см. комм. к [187].

¹⁹⁷ Строка *«Ответа нет, давно увяли лилии...»* в публикации «Сибирских огней»: *«А толку нет, давно увяли лилии...»* (2008, № 6).

¹⁹⁸ На железных дорогах дореволюционной России цвет вагона обозначал его класс: синими были вагоны первого класса для богатых людей, в желтый цвет красили вагоны второго класса для пассажиров среднего достатка, в третьем классе в зелёных вагонах ездили простые люди. Они-то и плакали, и пели.

¹⁹⁹ [197]. *Ванька-Каин* – один из крупнейших авторитетов преступного мира в XVIII веке – вор, ставший легендой, и сыщик, сначала пересадивший всех преступников Москвы, а потом ставший «оборотнем» в мундире, подкупив всех работников сыского приказа.

²⁰⁰ *«Прощальная»* – знаменитая 45-я симфония Гайдна, в которой по ее завершении музыканты постепенно уходят, поочередно задувая свечи.

²⁰¹ *Персей* – герой древнегреческой мифологии. Его мать Даная была заточена в темнице, когда Зевс проник к ней в виде золотого дождя сквозь стену. Повзрослевший Персей взялся предоставить правителю Полидекту голову Горгоны Медузы. С помощью Афины, Гермеса и Гефеста ему удалось победить чудовище. При этом он воспользовался крылатыми сандалиями, шапкой-невидимкой и волшебным мешком. А чтобы не превратиться в камень, глядел на врага через отполированный щит. На обратном пути Персей спас Андромеду, которую взял в жены.

²⁰² *Пандора* – см. комм. к [90].

²⁰³ [198]. Вариант стихотворения [139] из сборника «Невразумительные годь», глобально переработанный.

²⁰⁴ *Ауспиция* – гадание по поведению птиц.

²⁰⁵ *Авгуры* – члены почетной римской коллегии жрецов, которые пытались предсказать исход событий, гадая по природным явлениям или поведению животных.

²⁰⁶ «*Водно-Лыжная станция*» была конечной остановкой трамвая № 1, возле пристани, а ныне – парка «Городское начало», где начиналась улица Большевикская и Красный проспект.

²⁰⁷ [199]. *Ахеронт* (Ахерон) в греческой мифологии – река в подземном царстве.

²⁰⁸ Подкладка под обшлага рукавов называется *штафирка*. Так же иронично называли мелкого штатского чиновника (намек на штафирку, подкладку около рукава пишущего, для сбережения рукава от трения). Таким образом, здесь, видимо, мелкий служащий скидывает пиджак.

²⁰⁹ «*Царем Итаки* на плоту бежит гостеприимства *Кирки...*» – Одиссей в ходе плавания домой с Троянской войны столкнулся с волшебницей Киркой, превращавшей путников в свиней.

²¹⁰ *Глокая кудра итеко будланула бокра и кудрячит бокренка* – придуманный в 1928 году филологом Л. В. Щербой пример искусственной фразы, в которой все корневые морфемы заменены на бессмысленные сочетания звуков.

²¹¹ [200]. *Ларченко Сергей Григорьевич* (р. 1949) – поэт, философ, работал в Институте философии и права СО РАН (Новосибирск) с 1986 по 2001 гг., преподавал в НГУ. Основная область исследований – социальная философия, философия истории, методология общественных наук. С А. Соколовым Сергей познакомился в феврале 1968 года в литературном объединении Ильи Фоянкова.

²¹² *Бенvenuto Челлини* – итальянский скульптор из Флоренции, ювелир, живописец, воин и музыкант эпохи Ренессанса (XVI в.).

²¹³ *Агора* (ист.) – народное собрание в Древней Греции, а также площадь, где оно происходило.

²¹⁴ [201]. Второе посвящение *Андрею Чернову* (см. комм. к [152]).

²¹⁵ *Златовратные Фивы* – греческий город Фивы был окружен стеной с семью воротами. Излагается сюжет древнегреческой мифологии о царе Эдипе, убившем своего отца Лая, разгадавшем загадку сфинкса, за что был избран царем Фив. Затем он женился на вдове Лая – на своей матери Иокасте, а узнав правду спустя годы, в отчаянии ослепил себя («пустые глазницы»).

[202]. Пунктуация сверена по публикации журнала «Сибирские огни» (№ 4, 2016) «Вместе с песней умного молчания...», сформированной на базе архивов поэта.

²¹⁶ [204]. Еще одно посвящение *Владимиру Мандриченко*. См. комм. к [159].

²¹⁷ [205]. ...*писателя Клименко* – см. комм. к [93].

²¹⁸ *Ресентимент* (фр. «противочувствование, злопамятность, озлобление») – чувство враждебности к тому, что субъект считает причиной своих неудач, бессильная зависть. Субъект создает образ «врага», чтобы избавиться от чувства вины за собственные неудачи.

²¹⁹ [206]. На Проза.ру автор опубликовал 23.08.2009 г. редактированный вариант стихотворения, где второе четверостишие выглядит так:

Бог младшему Штраусу в Вене дал целую пригоршню лет
Спускать капитал вдохновенья на потный аншлаги оперетт.

И, в море потомственных звуков бросая толпу балерин,
Тот действовал дерзко, как Жуков, штурмующий ночью Берлин...

Из переписки с читателями:

...Мне же этот текст представляется еще незрелым. Увы, последние дни отпуска догуливаю. А Вадим Иванкин – председатель Новосибирского отделения союза художников России... Анатолий Соколов 24.08.2009 05:12

²²⁰ [207]. В другой редакции стихотворения, опубликованной в журнале «Сибирские огни», (2010, № 1), первые строки выглядят так:

Половозрелый, чуждый прозы, разочарованный в вине,
Поэт взирает, как березы ворон гоняют в вышине.

²²¹ *Заячий лог* – урочище в Заельцовском бору – природном парке г. Новосибирска.

²²² [208]. *Эон* – понятие в древнегреческой философии, обозначающее течение жизни человека, жизненный путь.

²²³ [210]. *Улисс* – здесь употреблена латинизированная форма имени того же Одиссея.

²²⁴ [211]. Вариант стихотворения [65] из сборника «Крепость», где оно публиковалось без названия. Из переписки автора с читателями Проза.ру, прокомментированными это стихотворение:

Читаю Вашу поэзию, и не хочется прерывать Вашу мысль рецензиями. Иногда боязно даже выдохнуть. Ирина М. 14.09.2009 14:35

Ирина, благодарен Вам за внимание. Правда, сам чувствую: в тупике. Нет удовлетворения. Сейчас собираюсь заморозить страницу. Готовлю новую книжку стихов, статьи и вторую диссертацию (надо было защитить ее лет 15 назад) по основной профессии, за которую деньги получаю. Я преподаю философию. Нет сил, чтобы читать что-либо. Но надеюсь. Удач Вам и вдохновений. Кланяюсь. Анатолий Соколов 14.09.2009 18:39

Это Вам спасибо и справится со всем, что запланировали.

Почему-то я и представляла Вас философом. Собственно, хорошая поэзия – это всегда философия. Ирина М. 14.09.2009 19:00

Публикации в журнале «Сибирские огни»

²²⁵ [213]. «На вздрогнувшем холсте». // 2010. № 1 – С. 33–39. При публикации на Проза.ру автор указал, что «это редакция З».

²²⁶ Офицер Н. С. Мартынов, убивший на дуэли 15 июля 1841 года в Пятигорске М. Ю. Лермонтова.

²²⁷ [214]. «Сибирские огни», 2010, № 1.

²²⁸ *Рене Декарт (1596–1650)* – французский философ, математик, механик, физик и физиолог. В 1649 году Декарт, измученный многолетней травлей за вольнодумство, поддался уговорам шведской королевы Кристины и переехал в Швецию. Почти сразу после переезда он серьезно простудился и умер 11 февраля 1650 года в Стокгольме. Предположительной причиной смерти явилась пневмония.

²²⁹ *Эманация* (лат. истечение, распространение) – понятие античной философии, вектор перехода от семантически высшей сферы Универсума к низшим, менее совершенным сферам.

²³⁰ *Энтропия* – это мера беспорядка или хаоса какой-то системы. Ее значение изменяется в зависимости от количества присутствующего вещества.

²³¹ [215]. «Сибирские огни», 2010, № 1. Существует версия из письма Ю. Григорьеву от 24 ноября 2009 года, где еще не было второго четверостишия и в строке «Но в них,

хоть *пропади*, нельзя попасть извне...» изменено слово: «Но в них, хоть *зашибись*, нельзя попасть извне...»

²³² *Александр Давидович Шуриц* (1945–2017) – художник-график, живописец, член Союза художников СССР (с 1983), член Союза художников России. С 1969 года жил в Новосибирске. В 1975 году состоялась его первая персональная выставка в Доме ученых.

²³³ [216]. «Сибирские огни», 2010, № 1.

²³⁴ [217]. Там же. Второе посвящение *Валерию Кузнецову* (см. комм. к [193]).

²³⁵ *Гомеометрия* (греч. подобный + часть) – термин древнегреческой философии. «Гомеомеричными», или «подобочастными», Аристотель называл качественно однородные вещества, у которых любые части подобны по своим свойствам друг другу и целому.

²³⁶ [218–225]. «Вместе с песней умного молчанья...» // 2016. № 4. – С. 18–27.

Публикацию в журнале предваряла редакционная статья, где в частности говорилось: «...мы предлагаем читателям познакомиться со стихами малоизвестными и совершенно неизвестными – выявленными при работе с архивом Анатолия Соколова, обнаруженными в личных собраниях его друзей и коллег.

Публикация подготовлена Мариной Акимовой и Владимиром Ярцевым.

Публикаторы благодарят вдову поэта Елену Артемовну Салину, предоставившую архив Анатолия Соколова, а также выражают благодарность Евгению Александровичу Лазарчуку, директору Новосибирской государственной областной научной библиотеки Тарасовой Светлане Антоновне и начальнику отдела городского абонемента Красниковой Татьяне Николаевне за содействие в изучении и сохранении наследия автора».

²³⁷ *Карл Раймунд Поппер* – австрийский и британский философ и социолог. Наиболее известен своими трудами по философии науки, а также социальной и политической философии, в которых он критиковал классическое понятие научного метода, а также энергично отстаивал принципы демократии и социального критицизма, которых он предлагал придерживаться, чтобы сделать возможным процветание открытого общества.

²³⁸ [220]. *Лазарчук Галина Петровна* – новосибирский педагог, жена давнего друга А. Соколова – Евгения Лазарчука.

²³⁹ [221]. «Сибирские огни», 2016, № 4. На Проза.ру стихотворение размещено 7 января 2010 г. с пометкой «Редакция 1».

²⁴⁰ Согласно Лейбницу, основаниями существующих явлений, или феноменов, служат простые субстанции, или *монады* (от греч. единица). Все монады просты и не содержат частей. Их бесконечно много. Монады обладают качествами, которые отличают одну монаду от другой, двух абсолютно тождественных монад не существует. Это обеспечивает бесконечное разнообразие мира феноменов.

Интернет-ресурс Проза.ру – Страница Анатолия Соколова

²⁴¹ Из переписки с читателями ресурса:

Рецензии Вам не нужны, Феоктист. Это все должно быть издано. Я распечатаю Ваши стихи на принтере – будет сборник. Ирина М. 18.08.2009 09:29

Уважаемая Ирина, большое спасибо. Но я Вас разочарую. Эти стихи уже изданы. У меня 5 книжечек. На сайт «проза.ру» заглянул случайно, чтобы прочитать вещи рекомендованного автора, и изумился массовости. Сборники мои выходили тиражом 500 экз. Соответственно расходились только по знакомым и в Ново-

сибирске. В центральные периодические издания я никогда не совался, печатался в местных. Например, в журнале «Сибирские огни». Короче, решил заявить себя на этом сайте под псевдонимом. И не жалею. Анатолий Соколов 18.08.2009 10:54 Не разочаровали. Ведь в Украине Ваших книг мне все равно не купить. Ирина М. 18.08.2009 11:03

(Ред.: Первоначально Анатолий завел аккаунт на Проза.ру под псевдонимом **Феоктист**).

²⁴² [226]. Опубликовано 01.11.2009 г. Посвящение Станиславу Михайлову. *Михайлов Станислав Геннадьевич* (р. 1962) – новосибирский поэт, автор поэтических сборников «Июлия», «Римские поселения», публикаций в журналах «Сибирские огни», «Крещатики», «Новая Юность» и др. Более 10 лет заведовал отделом поэзии в журнале «Сибирские огни». Живет в Новосибирске.

Из ответов А. Соколова на рецензии и комментарии читателей Проза.ру:

...про интриги это для красного словца. В то же время в деревне имеют место не те интриги, что мучают нас в городе. Все стихотвореньице слеплено по случаю дня рождения приятеля, не для публикации. Я колебался: стоит ли его помещать на сайт. Анатолий Соколов. 01.11.2009 07:48

²⁴³ [227]. Новая редакция. Опубликовано 05.12.2009 г. Получено также Ю. Григорьевым в письме от 7 декабря 2009 г.

²⁴⁴ [228]. Опубликовано 19.12.2009 г.

²⁴⁵ [229]. Опубликовано 15.01.2010 г.

²⁴⁶ [230]. Опубликовано 20.02.2010 г. Комментарий автора в переписке с читателями: *«...стихи сейчас не пишутся. Для развлечения роюсь в старых папках: попадают иногда сносные тексты. В данном случае обнаружил несколько стихов датских, т.е. посвященных праздникам. Например, любимому Женскому дню». Анатолий Соколов 21.02.2010.*

²⁴⁷ [231]. Опубликовано 25.02.2010 г.

Альманах «Мангазея»

²⁴⁸ «Мангазея»: Литературный альманах. (Сост. В. Берязев, И. Картушин, М. Щукин). – Новосибирск: СПАС, 1991, 80 с., ил. ISBN 5-08-007464-7. Тираж 30000 экз.

Из личных архивов

²⁴⁹ Все помещенные ниже стихотворения из личных архивов друзей и коллег Анатолия Соколова также были ранее опубликованы в печатных изданиях либо в социальных сетях. Составители не располагают доступом к творческому наследию А. Е. Соколова, оставшемуся после безвременного ухода автора на электронных носителях либо в его бумажных архивах, и надеются, что со временем наследники – родственники и коллеги – так же бережно и тщательно изучат рукописи замечательного поэта и философа (включая последний философский труд – докторскую диссертацию, над которым Анатолий Евгеньевич работал до последних дней). Как следует из реплики автора на Проза.ру от 20 февраля 2010 года (*«роюсь в старых папках: попадают иногда сносные текст»*), в бумажных архивах могут быть стихотворные тексты, достойные внимания читающей публики. Коллегам, литературоведам и знатокам поэзии может быть интересна и «творческая кухня» Соколова – процесс поиска точной фразы или образа, наброски новых замыслов. Остается пожелать успеха в этом интересном, плодотворном и полезном деле!

Из архива В. А. Берязева

²⁵⁰ [233]. Стихотворение Владимир Берязев опубликовал на своей странице Живого Журнала с комментарием: «Оно обнаружилось в ходе Вечера памяти Соколова, 22 января 2011 г.» (Владимир Берязев. Вечер памяти Соколова, 22 января 2011 г. // <https://beryazev.livejournal.com/45023.html>)

²⁵¹ [234]. Также опубликовано в социальных сетях на странице Владимира Берязева. Запись от 23 января, 21:50. // www.facebook.com/vladimir.beryazev с комментарием «Это стихотворение из черновиков, до сих пор нигде никогда не опубликованное». По-видимому, это черновой вариант стихотворения [194], опубликованного в сборнике «Осенние птицы». Но тут иной размер, и не угадывается так явно перекличка с блоговским стихотворением «На железной дороге».

²⁵² [235–236]. Опубликовано В. Берязевым на личной странице в социальных сетях.

Из архива Ю. Д. Григорьева

²⁵³ Друзья детства поддерживали отношения вплоть до последних дней. А поскольку Анатолий Соколов жил в Новосибирске, а Юрий Григорьев – в Санкт-Петербурге, между редкими визитами последнего в родной город связь была через электронную почту, где поэт делился с другом свежими стихотворениями. А в декабре 2009 года Анатолий в нескольких письмах присылал варианты рождающегося в эти дни стихотворения, причем стремительная трансформация строк происходила «на глазах», с 6 по 15 декабря (подробности этого процесса – непосредственно в переписке, опубликованной Ю. Григорьевым в его книге на с. 190–194). Далее оно претерпело несколько трансформаций, распадаясь на самостоятельные части, две из них – в авторских публикациях на Проза.ру (стихотворения [221], [227]), вариант из электронного архива поэта [218] был в опубликованной в журнале «Сибирские огни» (№ 4, 2016) подборке стихов Соколова. Публикуя в настоящем сборнике эти тексты из личной переписки, которые по содержанию изрядно пересекаются с опубликованными выше, мы хотим предоставить читателю редкую возможность заглянуть на «творческую кухню» поэта и понаблюдать за процессом рождения стиха.

²⁵⁴ [237]. Редакция 2. Прислано автором в письме Ю. Григорьеву от 6 декабря 2009 г.

²⁵⁵ [238]. Редакция 4. Прислано автором в письме Ю. Григорьеву от 15 декабря 2009 г.

Из архива Н. Д. Мельниковой (Смородниковой)

²⁵⁶ [239–242]. Рукописи из личного архива Н. Д. Мельниковой (Смородниковой) были впервые опубликованы в книге Ю. Григорьева «Анатолий Соколов – поэт и философ» (с. 310–311).

Из архива С. П. Степанова

²⁵⁷ Степанов-Прошельцев Сергей Павлович (р. 1946) – армейский друг, сослуживец Анатолия Соколова. Писатель, поэт, автор многочисленных сборников прозы и поэзии. Посвятил Анатолию в разные годы несколько стихотворений. Живет в г. Нижний Новгород. Публикуемое стихотворение Соколов прислал в письме в 1969 году.

Составителям настоящего издания известно всего несколько публицистических работ Анатолия Соколова, преимущественно на литературные темы, и эссе о людях, которых он хорошо знал. Но уже на этом материале мы видим блестящее владение словом, глубокую аналитику и философское осмысление рассматриваемых тем. Например, в рукописи статьи о поэзии Александра Денисенко, где автор размышляет о стихиях языка, способности слышать «голос бытия». Опубликованная в журнале «Сибирские огни» (2000. № 5, с. 192–194) под названием «Приговоренный к любви» (Заметки о поэзии Александра Денисенко) версия втрое короче, видимо, в силу журнального «формата» и тематики, и утратила весомую часть философского осмысления природы поэтического языка – любимой темы исследований Соколова-философа. Рукопись этого очерка хранилась в домашнем архиве Александра Ивановича и мы благодарны за возможность ее публикации.

Остальные очерки и эссе публиковались, в том числе как предисловия к сборникам коллег-поэтов, основной же массив публицистических опытов Анатолия Соколова пришел к читателю со страниц журнала «Сибирские огни», где плоды его творчества печатались с 1989 года.

О поэзии А. Денисенко

А. Денисенко, по моему глубокому убеждению, едва ли не самый талантливый и малоизвестный русский поэт последней четверти 20 века. Еще лет 30 назад легендарный А. Маковский угадал масштаб его таланта, назвав «покатым Гоголем». Первое впечатление от творений А. Денисенко — это шок. Потому что они совершенно не похожи на произведения большинства известных поэтов. Стихотворения А. Денисенко воспринимаются при первом знакомстве как чудо. В них «дышат почва и судьба». Надо признать, многие современники отвыкли от живого, чудесного. Им подавай и в поэзии аппараты тяжелее воздуха. Созданные инженерной мыслью, они для полета не нуждаются в любви. Образцовым в этом смысле считается, безусловно, талантливое изощренное, холодное, насквозь литературное и скучное рукоделие И. Бродского. Птицы небесные кажутся слишком простыми. К тому же могут испачкать одежду или забор. Часто при встрече с творениями А. Денисенко цивилизованные граждане относятся к ним, как изделиям так называемых народных промыслов, аналогичным эстрадным частушкам, палехским расписным шкатулкам, поставленной на конвейер продукции хохломы, дымка и тому подобным псевдохудожественным артефактам. Они считают стихи поэта примитивными, несовременными. На первый взгляд, в них действительно присутствует расхожий набор национально-культурных атрибутов. Гармони, лошади, березы, рябины, ситцы, колокольни, лебеди и прочий обветшавший, а также надоевший благодаря Есенину и тьме его эпигонов лубочный деревенский реквизит. Но удивительно то, что все эти предметы в стихотворениях Денисенко оказываются неузнаваемыми и совершенно непредсказуемыми по своим взаимоотношениям друг с другом. Готовая картина мира, в которой каждый из них, казалось бы, занимает давно уже определенное литературной традицией место, вдруг взрывается, потому что они «влюбляются в не свой размер». У Денисенко все ведет себя не так, как принято. «Деревья многолетные», например, никогда не стоят на месте, а перемещаются то шагом, то бегом в обнимку с кем-нибудь, в том числе и с женой поэта. И дом тоже бежит «с кудрявою черемухой под мышками». Душа снимает с себя тело, или разрезает грудь своему господину. Из глаз льется проявитель, когда поэт видит погубленную деревню («Как заплачу я в синие ленты...»). В стихах не назойливо и не антагонистически

сосуществуют архаичные и самые новейшие культурные реалии, которые особенно выразительно смотрятся в контексте «вечного» русского пейзажа. Например, «две фрустрации», мешающие поэту взглянуть поглубже в «стекло оконный» («учебное стихотворение»). Или неожиданный собеседник «таксист тонкогубый «Волги» горьковской ванька-челнок», к которому обращается автор с просьбой «прокатить по России за рубль, чтобы пел на груди свитерок...», из «Ночного свидания». Для А. Денисенко в качестве «родного бронезилета» выступает «рубаша ситцевая с запахом махорки». И вообще в стихах возникает родной и совершенно оригинальный прекрасный мир, обладающий собственными законами и историей.

Произведения А. Денисенко нельзя сближать с пошловатыми, вырожденными, сувенирными изделиями. Они далеко не просты, требуют особой душевной «работы» от читателя, давно уже от нее отученного. Ведь последний прежде всего обращает внимание на технические особенности. А у Денисенко и рифмы чаще всего самые обычные, и темы кажутся достаточно традиционными. И размеры не отличаются экстравагантностью. И что греха таить, бросаются в глаза необязательность многих строчек, неряшливость, безответственность некоторых сравнений, сомнительность отдельных стихов. Даже возникает иногда желание кое-что в них подшлифовать, какие-то фрагменты отсечь, чтобы не портили общего вида... «Сердце», «печаль», «душа», «конь», «губы», «васильки», «солдат», «тело», «осень»... Удивительно, но эти затертые, словно старые монеты, слова, в стихах поэта начинают сиять как новые. Главная особенность произведений А. Денисенко в том, что они не написаны, как, например, пишутся обыкновенно разнообразные тексты, имеющие автора и в сущности реализующие волю последнего. Кажется, стихи выросли сами, как трава, деревья и все живое. Они органичны. Поэтому рука не поднимается искать у них уязвимые места, подвергать критическому разбору. Попробуйте лягушку-квакушку сделать милее — получится монстр. Деревце с искривленным непогодой стволом для меня не менее прекрасно, чем его прямой и высокий собрат, выросший в благоприятных условиях, поскольку я не собираюсь использовать его для сооружения корабля или домовины, а бескорыстно созерцаю. Важно, что то и другое живые. И поскольку органические явления не могут создаваться в качестве продуктов сознательной деятельности человека, последний не несет прямой ответственности за их внешний вид. В этой связи возникает проблема их автора. Кто он такой?

В литературных кругах Новосибирска имя А. Денисенко стало известно еще в 60-х годах, но первая серьезная подборка произведений опубликована лишь два десятилетия спустя в коллективном сборнике Западно-Сибирского книжного издательства «Гнездо поэтов». В 1990 году в издательстве «Мангазея» появилась книжка стихов с озорным названием «Аминь». С этого времени началось медленное восхождение поэта к известности, имя его все

чаще стало появляться не только в местных, но и в центральных изданиях. Были весомые публикации в журналах «Литературная учеба», «Новая Россия». Хотя в сущности перепечатывался десяток пронзительных стихотворений, поражающих оригинальной образной системой, богатством языка, искренностью и подлинной народностью. Последнее качество на фоне откровенно космополитических тенденций в отечественной поэзии, судя по тому, как она представляется в толстых столичных журналах, казалось редкостью. Создавалось даже впечатление, что из Денисенко, как в свое время из Есенина и отчасти из Рубцова, создается литературный миф, а сам он уже никого не интересует, поэтому может вообще не существовать. Образ его оброс фантастическими подробностями. Так, например, в журнале «Новая Россия» поэту приписывалось, очевидно, для пущей экзотики постоянное проживание в глухой сибирской деревне. Только через десять лет (в 2000) почитатели таланта А. Денисенко дождались выхода второй его книги «Пепел» тиражом 500 экземпляров. В ней собрано все лучшее из написанного им в стихах и прозе. Это в 53 года. Похоже, сам он равнодушен к проблеме собственной популяризации. Так и должно, кажется, быть: «цель творчества, — отмечал Б. Пастернак, — самоотдача, а не шумиха, не успех. Позорно, ничего не знача, быть притчей на устах у всех». Но, по-моему, отказываться «быть притчей на устах у всех», лишать современников возможности познакомиться со своими текстами, когда сознаешь свое значение, — значит не выполнять волю Всевышнего, пославшего поэта «глаголом жечь сердца людей». К сожалению, не вышло еще и ни одной сколько-нибудь серьезной статьи о его творчестве. Боюсь, как бы не пришлось писать о А. Денисенко в прошедшем времени, когда имя его, не дай Бог, окажется уже занесенным в скорбный мартиролог.

Поэт — всегда больше человека, наделенного самосознанием, уникальной биографией и множеством других особенностей, включая способность к версификации. Существует множество виртуозов, способных экспромтом выдавать километры гладких виршей на любую заданную тему. Но эти «произведения» не имеют никакого отношения к поэзии. В состав поэта входят еще такие стихи, которые существуют независимо от конкретного человека по имени Александр Иванович Денисенко. Это стихи Языка. Чаще всего на обыденном уровне ограничиваются пониманием языка как средства общения, средства объективации человеком собственных мыслей и образов, безразличного к их содержанию. Не подозревая, что этот язык является лишь тенью, обособившейся и приобретшей относительную самостоятельность от своего живого оригинала и первоисточника. Язык, если вспомнить начало Евангелия от Иоанна, где Он в качестве Слова тождественен с Богом, по существу является демиургом человеческого мира. «Язык есть дом бытия» (М. Хайдеггер), т. е. вместилище предельных и сверхъестественных оснований жизни человека и вообще мироздания. Поскольку язык соотносится

с самоговорящим бытием, человек выступает в качестве средства его самовыражения. Стихия языка, использующая человека, невольно претворяется в его индивидуально-неповторимой речи. Возникает объективная иллюзия существования единственного посюстороннего мира, описываемого и сращенного с языком — тенью, где люди, одержимые гордыней, полагают себя субъектами собственной жизнедеятельности, в том числе и речи, приписывая языку инструментальную функцию. Лишь поэты, которых еще древние греки называли так же, как и Гермеса, «вестниками богов», в состоянии вдохновения, в творческом исступлении, в экстазе оказываются способны слышать голос бытия, становиться соучастниками миротворения в Слове. Безусловно, А. Денисенко избран для исполнения этой тяжелой и почетной миссии.

Какова ж почва, на которой мог вырасти этот чудесный талант? Конечно, возникновение чуда не поддается объяснению. Это вечная загадка. Но попытка — не пытка... А впрочем, может быть, и пытка.

А. Денисенко посчастливилось произойти от русских, добрых до святости сельских интеллигентов — школьных учителей. В семье, где он вырос, был душевный достаток. А это важнее, чем материальное богатство. У Александра все было. И мать, и отец, и сестра. Что еще нужно для того, чтобы чувствовать себя полноценным человеком? Деревня Мотково, которую А. Денисенко определил как свое «месторождение», находясь недалеко от города, сумела сохранить атмосферу русской патриархальной старины и традиционности. Мотково для А. Денисенко — не просто географический пункт, а целая вселенная, с золотыми россыпями уникальных образов. Здесь «снег подвенечный падает, кочует...». Здесь существуют фантастические, но в то же время реальные жеребята, склонившие головы к земле, чтобы читать живую тетрадь стихов умершего «во цвету, во хмелю, на лугу» русского поэта. Здесь и тихая речка с горсточкой домишек на берегу, и изумрудные луга с «тетрадками озимых», с «группами русских цветов» под «старым синим небом», в котором бегут «задыхаясь упряжки прекрасных белых коней», и — неподалеку — железная дорога. Именно железная дорога — традиционное большое и вообще таинственное место для русской литературы от Некрасова и Толстого до Блока и Белого — становится одной из доминирующих тем у Денисенко. Железная дорога — символ бездушной механической цивилизации и единственная всеобщая форма связи не только между деревней и городом как центрами соответствующих культур. Но также — между действительностью и идеалом (вспомним: «революции — локомотивы истории» Маркса и «наш паровоз, вперед лети, в коммуне остановка»), между противоположными определениями воли человека.

Не холодно еще
Сидеть вблизи чугунки,
Где поезд грузовой
Провозит светлый лес,

Печалиться сильней
И сравнивать рисунки
Ладони и путей
Системы МПС.

215

На онтологическом уровне культура едина, а на феноменологическом выступает в двух формах. Поэзия А. Денисенко рождается в точке пересечения языковых пластов, присущих обеим этим формам: современной рафинированной городской и патриархальной деревенской. В первой мы имеем дело с индивидуально-личностными проявлениями ее, выражающихся в произведениях гениев, а во второй — коллективно-личностными, воплотившихся в высших образцах фольклора. Трагедия литературы центральной России в том, на мой взгляд, что там почти не сохранилось условий для подобных пересечений. Веси в минувшие 30 лет после появления Ф. Абрамова, В. Шукшина, В. Белова, В. Распутина, Н. Рубцова превратились либо в окраины — приложения к Москве и другим крупным центрам, либо вымерли, выродились, как большинство деревень Нечерноземья. Там произрастает похожий на чертополох, какой-то ризомный¹, вымученный и псевдонародный, выдуманный язык для массовой культуры, поскольку лишен подпитки как из мира высокой литературы, так и из глубин народной дописьменной и бесписьменной культуры, то есть обеих сфер, которые причастны к стихии Первозыяка. С другой стороны, в городах возникает опасность иного рода. Она заключается в отрыве литературы (и поэзии) от почвы и корней национального языка и связанной с ним духовности, в результате культура превращается в цивилизацию. В последней творчество регрессирует до пост-модернистской игры словами, пустого зубоскальства и самопародирования, поскольку уже нет ничего высокого и низкого, нет ничего святого. С этой «колокольни», безусловно, поэзия А. Денисенко кажется варварской, плебейской, вызывает насмешки.

Как же пришел А. Денисенко к высокой поэзии? Однажды он отмечает: «Жизнь ... уронила лицо в согнутый локоть стиха». В другом месте упоминается «голова, разбитая об книжки». Эти случайные «травмы» сделали невозможной для Денисенко жизнь вне литературы и творчества. А то, что не имеет отношения к литературе, для него с тех пор суть не жизнь — выморочное существование. Литературное призвание — это для Денисенко как группа священной инвалидности, которая заработана и заслужена в молодые годы. Сначала в школе, затем в пединституте, в общении с друзьями, страдающими тем же недугом. И это уже необратимо. К сожалению, способность читать и усваивать новое с возрастом притупляется, поэтому важно пораньше накопить запас литературных впечатлений, обзавестись хорошим

¹ Ризома — это вид построения социальных отношений по принципу грибницы, которая не имеет центра и ветвится по непредсказуемым направлениям. В ее структуре нет выраженных главного и второстепенного, верха и низа и вообще очевидных закономерностей, присутствует только некоторая неупорядоченная связь между разнородными элементами (Ред.).

слоем культурного жира, который обеспечивает нас необходимыми питательными веществами уже на всю оставшуюся жизнь, обеспечивает высокий вкус в работе со словом.

Творчество — это всегда созидание нового мира, а не продолжение и совершенствование того, который есть. Новый мир создается из ничего. Чтобы акт создания случился, субъекту необходимо редуцировать себя: оказаться в ничто, стать ничем. Чтобы заговорило Слово, следует стереть свою индивидуальность, отказаться от гордыни, от накопленного жизненного опыта. Требуется также разрушить старый мир, в котором ничего нового уже случиться не может, поскольку на каждый случай заготовлен образец. Ты сам в этом мире уже не что иное, как репродукция и обречен на повторение уже пройденного. Разрушение старого мира и редукция самого себя, поскольку тот и другой являются непосредственно в формах языка-тени, предполагают разрушение именно последнего.

Одним из обязательных признаков настоящего поэта является особое консонантизм. В отличие от рядовых людей, которые свободно владеют речью, являются хозяевами слов, поэт — человек с расстроенной речью. Слова — его хозяева, а не слуги. Для него язык, представляющий собой блок конструкций, годных на все случаи жизни, вдруг оказывается совершенно расстроенным, развинченным, разобранным, распавшимся на составные, элементарные части. Космос превращается в хаос. Это очень трудное положение. Ведь мысль и возникает, и с удовольствием движется знакомыми и привычными коридорами языка... Одно слово сростается с другим. Глядишь — и уже манипулируешь не словами, огромными словесными блоками. А в результате — говоришь одно и то же. И говоришь не ты, уникальная личность, а безличная кристаллизация общественных функций. Поэт же должен каждое стихотворение начинать с чистого листа. Причем этот акт совпадает с его самодеятельностью. Эмпирический языковой опыт необходим ему только в отрицательном смысле. Знаешь, как говорить только для того, чтобы так больше никогда не говорить. Если повторение считается в жизни матерью учения, в поэзии — это самый злейший и хитрый враг. Не потому ли, что А. Денисенко боится повторяться, он мало пишет? Первый акт поэтического творчества — выпадение из космоса языка — тени, который как раскрашенный мертвый механизм, производит одни и те же телодвижения, как шарманка готов бесконечно воспроизводить несколько затверженных оборотов и мелодий. Куда же попадает в результате отмеченного «выпадения» поэт? В хаос. Там и начинается создание островка нового порядка. В этом плане каждое настоящее стихотворение, даже строчка — зародыш нового космоса.

Когда читаешь тексты А. Денисенко, видно, как он сначала мучительно и неуверенно составляет из незначащих осколков хаоса предложение за предложением как ребенок, впервые пользующийся языком. При этом поэт

всегда надеется, что интуиция и вдохновение подхватят его и, преодолевая силы земного тяготения, эгоизма, лени, корысти, подчинят, превратив в раба, осуществлению задачи по созиданию нового мира и другого себя. Но, как известно, ожидания бывает что и не сбываются. И вместо полета приходится переживать падение. А. Денисенко будто не узнает давно набившие оскомину, затертые взглядами и изношенные от долгого употребления предметы. Удивляется им. Подбирает слова для того, чтобы сказать о них новое, следовательно, сотворить их. Уж сколько, кажется, написано о любви, а Денисенко создает новые ее трагические и счастливые воплощения, задавая тем самым формы для наших переживаний.

Тихо. Все тихо. Рассвет не идет.
Кто-то кого-то вполсилы целует,
Словно на губы горячие дует
И обжигаясь их пьет.

В поэзии реальность не отражается, а создается словом. В этом плане поэтические образы первичны и по отношению к так называемой внешней к человеку реальности, и по отношению к его внутреннему психическому миру. Затем уже внешний и внутренний миры ориентируются на поэтический как свой образец и эталон. Так читатель, познакомившись со стихотворением, получает изобретенную поэтом новую форму для опыта и благодаря этому переживает любовь по-новому. А не наоборот. Созидание не является функцией индивидуального человеческого субъекта. Употребление оборотов, указывающих на индивидуальное авторство, — дань обыденному словоупотреблению. Люди, имеющие прямое отношение к творчеству, зачастую отказываются признавать себя авторами стихотворений, картин, музыкальных пьес, приписывая эту заслугу особым экзотическим субъектам (Богу, черту, музе, гению). Творчество — прерогатива языка, который вызывается как могущественный дух, благодаря чуть ли не ритуальным манипуляциям человека, и начинает властвовать над последним. И слова уже сами начинают сочетаться друг с другом вопреки всем известным законам лингвистики и здравого смысла, как волшебный бред и лепет без знаков препинания, а поэт только спешит записать его.

Это кажется метель пурга
все уляжется уйдет в снега
мерзлый тополь отойдет ко сну
в бесконечную свою страну

ешь откусывай хрусти вино
пока вьюги на Москве гостят
это мертвые давным-давно
с неба девушки летят летят

Какие-то бессмысленные и в то же время, кажется, обладающие бездной смысла, буквально завораживающие стихи. Мысли и образы не предшествуют своему воплощению в слове, а возникают постфактум сами по себе на почве стихийно сложившегося текста, являясь откровением для самого

поэта. И это не частный случай, не исключение. Вязкость, плотность и глубина стихов всегда есть результат их саморазвития. Они, если перефразировать М. Пруста, зачастую не здания, к которым поэт снаружи добавляет все новые камни-слова. Они скорее деревья, которые из собственного сока извлекают следующие узлы своего ствола, и таким образом растут. А поэт здесь выступает лишь в роли наблюдателя и регистратора происходящего. Вот так, кажется, и возникает стихотворение «Месяц тихое пламя зажег».

Все качалось пред ним впереди,
И опять его с ней разлучали
Монотонные дали любви,
Лесотундра стыда и печали.

Но душа как бессмертная вещь,
Вновь разрежала грудь господину,
И сияли остатки надежд,
Примирившие гнев и гордыню.

И на тихий предел мироздания
Лейтенант нерастрченных сил
Нам прикажет идти на свиданье,
Лишь бы месяц светил и светил.

«Монотонные дали любви», «лесотундра стыда и печали», «тихий предел мироздания» — эти образы невозможно придумать и вывести дискурсивным путем. Они результат колдовского опыта, совершаемого самим языком. И неважно в данном случае то, что рвется ритм стихотворения из-за нарушения порядка чередования женских и мужских рифм. Поэт в авторском предисловии к книге может вообще вдруг прервать последовательность повествования, восхитительно оговорившись: «в этом месте я немножко пропущу, не знаю, как тут описать».

Где «дышат почва и судьба», там человек добровольно идет в рабство к этим стихиям и переживает подобное состояние как счастье, как благо, но в то же время и как проклятие, поскольку это требует от него великих жертв. Порой и самой жизни.

Наша наглухо закрытая поэзия
Жарко молится, да толку ни на грош,
Чтоб светилося ее жертвенное лезвие
Золотую свою голову положить.

А. Денисенко в стихах категорически отказывается принимать сложившуюся картину мира, где заранее все известно, заранее уже все определено законами самого этого мира. Что является красивым, а что безобразным. Что возвышенным, а что низменным. Что одушевленным, а что неодушевленным, что разумным, а что неразумным. Он как бы хочет сказать: «Позвольте, граждане! Мир еще не отвердел, еще ничего не устоялось. Еще есть место для чуда. Иначе какой смысл был бы в моей жизни». Есть поэты, которые человеческое овеществляют, высокое редуцируют к низкому. Они

глашатаи «низких истин». Они вольно или невольно служат сатане. Любовь А. Денисенко зажигает и возвышает все, чего бы она ни коснулась. Он стремится, движимый ее силой, все сущее увековечить, одушевить и очеловечить. И даже обожествить. Отсюда удивительная зоркость его заряженных любовью глаз, позволяющая замечать, как «в руках светилось смятое в грозу большое приключение пейзажа», как «мальчик с липовой ногой спит лицом на оглавление нашей книги дорогой», как «в черном саду полунощном в снегу обыватель стоит, за слабую гору, за рощу в подзорную руку глядит». Особенность этого виденья в том, чтобы в сиюминутном усматривать вечное, в случайностях и сумбуре — гармоническое. Мир предстает перед нами в произведениях поэта, несмотря на сотрясающие его коллизии, как в детстве, истинным, прекрасным и добрым.

Еще не померкли цветы луговые,
А тополь с женою обнявшись идут,
И лошади бродят вокруг легковые,
Цветы непомеркшие бережно гнут.

Учитель с учителькой едут в тумане
(Крючков-Бархударов² да Бойль-Мариотт)
Крючков-Бархударов смеется на раме,
А крутит педали мосье Мариотт.

В отношении к миру А. Денисенко чем-то напоминает святого Франциска из Ассизи. Тот не делил живое на низшее и высшее, поэтому проповедовал перед птицами, зверями и насекомыми, называя их братьями. А. Денисенко признается: «Я люблю вас всех, кто любить меня перестал». Или в другом, вероятно, самом широко известном своем раннем стихотворении он пишет: «Вся эта жизнь зовется боже мой, и не хочу я больше быть красивым, я только буду вас любить, пока живой, со всею силой». Не дело поэта увеличивать массу зла и ненависти в мире. Если красота и спасет мир, то лишь постольку, поскольку, как замечал И. Кант, она символизирует нравственно-доброе, а не является пустой игрой наших познавательных способностей. Поэт демонстрирует неминуемые сиротство и нравственную деградацию русского человека, пожертвовавшего красотой своего традиционного живого окружения и продолжения во имя утилитарных благ технического прогресса. Он делает вывод: сначала откажешься от братьев наших меньших, а после автоматически — и от Бога.

Ах, как жаль, что я сам безлошадный,
Без коня наш мужик — сирота,
Без коня он становится жадный
И живет без Иисуса Христа.

Религиозность А. Денисенко особого национального типа. Как христианин он должен равнодушно относиться к Отечеству. Ведь его подлинная Ро-

² Крючков-Бархударов – авторы учебника по русскому языку, т.е. на раме – учитель русского языка, а крутит педали учитель физики (Ред.).

дина — Царство Божье, которое, по словам Иисуса, «не от мира сего». Лишь в качестве язычника русский любит свою земную Родину. Если согласиться с Ф. Тютчевым, что в нашем национальном сознании Россия — не предмет знания, а предмет веры («в Россию можно только верить») — идеал, идеальная Россия совпадает с Царством Божьим. Поэтому мы, в отличие от иностранцев, старательно обустройствающих, украшающих свою землю, не замечаем или безразлично относимся к той, которая у нас под ногами. «Мы живем, по словам О. Мандельштама, под собою не чуя страны». И А. Денисенко будто «не чувствует», не видит и не слышит, что происходит вокруг. Он не способен адаптироваться к рыночной идеологии, стать ее поэтом, произносить в ее честь панегирики. Он вообще не гражданин новой России, не новый русский. Его государство и Родина в другом нравственно-эстетическом хронотопе. Это его идеализированное Мотково, сращенное посредством железной дороги с Новосибирском. Только там для него есть еще святые.

Именно невольным национальным язычеством объясняется густая натуралистичность образов А. Денисенко. В его стихах много телесного, плотского. Поэт говорит, например, о девушке, у которой «крепкое телокровать», о «бутылке мордастой», об обнаглевшем соловье, который играет, «чуть возьмешь разведенку за грудь». Какой-то суровой и грубой нежностью, целомудрием веет от строк.

Нам этот стыд запишут в минуса.
Туши огонь. Пусть тело телу служит.
Пусть наша дружба горечь обнаружит.
Пусть наша дружба горечь обнаружит.

В некоторых стихах, кажется, поэт нарочито манерничает, юродствует, а порой вообще сквернословит и озорничает. Вообще срамословие и осквернение собственных святых, до которых, слава Богу, он не опускается, не всегда связаны с хулиганством и дурновкусием. Они имеют архаические истоки и сохраняются в неофициальной народной праздничной традиции в качестве особого ритуала, имеющего мировоззренческий смысл. Цель этого встречающегося у А. Денисенко и его великих предшественников озорства в произведениях по существу благая — разрушить у читателя овеществившиеся стереотипы восприятия. Дать человеку почувствовать, что в нем, как говорил Ф. Ницше, «есть еще хаос». Разбудить его, убаюканного дурной бесконечностью повторений так называемых «родных» напевов. Отмыть «замыленные» очи. Показать, что красота правды может быть и жестокой, и страшной, и демонической, и в то же время веселой.

Листья красные жгут мои руки,
Ветер слезы мне серые рвет,
В платях шелковых старые суки
Теребят мой измученный рот.

Я всегда был в любви невредимым,
Да, видать, меня Бог наказал —

Вечно плыть в твои нежные с дымом
Голубые гнилые глаза.

У А. Денисенко есть сквозные, проходящие через все творчество и переплетающиеся темы, без которых, кажется, вообще невозможна настоящая поэзия. Это тема войны — неиссякаемый источник боли и гордости не только у тех, кто воевал. Например, у отцов, которые «оттаскали берлин». Война — это и некоторое вечное событие. В этом смысле мы все израненные там, на войне. А для поэта, признающего, что «...вчера чуть совсем не разбился, с журавлями снижаясь к земле... мне сказали, что я изменился, что три года я был на войне», война никогда не заканчивается. Как не заканчиваются для него муки Христа, изнемогающего на кресте...

А когда я разжал кулаки,
Были полными обе руки
Горьких трав земляных,
А из ран пулевых
Я достал двух шмелей полевых.
Васильков синеглазый комок,
Взял с ладони, потупившись, Бог,
Был он в первом ряду
И у всех на виду
На пилотке потрогал звезду.

И стоял я убитый в степи,
Куда Бог меня сам опустил,
А навстречу уже
Шли ко мне по меже...

...шмель уснул в моем нежном ружье.

Вторая вечная и большая тема — родительский дом. Он — нравственная веха и путеводный огонь для А. Денисенко, Эдем, который он сам когда-то торопливо покинул. Мучает его сердце неизбывная вина перед самыми близкими и дорогими людьми: но возвращение блудного сына в патриархальный рай детства, в родительский дом оказывается невозможным.

И сколько ж нас, таких вот опоздавших,
Живых, но как бы без вести пропавших,
Отца и мать на старости продавших
И лишь теперь заплакавших навзрыд,
Видать душа не вытерпела муки
Беспамятства бессовестной разлуки
И, содрогнувшись, выделала стыд.

И вот теперь в своей прокуратуре,
В своем бессонном пристальном суде
Мы ищем оправдания в диктатуре
Тяжелой памяти, но нет его нигде.

Тогда зовем к родительскому дому
Всех тех, кем были тридцать лет подряд,

Все кажется: они нас по-другому
Осудят и к любви приговорят.

В его стихах бездна синего и голубого. «Печаль» — кажется, особенно часто встречающееся в его стихах слово. Видимо, потому, что, как однажды заметил В. Распутин, лад русской души «печален оттого лишь, что нет ничего целебнее печали, нет ничего слаще ее и сильнее, она вместе с терпением вскормила в нас необыкновенную выносливость».

Особая роль принадлежит в поэзии А. Денисенко безумным, сюрреалистическим образам и собственным (авторским) мифам. Между ними по существу нет разницы: поэтический образ — свернутый миф. У Денисенко вдруг в нежнейшем стихотворении «Трое» нелепое, загадочное и драматическое событие: в парке «по снегу старик чей-то катится». Меня этот «чей-то», следовательно, ничей старик долгое время буквально преследовал, снился по ночам. Вот, думал я, какая страшная может быть судьба. Неужели и я могу, как этот жалкий старик, покатиться в ночном парке, где снегу по колено... Так же неожиданно натыкаешься на другую загадку. «Как на последней ступеньке природы, — пишет поэт, — тополь застыл на бегу». Почему эта ступенька последняя? Потому что фауна — это уже не совсем природа? А может быть за миром флоры, персонифицированной «застывшим на бегу тополем»), обрыв? А ужасный и прекрасный образ летящих с неба давным-давно мертвых девушек в, по-видимому, наиболее знаменитом, потому что стало песней, стихотворении «снег»... И в другом стихотворении, как это часто бывает у него, явлен образ, который аккумулирует огромное количество поэтической информации. «Облака, что столпились у церкви, словно девушки в белом цвету? Лишь скользнет по ним взгляд офицерский с сигаретой цветущей во рту». Здесь очевидная реминисценция стихотворения «На железной дороге» А. Блока, в котором гусар «скользнет ...улыбкой нежною...» по несчастной девушке на платформе. У А. Денисенко, как мы обнаруживаем, уже «взгляд офицерский», у которого и есть только рот с великолепно торчащей из него цветущей сигаретой, «скользнет» по облакам, напоминающим девушек в подвенечных платьях. Попробуйте представить этот современный апофеоз самовлюбленности или вырождения, разучившийся не только, кажется, нежно улыбаться, но и вообще производить ртом что-либо, кроме всасывания алкоголя и табачного дыма? Потребуется дарование С. Дали и М. Шагала. Или в другом стихотворении рассказывается удивительная, миллиарды раз повторяющаяся и всегда новая романтическая история о странном веселом отряде, который осаждает город и бомбардирует его цветами. Не могу удержаться от соблазна привести это стихотворение полностью.

Как напал на наш город веселый отряд,
И командовал им молодой генерал —
Выстрел грянул — из пушки цветы к нам летят:
Он один к одному их в бреду собирал.

Кому алый цветок — тому сердцу покой,
 А лазоревый — сердцу отрада.
 Много женщин войне были рады такой,
 Лишь одна прошептала: не надо.

Он слегка побледнел и к прицелу прильнул,
 И навел ей на грудь незабудки,
 Но она посмотрела — он сладко уснул
 И проспал — то ли жизнь, то ли сутки.

Тут бы самое время гордыню смирить
 Да пойти в обходные атаки...
 Он приказ отдает: васильки повторить,
 А потом бомбардировать маки.

Ах, цветы полевые — выюнки, иван-чай,
 Колокольчик, анютины глазки,
 Отжените от женщины этой печаль
 Полным выстрелом счастья и ласки.

Генерал свое сердце кладет на лафет.
 Пушка вскрикнула. Выстрел раздался.
 Говорят, что она улынулась в ответ,
 А наш город, сдаваясь, смеялся.

Та любовь была, словно недолгий угар,
 Когда уголь слезами погашен —
 Для себя она утром сварила отвар,
 Популярный у русских монашек.

Город в мифологии — всегда женщина. Она в этом целомудренном авторском мифе сдается лишь тогда, когда пушка вскрикнула, выстрелив сердцем молодого генерала. Любовь женщины всегда завоевывается ценой смерти самого завоевателя. Но как передать трагическое очарование этой смертельной бомбардировки осажденного сердца женщины цветами, где последний выстрел свидетельствует о том, что флора исчерпана, что в дело идет уже самый прекрасный и ужасный на земле цветок — цветок человеческого сердца?

Часто «неграмотными» в поэтическом смысле читателями, впервые столкнувшимися с произведениями А. Денисенко, задается вопрос: о чем стихи? Если стихи о чем-то, если их можно перевести на язык прозы, пересказать, это уже не стихи. Стихотворение — это самодостаточная реальность, которая не о мире и не о человеке, находящихся за пределами поэтической речи, а — для мира и человека, поскольку они производны от стиха как стихии. Настоящие стихи бесконечны по смыслу. Их опасно расшифровывать, рационально объяснять — они от такой процедуры умирают. В них надо вживаться. Именно такого к себе отношения требует поэзия А. Денисенко, к сожалению, пока еще по-настоящему не понятая и не оцененная. Дай Бог ему новых поэтических и других книг, а также счастливой судьбы. Только, к сожалению, счастливая судьба очень редко выпадает русским поэтам.

Пушкин – это наше все или... ничто?³

(Комментарий к статье А. Радашкевича «Антипушкинская, 10»)

Очень яркая, темпераментная, но в то же время настораживающая и порой даже раздражающая агрессивным субъективизмом статья. Автор относится к новой категории людей, к «поэтам русского Зарубежья»⁴, которые, вроде бы, и по крови, и по духу являются соотечественниками, но предпочитают в родные палестины наведываться лишь изредка, проживая постоянно в любезной их брэнному телу комфортной, но, как может показаться, духовно чуждой и поэтому критически воспринимаемой загранице. Причем этот критицизм, судя по всему, применяется в изделиях преимущественно для местного, внутрисоссийского употребления⁵. Еще в советские времена процветало большое количество специалистов, производящих памфлеты о загнивающем Западе для идеологического вскармливания наивных советских граждан, но с большой неохотой возвращающихся оттуда на Родину. Таким образом, новыми этих субъектов назвать можно, конечно, только в относительном смысле. Правда, примеры Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева и других властителей дум, свидетельствуют: русскому писателю для того, чтобы заниматься своим промыслом, не обязательно физически чувствовать под ногами родную почву...

«Я не люблю писать о нелюбимом, — доверительно сообщает читателю А. Радашкевич, — потому что жизнь слишком коротка и драгоценна, чтобы тратить ее на какую-то неприязнь». Но, тем не менее, он изменяет своим гедонистическим убеждениям и обращается к «нелюбимому»: рассказывает в специальной статье о потрясшей его душу акции в Петербурге-Ленинграде, свидетелем которой нечаянно стал, в контексте анализа современной общеевропейской кризисной культурной ситуации. По условиям мероприятия, куда он был приглашен, предполагалось «чтение стихов, которые каким-то образом должны были включать в себя строчки из Пушкина». Чрезвычайно высоко оценивая себя (любит писать только о любимом, а любит только себя, как следует из приведенных выше строчек), автор весьма плохого мнения о других участниках мероприятия — своих собратьях по поэтическому цеху, и не жалеет для них самых темных красок и нелестных эпитетов. Они изображаются как «немногочисленная стайка затаенно-мрачноватых (?), явно озабоченных присутствием булькающих поллитровок во внутренних карманах и провисших сумках и намеренным отсутствием всякой закуски» (?), т.е. в самом неприглядном виде. И еще много выразительных подробностей относительно бедного, неопрятного внешнего вида и неаристократических

³ Соколов А. Е. Сибирские огни, 2007, № 9. — С. 173–179

⁴ Так он сам аттестует себя в статье. См.: Радашкевич А. Антипушкинская, 10. // Сибирские огни. — 2007. — № 6. — С. 157.

⁵ Плоды критического восприятия культурного процесса на новообретенной родине мигрантами едва ли пользуются спросом на рынке масс-медиа в странах Запада.

манер выступающих сообщает А. Радашкевич, чтобы даже тени сочувствия к ним не возникло у читателей.

Негодование А. Радашкевича по поводу антипушкинской акции представляется не слишком уж обоснованным, декларативным и полно словесных излишеств, красотой. Хотелось бы все-таки подробней узнать, чем конкретно оскорбили чувства и мысли автора «воинствующие антипушкинисты». Где факты, примеры, действия? Наконец, имена участников? И почему их творения показались автору жалкими и ничтожными? Хотя бы одну цитату привел. Увы, этого в статье почему-то не обнаруживается. Вообще, представляется, что автору явно не хватает пушкинского благородства. Помните, в «Евгении Онегине» Пушкин упоминает «цех задорный», людей, о коих не сужу, затем что к ним принадлежу. Пушкину претило о коллегах, о собратях, походя презрительно отзываться. Тем более о их внешнем виде. А уж если приходилось отзываться, когда без этого было обойтись нельзя, то он это делал с фактами и аргументами на руках.

Безусловно, многие культурные мероприятия у нас делаются сейчас в расчете на западного зрителя и по его стандартам. Слишком хочется, чтобы нас «там» заметили и тем более — похвалили. Поэтому и присутствие иностранцев на описываемом А. Радашкевичем мероприятии не удивительно. Непонятно только почему антипушкинская акция представляется автором как «имитация «а ля рюс» их пресловутого 68-го года, анархически-богохульного, подписавшего смертный приговор великой французской культуре?»

Само по себе «чтение стихов, которые должны были включать в себя строчки из Пушкина», в условиях, когда теоретиками постмодерна зафиксирована «смерть автора» (Р. Барт), признана вольная и невольная интертекстуальность, не является преступлением. Некоторые ныне знаменитые отечественные стихотворцы практически сделали себе имя, буквально паразитируя на чужих классических текстах, и в первую очередь на А. С. Пушкине (например, Т. Кибиров, И. Иртеньев, С. Гандлевский, Д. А. Пригов), не говоря уже об аллюзиях, без которых невозможно обойтись в творчестве. Как к ним относится автор? Не присутствовал ли кто-нибудь из приведенного списка на представленном мероприятии?

Пафос статьи А. Радашкевича понятен. И ничего нового он здесь, в сущности, не открывает. Да, печально быть свидетелем культурного заката Европы, и уже совсем грустно присутствовать при разгуле бесовщины еще и в возлюбленном отечестве, которое более не отделено от Запада, как в былые годы, железным занавесом. Но автор ограничивается лишь поверхностным описанием шокирующих подробностей культурного разложения, не задумываясь о причинах и механизмах. А следовало бы задуматься. А ведь данное состояние переживает и отечественная культура. Причем оно поощряется у нас, как это ни парадоксально, не только внешними врагами, действующими как явно, так и под масками неправительственных западных

организаций (это уже ни для кого не секрет), но — самим государством, которое персонифицируется чиновниками⁶, не говоря уже об естественных причинах. А ведь оно (государство) даже из соображений собственной безопасности должно охранять культуру, т.е. обеспечивать ее воспроизводство и прирост. Государство в какой-то мере призвано спасти человека от самого себя. Но поскольку оно этого не делает, становится понятна чуждость самого этого государства народу. Трудно подыскать даже исторические аналогии прецедентам, когда крупные государственные деятели с семьями постоянно проживают на территории, в сущности, враждебных нашему государству политических образований. А у нас это, как говорится, сплошь и рядом.

Автор с горечью вспоминает ту Францию, что «просвечивает сквозь оказавшуюся сегодня в заложниках у сарацинских эмигрантских орд беспомощную страну, жалко мямлящую что-то про интеграцию». Но, по его мнению, Франция — еще не предел. Есть страны, где гангрена «авангарда»⁷ зашла еще дальше в разлагающемся теле национальной культуры⁸. Чрезвычайно точно и сочно А. Радашкевич характеризует состояние уже несколько столетий разлагающейся западной культуры, противопоставляя ей, как ему представляется, мощную и здоровую отечественную, только почему-то в границах XIX века. В своем критическом запале он не избегает, на мой взгляд, преувеличений и досадных, несправедливых инвектив и ошибок. По мнению А. Радашкевича, «нет ни французского Толстого, ни Достоевского, и даже близко ими, охватившими всечеловеческое до последних зияющих глубин, не пахнет: Запад обожает Чехова, самого прозаичного из прозаиков, потому что он помогает им благодушно не любить нас, сучая в его чахоточных вишневых садах вместе с тремя дурами».

Ох, уж эти поэты! Они могут припечатать к стенке одной только фразой, как гвоздем. И уже не открутишься. Безусловно, А. Радашкевич имеет право на свою субъективную точку зрения, на свои вкусовые предпочтения. Можно согласиться, потешив свое национальное самолюбие, с ним в том, что Запад (в частности, Франция) не выдвинул в литературе фигур, равновеликих нашим Толстому и Достоевскому. Но в то же время трезвый голос рассудка заставляет скептически отнестись к данному утверждению. Автор не учитывает одно обстоятельство. Развитие культуры происходит неравномерно. В одном регионе может наблюдаться всплеск антропологической активности в культурных формах, расцвет ремесел, наук и искусств, культурная экспансия вовне. В другом же — в это же самое время, как говорится, тишь да гладь. Если уж расставлять какие-то приоритеты, необходимо

⁶ Не случайно присутствие на мероприятии научного работника из Пушкинского дома.

⁷ Авангардизм, как будет показано ниже, не всегда соотносим с гангреной. Например, творчество Пикассо и Дали, несмотря на эпатажную новизну, вряд ли уместно полагать гангреной, убивающей испанскую культуру. Оно, безусловно, по-своему развивает испанскую культуру и органично для нее. Любимый автором Гойя в свое время также выступал в качестве авангардиста по отношению к предшественникам.

⁸ Имеется в виду современная Германия.

вести исторические рамки в рассмотрение. Например, не сравнивать состояние литературы во Франции и России вообще, а конкретно в XIX веке. Да, можно предположить, что в этот период Франция «проиграла» России первенство в области словесного творчества⁹. Фигуры мирового масштаба, равноценные Пушкину, Толстому, Достоевскому, там обнаружить проблематично. Впрочем, все зависит от точки зрения: такие писатели, как Бальзак, Стендаль, Гюго, Бодлер и др., по мнению некоторых литературных критиков, в своем творчестве мало в чем уступают перечисленным русским великанам и варварам. А вот в XVII — XVIII веках в литературном соревновании, безусловно, уже Франция будет доминировать перед Россией¹⁰. Не говоря уже о феноменах Гомера — в Древней Греции, Шекспира — Англии, Гете — Германии и т.п. Но оставим в стороне дальнейшее обсуждение данной культурной антиномии. Есть вопросы попроще.

Почему, например, Чехов, по мнению Радашкевича, — наш «самый прозаичный из прозаиков»? Это что — обвинение? Быть «прозаичным прозаиком» — плохо? Во всяком случае, явно данное определение — не похвала Чехову. А что, поэту быть самым поэтичным из поэтов так же плохо, как прозаику — самым прозаичным из прозаиков? И почему Запад, именно благодаря Чехову, не любит нас благодушно? А что, не будь его, Запад не имел бы оснований относиться к нам так же? А именно, не любил бы нас неблагодушно? И еще — почему Чехова скучно читать? Мне, например, не скучно. И я не считаю себя в этой связи менее полноценным читателем в сравнении с Радашкевичем. По-моему, сводить творчество Антона Павловича только «к изображению чахоточных вишневого сада вместе с тремя дурами» слишком уж дерзко и несправедливо. Конечно, персонажи Чехова не так «широки», как фантастические Р. Раскольников, Н. Ставрогин, И. Карамазов. Некоторые из них порою действительно напоминают «маленьких человечков» Ф. Ницше, которые расплодятся, скачут как блохи по земле и не могут уже презирать самих себя¹¹. Но то беспокойство, которое свойственно тихим чеховским героям, и пронизывающая их тоска по абсолюту, уживающаяся с добросовестным исполнением ими простых, обыденных человеческих обязанностей¹² — разве можно это обнаружить у персонажей западноевропей-

⁹ Обильное кровопускание, которое устроили Франции сначала революционная бойня, а затем наполеоновские войны, нанесло большой ущерб ее творческому генофонду, после которого она, по-видимому, до сих пор оправиться не может. Можно предположить, скольких гениев поэтому не досчитались французы. А ведь были еще и франко-прусская война и аналогичные события уже в XX веке.

¹⁰ Хотя, возможно, Францию XVII — XVIII и XIX века, как, впрочем, и Россию, вообще невозможно считать одним и тем же культурным развивающимся организмом. Вероятно, они в каждом веке отличаются друг от друга не менее чем, например, кошка и собака.

¹¹ См.: Ницше Ф. По ту сторону добра и зла: Сочинения. — М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во «Фолио», 1998. С. 303.

¹² Это, кстати, очень важно — добросовестно выполнять свои обязанности, а не только рефлексировать и совершать злодеяния, как это делают главные герои Достоевского, ведущие практически паразитический образ жизни.

ских классиков? Разве не уподобляется в данном случае А. Радашкевич, походя вытирающий ноги об деликатнейшего Антона Павловича, столь презираемым им бесам, попирающим величественный памятник Пушкина?

Кроме того, неужели можно полностью согласиться с таким категоричным утверждением А. Радашкевича, что во Франции «поэзия была осмеяна и загублена на корню «авангардом», узаконенным цинизмом и органической ненавистью к гармонии уже лет сто назад, где ее просто давным-давно нет»¹³? А как же тогда быть с Г. Апполинером, Л. Арагоном, Ж. Превером, П. Элюаром? Это они персонифицируют у А. Радашкевича «цинизм» и «органическую ненависть к гармонии»? Безусловно, автору, который знаком с материалом не понаслышке, а чуть ли не из первых рук, виднее. Но все-таки... что это значит «органическая ненависть к гармонии»? А. Радашкевич, как тургеневский Аркадий Кирсанов, любит красиво выражаться. Но хотелось бы не пышности, а точности положений в его критической статье. Что же это за существа, питающие «органическую ненависть к гармонии»? Если подумать, и предположить, не вдаваясь в историю вопроса, что гармонией является упорядоченное не в техническом, а в эстетическом (т.е. и органическом, и этическом, как полагал И. Кант) смысле состояние того или иного предмета (его космическое состояние¹⁴), то любой гений (а гений — это, несомненно, органическое качество субъекта) должен питать ненависть к гармонии¹⁵ как наличному порядку (космосу) вещей и стремиться к его разрушению во имя творения иной гармонии, т.е. нового порядка (космоса). Первым признаком гениальности в типологиях Канта и Шеллинга является способность субъекта действовать вопреки всяким правилам, законам, традициям. В этом плане гений в сравнении с всегда социально адаптированным талантом кажется вандалом и варваром. Безусловно, он порой будет действовать в иерархизованном культурном пространстве, как слон в посудной лавке. Он слишком велик, чтобы не повредить и даже разбить что-нибудь драгоценное.

Качество гениальности, как известно, не равномерно распределяются Богом во времени и пространстве культуры...

Автор не любит авангард. Для него XX век вылился в искусстве и литературе в «авангард» — в то, что нельзя, просто невозможно по-человечески любить, как можно любить Клода Лоррена, Фрагонара или Коро¹⁶. Сердце не может сжаться от ноликов, квадратиков и полосочек. Это — как воспри-

¹³ Здесь автор противоречит в какой-то мере самому себе, поскольку в другом месте полагает, что именно анархически-богохульный 68 год подписал «смертный приговор великой французской культуре».

¹⁴ Как известно, термин «космос» в переводе с древнегреческого означает «порядок».

¹⁵ В Древней Греции гармониями называли металлические скобы, которыми скрепляли друг с другом деревянные детали строящегося корабля.

¹⁶ Вкусовые предпочтения автора ограничиваются, судя по всему, XIX веком. Он тяготеет к сладеньким Лоррену и Фрагонару, к которым случайно и насильственно, по-видимому, присоединен мятущийся Коро.

ятие нами кошки и табуретки. Поэтому я честно и свободно утверждаю, что искусство это «Расстрел повстанцев в ночь на 3 мая 1808 года» Гойи, а не «Герника» Пикассо».

Вряд ли можно признать убедительной попытку обоснования данного brutalного убийственного приговора Пикассо с помощью абстрактной, следовательно, в данном случае пустой сентенции «искусство — это, прежде всего, сотворчество Создателю, а не разрушителю, это отражение Божьего лика в сущем и явленном, а не намеренное его уродование, не глумление над Ним». Почему живопись и графика Гойи — «сотворчество Создателю» и «отражение Божьего лика», а Пикассо — «сотворчество разрушителю»? А графические листы из «Капричос» Гойи — это тоже отражение Божьего лика в сущем и явленном? Не знаю, что сможет ответить автор на данные вполне резонные вопросы. Но ведь констатируя: «все, что мало-мальски осмысленно и имеет хоть какую-то форму, все, что не несет в себе признаков откровенного шарлатанства и фиглярства, объявляется у них архаизмом, китчем и презренным ретроградством чуть ли не на уровне всезнающей Сорбонны», А. Радашкевич должен был бы задуматься о причинах этого явления и процесса. Дело ведь, по-видимому, не только в злонамеренности горстки хулиганов от искусства и патологическом либерализме и эгалитаризме выродившихся искусствоведов.

Вызывает беспокойство и то, что автор не различает понятия авангарда и модернизма, которые для него синонимы и имеют только отрицательный смысл, с одной стороны, и постмодернизма, с другой. Модернизм — это родовое понятие. Как представляется, к модернизму относится, в сущности, любое произведение гения, поскольку оно утверждает, в конечном счете, новую систему ценностей, т.е. новую гармонию до тех пор, пока она не отвердела, не приобрела статус образца и канона. В этом плане модернистами (и авангардистами), несомненно, были и А. Рублев, и да Винчи, и А. С. Пушкин, и П. Сезанн, и ненавистный автору П. Пикассо. Постмодернизм — также родовое понятие, фиксирующее нечто, зародившееся в эпоху Ренессанса, но окончательно развернувшееся лишь в конце XX века. Начиная с возрожденческого гуманизма, ценность приобретает уже не Образ Божий в человеке, не единое (и высшее) в многообразии, упорядочивающее (т.е. гармонизирующее) это многообразие явлений, а именно многообразие, где каждое явление само по себе, безотносительно к чему-либо — становится абсолютной ценностью, поскольку уникально. Тем самым между гением и посредственностью уже нет никакой разницы. Плевок на асфальте и Джоконда для постмодернизма равноценны, поскольку неповторимы. Именно данная постмодернистская тенденция обусловила возникновение и существование науки как принципиально инокультурного явления. В культуре же невозможны никогда полное равноправие (эгалитаризм) и автономность явлений. Модернизм в узком смысле, провозглашающий революционные ло-

зунги и угрожающий нигилизмом, оказался не так страшен для классической культуры, как могло показаться сначала. Творения Пикассо, Модильяни, Матисса да и, наконец, Дали при всей их экстравагантности хорошо вписываются в одно пространство с шедеврами Гойи, Веласкеса, Рембрандта, прекрасно уживаются в музейных экспозициях с классическим наследием. Неужели А. Радашкевич этого не чувствует? Может быть, он имеет в виду не авангард, а постмодернизм, который действительно страшнее всего, и выступает против?

Воспринимая представленные в одной экспозиции в художественном музее кирпич и полотно Веласкеса или Вермеера, конечно, мы можем испытать шок. Но с другой стороны — устройство галерей современного искусства, где выставляются предметы, которые не имеют никакого отношения к искусству в его классическом понимании, также имеет свое оправдание.

Окружать себя прекрасными предметами — не означает обязательно способствовать прекрасному мышлению и воспитанию хорошего вкуса. Высокие духовные переживания могут вызвать любые вещи, а не только зачисленные в разряд шедевров. Поэтому когда А. Радашкевич утверждает, что «сердце не может сжаться от ноликов, квадратиков и полосочек», он слишком уж упрощает проблему. Дух, как известно, веет, где хочет, а не там, где ему положено находиться благовоспитанными ханжами. Это хорошо показывает М. Пруст в «Поисках утраченного времени». Только для обыденного сознания (и зависимой от данного сознания теоретической рефлексии), которое в данный момент и олицетворяет А. Радашкевич, кажется безусловным, что есть искусство и неискусство, что есть прекрасное и безобразное, что Гойя — это искусство, а Пикассо — неискусство. Бывает, что совершенно ничтожный предмет становится источником возвышенных чувств (вызывает сердечный трепет) и наоборот — заведомо «великое произведение» вызывает у своего «потребителя» противоположный эффект¹⁷, или вообще оставляет равнодушным. Потому что, как выразился однажды М. К. Мамардашвили, «в конце концов, все решается не где-то там, где заранее объявлено, кто есть кто, а непосредственно в той точке, где мы стоим — и движемся внутрь себя. Никакая сила внешних событий не решит наших проблем, если мы сами не ангажированы в их решение»¹⁸. У Николая Кузанского развивается представление о мире ином, трансцендентном миру опыта и в то же время пересекающимся с ним. Этот иной мир есть бесконечная сфера с центром в любой точке, а окружностью или окраиной нигде. Поэто-

¹⁷ Например, неожиданное восприятие А. Ф. Лосевым знаменитой «улыбки» Джоконды, которая становится для него и «мелкокорыстной», и «бесовской»: «Это не улыбка, — пишет он, — но хищная физиономия с холодными глазами и с отчетливым знанием беспомощности той жертвы, которой Джоконда хочет овладеть и в которой, кроме слабости, она рассчитывает еще на бессилие перед овладевшим ею скверным чувством» (Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. — М.: «Мысль», 1978, с. 427).

¹⁸ Мамардашвили М. К. Лекции о Прусте (психологическая топология пути). — М.: Ad Marginem, 1995, с. 54–55.

му если мы встали «на путь внутреннего труда», по его мнению, независимо от того, где мы и что перед нами (красивое, некрасивое, запах розы или мочи и т.п.), по законам этой сферы мы будем забрасываться в центр, где обитают истина, добро и красота¹⁹.

Живущий в евклидовском мире А. Радашкевич, впадая чуть ли не в истерику, констатирует: «Сейчас внутренняя «анти-Россия» даже придумала себе лозунг-перевертыш (как все, что они делают, обретает обратный знак, метку антихриста): «Пушкин — это наше ничто». Так ли уж все страшно, как представляется автору? По-видимому, нет пока повода для того, чтобы рвать на себе волосы. Антикультурная политика — это одно. Реальный культурный процесс — другое. А в этом вызывающем огульном уничтожении классических ценностей, которое имеет место в различные эпохи, как это ни парадоксально, есть тоже своя правда. Без поругания — нет святости, без тьмы — не было бы звезд. Противоположности, как известно, сходятся.

Как говорил Чаадаев, «прекрасная вещь — любовь к отечеству, но есть еще нечто более прекрасное — это любовь к истине»²⁰. И коли уже автор проговаривается о том, что любит заниматься любимым делом, ему следует руководствоваться все-таки истиной. Соответственно, безоговорочное предпочтение А. Радашкевичем отечественных писателей «золотого» века писателям иных народов и веков следует фундаментальнее.

В этой связи скажем несколько слов о демократии. Я полностью согласен с автором и готов подписаться под его тезисом: «в искусстве, в культуре, в литературе нет демократии». С точки зрения культуры — человека при произнесении этого слова «демократия» должен охватывать ужас. Народовластие — что это такое? Уважение каждого человека и учет его неотъемлемых прав? Значит, создание такой гибкой системы, которая устраивала бы и аристократа, и плебей, гения и дегенерата, богатого и бедного, святого и величайшего грешника, предоставляя им одинаковые права? Но все усилия по созданию демократической реальности приводят к тому, как это показал еще Ф. Ницше, что по видимости устанавливается диктатура посредственности, а в действительности — власть богатеев, плебеев, грешников, бездарей... То есть, если ставится задача построения системы равноправия, то будет реализоваться такой тип общества, где равноправием будет обладать, прежде всего, самое ничтожное, а все высшее, как раз, никаким равноправием, т. е. полнотой прав обладать не будет. Представьте себе, если внедрить эгалитаризм в мире живого — самым привилегированным «сословием» станут вирусы.

Приведу в этой связи несколько цитат из газеты «Завтра». «В войне смыслов, — пишет В. Галактионова, — давно одержал победу наглый перевертыш: мировая безграничная власть богатых именуется демократией

¹⁹ Там же, с. 56.

²⁰ Чаадаев П. Я. Сочинения. — М.: Правда, 1989. — С. 140.

— властью порабощенного народа. В нашем сегодняшнем государстве — государстве миллиардеров — Церковь просит милости для бедных людей. Дух антихристианства идет по жизни с идеологией рыночных наперсточников. Это идеология подмен, то есть — разрушения смыслов. С ее помощью Зло уже обрядилось в одежды Добра. И страждущая Россия должна просить его неутомимо: «О Зло! Ты ограбило меня для моего же блага. Завладевшее всем, смилуйся: пожертвуй на мое воскресенье. Ведь не можешь ты обойтись без России!» «Легко!» — скажет на это «доброе» Зло и купит очередной зарубежный футбольный клуб... Где вы видели бандитов, которые оборачивались бы на крики ограбленных? Но просят почти все. Актеры, режиссеры, писатели, журналисты — как же без денег развивать духовность? Полно, ни к чему она денежным мешкам». Деньги у них есть, как отмечает В. Галактионова, только на антидуховность: «на единосущное и соответственное Злу, потому как они — не враги себе, и платформа их — иная, прямо противоположная. <...> нет никакого коммерческого толка от издания высокопрофессиональной прозы и поэзии... Литературный разврат и идейное непотребство своего автора кормят до отвала. Такой автор любим издателями. Он — свой на экране, свой среди богатых, ибо осуществляет программу превращения человека в потребителя, в поглотителя товаров. А талантливый автор антагонистичен самой существующей системе. Он давно обречен на вымирание. И ему, работающему, даже тайной, глубоко законспирированной стипендии никто не предложит. Он — за народ, а значит — против диктатуры богатых...» Понятно, почему Пушкин, который «чувства добрые лирой пробуждал», вызывает ненависть. Причем ненависть двух противоположных, по видимости, лагерей. Этого, к сожалению, А. Радашкевич не замечает. Чувства добрые — это не сентиментальная расслабленность²¹, как может показаться, которая превращается в агрессивный вопль, когда возникает угроза благополучию и покою. Человек проверяется не только несчастьем, но и медными трубами благополучия. Как преобразился тот же сын Арбата Б. Окуджава в августе 1993, когда увидел в неприглядной неэстетизированной наготе народ. С ним уже знаменитый шестидесятник не то, что взяться за руки не пожелал, но даже понять не попытался. Потребовал синхронно с другими «мастерами культуры», купающимися в щедром государственном признании, «раздавить гадину»²². Чувства добрые..., а почему только чувства? Разве мысли, понятия, в конечном счете, не оцениваются добром? Еще в иерархии идей у Платона высшее место занимала идея блага. И чувства добрые не должны ласкать человека и потакать его

²¹ Именно сентиментальная расслабленность пронизывает все творчество Б. Окуджавы и так называемых «шестидесятников».

²² Эта цитата Вольтера использована демократами для другого «предмета». Не церкви, а народа.

слабостям²³. Наоборот — они должны жечь, как показывает Пушкин в «Пророке», сердца людей.

Рискуя вызвать негодование, предположу, что для русской культуры растет угроза еще и с другой стороны. Не со стороны тех, которые устраивают антипушкинские акции²⁴. А со стороны хорошо знакомых и даже любимых миллионами так называемых шестидесятников — сентименталистов и демократов. Как справедливо и пронизательно заметил композитор В. И. Мартынов «У России нет будущего, пока она слушает Высоцкого и Окуджаву».

Развенчание и снижение, или «опускание», есть, с одной стороны, политика бесов. С другой стороны, надо признать, что это и необходимый момент всякого творческого акта. Отечественные футуристы, в том числе В. В. Хлебников и В. В. Маяковский, так же, как описываемые А. Радашкевичем персонажи, непочтительно относились к кумиру, собираясь сбросить его вместе с другими классиками с корабля современности. Но манифесты оказались неосуществленными, и «вандалы» заняли почетные места в одном ряду с классиками. В этом плане упоминаемый А. Радашкевичем «шустряк», который «бросил в воду томик Пушкина с теплохода, якобы не зная, что с ним еще делать», в сущности, сделал то, что собирались осуществить еще футуристы.

«Косный культ», запрещающий вообще смертным касаться святыни, убивает ее еще быстрее. В искусстве и культуре в целом должна присутствовать Божественная ирония. Будда — это, с одной стороны, божество, культовая фигура, открывшая путь спасения. С другой стороны, когда монах заявляет: Будда — палочка для подтирки, это не означает, что он антибуддист, или атеист. Просто с помощью данного приема преодолевается замыливание святыни. Освежается ее восприятие. В той же мере периодически повторяющееся убийство тотема первобытными людьми являлось средством укрепления тождества с ним, следовательно, средством воссоздания целостности родового коллектива. От Будды и, простите, Пушкина, в отличие от А. Радашкевича, не убудет, если даже поступить по отношению к нему без должного пиетета. К Нему грязь не пристанет. Вызывает раздражение и то, что А. Радашкевич, выступая в качестве апологета Пушкина, в то же время не сказал ничего свежего и конкретного о Пушкине. Нет, ни одной мысли, ни одного наблюдения — только набор общих мест, банальностей. Как говорится, не дай Бог Пушкину иметь таких защитников. Такая простота в действиях, защищающих Пушкина, хуже воровства.

У Б. Брехта есть небольшая статья, которая называется «Освящение святотатства». В ней обсуждается проблема сохранения классических песен. И делается, на первый взгляд, странный вывод: «они продолжают свое существование лишь постольку, поскольку их грабят и кастрируют». «Даже

²³ Это прерогатива сатаны и его приспешников.

²⁴ Они, кстати, зачастую вызывают обратный ожидаемому эффект: привлекают к Пушкину, сбивают с него юбилейный глянец и позолоту, делают живым.

если их «только чтут», это способствует их оживлению; ибо не может человек что-нибудь чтить, не сохраняя для самого себя даже искаженных последствий этого почитания». Данный вывод имеет значение не только для драматургии. Он может быть распространен и применим в отношении любого произведения искусства. «Косный культ, — пишет Б. Брехт, — был бы для них губителен, — он похож на византийский церемониал, запрещавший придворным касаться царствующих особ; когда последние, находясь в состоянии царственного опьянения, падали в воду, никто их не спасал. Придворные, не желая быть преданными смерти, предоставляли им умереть».

«Мороз и солнце» – дни чудесные

24-26 ноября прошлого года в Новосибирске состоялся фестиваль поэзии «Мороз и солнце». Аудитории, где выступали участники фестиваля (областная библиотека, городская филармония, дома культуры и библиотеки районных центров), отнюдь не пустовали, скорее, наоборот. Значит, поэзия «не только жива, но и, слава Богу, развивается», как сказал гость фестиваля поэт из Санкт-Петербурга Виталий Дмитриев. И тем более приятно, что к этому причастны сибирские поэты, чьи стихи вызвали у именитой поэтессы Светланы Кековой «давно забытое чувство родства и восторга». И не только чувства. У поэта из Омска Олега Клишина прошедший праздник (а именно это в переводе с латыни означает «фестиваль») поэтического слова вызвал и глубокие мысли, заставив вспомнить Х. Ортегу-и-Гассета, Ж. Ренара и Э. Канетти, который писал, что «Быть поэтом способен лишь тот, кто обладает чувством ответственности». Именно так, ответственно, выходя порой за рамки фестиваля, пишет о нем А. Соколов, не терпящий дилетантизма в поэзии и считающий, что «до стои́нство состоявшегося фестиваля в его камерности».

Заметки о фестивале и поэзии²⁵

Фестиваль — это, безусловно, событие, оставившее неизгладимый след в памяти каждого из участников. И, надеюсь, в культурной жизни Новосибирска. Это, прежде всего, праздник для поэтов, которые имели возможность на несколько дней выключиться из рутины повседневной жизни, совершить «побег в обитель дальнюю трудов и чистых нег».

Что можно сказать о поэтах, участвовавших в мероприятиях фестиваля и украсивших его? Это созвездие имен. Эпически холодный языческий ориентализм с включениями расхлябанного и вычурного просторечного безумия Владимира Берязева. Его еще лет десять назад называли самым перспективным русским поэтом. На его счету роман в стихах, более двух десятков поэм, семь стихотворных сборников. Кроме того, очерки, эссе, выступления. Нельзя не выделить в общем хоре участников фестиваля пронзитель-

²⁵ Соколов А. Е. «Сибирские огни». 2008, № 2. – С. 164- 166.

ную лирику философствующего мистика Владимира Ярцева, выпустившего всего две, но явившиеся событиями, книжки. Тоска по глубине, ясности и искренности находит свое удовлетворение в его стихотворениях. На фоне печальной и отвратительной картины, поистине, ледникового периода в поэзии стихи В. Ярцева кажутся откровением, являются услугой души. На небосклоне фестиваля царил звезда русской поэзии Светлана Кекова, скрепившая пейзаж с натюрмортом в шелестящем времени, где богомолы сылятся обманутое слово натянуть на лоб, как капюшон, где висят на стенах связки мертвых рыб, у которых оскалены маленькие лица, и «страх растет как сатанинский гриб, и светится во тьме его грибница». Нельзя не сказать о другом именитом госте фестиваля. О вдохновенных петербургских и деревенских ламентациях, противоречащих мужественной внешности и красной рубашке обнимающего гитару мастера Виталия Дмитриева. Его поэзия — сплошная антиномия. У него еще существует «нараспашку живое». Он, обращаясь к себе, говорит: «еще не предвидишь, не знаешь, куда и зачем возлетишь, чьей кровью себя запятнаешь, чью душу безвинно спалишь». Но разве бывает так, что душу чужую спалишь и вины своей чувствовать не будешь? С одной стороны, миссия поэта — глаголом жечь сердца людей. С другой — неужели сам при этом останешься холодным? Разве можно обжечь чужую душу, если собственную не обожжешь или полностью не сожжешь? Наконец, удалось непосредственно познакомиться с замечательным поэтом из Омска Олегом Клишиным. У него поэтизируется обыденность, с которой перемешивается лагерная жизнь, где из очередного этапа выпадают подросток с цыплячьей шеей и двузачным сроком, и 76-летний арестант-бедолага, приглядывающийся к петле как средству возвращения домой. Это западносибирский Фидий, остающийся утром один на один с фактурой мира, где грязная посуда представляется грудой мрамора. Потрясали аудиторию стремительные и плотные, насыщенные визуальными и звуковыми метафорами стихи не так уж давно ставшего новосибирцем Сергея Самойленко. Невозможно было не внимать музыкальным и живописным аллюзиям в поэтических прозрениях вцепляющегося, как бульдог, мертвой хваткой в слово и выжимающего из него нектар смыслов, хрупкого, словно ваза из китайского фарфора, изысканного Станислава Михайлова. А рядом с ним вдохновенно читали юные, но с осанкой патриархов заклинатели духов языка, начиняющие свои взрывчатые тексты библейской, эллинской и средневековой мудростью Марина Акимова и Владимир Титов. Иностранцем явлением в живом симфоническом оркестре фестиваля смотрелись только отравившиеся скепсисом и иронией стихотворцы из «Новой Сибири»: деликатный Александр Ахавьев и брутальный Дмитрий Рябов.

Когда мы оказываемся в кругу «своих» — это, безусловно, счастье. Здесь тебя понимают с полуслова. Здесь достаточно нескольких строчек для того, чтобы безошибочно определить, кто перед тобой. Свой или чужой. Та-

лантливый или, к несчастью, бездарь. Потому что не нужно притворяться, не нужно метать бисер перед профанами. На фестивале познакомились и породнились новосибирские стихотворцы с дивной Светланой Кековой из Саратова, пронзительным Виталием Дмитриевым из Петербурга и странным лирическим Олегом Клишиным из Омска. Всего три гостя, а какой эффект. Но встреча оказалась полезной и в том смысле, что мы, новосибирские поэты, могли лучше узнать самих себя, свою истинную цену. Обнаружили, что не ниже, не слабее приезжих знаменитостей.

Интерес к фестивалю проявлялся, к сожалению, односторонний. Новосибирская поэтическая публика восприняла фестиваль прежде всего в качестве возможности показать себя миру. Неизвестные по редакционному телефону интересовались, прежде всего, можно ли будет самим почитать, предъявить миру свои тексты. Не послушать, а себя показать, хотя показывать-то, как свидетельствует опыт знакомства с ежегодными поэтическими марафонами, особенно нечего. Поэтическая публика оказалась нелюбопытна, равнодушна к чужому и высокому. А ведь действительно в Новосибирск приехал цвет российской поэзии. Разве встреча со Светланой Кековой — это не праздник, не чудо? Где еще представится возможность поговорить с живым свидетелем и участником легендарного «Московского времени» Виталием Дмитриевым? Поэтому на всех выступлениях, конечно, гости были на переднем плане. Им предоставлялось больше времени, чем местным авторам. Это нормально и естественно.

Почему мне трудно писать непосредственно о фестивале? Да потому, что невозможно быть свидетелем на празднике, т.е. глядеть на событие как бы со стороны, если ты сам активный участник, ты сам растворяешься в этом поэтическом волхвовании или токовании. Как описать событие, если ты находишься в состоянии самозабвения даже тогда, когда сам не читаешь. Процесс слушания — не пассивное восприятие информации. Это перевоплощение, в результате которого чужой текст становится и твоим собственным, когда «все во мне, и я во всем» (Ф. Тютчев) Если ты сам пребываешь в этом организме не в качестве перевариваемого и проходящего субстрата, а в качестве части и элемента этого целого. Жаль, что длилось это священнодействие всего несколько дней. У приезжих была возможность поехать по городам областного подчинения, побывать в Искитиме, Мошкове, Бердске, выступать, общаться с поэтической публикой. Вернулись они измученные, но счастливые. А местных поэтов ждали обычные дела, к которым приступали с горьким осадком.

Хорошо бы сделать этот фестиваль постоянным, выделить особую площадку, дворец для поэзии (или, но это уже мечта — целую провинцию в России, как Касталия из «Игры в бисер» Г. Гессе). Жаль, множество людей оказались лишены радости встречи с настоящими стихами. Ведь периодическая печать предлагает читателям в основном поэтические суррогаты.

В качестве выдающихся столица предлагает Кибириных и Приговых. Ну, как же тут не затосковать по истинной поэзии? Евтушенко, безусловно, именно свою поэзию считает «истинной»²⁶. Признает себя и других шестидесятников классиками и выделяет в качестве особого их достоинства гражданственность. В этой связи актуально перемещение поэтической площадки из пресыщенной Москвы в провинцию. Кто определяет литературную политику? Посмотрите на В. Ерофеева. Послушайте, о чем он говорит. А Соколин? Это же люди, заражающие все вокруг себя вирусами гнили.

С другой стороны, Е. Евтушенко одним из достоинств собственной поэзии считает гражданственность. То, чего лишены современные версификаторы, Гражданственность, по его мнению, необходима при любой системе. Если не будет гражданственности, тогда все системы рано или поздно станут тоталитарными²⁷. Однако Е. Евтушенко²⁸ будто не замечает, что есть различные типы гражданственности. Одно дело — служение конкретному политическому режиму, воспевание его. Пусть даже с элементами критики, но признание его в потенции в качестве лучшего и истинного. Другое — служение идее. Говорит он и о необходимости и важности возрождения больших поэтических выступлений, которые имели место во времена поэтического бума 60-х, когда поэты были настоящими «звездами». Но зададимся вопросом: а надо ли это? На наш взгляд, ни в коем случае. На стадионах место «Ласковому маю» и Кашпировскому. Представьте себе на стадионе Пушкина или Тютчева.

Состоявшийся фестиваль — это пробный камень. Надо все силы приложить, чтобы этот праздник повторялся ежегодно и расширял круг участников. Впрочем, последнее и не обязательно. Достоинство состоявшегося фестиваля именно в его камерности. Обидно, когда поэты количественно преобладают над слушателями. Хотя разве поэты не слушают друг друга? Безусловно, именно братья по цеху являются самыми взыскательными и чуткими потребителями стихов. Таким образом, поэтов никогда не бывает больше слушателей. Так же, как брадобреев не может быть никогда больше, чем людей. Пусть в дни фестиваля будут задействовано множество площадок. И не только в Новосибирске.

²⁶ Интересное обстоятельство. Если во времена Чаадаева критерием истины была красота, то в настоящее время критерием прекрасного и доброго становится истина.

²⁷ Антонова К. Интервью Евгений Евтушенко «Поэзия должна вернуться к людям» // Новые Известия, 10 декабря 2007 г.

²⁸ Как давно уже отмечено, в своем многоаспектном творчестве Евтушенко всегда умело балансировал на грани лояльности и оппозиционности.

О Геннадии Абольянине²⁹

Вспоминая о Геннадии Михайловиче Абольянине, невольно задумываешься о суетном и вечном, о низком и высоком. Ведь любая жизнь, кажущаяся издали прямой, целостной и строгой, преобразуется, как только начинаешь рассматривать ее в упор. В ней обнаруживаются такие дебри противоречий, несообразностей и двусмысленностей, что охватывает удивление и сомнение в самой ее возможности. Уж слишком фантастической она представляется, когда начинаешь смотреть на нее непредвзято. У Д. Гранина есть повесть «Эта странная жизнь» о замечательном биологе А. А. Любищеве. Жаль, что это название уже использовано. Может быть, с большим основанием его можно было бы применить в качестве заглавия для воспоминаний о Г. Абольянине, который прожил жизнь не менее странную, чем герой Д. Гранина. Почему же жизнь его представляется странной? И что значит «странный»? Странность в словарях определяется как необычность в поступках, во взглядах, вызывающая недоумение. Это о Г. Абольянине. У него было несколько ипостасей, которые в совокупности и представляли подлинное лицо этого человека.

Вечер в Новосибирской областной научной библиотеке, посвященный Г. Абольянину, Ю. В. Лихачева назвала «Рыцарь поэзии». Что значит быть рыцарем? Это значит служить бескорыстно высокому, не жалея себя, вплоть до самопожертвования. Монах — это не рыцарь, потому что удалился из мира. Рыцарь же остается в этом мире, но действует в нем в соответствии с законами иного, идеального мира. Можно ли быть рыцарем торговли? Безусловно, нет. Впрочем, если увлекает сам процесс обогащения... Важно другое. Вместо того чтобы делать карьеру, стремиться к материальному благополучию, Геннадий избирает другое поприще, которое не сулило ему славы, вызывало раздражение со стороны окружающих. Но самое главное — ему не было скучно. Он работал инженером, параллельно писал стихи, активно общался с живыми поэтами, но, кроме того, собирал и изучал творческое наследие Б. Пастернака, А. Ахматовой, М. Цветаевой и О. Мандельштама. А попутно и других авторов. Причем Г. Абольянин отдавал себе отчет, что на исследование каждого из этих великих поэтов не хватит всей жизни. И это не останавливало его. Как муравей он тащил в дом все, что попадало к нему по случаю, покупалось, дарилось, выменивалось и т.д. А в результате — бедность житейская при таком-то огромном богатстве собранного разными правдами и неправдами материала.

Но одно дело рыцарство как служение, в конечном счете, высшему — Богу. Другое — когда служишь четырем земным существам. Не сотвори себе кумира, говорит Библия. А когда кумир сотворен, да еще не один? Именно земное в их существовании может стать предметом собирательства.

²⁹ Соколов А. Е. Сибирские огни. 2010, № 3. — С. 155–162.

А вдохновение, как известно, не продается, как рукопись (А. С. Пушкин). Впрочем, оно и не покупается. Вдохновения и собирать невозможно, в отличие от плодов их...

Познакомились мы осенью 1964-го. Я тогда начинал учиться в Сибирском строительном институте. Полный надежд, веры в светлое будущее, одержимый юношеским мутным энтузиазмом. Все началось, когда студентом 1-го курса архитектурного факультета обнаружил сам (или кто-то из приятелей обратил мое внимание) на дверях редакции вузовской многотиражки с весьма многозначительным и невразумительным названием «Кадры стройкам» крошечное объявление. В нем говорилось, что такого-то числа и в такое-то время здесь состоится заседание литературного объединения. Слово сочетание «литературное объединение» звучало очень таинственно и авторитетно. Не кружок какой-нибудь, как в школе. Надо признать, что я к тому времени уже около двух лет писал стихи и считался первым поэтом двора дома № 8 по улице Фабричной. Правда, первые поэтические опыты случились много раньше и были довольно сомнительными. Помнится, будучи первоклассником, затратив неимоверное количество усилий и времени, я аккуратно переписал в тетрадку стихотворение М. Лермонтова «Белеет парус одинокий», после чего вышел с ней во двор, где без угрызений совести предъявил пацанам данное произведение как собственное творение. Надо признать, публика была не слишком просвещенной — никто не уличил меня в плагиате. Это первый и, надеюсь, единственный случай, когда я сознательно выдавал чужое за свое. С 8-го класса я уже регулярно читал журнал «Юность». Там в начале 60-х помещали свои произведения молодежные любимцы А. Вознесенский, Е. Евтушенко, Б. Ахмадулина, Р. Рождественский. И на газету «Кадры стройкам» обращал внимание, потому что там печатались стихи еще неизвестных мне В. Малышева и Н. Закусиной и других ныне давно забытых авторов.

Не верьте тем, кто говорит, что пишет для себя. Это кокетство и лицемерие. Каждому хочется представить свои произведения современникам и потомкам, каждый стремится к публичности. Жажда пусть не славы, но известности в пределах двора, класса, школы, района томит всех, занимающихся словесным рукоделием. Я пришел на первое заседание с волнением и ворохом своих виршей в школьной тетрадке. Кроме меня, еще человек 15 обоего пола набилось в общем-то небольшую комнатку на первом этаже главного корпуса. Были такие же молодые, как я, но присутствовали и субъекты уже далеко не студенческого возраста, но в то же время еще бодрые духом. Как позже выяснится, им не хватало заседаний литобъединения при редакции газеты «Молодость Сибири», проходящих раз в неделю, поэтому они собирались еще и в СИБСТРИНе, тем более что здесь учились несколько ярких поэтических дарований городского масштаба той поры. Это Валерий Малышев, Нелли Закусина и Сергей Донбай... Кроме местных

стихотворцев, сюда приходили регулярно Нина Грехова, Люда Семейкина, Иван Овчинников и Адольф Белопащенко из педагогического института. Почему-то именно из педагогического. В других вузах поэтические таланты или не расцветали, или просто пребывали в неизвестности. (Лишь в 1968 г. на лито обнаружился десант поэтов из НГУ в лице С. Ларченко, И. Бухбиндера и будущего знаменитого диссидента В. Делоне.) Кроме того, регулярно появлялись Геннадий Карпунин и второй Геннадий — Абольянин. Атмосфера была довольно свободная, благожелательная. Начинали читать стихи по кругу. Я каждый раз трепетал, когда очередь доходила до меня. Читал, заикаясь: при внешней развязности и спортивности был очень неуверенным и ранимым... Тут же начинался и обмен мнениями по поводу услышанного, проводился скоротечный анализ предъявленных текстов. Мне, как казалось тогда, доставалось сначала больше всех. Обрушивалась лавина едких критических замечаний. И рифмы хромают, и сравнения банальные, и размер не выдерживается... Оказывается, мало писать стихи, о них надо еще уметь говорить. Я не умел. Бормотал что-то нечленораздельное. Обижался, хотя и чувствовал: все упреки справедливы. Только Нина Грехова сказала о моих первых сочинениях что-то позитивное. «Стихи, конечно, слабые, — отметила она, — но, тем не менее, у них есть нечасто встречающееся качество: они не оставляют равнодушным, трогают, волнуют...» Кроме того, была замечена высокая насыщенность моих стихов метафорами. Раскритиковать-то раскритиковали, но чем-то я приглянулся старшим и более опытным стихотворцам, и через пару месяцев, которые для меня не прошли бесследно, меня пригласили на литобъединение при областной газете «Молодость Сибири» и вообще втянули в свою компанию. Это, безусловно, был уже другой, более высокий уровень. А надо признать, первые похвалы, которые вызвали мои еще откровенно слабые тексты, вскружили голову, и я заболел: начал жить одними стихами, совершенно забросив учебу, спорт, общение с друзьями во дворе. У меня возник другой круг общения, другие друзья, с которыми я не только отмечал праздники, но и встречался чуть ли не каждый день. И, в конце концов, грянул гром. Я оказался не в СИБСТРИНе и не в литературном институте, студенчество в котором мне пророчили, а был призван в Советскую армию.

Поэтическая жизнь в Новосибирске в 60-е была ключом. Местами повышенной концентрации ее были Главпочтамт и кафе «Снежинка». Стихи звучали везде: и в студенческих общежитиях, и в появившихся в эти годы молодежных кафе «Подснежник» и «Веснушка». Там тогда еще не властвовали духи общепита и коммерции. Там собирались студенты, и можно было провести долгий зимний вечер с бокалом сухого вина и чашкой кофе, дискутируя о чем угодно. В том числе и о надуманной, как стало очевидным сейчас, проблеме «физиков и лириков». Там читались свои и чужие стихи, и там никто не чувствовал себя изгоем из-за немодных брюк или башмаков.

Г. Абольянин на первых встречах поразил своей яркой индивидуальностью. Среднего роста. Худощавого, даже изящного телосложения. Смуглая кожа. Он был бы красив, если бы не нос и... брови. Брови у Геннадия вызывали удивление своей кустистостью и длиной. Поражали его прямые густые, всегда лоснящиеся, будто были смазаны маслом, иссиня черные волосы, в которых и к старости не было даже легкой примеси седины. Если не знать Геннадия, можно было подумать, что он их подкрашивает. Было в нем что-то аристократическое. Как известно, в русском высшем обществе имеется существенная примесь татарской крови, и я даже предположил сначала среди предков Геннадия какого-нибудь татарского мурзу. Об этом, мне показалось, свидетельствует и его красивая фамилия. Тогда я думал, что она довольно редкая, а сейчас не поленился заглянуть в Интернет. Абольяниных нашлось на удивление много. Геннадий родом из Астрахани. А там в начале минувшего века существовала Астраханская Народно-Монархическая партия, которая, как отмечается в одном из документов, создала особую комиссию по рыбным вопросам, среди членов которой был некто В. И. Абольянин. Комиссия работала с 28 января по 14 марта 1905 года. А вдруг этот В. И. Абольянин — не однофамилец, а родственник, может быть, даже дедушка нашего героя? Ариадна Эфрон, объясняя первоначально не очень радушный прием, оказанный Геннадию, когда он пытался завязать знакомство, отмечала: «...сыграла роль Ваша, ныне редко встречающаяся фамилия. Кстати, а не оканчивалась ли она у Ваших предков на “ов”? Я знала одного человека в Париже, носящего фамилию — Абольянинов, он был из волжских казаков». И Геннадий в примечаниях к письму пишет: «Мой прадед по отцу, действительно, носил фамилию Абольянинов и происходил из волжских казаков, но имеет ли он отношение к парижскому знакомому А. С. Эфрон, мне неизвестно».

В примечаниях к этому же письму А. Эфрон он пишет о своем, удивившем дочь М. Цветасовой, псевдониме «О’Бизонт». «Впрочем, псевдонимом, — пишет Г. Абольянин, — он может считаться лишь отчасти, поскольку О’Бизонт — девичья фамилия моей матери, ирландки по происхождению». В другом источнике сам Геннадий о себе пишет: «Я русский, хотя моя прабабушка еврейка, Сарра Давидовна Магидсон». Этот факт извлечен из письма Г. Абольянина в журнал «Лехайм», в котором он рассказывает о предотвращенном с его помощью налете местной шпаны на эвакуированных из западных областей в начале Великой Отечественной войны в Астрахань евреев³⁰.

Так что уже в детстве Абольянин отличался гуманистическими наклонностями. Значит, в Геннадии намешано много кровей: и волжских казаков, и ирландцев. Не обошлось и без евреев. Он был скромен, мало говорил,

³⁰ Вот как он сам пишет об этом: «Я стал размышлять, как помочь евреям. Рассказал все маме. Что делать? Может, обратиться в милицию? “Нет, — сказала мать, — я сообщу Учителю. Завтра утром пойдем на базар, ты постоишь в сторонке, а я расскажу”. — “А если подслушают из банды Окуня?” — “Я буду говорить по-немецки, — сказала мама. — Еврейский язык — идиш — на немецкой основе, Учитель должен знать идиш, а значит, и немецкий язык”. Так и было, как она сказала».

не способен был к употреблению соленых и крепких выражений, которыми порой злоупотреблял староста поэтического объединения В. Малышев. Не был таким эмоциональным, как Г. Карпунин и И. Овчинников. И к алкоголю относился сдержанно, не участвуя в регулярных попойках, осуществляемых после заседаний лито. И вообще находился как бы в тени. Я тогда еще не знал о его необыкновенном хобби, которому он посвятил свою жизнь. Стихи свои он никогда не читал, но был внимательным и взыскательным слушателем, хотя с анализом чужих стихов выступал очень редко. Друзья отзывались о нем хорошо и как о поэте. Я стихотворений его не помню, и сам Геннадий признается в биографических заметках, что писал стихи, но вовремя бросил, посвятив свободное время собирательству. Конечно, бросить писать стихи возможно, тем более, когда приходит сознание собственной несостоятельности, но окончательно излечиться от этой высокой болезни нельзя. Думаю, «бывших» поэтов нет... Все равно остается память об испытанной во время священных игр со словами радости. И хочется еще и еще переживать эти состояния. И мучает тоска, поскольку это уже необратимо. Источник вдохновения иссяк. Будто важный орган ампутировали, и через много лет после прекращения его функционирования нас преследуют фантомные боли. И злоба на себя и на «нормальных» людей растет, как на дрожжах. У Ф. Ницше есть очень мощное понятие «рессентимент» (ressentiment), которое в словарях определяется как проистекающая у слабых и обычных людей из чувства собственной неполноценности бессильная ненависть к благородным и превосходным. Я не хочу сказать, что Абольянину было свойственно это качество, заболевание (или порок). Но все же, все же... А как иначе можно объяснить его иногда вскипающую злость на весь мир. И прежде всего — тщательно скрываемую, но иногда просачивающуюся ненависть к более удачливым и, по-видимому, более одаренным, чем он, бывшим друзьям.

В Геннадии, который был старше меня на 14 лет, вероятно, заявляла о себе потребность в ученике, томила жажда быть наставником. Может быть, даже — рискну сделать предположение — хотелось почувствовать себя в роли отца и увидеть во мне сына. Собственных детей ему не пришлось иметь. Только он изо всех старших товарищей (моих ровесников в это время в литературном объединении не было) искал доверительного общения со мной. А. Плитченко в это время служил в ВМФ. Мне сейчас кажется, я ничем не выделялся из массы графоманов. Разве только молодостью, но этот недостаток быстро преодолевается с годами. Что же они во мне нашли?

Талант? Сомневаюсь, что корявые стихи тех лет обнаруживали в себе признаки литературного дарования. Да, были нетривиальные метафоры. И еще какая-то мутная словесная каша, свидетельствующая о моей податливости стихии языка. Я был коренным новосибирцем, а Геннадий лишь несколько лет как поселился в нашем городе, устроившись в один из проектных

институтов, и каким-то образом попав в литобъединение И. Фоянкова, где и познакомился с вышеперечисленными персонажами, быстро подружившись с ними. О себе он рассказывал очень мало.

Позже, когда я находился на военной службе, именно Г. Аболянин регулярно писал мне письма. Не по настроению, как Плитченко или Овчинников. А Карпунин, кажется, вообще не написал ни разу. Впрочем, я был неблагодарным и невнимательным собеседником. И не всегда отвечал вовремя. Тем более, что у солдата не много свободного времени. От Аболянина приходили всегда большие толстые конверты. Сослуживцы (в основном выходцы из рабоче-крестьянской среды, призванные из различных уголков СССР, к стихам относившиеся как к каким-то совершенно далеким от их жизни и ненужным безделушкам) с удивлением и даже завистью смотрели на меня. В глазах сквозило недоумение. Как можно всерьез относиться к стихам, читать их и тем более — писать. Родители присылали любимые газеты «Вечерний Новосибирск» и «Молодость Сибири», где в декабре 1965 г. были впервые напечатаны мои стихи. В письмах Геннадий не только сообщал о новостях в лито, но и присылал подборки стихотворений и знаменитые «синьки» с нелегальными, непечатными в официальных изданиях произведениями. Например, знаменитое «Письмо Есенину» Е. Евтушенко. Поэмы А. Вознесенского. Какая корысть была у Геннадия? Что интересного я мог ему рассказать о своей военной службе? А не было никакой корысти, просто он так хотел. Есть любовь к дальнему, и не важно, как относится к ее проявлениям адресат. Никакой благодарности в мире нет и не должно быть.

Постепенно переписка утасла. Прежде всего, по моей вине.

С начала 60-х Геннадий, по-видимому, круто меняет свою жизнь, посвящая свободное время (а порой, безусловно, и рабочее) собирательству материалов о, как он выражался, «моих» поэтах: Пастернак, Ахматова, Цветаева, потом — не в полную меру — Мандельштам. Вообще, он собирал все: книги, автографы, экслибрисы, значки, медали, открытки, конверты, марки, рекламки, пригласительные билеты и т. д. Собирательство — это, вероятно, реализация нерастраченного отцовского инстинкта. И Пастернак, и Ахматова, и Цветаева воспринимаются как дети, о которых надо заботиться, за которыми надо ухаживать... Многие вещи, связанные с увековечением памяти великих, мне непонятны, кажутся ненужными или даже безвкусными. Например, в своих заметках Аболянин с восторгом замечает, что на берегу Оки водружен камень с надписью «Здесь хотела бы лежать Марина Цветаева». Я прямо-таки содрогнулся, когда представил себе это зрелище. Человек пришел отдохнуть, насладиться пейзажем, и вдруг ему в глаза бросается эта надпись.

А с 1975 года Аболянин начал, по собственному признанию, заниматься просветительской деятельностью: проводить беседы, читать лекции о своих любимых поэтах в учебных и научно-исследовательских инсти-

туда, техникумах, школах, библиотеках. Все вечера закреплялись пригласительными билетами. На лекциях устраивались выставки портретов, фотографий, книг. С авторов, о которых рассказывалось, лишь недавно были сняты запреты, поэтому они были практически неизвестны широкой публике, с другой стороны, их имена уже были на слуху. Вот в эти годы мы встретились вновь и возобновили дружеское общение. Причем уже как бы на равных. Я в то время уже не был растерянным мальчиком, заболевшим стихами, а окончил вуз и после работы учителем в сельской школе по распределению начал преподавать философию в медицинском институте, а Геннадий, как уже было отмечено, активно занимался пропагандой своих любимых поэтов в городе. Каждый преподаватель вуза в эпоху застоя должен был, кроме основной учебной деятельности, заниматься коммунистическим воспитанием студентов. И в конце каждого учебного года отчитываться о проделанной в этом направлении работе. Понятно, насколько фальшивым и формализованным был этот процесс. Но надо было делать вид, в противном случае — лишишься работы. Для меня спасением от казенщины официальных мероприятий были вечера поэзии, с восторгом принимаемые студентами. Геннадий сам предложил мне в этом плане услуги, обещая устроить выставку книг и выступить с сообщением о жизни и творчестве кого-либо из своих избранников. Как сейчас помню, удалось успешно провести с Абольяниным пару таких мероприятий. У студентов и преподавателей медицинского института глаза загорелись, когда Абольянин разложил на специальном стенде все издания Б. Пастернака. Еще бы: было представлено более тысячи фотографий великого поэта. Геннадий, без преувеличения, знал о жизни своих кумиров все. Мы провели несколько подобных вечеров. Причем была наработана сама процедура. Я делал вступительное слово, представляя докладчика. Затем вступал Геннадий. Надо признать, держался перед аудиторией сначала он не очень уверенно. Но в процессе оживлялся, и речь его становилась плавной... Я периодически включался в разговор, следя за состоянием аудитории.

Он нес в себе трагедию. Какой человек смирится с участием собирателя? С участием тени знаменитостей? Да, Пастернак, да, Цветаева, да, Ахматова, буквально оккупировавшие его двухкомнатную хрущевку, заполнившие ее пространство от пола до потолка. «Как бы утверждая долговечность ахматовского стихотворения “Нас четверо”, — пишет И. Лиснянская в работе “Шкатулка с тройным дном”, — геодезист по специальности Геннадий Михайлович Абольянин, живущий в Новосибирске, в одной из двух комнат собрал четверых: Ахматову и Мандельштама, Пастернака и Цветаеву». У него есть даже экспромт по этому поводу.

На этих полках княжит Пастернак,
Ахматова державно государит,
Чуть поодаль — мятежный бивуак
Разбит Цветаевой, она здесь правит.

Везде, и тут, и там,
Здесь вольный дух витает,
И несравненный Осип Манделштам
На тех же полках обитает.

Но там еще находилось место и для огромной подборки книг по современной зарубежной научной фантастике. А были еще архивы, хранившиеся в подвале.

Собирательство предполагает общение со многими людьми. Ясно, что увлечение великими предъявляет высокие требования к субъекту, поэтому неординарность — отличительный признак многих адресатов Г. Абольянина. Одно перечисление занимает много места. И сам Абольянин признается: «В процессе этого “собрания” мне доводилось встречаться и беседовать с очень многими интересными для меня людьми, вот далеко не полный перечень их имен: Михаил Гаспаров и Сергей Аверинцев, Сергей Юрский и Иннокентий Смоктуновский, Андрей Синявский и Юлий Даниэль, Арсений Тарковский и Мария Петровых, Вера Звягинцева и Фаина Раневская, Семен Липкин и Инна Лиснянская, Булат Окуджава и Фазиль Искандер, Корней и Лидия Чуковские, Юрий Лотман и Вячеслав Иванов, Лев Копелев и Раиса Орлова, Фрида Вигдорова и Ника Глен, Лев Озеров и Виктор Боков, Рита Райт и Ада Шкодина, Анатолий Жигулин и Наум Коржавин, Евгений Рейн и Анатолий Найман, Варлам Шаламов и Надежда Манделштам, Геннадий Айги и Белла Ахмадулина, Павел Антокольский и Борис Чичибабин, Рюрик Ивнев и Алексей Крученых, Андрей Вознесенский и Евгений Евтушенко... Близкие друзья Марины Ивановны Цветаевой по Парижу: Алексей Рейснер и Владимир Сосинский, и многие, многие другие, которые внесли существенный вклад в мое собрание». Естественно, чтобы поддерживать даже переписку с этими многочисленными субъектами требуется время, требуется самопожертвование. Чрезвычайно интересна переписка Г. Абольянина с дочкой Марины Цветаевой Ариадной Эфрон и предварительные обстоятельства ее.

Была еще у Абольянина многолетняя странная и, на мой взгляд, необычная, в чем-то даже унижительная дружба с Булатом Окуджавой. Был еще архив литературного объединения при газете «Молодость Сибири». Где все это сейчас? Эти папки, эти полки, эти штабели текстов?

Смуглый от природы, а не от загара. Прекрасно сложенный. Худощавый. Без намека на животик. Он до последних лет выглядел очень молодо. Без единого седого волоса. Если б только не пагубная привычка к табаку. При этом, будучи всю жизнь стесненным в средствах, Геннадий курил самые дешевые и крепкие сигареты. Причем их разламывал пополам — чтобы одну сигарету тратить в два приема. Он стремился к тому, чтобы ни одна табачинка не пропала даром, поэтому докуривал сигареты до ногтей, которые были у него постоянно черно-желтыми. Это вносило диссонанс в его утонченный образ, казалось каким-то вульгарным мазком в благородном изображении. Как

сейчас вижу его на крыльце художественного музея на улице Свердлова, в любую погоду и в любое время года в неизменном полосатом черно-оранжевом свитерке, с сигареткой в кулаке. Обычно здесь мы и встречались. Сначала я составлял ему компанию, а позже, когда избавился от этой чреватой самыми пагубными последствиями привычки, терпеливо ждал, когда он досмолит свой сигаретный огрызок. Причем курил он как-то стыдливо. Прятал сигарету в кулаке. Не понятно почему. И вообще Геннадий вел себя во всех обстоятельствах чрезвычайно скромно. Должность, которую он занимал в музее, была ничтожна — рабочий, но влияние и авторитет, безусловно, не соответствовали его официальному положению. Обилие посетителей и визитеров вызывало недовольство и ревность у начальства. Но обязанности надо было выполнять. И больно было смотреть, как Аболянин, которому шестьдесят с изрядным гаком, вынужден покорно выполнять капризы начальников всех мастей. Подниматься из-за стола и брести для исполнения самых грязных и тяжелых дел. Перетаскивать и развешивать картины, обрамливать, снимать, убирать, упаковывать. И много другой утомительной и неблагодарной работы ложилось на его уже немолодые плечи. А ведь параллельно с данными грубыми занятиями у него в эти годы состоялись сотни встреч, выступлений на радио, появились публикации воспоминаний в литературных журналах. Тяжелая работа не способствовала комфорту души. Случился инсульт, неожиданно разбивший его. Позже, когда он несколько оправился, пришел в себя, объяснялся очень просто: перетрутился. Правда, нарушения речи остались до конца, прежнее состояние к нему не вернулось. И это несмотря на то, что Геннадий держал себя в форме. Каждое утро буквально истязал себя сорокаминутной зарядкой, обливаниями холодной водой и жестким массажем. После всех этих мероприятий он, по собственному признанию, чувствовал себя как тигр. И действительно он выглядел очень молодо. И с некоторым удовлетворением замечал, что жена моложе его на десять лет, а выглядит старше и постоянно лечится. Увы, глазил себя Геннадий.

Художественный музей (тогда называвшийся картинной галереей) в 90-е годы был центром культурной жизни Новосибирска. Здесь собирались не только художники, но и поэты и вся так называемая культурная общественность. Не только на выставки, устраиваемые неутомимым В. Назанским. Здесь проходили по пятницам литературные чтения. И просто междусобойчики, на которые стихийно собирались художники, литераторы, журналисты, ученые. Жаль, что это время минуло. И порядки в художественном музее ужесточились. И Назанский уехал в другой город, где ему предложили более достойное денежное содержание.

Трудно представить Аболянина ковыряющимся в земле на дачном участке. Не могу также вообразить его с внуками. Он был одержим одной страстью, удовлетворение которой вряд ли сделало его счастливым. Впрочем, как сказал В. Несмелов, «великое счастье человека состоит в том, что на этом свете он счастлив быть не может».

Особенностью Аболянина являлась абсолютная глухота к глубинным аспектам творчества его избранников. Геннадий, казалось, знал все о каждом дне их жизни. В памяти Аболянина систематически были представлены все, без исключения, связи, знакомства и встречи... Кто и где что сказал, какая реакция последовала и т. п. Но когда речь заходила о понимании, о художественных особенностях произведений любимых авторов, он обнаруживал неспособность к серьезному разговору.

Одной из слабостей Аболянина было желание любыми средствами сохраниться в истории, прежде всего в истории литературы. Он находил момент и деликатно просил посвятить ему стихотворение. Наверное, нет в Новосибирске близких к литературному процессу людей, которым бы было посвящено столько стихотворений, как Геннадию. И А. Плитченко, и Г. Карпунин, и В. Болотов, и даже я откликнулись на его просьбу.

В серии выступлений Аболянина перед аудиторией в Доме Цветаевой при областной библиотеке была особая тема. Его общение с известными поэтами и писателями. В этом общении, раз уж ты представляешь, так сказать, слабую и заинтересованную сторону, необходимо привлечь чем-то к себе внимание высокой стороны. А чем это можно сделать? Творческими продуктами (стихами, прозой, произведениями изобразительного и музыкального искусства). Или быть известным политиком. Наконец, меценатом. Ни то, ни другое, ни третье не относилось к Геннадию. Остается только одно — угождение, удовлетворение желаний, даже нечаянно высказанных, высоких друзей. Геннадий, по-видимому, испытывал радость большую, чем его клиентура, от собственных поступков. Он узнал, что жена Окуджавы коллекционирует кукол. В лепешку разбился, но достал где-то немецкую куклу начала XIX века. Причем в прекрасном состоянии. У самого Булата интересы были другие. Он собирал колокольчики, которые звенели под дугами лошадей в ямщицких тройках. И Геннадий вновь рыщет по стране в поисках этого уникального предмета и находит, а затем преподносит своему кумиру при очередной встрече как некую безделицу. А надо признать, к этим встречам он готовился порою в течение года.

Есть русская традиция — не являться в гости без подарка. Но некоторые гости уже сами себя воспринимают в качестве подарка, в свою очередь милостиво принимают подношения. Так и Окуджава привык постепенно к сувенирам от своего поклонника из Сибири. Охотно принимал его у себя в доме и даже брал с собой в ресторан ЦДЛ. А там, как известно, на входе требовалось предъявить членский билет Союза писателей СССР. Чтобы Геннадию не чинили препятствий, Окуджава представлял его как своего брата. Сходство между ними имело место. Аболянин, конечно, был на седьмом небе и с восторгом рассказывал в дальнейшем об этом не только в личных беседах, но и на публичных встречах.

Нет нужды здесь распространяться и доказывать важность миссии людей, подобных Аболянину, для истории культуры. Но мне всегда были

важны прежде всего тексты, а не фигуры авторов: я считал, что случайные биографии не имеют никакого отношения к творчеству великих. Их произведения есть самодостаточная и автономная реальность, которая сложилась, точнее, как подсказывает языковая интуиция, — родилась, как лейбницеvская монада, и стерла все следы своего происхождения. Поэтому маниакальные попытки понять, например, стихи путем анализа фактов биографии заранее обречены на неудачу. Не случайно и сами великие, когда заходит речь о происхождении их шедевров, склонны отрицать свое авторство, приписывая себе в лучшем случае функцию орудия какого-либо сверхординарного субъекта: демона, бога, музыки.

Еще одна сторона. Доброта и бескорыстие — редкие человеческие качества. Добрым ли человеком был Абольянин? Сложно ответить однозначно. По отношению ко мне, кажется, да. Никакой корысти я в его поступках не замечал. Меня даже грызла совесть, что, пользуясь его поддержкой и помощью, я ничем не мог ему ответить, кроме благодарности. Я однажды только сделал ему приятное — посвятил стихотворение, которое он сам выбрал из первого моего сборника «Спартаковский мост». Он давал мне редкие книжки и никогда не требовал их срочного возврата, и я не торопился — держал их у себя по несколько месяцев и даже лет. А литературные вечера, на которые он являлся с двумя тяжеленными чемоданами! Любое выступление с лекцией о Пастернаке, Цветаевой, Ахматовой сопровождалось обязательно выставкой изданий и фотографий этих авторов, которые, естественно, вызвали огромный интерес у аудитории.

И вот эта жизнь кончилась.

Сначала insult от перегрузки (негоже все-таки почти семидесятилетнему старику перемещать тяжести, как молодому). Жалко до слез было его, когда встретились в доме Цветаевой, и он, пожав руку, что-то хотел сказать мне, сился произнести какие-то слова, и ничего не получилось. Затем уже остановка сердца поставила точку в его существовании.

Каждому надо оправдать свою жизнь, связав ее с чем-то большим и высоким, а тем самым превзойти свой индивидуальный масштаб, свои пространство и время. Для верующего спасительную миссию выполняет религия. Но Геннадий, избежавший разговоров на религиозные темы, судя по всему, жил без Бога, поэтому бросился к поэзии как средству компенсации своего одиночества и заброшенности. Так уж случилось в России. В XIX веке функцию религии стала выполнять литература, писатели стали своеобразным клиром, связывающим своих прихожан с абсолютом. Отсюда и поклонение, раболепное отношение к ним...

Увы, в XXI веке подобного отношения к себе удостоиваются уже не писатели и поэты, а другие кумиры, кумиры тотально торжествующей массовой культуры...

(Предисловие к сборнику стихов С. Ларченко «Деревья без листьев»)³¹

Автор сборника стихотворений «Деревья...» — известный сибирский ученый. Доктор философских наук. Основная область исследований С. Ларченко — социальная философия, философия истории, методология общественных наук. Научное творчество его отображено в монографиях и коллективных трудах, а плоды литературных вдохновений до настоящего времени никогда и нигде не публиковались. Данная книга — первый опыт автора выхода на широкую читательскую аудиторию. Хотя тираж 400 экземпляров в достаточной мере скромный.

Поэзия для С. Ларченко больше, чем хобби. В конце 60-х, будучи студентом НГУ, С. Ларченко витийствовал в литературном объединении И. О. Фоянкова, принадлежа к одной, связанной общими творческими принципами интересами, группе с легендарным А. Маковским, И. Бухбиндером и, вероятно, с самым дерзким молодым пиитом, ставшим вскоре известным правозащитником, а позже эмигрантом В. Делоне. Об этом автор вспоминает в ностальгическом стихотворении «Хроническая память»:

Перчатку рапирой пришили к панели
Бухбиндер упрямо учился с похмелья,
И мутным пятном отражалась в окне
Застенчиво-строгая грусть Делоне.

После бурных 60-х (после «оттепели») С. Ларченко отходит от поэзии, жертвует ею, отдавая всего себя теоретической деятельности и преподаванию философии. Стихи пишет эпизодически, ситуативно. С ним случилось в это время может быть самое опасное, что может случиться с молодым автором — он выпал из поэтической тусовки. На мой взгляд, для человека, серьезно занятого версификацией, необходимо постоянно иметь рядом достойного собеседника-критика. Вот этого постоянного критического внимания С. Ларченко оказался лишен несколько десятилетий. И это сказалось на произведениях. Автор будто стесняется быть откровенным, прячет чувства под маской холодного циника и резонера. Но все-таки просачивается в стихах дух подлинности, свидетельствующий о таланте:

Зима была пустой надеждой —
Сожми последний снег. На свет,
Сквозь вмятины от пальцев, между
Пяти лучей — горит рассвет!

«Призмы»

Книжка «Деревья...», по признанию автора, содержит оригинальные стихи и переводы, созданные как много лет назад (цикл «Поезда» 1965 года), так и совсем свежие («Сюрреалистический сонет» и уже упоминаемое

³¹ Ларченко С. Деревья без листьев. Стихи. / Ред. В. М. Башунов, В. А. Берязев. Предисл. А. Сколов. — Новосибирск: ГУП СИПКП «Наука», 2004. — 96 с.

— «Хроническая память» 2004 г.). Это тексты, написанные рафинированным горожанином. С одной стороны, сложные, изощренные, абстрактные, умные. С другой — порой нарочито неуклюжие, бесхитростные.

Почти все стихи имеют названия. Часто весьма оригинальные. Например, «Каббалистический коллаж», «Призмы», «Членовоз», «Монодиалог» с эпиграфами из Сартра и Камю. Кажется: они порой нуждаются в дешифровке, поскольку напоминают не родившиеся спонтанно тексты — откровения, а специально сконструированные ребусы и кроссворды. А нужно ли это? Стихи оригинальны по своей организации. В них встречаются яркие, запоминающиеся образы. Особенно в ранних, которые кажутся более экспрессивными, красочными:

Лицо окна в испарине под утро

«Луна и сад»

Есть в них динамика и выразительность. Например, концовка в юношеском стихотворении «Поезда»:

В полутьме тишиной зачарованный,
Я вдыхаю дорожную гарь...
Мне мигнул, как окурок обжеванный,
Хвостового вагона фонарь.

В стихах С. Г. Ларченко нет следов воздействия литературного официоза. Он признается в том, что на него оказали в свое время влияние Е. Боратынский, И. Анненский, М. Волошин, ранний В. Маяковский. При этом они, безусловно, отличаются «лица необщим выраженьем», не похожи на дилетантские вирши самодеятельных авторов, сделаны вполне профессионально. Сказываются его неординарность, высокая литературная культура. Автор никогда не подгоняет свои тексты к расхожим стандартам, не приспособливается к вкусам потенциальных литературных редакторов. С. Ларченко совершенно независим от современных веяний литературной моды, не ориентируется на постмодерн, во многом традиционен. Книжка С. Ларченко заслуживает внимания и, безусловно, будет встречена и прочитана с большим интересом родными, многочисленными друзьями, коллегами и знакомыми автора. Надеюсь, выход сборника позволит автору пережить вторую поэтическую молодость.

Пока сердца для чести живы³²

(О выпускнике НЮИ В. Ткаченко)

Есть люди, которые излучают невидимое обаяние. В их присутствии как-то неудобно произносить дурные слова и совершать неблагоприятные поступки. В них заложена неискоренимая нравственная чистота. Мне повезло встретиться и подружиться с одним из таких людей. Это Валерий Степанович Ткаченко — выпускник Новосибирского факультета Свердловского юридического института 1973 года.

Талантливый человек талантлив во всем. В справедливости данной сентенции меня убедили многолетние и близкие отношения с Валерием Ткаченко. Полковник милиции в отставке, доцент, кандидат юридических наук, почетный сотрудник МВД Российской Федерации, прекрасный спортсмен, муж, отец...

Биография его может показаться в чем-то неоригинальной. Она типична для представителей послевоенного поколения. С одной стороны, это человек, который сделал себя сам. С другой, возможности для развития всегда предоставляются (или не предоставляются) обществом, зависят от социальных обстоятельств. В этом плане Ткаченко — сын своего народа и своей страны, который всегда чувствовал подлинную заботу государства о себе. Не баловали, но любили у нас в 60-е — 70-е годы детей послевоенного поколения.

Мой друг родился в Омске в 1945-м, здесь и провел детские годы с матерью и отчимом. После семилетки мальчишка с берегов Иртыша поступил в транспортный техникум. По распределению оказался в Новосибирске, где, собственно, и начал трудовой путь — с должности электромонтера 3-го разряда на энергоучастке Западно-Сибирской железной дороги. Отсюда был призван в Советскую Армию. Сюда вернулся после демобилизации. И поступил на заочное отделение в Свердловский юридический институт, на Новосибирский факультет. В 1973 году, получив диплома юриста, Ткаченко пробует себя на новом поприще. Вчерашний электромеханик становится следователем в прокуратуре Заельцовского района Новосибирска.

В детстве наш герой мечтал, как, наверное, любой мальчишка минувшей эпохи, о высоком, о служении народу, о подвиге во имя его. Позже эта мечта приобрела конкретные очертания, определила выбор профессии. Не случайно в сочинении, написанном на вступительных экзаменах в институт, молодой человек выбрал тему «Идейное содержание и художественные особенности рассказа М. Горького «Старуха Изергиль». «Образы, подобные Данко, — пишет он, — помогают стать нам чище и выше». Конечно, образ Данко не столь однозначен, как это представлялось абитуриенту. Но и сегодня, по прошествии многих лет, можно говорить, что идеализация этого

³² Соколов А. Е. В кн.: Современные проблемы юридической науки. / Ред. Л. П. Чумакова. — Новосибирск: РИЦ при Новосиб. отд. Союза писателей России, 2004. — С. 150–156.

персонажа, воплощающего представления А. М. Горького (находившегося одно время под явственным влиянием Ф. Ницше) о сверхчеловеке, вылилась не просто в дежурные, заученные слова «по случаю», но самым непосредственным образом повлияла на ценностные ориентиры Ткаченко, определившие в какой-то мере его дальнейшую жизнь.

Сейчас это утверждение покажется, может быть, наивным, смешным. Ведь средства массовой информации внедряют в сознание новый тип мировоззрения, где самоотверженности места не находится, но предполагается приоритетность у человека заботы о собственном благополучии.

За три года работы в прокуратуре молодой следователь сумел раскрыть несколько весьма сложных преступлений. Особый резонанс в городе и за его пределами получило дело насильника и убийцы Коноплева. Надо отметить, что в «застойные» времена подобные преступления были исключительными событиями. Великовозрастный ублюдок однажды заметил во дворе беспечно играющую в песочнице четырехлетнюю девочку. В голове его созрел чудовищный план. Коноплев уговорил девочку прокатиться на велосипеде. Дети доверчивы. Тем более малышка знала «доброго» дядю и, естественно, не могла заподозрить его ни в чем плохом. Тот усадил девочку на раму, сперва покружил по двору, затем увез в расположенную неподалеку березовую рощу. Там в безлюдном месте изнасиловал, а затем зверски убил беззащитного ребенка. Совершив преступление, Коноплев тщательно уничтожил все следы и как ни в чем не бывало вернулся в город, надеясь остаться безнаказанным. Следователь Ткаченко, которому было поручено провести расследование, кропотливо распутал весь клубок событий, восстановил в мельчайших деталях картину преступления, собрал неопровержимые улики и создал доказательную базу. Отыскал даже березку, с которой убийца наломал ветвей, чтобы прикрыть ими бездыханное тело несчастного ребенка. Как ни изворачивался Коноплев, под тяжестью неопровержимых улик вынужден был в конце концов признаться в содеянном. Преступник был приговорен судом к высшей мере социальной справедливости. За расследование данного дела Генеральный прокурор РСФСР наградил Ткаченко именным радиоприемником. В послужном списке следователя Ткаченко есть много других успешно завершенных сложных и запутанных дел, за которые он неоднократно получал благодарности и поощрения от начальства.

За сухими казенными строчками официальных отчетов, разрозненными воспоминаниями скрывается полноценная и богатая событиями жизнь в стабильной стране, о которой все чаще мы говорим с ностальгическими интонациями. У Валерия Степановича сложилась крепкая семья, родились дочь и сын. Жена Галина Васильевна под стать мужу. Красивая, добрая, гостеприимная. Их дом — двухкомнатная хрущевка — был всегда полон интересными людьми. Ночь-заполночь звучали гитарные переборы, звенела посуда, ткалось полотно остропроблемных разговоров... В этой атмосфере, несмотря на

шум, многолюдье и толчею, выросли прекрасные воспитанные дети. В 60-е годы отдельные квартиры у молодых еще были редкостью, большинство еще проживало либо с родителями, либо в коммуналках. Поэтому на никогда не гаснувший душевный огонек Ткаченко собирались люди из различных слоев бесклассового социалистического общества: студенты, ученые, инженеры, профессиональные спортсмены, рабочие. Им было интересно вместе. К этому поколению прилипло — как само собой разумеющееся — клеймо «шестидесятники». Хотя вряд ли возможно всех нас под одну гребенку — уж слишком разными мы были. Романтики, идеалисты, живущие по принципу «о, были б помыслы чисты!», и прагматики, ориентированные на карьеру — это лишь два полюса.

Новосибирск никогда не был провинциальным городом. И Ткаченко жил, если так можно выразиться, размашисто, широко (однако не на широкую ногу), успевая везде. Совмещал работу с учебой, много фотографировал, был отличным спортсменом (занимался подводным плаванием, альпинизмом, прекрасно играл в баскетбол, ходил на лыжах), подрабатывал много лет подряд ночным грузчиком в гастрономе неподалеку от дома. В эпоху тотального дефицита возможность регулярного получения свежего молока и сметаны дорогого стоила. Диву даешься, где он находил время еще много читать, ходить на курсы иностранных языков, учиться, учить и готовиться к научной работе. В 1976-м в жизни Ткаченко грянули перемены. Его, как уже опытного криминалиста пригласили на преподавательскую работу в Новосибирскую специальную среднюю школу милиции МВД СССР.

С этого момента начался новый виток его судьбы. Простой преподаватель школы милиции, методично, последовательно (при всем том отнюдь не будучи карьеристом), ступенька за ступенькой поднимался по профессиональной лестнице. В конце концов из бывшего следователя получился весьма неплохой начальник кафедры уголовного права и криминологии Сибирского юридического института МВД (г. Красноярск) и начальник заочного факультета этого же учебного заведения. И что бы ни делал Ткаченко, чем бы ни занимался, все исполняется им основательно, добросовестно, творчески. Включая строительство «роскошной» дачи в Мочище, которую он полностью — до последнего вбитого гвоздя — создал своими руками. К сожалению, радоваться и гордиться результатами своего титанического труда мастеру довелось недолго. Вскоре, в связи с переводом в другой город дачу пришлось продать.

Новые горизонты своих творческих возможностей Ткаченко неожиданно для самого себя раскрывает, когда начинается подготовка к защите кандидатской диссертации. Слишком долго он не решался взяться за эту тяжелую работу, тянул время. Тут многое мешало — и отсутствие честолюбия, и недооценка собственного творческого потенциала. Защита диссертации прошла успешно. Ее тема звучит так: «Уголовно-правовая охрана личности

сотрудников правоохранительных органов, обеспечивающих общественный порядок и общественную безопасность». Актуально и по сей день!

Но, надо отметить, все Ткаченко делает с большим запасом. Например, из 35 научных публикаций вполне могла бы состояться и докторская диссертация. Можно только сожалеть о том, что Валерий Степанович оставил активную научно-исследовательскую деятельность.

А впервые я увидел его в сентябре 1965 года в Железнодорожном райвоенкомате на собрании призывников. Там обратил внимание на слегка подвыпившего красивого парня с медленными плавными движениями, который немного опоздал и поэтому вынужден был выслушать внушение от военкома. Познакомились и близко сошлись уже в поезде, везущем пополнение из сибиряков в ракетную дивизию стратегических ракетных войск, разворачивающуюся в городке Державинский Целиноградской области Казахстана. Счастливая случайность — я оказался в одном купе с этим бровастым парнем, который искусно извлекал из случайно подвернувшейся под руку гитары песни Визбора, Окуджавы и других бардов. Настроение песен, созданных этими, тогда еще мало известными авторами, совпадало с состоянием душ девятнадцатилетних мальчишек, оторвавшихся от детства и вступающих в суровую взрослую жизнь. В какой-то степени мы все же ощущали себя потерянными поколением. Хрущевская «оттепель», которая была бы невозможной без XX съезда КПСС, «благополучно» прошла. Мы пели эти песни, пили дрянное вино, тайком купленное во время кратких стоянок на степных станциях, мимо которых шел наш эшелон, словно хотели отвлечься от сосущего чувства потерянности. Стояла чудная сухая солнечная погода, как это бывает в середине сентября. А за окном простирались убегающие назад бескрайние степи, уже тронутые осенней желтизной. Слово за слово, и вдруг оказалось, что многие вещи мы понимаем одинаково, что любим книги одних и тех же писателей. Так в прокуренном вагоне между нами и зародилось чувство близости, взаимопонимания, завязалась дружба, которой, слава Богу, вот уже почти сорок лет. И то обстоятельство, что мы давно уже живем в разных городах, нашей мужской дружбы не поколебало.

За годы, проведенные на срочной службе в ракетных войсках, мы, безусловно, возмужали. Сложилась и окрепли наши характеры. Но Валера Ткаченко, как я понимаю, изначально, с рождения, был «человеком со стержнем». Ему, в отличие от многих, не требовалось болезненных «ломок» и трансформаций. Этот парень уже обладал цельным характером. В то время, когда служили не два, как нынче, а три года, о неуставных отношениях в армии — свидетельствую — ровным счетом ничего не было слышно. По крайней мере, в нашей части отсутствовали бесчеловечное отношение и унижения, которые новобранцы испытывали бы со стороны старослужащих или некоторых землячеств. Явление, именуемое «дедовщиной», мы, как ни странно, получили уже в условиях безбрежной демократии. Конечно, и тогда существовали ри-

туалы и неписанные традиции, четко разделявшие солдат срочной службы на «молодых» (или «салаг») — первогодков, «фазанов», служащих второй год, и «стариков». Последними считались ветераны, «распечатавшие» третий год службы. В соответствии с армейскими обычаями солдат считался полноценным в рамках своего этапа службы, лишь после того как он получал «официальное» крещение. Процедура «посвящения» включала в себя символическое испытание, напоминающее обряд инициации: «молодой» становился «фазаном» в случае, если терпеливо выдерживал пять ударов стальной пряжкой солдатского ремня по ягодицам. Обычно роль экзекутора доставалась наиболее уважаемому старослужащему. Все это действие, представлявшееся своего рода театром и игрой, где все были одновременно участниками и зрителями, сопровождалось шутками, смехом и было мероприятием исключительно «разовым». И надо признать, не было никакого принуждения. Мы добровольно проходили через это. А вот Валере Ткаченко пройти через вроде бы обязательную для всех процедуру никто из старослужащих даже не посмел предложить. Он вообще в этих «играх» участия не принимал. И когда однажды, ситуативно, старший сержант (т. е. старший не только по сроку службы, но и по званию) назвал его «салагой», Ткаченко отвесил ему поновесную пощечину. И никаких последствий для Валерия это не имело. Хотя за непокорность в армии порой наказывают жестоко.

Ткаченко всегда кажется холодным, слегка отстраненным, независимым. И в то же время он абсолютно надежен в дружбе. С такими, как он, и в разведку, и в горы можно идти без колебаний. Поэтому его всегда окружают люди. К нему тянутся. Его дружбы взыскуют.

Когда задумываешься о природе феномена Ткаченко, приходишь к неоднозначным выводам. Бунин сказал однажды: «Не все ли равно, о ком говорить — заслуживает этого каждый из живших на земле...» Развивая мысль классика, можно отметить, что тем более заслуживает права быть запечатленным в слове тот, кто оказался не «каждым», кто выделился из массы, кто имеет заслуги перед собой, близкими, в конце концов, Отечеством земным и небесным. Ведь когда А. С. Пушкин писал: «Мой друг, отчизне посвятим души прекрасные порывы», — он, безусловно, имел в виду не только земную отчизну. То есть Николаевскую Россию 30-х годов XIX столетия. В самой главной христианской молитве мы к Господу обращаемся «Отче». Следовательно, главная отчизна наша у Него и Он. Следовательно, именно к Ней относится «посвящение» поэта. В пользу данной трактовки «отчизны» говорит и высказывание В. С. Соловьева о русской идее. Этот философ отмечает, что «...идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности»³³. У Пушкина в том же стихотворении есть очень важные и актуальные для современной постперестроечной эпохи слова о «свободе» и «чести» как особых состояниях, кото-

³³ Соловьев В. С. Смысл любви: Избр. произвед. — М.: Современник, 1991. — С. 42.

рые преходящи, поэтому следует спешить и служить нашей главной отчизне, пока это возможно, «пока свободою горим, пока сердца для чести живы». Потом будет поздно — поезд уйдет. Для меня Ткаченко всегда был и остается человеком чести.

Жизнь человека реализуется и регулируется тремя ориентирами, один из которых обычно доминирует. Это совесть, честь и польза. Соответственно выделяются люди совести, чести и пользы. В Новое время между ориентациями на совесть и на пользу в жизни людей образовалась пропасть: нет связи. Хочешь быть совестливым — иди в монастырь, разорвав связь с миром. Желаете наслаждаться всеми благами жизни — забудь о совести. Чего нет в этой культуре? Чести. Еще Высоцкий досадовал в своей песне, что «слово «честь» забыто». А «самостоянье» человека возможно ведь не на Боге, не на выгоде, а только на чести. Народ честной. Суд честной и Божий. Сознание обнаруживает качественные различия между Божьим и честным. А не Божьим и корыстным (сатанинским). На Бога надейся, но сам не плошай. «Не плошай» — не в смысле практичности только, преследования собственной выгоды, как обычно, на обыденном уровне понимается, а чести. Честь смолоду береги! — поучали в старые добрые времена подрастающих отроков и отроковиц.

С первого дня знакомства я сначала интуитивно, затем уже осознанно видел в Ткаченко именно человека чести, носителя столь редко встречающегося нынче качества. Он стал офицером милиции. Это не случайно. Именно русский офицерский корпус был, если так можно выразиться, заповедником и рассадником этой элитной и высокой рыцарской «заразы». Жизнь — за царя, персонифицировавшего государство, отечество, а честь — никому. Именно честью поступиться не может никогда настоящий русский офицер.

Люди чести, самоопределяющиеся и не подчиняющиеся автоматически ни природной, ни общественной необходимости, ненавистны во всех диктаторских и тоталитарных режимах. Но в той же мере люди этой высшей квалификации оказываются неудобны и в демократическом обществе, где властвует серая масса, где личности не требуются. Зато в цене личная преданность, клановая круговая порука. Этих качеств, хорошо оплачиваемых и востребованных, у Ткаченко как раз и нет. Может быть, поэтому и не сделал он большой карьеры. Как у классика сказано, «служить бы рад — прислуживаться тошно».

Ткаченко, вероятно, может считать себя счастливым. Хотя богатства не нажил, живет в скромной трехкомнатной панельной квартире, а его вишневой «девятке» уже более 20 лет. Выросли дети, появился замечательный внук Артем. И дочь, и сын пошли по стопам отца. Дочь Анна окончила высшую школу милиции, затем адъюнктуру, стала подполковником милиции, кандидатом юридических наук, доцентом. Преподает в Сибирском юридическом институте. Сын Илья также служит офицером в МВД, учится на заочном отделении в юридическом.

Известно, что основная деятельность Анатолия Соколова была связана не с литературным творчеством, а с философией и культурологией. Эти и смежные дисциплины он преподавал в вузах г. Новосибирска. Философия культуры, вопросы языка и творчества в контексте истории человечества были темами, интересовавшими его более всего, им он посвящал статьи в специализированных журналах и научных сборниках, на эту тему защитил кандидатскую диссертацию и готовил докторскую.

Философские работы А. Е. Соколова не находились в зоне внимания широкой читательской аудитории – ипостаси Соколова-поэта и Соколова-философа были известны в различных кругах общества, порой не пересекавшихся. (Что касается третьей – Соколова-художника, то она была предьявлена лишь узкому кругу друзей и близких, публичных выставок его работ, насколько мы знаем, не было). В то же время, знакомство с философскими воззрениями и предпочтениями Анатолия Соколова важно для понимания и адекватного восприятия его поэтического творчества, особенно позднего периода. Читатель уже мог обратить внимание на высокую насыщенность поэтических текстов Соколова терминами, понятиями, именами и событиями истории и культуры. Уверены, что многим читателям, не получившим классического гуманитарного образования, могли быть полезными некоторые пояснения к употреблявшимся в стихотворениях именам и понятиям, сам же Анатолий Соколов, по воспоминаниям друзей, был почему-то уверен, что всей читательской аудитории его аллюзии и восприятие мира понятны и близки. Надеемся, что знакомство с некоторыми философскими трудами А. Е. Соколова еще более сблизит мировосприятие поэта и читателей.

По понятным причинам мы не публикуем в настоящем сборнике полные тексты кандидатской диссертации, ограничившись ее авторефератом, а также 200-страничной книги «Проблемы духовной онтологии: язык культуры и творчества» – приводятся оглавление книги, предисловие и введение, из которых читатель сможет понять необходимость для себя более детального знакомства с книгой и обратиться к источнику.

Все философские работы представлены в хронологическом порядке.

Проблема происхождения мировоззрения¹

Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук.

Структура работы.

Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и списка литературы.

Основное содержание работы.

Во **введении** обосновывается актуальность темы, рассматривается степень ее исследованности, формулируются цель и задачи работы, показываются ее теоретические источники, научная новизна и практическая значимость.

Первая глава — «Методологические предпосылки исследования мировоззрения» — посвящена выяснению специфики мировоззрения как явления общественного сознания и анализу эвристических возможностей основных направлений в изучении его генезиса.

В **первом параграфе** предпринимается попытка выработки многопланового понимания мировоззрения в процессе рассмотрения его формы, предметного содержания и основной функции в жизнедеятельности социальных субъектов.

По форме мировоззрение считается либо системой предельно общих знаний (П. В. Копнин, В. Ф. Черноволенко), либо системой убеждений (Л. С. Богомолов, В. И. Добрынина, Т. И. Ойзерман, А. С. Тонких, Т. Б. Шуртакова), либо системой ценностей (И. Я. Лойфман), либо «абсолютной предельной нормой» (Э. Г. Юдин), либо особым образованием, включающим в себя разнообразные феномены: знания, взгляды, убеждения, идеалы, принципы, оценки, установки и т. п. (М. А. Селезнев, А. Г. Спиркин, В. Ф. Черноволенко, П. Н. Федосеев). Наиболее перспективной признается точка зрения, согласно которой мировоззрение по форме является убеждением. Разнообразие в определении убеждений актуализирует необходимость их классификации, в результате которой выделяются логико-теоретические, прагматические (ситуационные) и практические убеждения. Делается вывод, что мировоззрение по форме своего существования выступает в качестве практического убеждения социального субъекта.

¹ Соколов А. Е. Автореф. дисс. ... канд. филос. наук – Новосибирск: НГУ, 1984. – 16 с.

Предметом мировоззрения в литературе считается либо «мир в целом», либо отношение «человек — мир». Рассматривая обе исследовательских позиции, автор приходит к заключению, что предметное содержание мировоззрения в символическом виде являет социальному субъекту «мир в целом», или «мир как целое». В свою очередь отношение «человек — мир» составляет предметное содержание образования сознания, дополнительного по отношению к мировоззрению, которое обозначается понятием «картина мира». Если в картине мира оба члена данного отношения выступают в качестве противоположностей, то в мировоззрении они находятся в абсолютном тождестве (гармонии) друг с другом. Картина мира и мировоззрение представляют социальному субъекту его собственную жизнедеятельность в ее действительности и долженствовании (как идеал), относятся к регулятивной сфере сознания.

Отмечая распространенность позиции, согласно которой мировоззрение является полифункциональным феноменом, автор считает необходимым выделение главной его функции и предполагает, что оно предписывает социальному субъекту «конечную цель». Наличие данной цели, несмотря на ее неявный характер, делает осмысленной (оправданной) жизнедеятельность субъекта в его собственных глазах.

В заключение мировоззрение рассматривается как практическое убеждение социального субъекта, являющее ему идеальный образ жизни, осуществить который как «конечную цель» он стремится.

Во **втором параграфе** анализируются основные направления в исследовании происхождения мировоззрения и классификации исторических разновидностей (типов) данного явления сознания.

Наиболее распространенное из них полагает мировоззрение результатом предельного обобщения продуктов познавательной деятельности. По мнению диссертанта, данное направление основывается на методологической посылке: все явления сознания есть либо знания, либо производные от знаний образования. Учитывая, что познавательная деятельность и обобщение ее продуктов осуществляются в конечном счете индивидуальными субъектами (личностями), именно последним следует приписывать авторство всех исторических типов мировоззрения. Соответственно, в объективированном виде данные явления становятся компонентами специфических идеологий и через их посредство превращаются в достояние всех остальных членов общества. В качестве основных исторических типов мировоззрения исследователями выделяются мифологическое, религиозное, философское и, наконец, марксистско-ленинское или научное мировоззрения.

Признавая правомерность данной типологии, автор в то же время считает проблематичным полагание источником всех исторических типов мировоззрения познание как в его специализированной, так и неспециализированной формах. Заслуживает внимания намечаемое В. И. Шинкаруком рассмотре-

ние мировоззрения как результата практически-духовного освоения мира членами общества. Различная интерпретация современными исследователями понятия «практически-духовное освоение», введенного в обращение К. Марксом, актуализирует обращение к его наследию. Как выясняется, К. Маркс противопоставляет практически-духовное освоение мира его художественному, религиозно-духовному и философскому способам освоения. Результатом осуществления последних способов освоения выступает мир как «целое», но в специфической для каждого из них форме: созерцания, представления, понятия. Экскурс в классическую немецкую философию, в контексте которой впервые появляется понятие «мировоззрение» и систематически разрабатывается типология «исторических» вариантов данного феномена, приводит к заключению, что практически-духовное освоение, во-первых, является исторической предпосылкой художественного, религиозного и философского способов освоения мира, во-вторых, выступает их материальной основой, в-третьих, оказывается способом, который реально разрешает противоречия общественной жизни людей, явленные в картине мира, т. е. ликвидирует разрыв между мировоззрением (как идеалом) и действительной жизнью.

Развивается предположение, что с самого начала общественной истории материальная жизнь людей становится практически-духовной и подразделяется на практически-духовное производство и практически-духовное освоение. В оба вида материальной жизни членов общества непосредственно «вплетаются» специфические явления сознания: в практически-духовное производство — картина мира, в практически-духовное освоение — мировоззрение. При этом считается, что практически-духовное освоение вторично по отношению к практически-духовному производству.

Подводя итоги, автор отмечает, что из двух направлений в исследовании генезиса мировоззрения второе обладает большим эвристическим потенциалом, и выдвигает ряд аргументов против взгляда на мировоззрение как результат обобщения продуктов познания.

В **третьем параграфе** рассматриваются концепции генезиса мифологического мировоззрения, признаваемого первым историческим типом данного феномена, в связи с особенностями первобытного сознания.

По мнению группы исследователей, данное сознание включает в себя наряду с представлениями, верно отображающими объективную действительность, мифологические представления, оцениваемые в качестве иррациональных, фантастических, ошибочных. Другие авторы считают, что первобытное сознание было «сплошь» мифологическим. Анализ показывает: сторонники первой точки зрения считают «реалистические» представления, эмпирические по характеру, первичными по отношению к мифологическим, предполагая, что последние являются ошибочными результатами обобщения эмпирических знаний, которые осуществляют отдельные человеческие индивиды.

Подчеркивая ложный, иррациональный, фантастический характер мифологических представлений, ряд исследователей признает, тем не менее, что данные представления регулируют жизнедеятельность членов первобытных сообществ, обеспечивают ее общественную форму. Поскольку эмпирические представления (знания) не способны выполнять аналогичную функцию, напрашивается вывод: общественная жизнь людей является прямым или косвенным результатом их познавательной деятельности, способность к осуществлению которой предполагается с самого начала. Считая неправомерной точку зрения, из которой следует данный вывод, диссертант обращается к выяснению специфически мифологических представлений. На материале ряда источников показывается проблематичность применения для их характеристики понятия «представление» в современной его интерпретации. Тотемистические представления в буквальном смысле «сращены» со своими предметами, поэтому процесс оперирования данными представлениями совпадает с предметной деятельностью членов тотемистических общностей. Кажущееся естественным и безусловным для современного человека различие «внутреннего» и «внешнего» мира, мысли, слова и дела не свойственно человеку первобытной эпохи.

Обращается внимание на попытки считать мифологические представления следствием ограниченного характера практической деятельности первобытных людей, т. е. следствием их зависимости от законов природы и общества. Но в силу того, что сторонниками данной концепции ограниченность практики первобытных людей, их «социальная несвобода» ставятся в прямую связь с «ничтожным» объемом истинных знаний о природе и обществе, которыми они располагают, можно сделать заключение: природа мифологических представлений, по их мнению, познавательная.

В соответствии с другой анализируемой концепцией источником мифологических представлений выступают эмоциональные переживания людей первобытной эпохи: либо гипертрофированный страх перед «внешним миром», обусловленный особой психической конституцией (С. Н. Давиденков), либо угрызения совести сыновей-отцеубийц и осознание ими опасности взаимострелбления, побудившее к «изобретению» тотема и табу (З. Фрейд).

Чертами, общими для обеих рассмотренных концепций генезиса мифологических представлений (следовательно, и мифологического мировоззрения), являются: во-первых, полагание «авторами» данных представлений отдельных изначально сознательных индивидов, во-вторых, признание их случайно возникшими феноменами, в-третьих, анализ происхождения мифологических представлений в абстракции от общественных отношений, характерных для начала истории.

Во **второй главе** — «Формирование мировоззрения как социально детерминированный процесс» — проводится анализ генезиса и модификаций мировоззрения в контексте общественно-исторического процесса.

В первом параграфе актуализируется выяснение концептуальных оснований в познании природы мировоззрения как явления общественного сознания. Феноменологический характер сознания (и мировоззрения) обуславливает его познание путем исследования предмета, который не является сознанием, отличается от него. Рассмотрение ряда точек зрения на данную проблему приводит к заключению о перспективности полагания предметом в познании явлений сознания языка и о необходимости его рассмотрения в контексте общественно-исторического процесса.

Представителями классической немецкой философии выделяются различные исторические формы языка, которые обладают специфическими единицами и связаны друг с другом отношениями преемственности. Взгляды данных мыслителей в материалистически переработанном виде стали основой теории языка и сознания, развиваемой в рамках концепции общественной истории К. Марксом. В соответствии с ней предметом в познании сознания (и мировоззрения) выступает общество как ансамбль исторически сложившихся подсистем (базиса, надстройки, личности), в который вписывается жизнедеятельность конкретных людей. Сознание при этом рассматривается как абстракция, объединяющая в класс совокупность феноменологических образований, которые порождаются общественной жизнью людей и являются необходимыми средствами функционирования и развития ее подсистем. Посредствующим звеном между подсистемами общественного организма и специфическими явлениями сознания, как показывает анализ, служат различные знаковые системы («язык реальной жизни», язык надстройки, «язык мыслей»). Они, с одной стороны, выступают в качестве форм «наличного бытия» тех или иных подсистем общества для собственных агентов, с другой стороны, являются «действительностью» определенных явлений сознания. Таким образом, картина мира и мировоззрение, рассматриваемые в качестве средств, обеспечивающих функционирование исходной «клеточки» общественного организма и «вплетенных» в «язык реальной жизни», в процессе формирования надстройки и личности «переводятся» на языки, присущие данным подсистемам, и претерпевают определенные трансформации.

Предполагая, что такая подсистема, как личность, завершает процесс стихийного формирования структуры общества, автор считает, что язык, являющийся «действительностью» сознания личности, включает в себя, наряду с «языком мыслей» как своим специфическим знаковым комплексом, также «язык реальной жизни» и язык надстройки, но в сжатом, превращенном виде. Соответственно, картина мира и мировоззрение как феномены личностного сознания являются гетерогенными образованиями, определяются неповторимым контекстом жизнедеятельности конкретного человека в рамках исторически сложившегося общественного организма. Включенность человека в такую подсистему, как личность, конституирует позицию

субъекта по отношению к собственной жизнедеятельности, явленной как в ее действительности (картина мира), так и в ее должествовании (мировоззрение). Это дает возможность исследования и изменения данных образований сознания.

В заключение рассматриваются следствия завершения естественно-исторического процесса в капиталистической формации. К ним относится объективная иллюзия изначального разрыва между мышлением, речью и предметными действиями людей, которая обусловлена точкой зрения «обособленного одиночки», «натуралистически» противопоставляющего собственное сознание бытию, природе. Данная точка зрения, с одной стороны, является необходимым условием существования науки, с другой стороны, приводит к ограниченности параллельного исследования духовных явлений феноменологическими и естественнонаучными методами.

Во **втором параграфе** предпринимается попытка реконструкции формирования первого исторического типа мировоззрения и выяснения его специфических особенностей, анализируются факторы, обеспечивающие исторические трансформации данного феномена.

Считая сознание порождением производственного отношения между «природными общностями» людей и выделяя в качестве посредника между данным отношением и образованиями сознания специфическую знаковую систему («язык реальной жизни»), диссертант выясняет характерные черты этого, по выражению К. Маркса, «бараньего», «стадного» сознания. Агенты всех исторически складывающихся производственных отношений с необходимостью опосредуют потребление, в процессе которого происходит воспроизводство их физического существования и развитие, актами отчуждения тех «предметов», собственниками которых они являются. Благодаря этому опосредствованию воспроизводится любая историческая форма общества. Каждое производственное отношение (форма общества) представляется своим агентам в качестве отношения между внешними явлениями действительности. Товарно-капиталистическое производственное отношение в форме своего «наличного бытия», т. е. бытия для агентов, которыми являются отдельные индивиды, выступает как отношение между меновой и потребительной стоимостями. Производственное отношение, с которого начинается общественная история, являет себя «составным частям» своих коллективных агентов в виде отношения между тотемом и антитотемом. Делается вывод: явления сознания, порождаемые производственными отношениями, оказываются средством превращения материальной деятельности индивидов (при капитализме) и общностей (в первобытной формации) в собственную производительную силу. Они характеризуются в качестве картины мира.

Воспроизводство исходного исторического производственного отношения в расширенном масштабе обостряет противоречие между данным отношением как субъектом и его агентами. Увеличение объема действий, реали-

зующих «требования» со стороны формы общества, осуществляется за счет действий, воспроизводящих саму «жизнь» ее коллективных агентов. Соответственно, дальнейшее существование данных агентов становится проблематичным. Это специфически проявляется в картине мира, «вплетенной» непосредственно в материальную деятельность и материальное общение человеческих индивидов, которые являются «составными частями» агентов.

Когда отмеченное противоречие достигает апогея, происходит превращение природных коллективов людей из агентов в субъектов, которые практически-духовным способом осваивают форму «наличного бытия» производственного отношения. Тем самым, «изобретается» новый образ жизни первобытных общностей, являющийся дополнительным по отношению к практически-духовному производству.

Деятельность членов первобытной общности по освоению формы «наличного бытия» производственного отношения, в которое они включены, порождает специфическое явление сознания, рассматриваемое в качестве тотемистического мировоззрения. Оно непосредственно «вплетается» в специфический образ жизни, следовательно, существует лишь постольку, поскольку осуществляется. Это заключение иллюстрируется таким явлением, как тотемистическая трапеза, имеющим место в жизни всех народов, находящихся на первобытной стадии общественного развития.

Предполагается, что до неолитической революции в жизни первобытных общностей происходит чередование практически-духовного производства и практически-духовного освоения. Последнее разрешает противоречие между формой общества и его коллективными агентами, обостряющееся в ходе практически-духовного производства и выражающееся в картине мира.

Формирование в процессе истории надстройки и личности как подсистем общества и соответствующих им знаковых комплексов обуславливает «перевод» мифологического мировоззрения с «языка реальной жизни» на язык надстройки и «язык мыслей». В результате складываются религиозное и философское мировоззрения. Они существуют уже не в тождестве со своим осуществлением, а в качестве идеала противопоставляются действительной жизни социальных субъектов. В специфических для каждого из данных мировоззрений формах идеологии тождество идеала с действительностью предполагается в двух вариантах: для индивида — за пределами его физического существования, для человечества — в неопределенной перспективе истории, связываемой либо с моральным, либо с познавательным, либо с технологическим прогрессом. Вместе с тем фиксируется возможность переживания тождества идеала с действительностью (т. е. осуществления мировоззрения) в иллюзии, создаваемой средствами искусства. Только марксистско-ленинская философия, выделяя общественную практику, с одной стороны, в качестве источника противоречий общественной жизни людей, с другой стороны, как способ их разрешения, актуализирует проблему пере-

хода к образу жизни, реализующему тождество идеала и действительности в «эмпирическом бытии» (К. Маркс) ассоциированных личностей, т. е. коммунизму.

В **заключении** подводятся итоги исследования, формулируются выводы, намечается программа дальнейшего изучения происхождения мировоззрения и других проблем, выдвинутых в процессе работы.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Модель деятельности субъекта в структуре объекта познания. — В кн.: Моделирование научного исследования и обучения. — Новосибирск, 1981. — С. 13—17².

2. Проблема происхождения общественного сознания (особенности сознания первобытных людей). — Новосибирск, 1983. — 20 с. — Рукопись представлена ИИФиФ АН СССР Сибирского отделения. Депонирована в ИНИОН АН СССР от 31.03.1983 г., № 12570.

Трансформация мифологии в искусство как философско-культурологическая проблема³

Иногда круг источников, посвященных исследованию какой-либо проблемы, становится трудно обозримым, и, тем не менее, очевидно отсутствие перспективных в эвристическом плане, богатых по своим объяснительным возможностям подходов к ее решению. Нечто подобное происходит сейчас с проблемой происхождения искусства. Имеется довольно много работ, в которых прямо или косвенно она рассматривается, и в то же время нет никакой уверенности, что развиваемые в них подходы приведут к позитивным результатам. Вероятно, одним из способов преодоления сложившейся ситуации будет последовательный анализ генезиса искусства в контексте марксистско-ленинской концепции общественно-исторического процесса, в соответствии с которой «...самое обособление эстетического развития человечества в форму искусства... есть лишь исторически преходящая форма этого развития, в своих крайних выражениях характерная только для развитого товарно-капиталистического способа разделения труда»⁴.

Многими авторами признается существование генетической связи между мифологией и искусством. Но следует признать: отмеченная связь еще чрезвычайно редко становится предметом специального исследования, ис-

² Моделирование научного исследования и обучения : тезисы докладов и сообщений к науч.-практ. науковед. конф., 15–17 декабря 1981 г. / отв. за вып.: И. С. Ладенко, А. А. Третьяков. — Новосибирск, 1981. — 114 с.

³ Соколов А. Е. В кн.: Философские проблемы взаимодействия литературы и культуры: Межвузовский сб. науч. трудов. — Новосибирск: НГПИ, 1986. — С. 35–45.

⁴ Ильенков Э. В. Искусство и коммунистический идеал. — М.: Искусство, 1984, с. 214. См. также: Мамардашвили М. К. Классический и неклассический идеалы рациональности. — Тбилиси: Мецниереба, 1984. — С. 58.

пользующего средства философии и культурологии. А в результате имеют место ее различные понимания. В частности, как отмечает А. Л. Андреев, «использование мифологического материала искусством происходило в основном по линии заимствования и использования мифологических сюжетов, их аллегорического истолкования и переработки...»⁵. Данная концепция художественного «использования» мифологии, по мнению С. С. Аверинцева, с одной стороны, опирается на весьма почтенную историко-культурную традицию, а с другой стороны, обнаруживает свой ограниченный характер в свете тех новых подходов в анализе мифологии, которые предпринимаются в XIX и XX вв. В соответствии с ними констатация чисто внешней связи между мифологией и искусством, примером которой является сознательное заимствование субъектами мифов, т. е. сохранившихся в социальной памяти фантастических рассказов о богах, демонах, героях и т. п., оказывается недостаточной. «...Мифологичны, — пишет С. С. Аверинцев, — какие-то изначальные схемы представлений, которые ложатся в основу самых сложных художественных структур»⁶.

Оба понимания взаимоотношений между мифологией и искусством, из которых последнее, без сомнения, является более глубоким, но тем не менее нуждается в разработке, на наш взгляд, зафиксированы К. Марксом, рассматривавшим мифологию не только в качестве арсенала, но также и самой почвы искусства⁷. Чтобы выяснить, в каком смысле правомерно считать мифологию «почвой» искусства, обратимся к анализу ее специфических особенностей, имея в виду наиболее раннюю форму мифологических представлений. Ею является тотемизм, существовавший уже в эпоху верхнего палеолита⁸. В общем плане он определяется как вера людей в свою идентичность с тем или иным видом животных, растений, насекомых и т. п., которая объединяет их в коллектив.

Этнографические исследования показывают, что в различных жизненных ситуациях люди первобытной эпохи идентифицируют себя с различными явлениями внешней действительности, как с тотемом. Соответственно эти принципиально отличающиеся друг от друга животные, растения, люди выступают для членов тотемистических общностей в качестве одних и тех же. Совокупность явлений действительности, с которыми идентифицируют себя представители данных коллективов, составляет определенный класс. В то же время для них существует всегда другой класс явлений, противоположный по смыслу данному, от которого они себя отличают. Как замечает Л. Леви-Брюль, ощущение своей идентичности или «сопричастности» с яв-

⁵ Андреев А. Л. Место искусства в познании мира. — М.: Политиздат, 1980. — С. 171–172.

⁶ Аверинцев С. С. «Аналитическая психология» К.-Г. Юнга и закономерности творческой фантазии. — В кн.: О современной буржуазной эстетике. — М.: Искусство, 1972. — С. 116.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 12. — С. 736.

⁸ См.: Токарев С. Тотемизм. — В кн.: Краткий научно-атеистический словарь. — М.: Наука, 1969. — С. 687; Ляликов Д. Тотемизм. — В кн.: Философская энциклопедия. — М.: Сов. энцикл., 1970. Т. 5. — С. 250–251.

лениями одного класса для членов тотемистических кланов сопровождается «...ощущением и недифференцированным еще представлением несопричастности с существами и предметами, входящими в другие классы»⁹.

Класс явлений, каждое из которых дублирует тотем, находится под охраной табу, т. е. категорических запретов употреблять данные предметы для удовлетворения естественных потребностей. Причем табу для первобытного человека не существует в отрыве от тех животных, растений, людей, отношение к которым оно регламентирует. Если воспользоваться выражением К. Маркса, табу для них выступает «...как вещь... у которой определение формы становится неотличимым от ее природного существования»¹⁰. Нарушение табу автоматически вызывает смерть преступника. Функцию возмездия осуществляют не другие члены общности, а сам предмет, отмеченный печатью табу¹¹. В литературе признается способность табу к «заражению» явлений действительности, которые ранее могли использоваться членами тотемистических коллективов для удовлетворения своих потребностей. В результате они для воспроизводства своего физического существования и производства новой жизни вынуждены были обращаться к новым предметам, включать их и круг своей жизнедеятельности.

Но как свидетельствуют факты, в жизни каждой тотемистической общности периодически повторяются такие ситуации, когда нарушение табу не только допускается, а даже вменяется в ритуальную обязанность каждому ее члену¹². Данные события как бы выпадают из обычного (обыденного) существования первобытных людей и совпадают с переломными фазами природного круговорота. Можно предположить, что отмеченные ритуальные события, примером которых является так называемая «тотемистическая трапеза», выступают как особый образ жизни, качественно отличающийся от обыденного существования членов тотемистических общностей. Если в обыденном существовании окружающая первобытного человека действительность представляется разделенной на два класса, противоположных для него по смыслу, то тотемистическая трапеза приводит в тождество данные противоположности.

Абстрагируясь от дальнейшего рассмотрения особенностей мифологических представлений тотемистического типа, отметим проблематичность употребления для их характеристики понятия «представление». Представлением в современную эпоху считается мысленное воспроизведение индивидуальным субъектом в обобщенном виде и в идеальной форме того или иного предмета, существующего независимо от данного представления. Но

⁹ Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. – М.: Атеист, 1930. – С. 304.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 46, ч. 1. – С. 185.

¹¹ См.: Фрейд З. Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии. – М.; П.: Гиз, 1923. – С. 34.

¹² См.: Бородай Ю. М. К вопросу о социально-психологических аспектах происхождения первобытнородовой общины. – В кн.: Принцип историзма в познании социальных явлений. – М.: Наука, 1972. – С. 198.

очевидное для современного человека противопоставление представлений (сознания) их предметам оказывается глубоко чуждым для членов первобытных общностей: тотемистические представления в буквальном смысле «сращены» с предметами действительности. Поэтому оперирование данными представлениями предполагает предметные действия.

Фиксация «сраженности» духовных и материальных явлений в мифологии (или «слияния реального и идеального»¹³) позволяет, как будет показано в дальнейшем, понять, почему она является почвой, на которой произрастает искусство, но не самим искусством¹⁴. Хотя само обращение понятия «первобытное искусство» свидетельствует о соблазне рассматривать мифологические феномены, включенные в контекст современной эпохи, по аналогии с продуктами деятельности художника. Некорректность данной аналогии выясняется в процессе анализа природы мифологии.

Необходимо признать, что среди исследователей нет единства в понимании особенностей сознания людей первобытной эпохи. Одни предполагают данное сознание гетерогенным, т. е. включающим в себя наряду с представлениями, верно отображающими действительность, представления мифологического типа, которые оцениваются как иррациональные, фантастические, ошибочные. Например, по мнению Е. М. Мелетинского, «...«здравый смысл» в первобытных культурах в основном ограничивается эмпирическим уровнем, а мифология становится тотально господствующим способом глобального концептирования»¹⁵. Другие считают первобытное сознание сплошь мифологическим¹⁶.

Предположение о гетерогенности первобытного сознания приводит к необходимости объяснения: является ли сознание людей с самого начала двойственным, или один из уровней его возникает позднее, на определенной стадии развития первобытного общества. В этой связи намечаются два пути решения проблемы происхождения мифологии. А именно: последняя, с одной стороны, рассматривается в качестве ложного продукта духовной (познавательной) деятельности первобытных людей, способность к осуществлению которой с самого начала считается присущей им. Таким образом, представителей первобытной эпохи от наших современников отличает то, что тогда «...материальное производство и производство сознания осуществляются... одними и теми же людьми»¹⁷. С другой стороны, мифологические представления считаются следствием ограниченного характера практической деятельности в первобытную эпоху, зависимости людей от природы и

¹³ См.: Гулыга Л. В. Миф как философская проблема. – В кн.: Античная культура и современная наука. – М.: Наука, 1985. – С. 274.

¹⁴ См.: Каган М. С. Лекции по марксистско-ленинской эстетике. – Л.: Изд-во ЛГУ. – С. 246–247.

¹⁵ Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. – М.: Наука, 1976. – С. 163.

¹⁶ См.: Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. – М.: Наука, 1978. – С. 28.

¹⁷ Духовное производство: Социально-философский аспект проблемы духовной деятельности. – М.: Наука, 1981. – С. 164.

общества, их «социальной несвободы»¹⁸. Но в силу того, что низкий уровень развития практической деятельности первобытных людей, их «социальная несвобода» оказываются в прямой зависимости от ничтожного объема истинных знаний о природе и обществе, которыми располагают они¹⁹, и в этом случае источником мифологических представлений выступают те ошибки, которые совершаются ими в процессе обобщения эмпирических знаний.

Поскольку рассмотренная точка зрения не является убедительной, ряд исследователей пытается объяснить специфические особенности мифологических представлений с помощью понятий «перенос», «проекция». Как утверждает Е. М. Мелетинский, первобытный человек, отчетливо не выделявший себя из окружающего природного мира, «...переносил на природные объекты свои собственные свойства, приписывал им жизнь, человеческие страсти, сознательную целесообразную деятельность, возможность выступать в человекообразном физическом облике, иметь социальную организацию и т. п.»²⁰ Данная гипотеза восходит к З. Фрейду, полагавшему, что «...значительная доля мифологического мирозерцания представляет собой не что иное, как проецированную во внешний мир психологию»²¹. По его мнению, «...примитивный человек перенес во внешний мир структурные условия собственной души...»²², а в результате психическая реальность данного человека совпадает с внешней «фактической» реальностью. Причиной этого оказываются угрызения совести, испытываемые сыновьями-отцеубийцами, и их желание ликвидировать угрозу взаимоистребления, которое обусловило создание тотема (суррогата отца) и двух основных табу: запрета убийства тотема и сопричастных ему вещей и людей, а также запрета инцеста.

Так образуется класс явлений действительности, охраняемый табу. Противоположный класс, как считает З. Фрейд, возникает в результате проекции вытесненных в бессознательное влечений к табуированным предметам, присущих отдельным членам тотемистических общностей, на явления действительности, которые ранее не включались в их жизнедеятельность. Таким образом, драматическое столкновение между запретами убийства и инцеста и желаниями совершить данные действия, происходящее во внутреннем мире каждого первобытного человека, представляется последнему оппозицией между явлениями внешней действительности, относящимися к противоположным классам.

Намечаемое З. Фрейдом объяснение происхождения мифологических представлений тотемистического типа, с одной стороны, учитывает их специфические особенности, с другой стороны, вынуждено апеллировать в ко-

¹⁸ См.: Угринович Д. М. Сущность первобытной мифологии и тенденции ее эволюции // Вопросы философии, 1980, № 9. – С. 137.

¹⁹ См.: Семенов Ю. И. Как возникло человечество. – М.: Наука, 1966. – С. 351–353.

²⁰ Мелетинский Е. М. Указ. соч. – С. 164–165.

²¹ Фрейд З. Психопатология обыденной жизни. – М.: Госиздат, 1925. – С. 227.

²² Фрейд З. Тотем и табу. – С. 101–102.

нечном счете к отдельному человеческому индивиду, обладающему беспредпосылочной в социальном плане сознательной и бессознательной психикой. Впрочем, и другие рассмотренные выше гипотезы генезиса мифологии основываются на абстракции, в соответствии с которой уже в исходном пункте общественной истории находится обособленный одиночка, способный к интеллектуальному удвоению самого себя (в качестве «Я») и внешней материальной действительности, что является необходимой предпосылкой для познания, к рефлексии над собственной жизнедеятельностью, к различению мысленных, речевых и предметных действий. Естественно, с этой позиции мифология (следовательно, и искусство) есть не что иное, как случайно возникший феномен, как пустоцвет на живом дереве человеческого познания²³, не имеющий собственной сущности, а поэтому используемый в качестве средства решения познавательных, воспитательных и других задач.

Более продуктивным и соответствующим марксистской методологии анализа образований сознания, на наш взгляд, будет исследование происхождения мифологических представлений по логике, противоположной фрейдовской. А именно: следует считать данные представления не результатом сознательной и бессознательной проекции внутреннего мира отдельных человеческих индивидов на внешнюю по отношению к каждому из них действительность, но, наоборот, сам их внутренний мир — первоначально существующим в сращении с внешней действительностью и возникшим в результате предметного закрепления исходной исторической общественной формы обмена деятельностью, агентами которой являются природные общности людей²⁴. Так, собственно, может быть разрешена загадка происхождения мифологии.

В понимании мифологии К. Маркс опирался в какой-то мере на философию Ф. Шеллинга. Последний, сопоставляя греческую мифологию с христианской религией, достаточно корректно показывал, что в мифах еще нет противопоставления чувственного мира сверхчувственному (божественному). Природа для греков была непосредственно и сама по себе божественной, так как боги еще не выступали в качестве внеприродных и сверхприродных существ. А в христианском мире природа уже является не сама по себе, но лишь в качестве подобия «невидимого и духовного мира»²⁵. Рассмотрим, действием каких факторов К. Маркс объясняет обожествление природы. По его мнению, «...обожествление природы или это определенное отношение к природе обуславливается формой общества, и наоборот»²⁶. Если учесть, что под формой «общества» К. Маркс понимал производственные

²³ К сожалению, до настоящего времени распространена позиция, согласно которой все образования сознания есть либо знания, либо производные от них явления (См.: Демин М. В. Проблемы теории личности. — М.: Изд-во МГУ, 1977 — С. 167).

²⁴ См.: Мамардашвили М. К. Анализ сознания в работах Маркса. // Вопросы философии. 1968, № 6. — С. 19.

²⁵ Шеллинг Ф. В. Философия искусства. — М.: Мысль, 1966. — С. 136.

²⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 3. — С. 29.

отношения конкретно-исторического типа, приведенное высказывание может истолковываться так, что исходное историческое производственное отношение детерминирует характер отношения людей, включенных в него, к окружающим явлениям действительности, которое исследователь квалифицирует по аналогии с имеющим место в религии отношением людей к одному или множеству богов. Причем, как явствует из приведенной цитаты, форма общества, выступая в качестве причины обожествления природы, сама находится в обратной зависимости от последнего. Действия членов первобытных общностей, определяемые их отношением к явлениям окружающего мира, как к божествам, обуславливают существование (воспроизводство) данного производственного отношения.

Если внешние по отношению к каждому человеку данной эпохи животные, растения, люди и т. п. представляются ему в качестве богов, можно предположить, что собственные поступки человек должен считать не актами своего произвола, а приписывать внешним явлениям, персонифицирующим тотем и его противоположность. Исходя из посылки, что сознание с самого начала является общественным продуктом, необходимо исходную клеточку общественного организма (исходные производственные отношения) анализировать как генератор первичных феноменов сознания, которые считаются здесь мифологическими. Данные явления сознания выступают средством, порожденным производственными отношениями (одной из сторон специфического общественного способа производства) для собственной реализации и движения в деятельности людей. Как отмечает М. К. Мамардашвили, в исследовании сознания, являющегося звеном функционирования общественных структур, К. Маркс вообще отказывается от традиционного отношения «объект — субъект», «...показывая, что отношение социальных идей и представлений к реальному общественному бытию не есть отношение мысли субъекта к исследуемому ею объекту и что, следовательно, противопоставление «материального» и «духовного» в этом плане мало что может дать для понимания развития и смены культур, систем духовно-практического освоения человеком мира»²⁷.

Поведение животного и человека, воспитанного вне общества, детерминруется актуальной потребностью и выступает как процесс удовлетворения данной потребности, адаптированный к условиям внешней среды. Одним из элементов среды является для них сообщество (стадо, стая и т. п.), в которое они включены. Потребности актуализируют себя образами объектов, способных их удовлетворить²⁸. Но образ внешнего объекта не существует для животного и подобного ему по образу жизни человека, поскольку для него не существует образа его самого. Соответственно оно не может находиться в отношении к отношению между ним самим и внешним явлением

²⁷ Мамардашвили М. К. Анализ сознания в работах Маркса. — С. 22.

²⁸ См.: Поршнев В. Ф. О начале человеческой истории. — М.: Мысль, 1974. — С. 448–449.

действительности. В этом плане животное тождественно со своей жизнедеятельностью. Разрыв тождества со своей жизнедеятельностью у человека, являющегося составной частью члена первобытного производственного отношения, начинается, по-видимому, не с осознания наличия противоречия между ним самим и предметами внешней действительности, а с осознания собственной противоречивости (двойственности). К. Маркс, обращая внимание на первоначальное тождество человека с природой, отмечал, что разрыв человека с природой окончательно произошел «...лишь в форме отношения наемного труда и капитала»²⁹.

Осознание противоречия с самим собой (например, противоречия между стремлением к счастью и моральным долгом) человеком, стоящим на «вершине» стихийной истории общества, есть, по существу, акт мысленного или интеллектуального удвоения во «внутреннем плане» собственного двоякого существования. Это не означает, что с самого начала общественной истории он обладал данной способностью. К. Маркс различал интеллектуальное и реальное удвоение человеком самого себя, считая при этом последнее исторической предпосылкой первого. По его мнению, опредмечивание родовых, т. е. общественной жизни людей в предметах их труда и общения приводит к тому, что человек может созерцать «...самого себя в созданном им мире»³⁰. Причем он созерцает себя самого, как в зеркале, во внешней общественной действительности не в качестве особенного обособленного одиночки. К. Маркс показывает, что человек как особенная автономная индивидуальность только в обществе свободной конкуренции выделяется из «...определенного ограниченного человеческого конгломерата»³¹. На предшествующих стадиях истории человек всецело принадлежит родовым, родовым, племенным, полисным, сословно-корпоративным и т. п. типам общностей и, соответственно, в качестве их составной части включается в специфические производственные отношения. Вследствие этого в начале истории явления окружающей человека действительности, благодаря своим сверхчувственным или общественным определениям, становятся, с одной стороны, по выражению К. Маркса, «для него формой проявления рода «человек»,³² а с другой стороны, как можно предположить, формой проявления рода «вещь», подразделяясь на два класса, и выступают как тождества общего и особенного. Так, вероятно, формируется такое явление первобытного сознания, как тотемистическая картина мира, т. е. отношение, членами которого выступают тотем и антитотем.

Но человек в данном случае не находится в отношении к тотемистической картине мира как субъект воли к двоякой ее определенности. Он срощен непосредственно с предметами, персонифицирующими данные противоположные определения, идентифицирует себя с ними, совершая те или иные действия.

²⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 46, ч. 1. – С. 478.

³⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. – М.: Госполитиздат, 1956. – С. 566.

³¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 46, ч. 1. – С. 17.

³² Там же. Т. 23. – С. 62.

Поэтому борьба между противоположными определениями воли человека (и их единство), к которой он не может относиться как наблюдатель и субъект в последней инстанции, совпадает с той борьбой, которую он ведет с внешней материальной действительностью³³. Следует отметить, что взаимодействие человека с силами природы в первобытную эпоху еще не становится предметом сознания, не осознается, поскольку для этого требуются средства, сформировавшиеся на более поздних стадиях общественной истории.

Возникновение данных средств и является необходимым условием для превращения мифологии в искусство. Предваряя предстоящий анализ, который должен показать, что искусство наследует от мифологии самое важное: возможность инсценирования в разнообразном чувственном материале всего комплекса возможных и действительных противоречий, пронизывающих жизнедеятельность человечества, а также результатов их разрешения, рассмотрим в общем плане картину исторического процесса.

Общественное развитие осуществляется, с одной стороны, как смена экономических базисов, каждый из которых определяет тип конкретно-исторического общественного организма, с другой стороны, как развитие самой структуры общественного целого, т. е. как «надстраивание» над экономической подсистемой новых, уже вторичных подсистем, определяемых первой и относительно самостоятельных по отношению к ней. Каждая из подсистем общества, включая и базисную, предполагает специфические отношения между людьми, деятельность последних, опосредуемую данными отношениями, и феномены сознания, являющиеся средствами определения отмеченными отношениями деятельности людей (и наоборот). При этом особая роль в функционировании подсистем общества принадлежит знаковым системам (языкам), которые, как отмечал К. Маркс, могут рассматриваться в качестве форм «наличного бытия» конкретных общественных отношений, т. е. их бытия для собственных агентов (и субъектов)³⁴. Но это лишь один аспект анализа упомянутых знаковых систем, находящихся в преемственной связи друг с другом. Другой состоит в том, что они еще являются непосредственной действительностью определенных феноменов сознания³⁵.

Необходимо признать: выделение знаковых систем как различных исторических форм языка, которые обладают специфическими единицами и связаны отношениями преемственности, является заслугой представителей классической немецкой философии. Они обнаружили недостаток, присущий представлениям о языке у своих предшественников и заключающийся в попытках понять специфику языка, опираясь «...на психологически изолиро-

³³ Факты, говорящие о сплошной овнешненности внутреннего мира человека античной эпохи и о происходящем в последующие исторические эпохи разделения внутреннего и внешнего миров, рассматриваются М. М. Бахтиным (См.: Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Худ. лит., 1975. – С. 283–286).

³⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 46, ч. 1. – С. 479.

³⁵ Там же. Т. 3. – С. 29, 448.

ванную человеческую природу, в то время как он (язык. — А. С.) становится понятным, лишь поскольку исходят из всего универсума в целом»³⁶. На наш взгляд, концепция исторических форм языка, разработанная Шеллингом и Гегелем, в материалистически переосмысленном виде получила выражение в трудах К. Маркса.

Пределом стихийного развития общества является капиталистическая общественно-экономическая формация. В данную эпоху происходит окончательное формирование своеобразного микрокосма всего общественного организма — личности. Включение конкретного человека в эту подсистему обеспечивает позицию наблюдателя по отношению к самому себе, как агенту (и субъекту) всех остальных подсистем общества (базисной, надстроечной), следовательно, позволяет исследовать данные образования, абстрагируя их из контекста собственной индивидуально-неповторимой жизнедеятельности, где они даны в спутанном, превращенном виде.

Образование личности создает опасность полагания ее в качестве исходного пункта и причины возникновения всех подсистем общества и даже природы. Существование объективно- и субъективно-идеалистических направлений в философии свидетельствует о том, что многие мыслители не избежали ее. Дело в том, что язык, являющийся действительностью сознания личности, представляет собой гетерогенное образование, поскольку содержит в себе, наряду с «языком мыслей» как своим специфическим знаковым комплексом, также «язык реальной жизни» и язык надстройки, обеспечивающие функционирование базисной и надстроечной подсистем общества, но в снятом, преобразованном варианте. Поэтому именно в данную эпоху формируется признак *homo sapiens* как сущности с готовым набором потребностей и способностей, которые, как предполагается, лишь дифференцируются и возводятся в степень в ходе общественного развития. Влияние данного признака отчетливо проявляется в рассмотренных выше гипотезах происхождения мифологических представлений, а также в исследовании генезиса искусства, связываемого с формированием так называемого «художественно-образного мышления»³⁷.

Как показывает опыт этнографических, историко-культурных и семиотических работ, превращение мифологии в искусство не означает ее смерти. В модифицированном виде мифологический элемент присутствует в любом явлении искусства. В результате обособления одной из морфологических разновидностей языка реальной жизни, составляющего действительность мифологического сознания и существующего параллельно не только в словесной, но также вещной и действенной формах³⁸, образуются язык надстройки и редуцированный вариант последнего — язык мыслей. При этом, поскольку вторичный язык, выделившись из первичного, функционирует

³⁶ Шеллинг Ф. В. Указ. соч. — С. 189.

³⁷ Каган М. С. Указ. соч. — С. 245.

³⁸ Фрейденоберг О. М. Указ. соч. — С. 62.

наряду с ним, следует предположить перевод феноменов мифологического сознания, вплетенных в «язык реальной жизни»³⁹, на язык идейного обращения и вообще мышления. Соответственно, в составе единиц последнего вместе со схемами, аллегориями и образами обращаются символы, являющиеся специфической и единственной единицей первичного языка. Отсюда нельзя полностью согласиться с тем, что в мифологии и искусстве используется один и тот же тип отражения, только в первой — бессознательно, а во втором — сознательно, общественными индивидами⁴⁰.

Как замечает А. Валлон, «...в эпоху мифов практическая жизнь человека уже подчинялась законам причинности, гораздо более соответствующей природе предметов, чем это можно было бы предположить по их верованиям. Но это подчинение условиям среды отмечается также и в поведении самого элементарного животного. Его существование нельзя себе представить, если структура его органов или его актов не соответствовала бы законам вселенной. Приспособиться к ней... или исчезнуть — такова альтернатива, от которой не может уклониться ни одно существо. Но осознать эти законы и использовать их через посредство познания — это значит оставить план простого соответствия, контролируемого подбором»⁴¹.

Только в искусстве приобретает определенное значение сознательное отражение как способ получения содержания. Но в силу существования закона, в соответствии с которым «настоящая тайна искусства... заключается в том, чтобы формой уничтожить содержание...»⁴², и в нем оно не является основополагающим моментом. Чем дальше мы удаляемся от искусства к мифологии, тем большее значение имеет формальный момент. По мнению К. Леви-Строса, смысл мифа определяется не отдельными элементами, входящими в его состав, а тем «...способом, которым эти элементы комбинируются»⁴³.

Образование человека и генезис культуры⁴⁴

Образование (и воспитание⁴⁵) правомерно будет отнести к самой важной области человеческой деятельности, поскольку оно образовывает, производит самого человека средствами культуры из того материала, который предоставляет ему природа. В то же время без образования как постоянного производителя человеческого фактора культура обречена на смерть. Но образование еще интересно и тем, что в какой-то мере постоянно на каждом

³⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 3. — С. 24.

⁴⁰ Аверинцев С. С. Мифы. — В кн.: Краткая литературная энциклопедия. — М.: Сов. энцикл., 1967. Т. 4. — С. 877.

⁴¹ Валлон А. От действия к мысли. — М.; Иностран. лит., 1956. — С. 120.

⁴² Цит. по: Выготский Л. С. Психология искусства. — М.: Искусство, 1968. — С. 273.

⁴³ Леви-Строс К. Структурная антропология. — М.: Наука, 1983 — С. 187, 182.

⁴⁴ Соколов А. Е. // Философия образования. — 2003, № 7. — С. 242–252.

⁴⁵ В данном контексте понятия «образование» и «воспитание» не различаются.

своим агентом моделирует генезис культуры вообще. Рассмотрение отмеченных аспектов образования и предпринимается в данной статье. Культура вообще существует, поскольку люди воспроизводят ее в качестве системы образцов поведения. Субстанцией культуры является живая человеческая деятельность. Ее агенты (и субъекты) постоянно обновляются и, не обладая генетическим способом наследования приобретенных при жизни признаков и качеств, должны в свернутом виде освоить не только наличный уровень культурных достижений, но и невольно ее историю, т. е. сама программа образования всегда стихийно строится с учетом того, что человек и со стороны своего биологического материала есть развивающееся существо.

Образовывать (осуществлять образование), значит, руководствуясь представлениями о том, что надо образовать и из чего, творить человека в соответствии с определенным образом. Следовательно, признается, что человек от природы не обладает необходимыми для жизни в качестве человека качествами. У человека нет собственного образа, у него необходимо этот образ сформировать. И этот образ формируется из «социально значимого опыта человечества», т. е. культуры. Иначе говоря, материалу в лице человека посредством системы специальных действий придается отсутствующий у него образ, форма, а тем самым определяется и его содержание. Степень образованности или культурности человека в данном случае можно определить по объему освоенных им образцов, способностью к их адекватному репродуцированию и трансцендированию. В докультурном своем состоянии, если судить по новорожденным, он оказывается еще «недоделанным», безобразным, несформированным. Дети рождаются как бы со «стертыми» генетическими программами поведения, а это обуславливает их удивительную пластичность. Невозможно вообразить, чтобы ягненок был воспитан в волчьей стае. И, наоборот, — чтобы волчонок адаптировался к жизни в овечьем стаде. Исследователями описаны далеко не единичные случаи воспитания детей волками и пребывания человеческих отпрысков в стаде овец. То, чем становится человек, определяется не генетической программой в основном, как у животных, а конкретными культурными условиями его жизни и, самое главное, — его собственной активностью. Образование есть освоение определенных традиций и специальными государственными и иными институтами, а также и стихийно приобретенных культурных стандартов поведения, являющееся условием культурного, т. е. человеческого существования. В идеале, который стихийно вырабатывается самосознанием культуры, вся человеческая жизнедеятельность должна носить репродуктивный характер. Единственное оправдание оригинальных и творческих действий — неполнота опыта, опредмеченного в культуре.

Культуру можно представлять в качестве нового порядка (космоса), компенсирующего случившийся по какой-то таинственной причине у наших животноеобразных предшественников распад устойчивого органического су-

ществования⁴⁶. В этой связи необходимо решить, является культура новым типом организма, или она выступает в качестве системы более высокого уровня организации, нежели живая природа. Но, безусловно, некорректно использование для описания культурных феноменов категориального аппарата, созданного для исследования явлений низшего порядка. Хотя до сих пор исследователи говорят о «механизмах памяти», «механизмах социального обмена» и т. п., т. е. применяют механистические метафоры, судя по всему, родившиеся вследствие технической революции XVII—XVIII веков, к явлениям более сложного порядка, чем механизмы. А именно к организмам, т. е. явлениям биологического и социального миров⁴⁷. К сожалению, и на культуру переносятся автоматически механические представления. Так, Л. П. Рычкова считает культуру «надбиологическим механизмом регулирования и программирования человеческой деятельности» [1]. И на человека как «связь миров» также распространяются механические представления. Ученые, следующие отмеченной традиции, в сущности, занимаются редукционизмом (т. е. сведением сложного к простому, одушевленного к неодушевленному, живого к неживому) вместо того, чтобы заниматься, наоборот — очеловечиванием, одушевлением, одухотворением⁴⁸. Но образование и призвано реализовать это свое высокое назначение, поскольку человек по первому своему рождению даже по сравнению с животными выглядит чуть ли не самым слабым звеном в их царстве. Неужели же мы обречены теперь и в философии прибегать только к механическим моделям и не способны сознательно мыслить на организмическом и более высоких уровнях, хотя, по признанию М. Хайдеггера, ее «изначальная задача — делать вещи более тяжелыми (трудными), более сложными» [2]? При этом получается, что организмический и высшие по отношению к нему уровни представлений, поскольку именно на этих уровнях, вероятно, осуществляются творческие действия, являются прерогативой бессознательного. Или «механизм» — это только оборот речи, идиома?

Образование есть процесс освоения «необразованными» людьми того, что, во-первых, открыто, изобретено, сотворено, во-вторых, того, что уже стало частью культуры, т. е. приобрело всеобщность и необходимость, а также вербализовано. Невербализованное (в самом широком смысле), ли-

⁴⁶ Безусловно, и природа обладает упорядоченностью, но разрыв связей между человеком и природой повергает его жизнь в состояние хаоса, дезорганизует. Культура есть в каком-то смысле новый тип космоса, т. е. порядка, отличный от природного, как искусственный от естественного. Но искусственность как характеристика культуры не исключает ее органичности или организмичности.

⁴⁷ Вероятно, и перенесение на общество (и культуру) организмических представлений следует рассматривать в качестве проявления редукционизма. Ведь общественные и духовные феномены представляют собой предметности более высокого порядка и уровня организации, нежели биологические, т. е. организмические. В какой-то мере еще Аристотель, рассуждая об энтелехии, исключал эту возможность для разумной души, в отличие от растительной и животной, потенциально присутствующих на более низких уровнях сущего.

⁴⁸ Как известно, в стихотворении «О, я хочу безумно жить...» А. Блок именно в этом видел как собственную, так и общечеловеческую высшую цель.

шенное статуса всеобщности и необходимости не входит в состав культуры, следовательно, и не выступает в качестве материала или предметного содержания образования. Для самих же агентов этого процесса одним из критериев уровня образованности и степени освоения культурного богатства является иллюзия, что это они сами причастны к открытию, изобретению и творчеству, т. е. необходимым моментом образования выступает переживание его агентами тех же чувств, что и творцы культуры. В этом плане справедливо крылатое выражение «воспроизводство сущего требует не меньше энергии, чем его творение». И поскольку образование человека есть его творение в культуре, постольку каждый человек на микрокосмическом уровне моделирует творение культуры вообще, т. е. хаос трансформирует в космос (порядок). Если правомерно воспользоваться тем определением, которое К. Леви-Строс дал мифу, культура — это машина, уничтожающая время. Чтобы законы могли обнаруживаться (устанавливаться) в необратимом мире, последний должен стать абстрактным, идеализированным. Единственным возможным абстрагирующим, идеализирующим и структурирующим мир устройством является язык (субстрат культуры), в сращении с которым или точнее — в качестве которого этот мир и является человеку. Именно абстрактный характер поведения человека как культурного существа есть упорядочивающее начало в мире. «Абстрактный» потому, что мы в культурном плане устроены так, что изменяющиеся вещи и людей (ведь все в мире течет, время не обратимо) мы рассматриваем в качестве обратимых, устойчивых, неизменных.

Казалось бы, и животные действуют так, будто в мире ничего не происходит. Но они являются таковыми в силу их генетического предопределения. Р. Декарт поэтому имел право считать их автоматами. Они запрограммированы на определенный образ, и ничем другим быть не могут. А вот у человека, как уже отмечалось, нет образа. Он безобразное, неупорядоченное существо. У него субстанция огня, как выражался Ж.-П. Сартр, а не камня. Поэтому с помощью человека произвольно творится мир культуры, чтобы затем уже он мог свободно в нем самоопределяться, т. е. упорядочиваться.

Сам термин «образование» задает круг ассоциаций, препятствующий рассмотрению данного процесса, как серии процедур, заполняющих разнообразными, но строго определенными знаниями, умениями, навыками соответствующие ячейки в структуре человека. Образование есть буквально создание человека, поскольку все собственно человеческие качества и соответствующие органы искусственны. Они не наследуются генетическим путем, а приобретаются в постнатальном периоде. Но все наши человеческие качества мы получаем не от природы и непосредственно не от культуры, представляющей, в сущности, совокупность искусственных человекообразующих органов, созданных особым субъектом, отличающимся от эмпирических индивидов. М. Пруст замечал, что «мы вовсе не здания, к которым снаружи можно до-

бавлять камни. Мы вовсе не дома... а скорее деревья, которые из собственного сока извлекают следующий узел своего ствола». Особая проблема в этой связи состоит в том, в какой мере конкретные индивиды могут (и должны) осваивать данное богатство для того, чтобы соответствовать ему, следовательно, воспроизводить и трансцендировать культуру, в первую очередь, через самих себя, «сбрасывая» одновременно хотя бы часть новообразований в безличную социальную память. Наше развитие, если такое понятие вообще имеет смысл, не затрагивает психофизиологическую структуру человека.

В жизни человека выделяются три последовательно сменяющих друг друга фазы: молодость, зрелость, дряхлость. Образование охватывает в основном первую. Молодость (т. е. детство, отрочество, юность) — самое благоприятное время для получения образования, поскольку только в это время у человека формируются последовательно основные человеческие, т. е. культурные органы. Но загадочным образом онтогенез в сокращенном виде повторяет филогенез, т. е. биологическое созревание отдельного человека в силу какого-то чуда не буквально (об этом мы никогда не будем знать абсолютно достоверно), но в каких-то очень важных моментах повторяет культурную историю человечества, поэтому начало образования человека должно воспроизводить и начало вообще культурного существования человечества. Иначе говоря, образование является вторичным, уже культурным генезисом человека, повторяющим культурный генезис человечества, и в какой-то мере выступающим как творческий акт.

Событие происхождения культуры получило отображение в разнообразных культурных мифах и неявно основывающихся на них научных концепциях. В конечном счете, первоэлементом культуры в явном или неявном виде считаются либо знания, обеспечивающие, благодаря опредмечиванию в средствах деятельности технический прогресс, предваряющий возникновение остальных сфер культуры и прогрессивные изменения в них, либо первичным элементом культуры признаются нормы, предписывающие людям требования, руководство которыми освобождает их от власти «зоологического индивидуализма». Бросается в глаза, что каждый из намеченных подходов в объяснении происхождения культуры по-разному оценивает значение ее первоначальных форм для жизни людей. Первый подход с самого начала расценивает культуру как благо, считает, что она (в лице ее технической и технологической составляющей) оптимизировала жизнь людей, борющихся за свое существование с грозными силами природы, а также друг с другом, второй же полагает, что культура первоначально в существенной мере затруднила, усложнила жизнь людей, поскольку привносит в нее дополнительные ограничения. Например, запрещает посредством табуирования ряда предметов их использование для удовлетворения естественных потребностей, сужая тем самым круг предметов, используемых для воспроизводства своего физического и родового

существования. Другое дело, подобная уже культурная, а не биологическая регуляция поведения приостанавливает, прекращает хаотическое состояние в жизни наших предшественников, войну всех против всех у вдруг сорвавшихся с биологического поводка людей.

Оба рассмотренных подхода в какой-то мере предвосхищены в известном древнегреческом мифе. В соответствии с ним одному из титанов, трусливому и глупому Эпиметею, было поручено богами распределение способностей и сил между земными существами. И он так опрометчиво распределял эти блага, что, когда очередь дошла до человека, выяснилось: ему ничего не осталось. Чтобы спасти положение, брат Эпиметей, находчивый Прометей, похитил у богов огонь и передал людям. А вместе с огнем — способность создавать орудия и разнообразные технические приспособления. В этой связи возникла новая опасность. Вооруженные совершенствующейся техникой люди становятся бичом для всей остальной природы, они оказываются способны уничтожить как своих «братьев меньших», так и друг друга. Здесь наступила очередь вмешаться мудрому Зевсу, который, исправляя ошибки недалевидных братьев, «заразил» людей чувством стыда. Говоря современным языком, стыд уже не позволяет людям так бесцеремонно относиться к природе и друг другу, как это было раньше. Стыд есть реакция человека на собственные действия, поскольку они нарушают нормы, подобные морали. Последние отличаются от естественных норм, гарантирующих самосохранение индивиду.

Таким образом, в основании культуры предполагаются две зависимые друг от друга «клеточки» (первичная и производная от нее) для формирования способностей, отсутствующих у людей в докультурном состоянии. Причем обе причины субъектны, т. е. сверхъестественны и являются внешними по отношению к людям, поскольку этими субъектами выступают сверхординарные существа (титаны, боги). Способность систематически создавать, использовать и усовершенствовать орудия, а тем самым выделяться своим нарастающим техническим могуществом среди других живых существ. И способность руководствоваться в поведении нормами, парализующими инстинкт самосохранения и являющимися некоторыми аналогами, прообразом морального законодательства, охраняющего определенные классы, явления действительности от посягательства человека. Правомерно поставить вопрос: какой все-таки из отмеченных культурных факторов первичен и какой производен? Возникнуть (быть созданными) одновременно они, очевидно, не могут. Следует признать, что как в рассмотренном выше мифе, так и в разрабатываемых в отечественной литературе концепциях происхождения культуры чаще всего явно или неявно первичной культурной формой («клеточкой») признается орудийная деятельность (труд). Если только, конечно, эта форма является именно культурной, а не природной формой существования представителей определенной ветви семейства гоминид. Есть в том подарке,

которым «осчастливил» людей Прометей, что-то сомнительное, незаконное. Не случайно христианскими теологами этот «благодетель» воспринимается в качестве прообраза сатаны [3]. И чего греха таить, большевики с симпатией относились к данному антиподу Бога. И Прометей, и сатана (каждый по-своему) соблазнили людей надеждой стать как боги, вывели из состояния тождества с самими собой и тем самым обрекли на изгнание из Эдема. Правда, получается так, что христианский Бог наказал людей именно за то, чем глава древнегреческого языческого пантеона богов Зевс компенсировал последствия применения людьми тех способностей, которыми их одарил вороватый Прометей, а именно за утрату невинности. Как известно, Ева и Адам стали испытывать стыд лишь после того, как вкусили плод с древа познания добра и зла. Они же, будучи изгнанными из рая, вынуждены в поте лица добывать хлеб насущный, следовательно, стали заинтересованы в повышении эффективности своих действий. Так у них появляется мотив для создания орудий и вообще для технического прогресса. В Эдеме, где люди находились на полном содержании у Бога, этого не требовалось.

Признание орудийного поведения докультурным побуждает культурное связывать первоначально только с искусственными средствами, обеспечивающими ограничение и регулирование технической активности людей как в филогенезе, так и в онтогенезе. А это табу, под которым понимается запрет удовлетворять потребности с помощью определенных предметов, запрет, «сросшийся» с предметом этих потребностей. Как представляется: стыд, являющийся следствием нарушения норм данного типа, первичен по отношению к знанию, если изготовление орудий связывать с опредмечиванием знаний, а не инстинктивной деятельностью, как это имеет место у животных [4]. Миф же о Прометее есть попытка задним числом и уже рациональными средствами обосновать введение опосредствований морального типа в действия людей.

В современную эпоху, как принято считать, орудия труда и другие технические изделия являются результатом опредмечивания знаний. Они, в конечном счете, — продукты сознательной деятельности, хотя и отмечается, порой, в их создании существенная роль интуиции. Но как, не прибегая к допущению наличия у людей до и вне культуры способности к сознанию и познанию, можно объяснить производство орудий? Элементы орудийного поведения обнаруживаются у животных, но там действуют инстинкты, реализуются генетически наследуемые программы поведения, встречаются случаи имитации, но нет сознания. И наконец, у животных и людей в докультурном состоянии нет языка. Вывести же из орудийного поведения способность сознания, как убедительно, но робко показал Б. Ф. Поршнев [5] невозможно. Собственно социальное бытие, почему-то противопоставляемое биологическому, некоторыми отечественными учеными с маниакальным упорством связывается с орудийным поведением. Причем, в некоторых случаях создаются совершенно фантастические реконструкции первобытной

эпохи. «В этот период разделение биологического и социального бытия формирующихся людей, — пишет В. И. Плотников, — имело еще довольно четкие пространственно-временные рамки. Лишь в обработке орудий гоминид на время становился человеком, лишь в тех случаях, когда первобытные люди получали эмоциональное или иное удовлетворение от совместных орудийных действий, действие приобретало социальную форму» [6]. Но, во-первых, различение социального и биологического в качестве двух видов бытия осуществляется только социальными, то есть культурными существами (людьми) и в определенной культуре. Любой процесс, наблюдаемый человеком, неважно, относится он к природе, как, например, водопад, или к поведению людей, например, обработка детали рабочим на станке, является культурным или социальным. Животные ничего не различают на уровне представления, поскольку их жизнь не может выступать для них самих в качестве предмета. Только культурное существо, благодаря языку и соответствующим его уровню духовным образованиям, рассматривает реальность как совокупность бинарных оппозиций «свой — чужой», «сырое — вареное». Во-вторых, если даже игнорировать отмеченное обстоятельство, первые культурные или социальные акты как раз касались той сферы, которая В. И. Плотниковым, безусловно, будет отнесена не к социальному, а биологическому бытию. Здесь имеются в виду табу убийства и инцеста. Они ведь не имели никакого отношения к обработке камня. Б. Ф. Поршнев ростками культурного или социального существования людей считает «...антибиологические отношения и нормы — отдавать, расточать блага, которые инстинкты и первосигнальные раздражители требовали бы потребить самому, максимум — отдать своим детенышам либо самкам» [7].

В то же время, если культурное связано, в первую очередь, с опосредствованием и ограничением естественных проявлений человека, то, очевидно, его появление должно было вывести человека из состояния тождества с самим собой. Ведь само по себе систематическое использование и производство орудий еще не делает человека собственно человеком. Культура в качестве натурально существующей вне человеческого тела искусственной предметной среды признается мерой человеческого в человеке. В противоположность тезису Протагора о человеке как мере всего сущего, именно культура полагается мерой по отношению к человеку, которой он себя определяет и оценивает. Таким образом, источник избыточной активности человека (в том числе и орудийной) или повод для ее ограничения, регламентирования, в данном случае не внутренний, а внешний, и созданный культурой, т. е. не от мира сего. В этой связи необходимо выяснить, что является первичным культурно-знаковым комплексом синкретического (или диффузного) типа, трансформации которого определяют строение как всего культурного универсума, так и отдельного его элемента, тождественного с целым⁴⁹. Разви-

⁴⁹ Предполагается единство микро- и макрокосмоса.

тие данного первоэлемента осуществляется, по нашему мнению, в трех направлениях, подобно трем зародышевым листкам эмбриона, т. е. аналогично эмбриогенезу происходит и процесс формирования культурного космоса-организма в онто- и филогенезе. При этом мы сознаем, что в данном случае не избегаем редукционизма, поскольку проецируем на общество, язык, духовные явления организмические представления. Но это все же лучше и прогрессивней, на наш взгляд, чем традиционный механицизм.

Если культура наследуется не генетически ее носителями, а осваивается при жизни, то единственным способом существования культуры здесь выступает язык во всех его проявлениях и формах. Следовательно, и возникновение культуры связано напрямую с возникновением языка как ее субстрата. Это, по существу, различные формулировки одной и той же проблемы. Ведь какой бы элемент культуры мы не признали первичным — систематическое производство и использование совершенствующихся орудий, или ограничивающие естественную активность людей нормы — важен тот материал и способ, которыми эти элементы воссоздаются, сохраняются и передаются, а это уже проблема языка. Очевидно, что языковые средства, обслуживающие, с одной стороны, деятельность, расширяющую и повышающую эффект активного преобразования людьми явлений внешней реальности, а с другой — действия по ограничению этой активности, не совпадают.

Главная задача образования заключается не в том только, чтобы образовать человека, а в том, чтобы сделать его самостоятельным (самовоспроизводящимся в культурном плане и саморазвивающимся) существом и определить направления этой самостоятельности. При этом важно еще, кто будет заниматься образованием. К. Маркс в «Тезисах о Фейербахе» ставил данную проблему как проблему образования самого учителя. Образование — это формирование знаний, умений, навыков, а также потребностей все эти феномены обновлять и производить самому, соотнося себя с персонафицированным абсолютом. Таким образом, образование оказывается тождественным с самообразованием. Когда представляют этот процесс, в нем выделяются такие элементы, как предмет, цель, средства, операции и т. п. Но данной структурой могут обладать лишь человеческие деятельности, осуществляющиеся под контролем сознания, т. е. механические, репродуктивные. Очевидно, к органическим и к творческим деятельности подобные схемы не применимы, а если и применяются, то это ведет к существенным издержкам. И. Кант, говоря о целесообразности в природе, имея в виду, безусловно, прежде всего живые организмы, и в творческой деятельности (искусстве, науке), отмечал в то же время, что это целесообразность без цели.

В энциклопедическом словаре отмечается, что «творчество — деятельность, порождающая нечто качественно новое и отличающаяся неповторимостью, оригинальностью и общественно-исторической уникальностью. Творчество специфично для человека, так как всегда предполагает творца

— субъекта творческой деятельности». В целом, соглашаясь с данной дефиницией, мы считаем проблематичным один из ее моментов. Является ли субъектом творчества человек? На первый взгляд, вопрос кажется риторическим. Но только на первый взгляд. Почему авторы картин, стихов, научных теорий, являющихся в качестве произведений генераторами порядка, отказываются признать себя их субъектами, авторами? Имеется масса свидетельств, в которых всемирно известные деятели науки и искусства, когда заходит речь о источниках их творческих достижений, приписывают авторство каким-то экзотическим субъектам (музам, богам, демонам), себя считая при этом не чем иным как орудиями их воли. Кроме того, традиционно в философии, от Платона до настоящего времени, отмечается, что условием творческого акта является паралич индивидуальной воли и сознания. Фигура индивидуального субъекта творчества (автора) с соответствующим комплексом притязаний, по мнению авторитетных исследователей, выдвигается только в Новое время. Для современной и постсовременной эпох, безусловно, не в масскультурных их обнаружениях, уже считается характерным такое явление, как «смерть автора» [8].

Субъект творчества и субъект существования, если предположить, что между ними есть связь, никогда не совпадают, находятся на различных уровнях совокупного социального или культурного субъекта, у них невозможно найти точку пересечения. В различных культурах, поскольку имеются в виду значимые действия, разворачиваются иерархии субъектов, причем, индивидуальные занимают всегда место в самом нижнем ряду. В чем же состоит особенность творческой деятельности? Если описывать ее феноменологию, можно отметить: она принудительна. С одной стороны, как сознательные существа, ученый, художник, поэт занимаются репродуктивной деятельностью. В частности, репродуцируют себя, репродуцируют свои наличные знания, умения, навыки, репродуцируют реальность. С другой стороны, сама по себе эта деятельность имеет смысл лишь в той мере, в какой она — условие творчества. В творчестве используется метод бриколажа (К. Леви-Строс) — игра отскоком. Для творческой деятельности интересны не прямые, а косвенные результаты. Для репродуктивной деятельности результат должен совпадать с целью. Для творческой же прямой результат, совпадающий с внешней целью, безразличен. Поэтому к продуктам творческой деятельности и приложимо такое определение, как целесообразность без цели.

Представим себе, с чего начинается культурная трансформация человека как в онто-, так и в филогенезе, т. е. его образование. Оно начинается, вероятно, не с сознания (и познания), не с систематического изготовления и использования орудий труда, а с обуздания «зоологического индивидуализма» (В. И. Ленин), т. е. с определения воли обстоятельствами «не от мира сего», т. е., с одной стороны, обстоятельствами, не мотивированными никакими внешними и внутренними эмпирическими факторами, а с другой

— именно посредством эмпирических явлений. Подобную функцию может выполнить только язык. Например, такие регуляторы поведения древних людей, как тотем и табу, есть не что иное, как явления специфического языка, отличаемого, с одной стороны, от реальности, а с другой — от мышления. Они задают определенное, никакими рациональными аргументами не обосновываемое отношение к предметам, обладают всеобщностью и необходимостью, выступая в то же время в формах особенных явлений. А сознание не имеет никакого отношения к этому. Сознание приковано к этому миру. Язык определений воли должен отличаться от языка сознания (и знания). Он должен быть другим. Чтобы представить, каким был этот язык, необходимо поставить под сомнение привычное представление языка как номенклатуры знаков.

Уже в мифах создание языка рассматривается в контексте создания мира вещей и считается завершающим этапом последнего. При этом языковые образования существуют в качестве атрибутов вещей или в единстве с вещами, не являясь, таким образом, артефактами. Они, следовательно, независимы от людей, которые отражают своими органами чувств именно языковую реальность, или реальность как язык. А. Е. Лукьянов обращает внимание на зафиксированное в мифах «тождество устного языка человека и звучания природных вещей (вещи кричат, себя называя)», «тождество письменного языка человека с природной вещью» [9]. Люди закупорены в данном языке, заперты в нем, как в доме. В этих условиях, конечно, не могут быть сначала предположены произвольная связь между означающими и означаемыми, а также противопоставление знаков и вещей. Если абстрагироваться от языка, неразрешимой становится проблема, как органы чувств могут отражать не только чувственное, но и в единстве с последним, — сверхчувственное, причем, обладающее всеобщностью, безусловностью и необходимостью, т. е. значимое (в содержательном и принудительном планах) для всех людей определенного сообщества. Ведь специального телесного органа для восприятия сверхчувственного (символического, идеального) у человека вроде бы нет. И единственный канал, связывающий его с внешним и внутренним — это ощущения. Чтобы «читать» окружающий мир как текст, необходимо уже быть во власти языка и владеть языком. Благодаря этому чувственное переживание реальности будет опосредоваться и определяться особенностями языка. Человек видит не глазами, а словами.

Мы же не просто видим, но знаем ЧТО видим, что ВИДИМ, оценивая при этом качество: хорошо или плохо. Кроме того, знаем КТО видит, имея в виду, безусловно, не глаз. Но кому «нам»? Кто это существо, различающее внешние и внутренние ощущения и делающее заключения об источниках, объектах и субъектах этих ощущений, следовательно, находящееся в отношении к ощущающим органам и к их содержанию, и к предмету, воздействующему на органы? Ведь то, что ощущает, не может само

произвести разграничение ощущений. Должно существовать образование, которое, с одной стороны, в качестве наблюдателя находится в отношении к содержанию ощущений, а с другой — к аппарату, обеспечивающему эти чувственные впечатления, то есть, в конечном счете, к собственному телу. Кроме того, наблюдателю должна быть предпослана понятийная схема, позволяющая дифференцировать ощущения и их источники. Где этот наблюдатель и система понятий и в каком материале, несомненно, отличающемся от телесно выраженных органов чувств, и вообще психического, локализованы и выражены они? Что является их субстратом? Ведь мы заключаем не от ощущений к их источникам, а наоборот — на основании представлений об источниках делаем выводы о тех ощущениях, которые они в нас могут вызвать. Безусловно, здесь имеется в виду язык, который и опосредствует наши реакции на показания органов чувств, и выделяет сами данные органы и определяет вообще их содержание.

Данные соображения приводят к объяснению необходимости существования в языке особого сверхчувственного оператора, или субъекта. Для исследователя это «я», не имеющее никакого отношения к индивидуальному психологическому субъекту, следовательно, являющееся метапсихическим образованием. И. Кант называл его «трансцендентальным единством апперцепции». Собственно, этот субъект всегда уже есть, предваряя любой опыт в качестве «первичной апперцепции»⁵⁰. Но в то же время, как в филогенезе, так и в онтогенезе, «я» не является докультурной предпосылкой и образуется достаточно поздно в качестве феномена сознания. «Я», по мнению И. Канта, как «акт спонтанности», самосознание, лишённое каких-либо чувственных предикатов, с необходимостью сопровождает любое представление, которое в противном случае для человека не существовало бы [10]. Но если «я» — условие существования любого представления, то появляется соблазн последнее считать производным от «я». Сознание как особая предметность, на наш взгляд, появляется в качестве своеобразной надстройки над душой, надстройки, отрицающей в диалектическом смысле собственное основание. Поэтому оно кажется себе самому беспредпосылочным. Как говорил К. Маркс, «форма сложилась, и следы происхождения ее стерты». Язык из демиурга всего сущего и не сущего (Слова, тождественного с Богом) представляется орудием, инструментом, производным от сознательной деятельности атомизированных индивидов. В нем и помещается «фигура» наблюдателя, «я», о котором пишет И. Кант. Для этого «я», конечно, непосредственно даны только, с одной стороны, внешний мир чувственных событий (протяженная субстанция), а с другой — «внутренний» мир — переживаний, эмоций, мыслей и т. п. (мыслящая

⁵⁰ Распространенное в отечественных источниках понимание сознания как отражения итерирует очевидный вопрос: что отражается в «я»? Или есть в сознании образования не являющиеся ничьим отражением, а представляющие собой необходимые условия для него? Причем именно эти образования, на наш взгляд, следует считать первичными духовными феноменами и в силу изначального единства языка и духа — первичными явлениями языка.

субстанция). В этом сознании появляется уже возможность внешнего отношения к духовному и телесному не только как различным определениям воли⁵¹. То и другое сейчас выступают просто, как два ряда предметностей, которые персонифицируют не борьбу противоположных определений воли человека в пространстве души, а утилитарную и рациональную борьбу его с внешней реальностью, за которой не стоит никакая абсолютная сущность. А в гносеологическом аспекте вообще духовное⁵² начало оказывается как бы за скобками: строится теоретическая модель, в которой нет образа человека как процессуального субъекта, «растянутого» между зверем и сверхчеловеком (Ф. Ницше) на ценностной вертикали. Еще в средневековье подобная позиция была немыслима. Да и Декарт не занимается обсуждением нелепого вопроса, что первично: материя или сознание? В сущности данный вопрос — вырожденный вариант вопроса о приоритетном определении воли, волновавшего гностиков и августинианцев.

В индивидуальном сознании «я»⁵³ превращается в «шифтер» (Э. Бенвенист), не имеет фиксированного объектного значения, но обеспечивает идентичность присваивающим его субъектам. Это невозможно с именами существительными, именами других вещей мира. Но возможно с именами, которые и замещаются местоимениями. Ведь имена собственные, образующие древнейший пласт языка, только по существу и являются именами. В первобытной культурной действительности идентичность и целостность отдельным частичным индивидам обеспечиваются разнообразными явлениями, которые в сущности были одним и тем же: «зеркалом», в котором они видели себя. В этом плане тотем — данное в чувственном, натуральном виде отдельным индивидам их родовое «понятие»⁵⁴.

Таким образом, с возникновения данного языкового явления (как данной в чувственной форме апперцепции) в перспективе, превращающегося в «я» (как свою вырожденную и превращенную форму) и начинается образование языка, культуры и собственно человека. Моделирование этого процесса — чрезвычайно важная и перспективная теоретическая задача.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Рычкова Л. П. Судьба человека: культура самоопределения. // Философия образования. — 2003, № 6. — С. 70.
2. См.: Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. — М.: Высшая школа, 1991. — С. 146.
3. См.: Кураев А. Человек перед иконой. // Квинтэссенция. Философский альманах. — М.: Политиздат, 1992. — С. 238.

⁵¹ Первоначально это отношение рефлектируется как позиция «адвоката дьявола».

⁵² Многие исследователи отмечают, что даже в Новое время понятия «духовное», «моральное» и даже «онтологическое» отождествляются, а в романских языках выражаются одним и тем же словом [11].

⁵³ Это, «я», по мнению психоаналитиков, есть «коллаж идентификаций», «результат психологического бриколажа».

⁵⁴ В плане вольной аналогии можно напомнить, что Гегелю, увидевшему Наполеона, тот показался «мировым духом на коне».

4. См.: Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории. — М.: Мысль, 1974. — С. 386—397.
5. Там же.
6. Плотников В. И. Социально-биологическая проблема. — Свердловск: Изд-во Уральск. ун-та, 1975. — С. 150.
7. Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории. — С. 415.
8. См.: Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. — М.: Прогресс, 1989. — С. 384—391.
9. См.: Лукьянов А. Е. Истоки дао. Древнекитайский миф. — М.: ИНСАН, РМФК, 1992. — С. 10.
10. См.: Кант И. Соч. в 6 т. — М.: Мысль, 1964. — Т. 3. — С. 191-192.
11. См.: Дробницкий О. Г. Понятие морали. — М.: Наука, 1974. — С. 50.

Ответственность и творчество⁵⁵

Ответственность — понятие, характеризующее сознательную готовность субъекта деятельности испытывать на себе в прямой форме последствия собственной деятельности. Но данный субъект всегда имеет дело с фрагментом реальности и себя самого: в силу взаимосвязанности всего сущего последствия действий выходят за рамки его ограниченного миром опыта кругозора. «Снять» отмеченное противоречие в какой-то мере позволяет культурный характер человеческой деятельности. В этом плане человек лишь в культуре может быть ответственным существом.

Культура, если абстрагироваться от многоуровневого ее представления в разнообразных источниках и представить в упрощенном виде, может характеризоваться в качестве системы образцов поведения, конденсирующей с помощью средств языка и других знаковых образований социальный опыт жизнедеятельности людей и наследуемый новыми поколениями не генетическим, а социальным путем. Степень культурности конкретного человека в данном случае можно определить по объему освоенных им образцов и способностью к их адекватному репродуцированию. В идеале, который стихийно вырабатывается самосознанием культуры, вся человеческая жизнедеятельность должна носить репродуктивный характер. Культура соответственно является антагонистом творчества; главные черты последнего — новизна, оригинальность⁵⁶. Творческий субъект не только не знает, что у него получится в результате его манипуляций с красками, словами, звуками, веществами, математическими символами и т. д., но не знает, как будет воспринято другими его произведение, какие последствия вызовет обращение этого произведения. Поскольку ответственность предполагает знание всех последствий, которые могут произвести действия, творчество принци-

⁵⁵ Соколов А. Е. В кн.: Современные проблемы юридической науки / Под ред. А. К. Черненко. — Новосибирск: НЮИ (филиал) ТГУ, 2004, № 4. — С. 162—166.

⁵⁶ См.: Философская энциклопедия. Т. 5. — М.: Советская энциклопедия, 1970. — С. 185; Спиркин А. Г. Сознание и самосознание. — М.: Политиздат, 1972. — С. 103.

ально безответственно. Единственным оправданием творческих действий, на первый взгляд, выступает неполнота опыта, опредмеченного в культуре. Всегда существует вероятность возникновения ситуаций, когда в культуре отсутствуют необходимые образцы для успешной деятельности людей или люди не владеют уже имеющимися образцами.

Однако проблема значительно сложнее, нежели представляется вначале. Например, в условиях включенности каждого человека в определенную технологическую цепочку и систему обмена деятельностью его партнеры ожидают от него строгого выполнения писаного или неписаного договора относительно ассортимента, количества и качества создаваемого им продукта. Субъект по собственному произволу не может творить новое изделие, несмотря на то, что оно может быть более эффективным и экономичным, нежели старое. И дело здесь не только в непривычности, но и в согласованности межпрофессиональной кооперации, когда попытка плотника, например, «внедрить» новый продукт наткнется на неготовность кузнеца или шорника, являющихся вместе с ним элементами человеческой мегамашины, подогнать этот продукт к другим в рамках действующей технологической схемы, в конечном счете санкционированной Творцом всего сущего⁵⁷. Чтобы изменить часть, необходимо одновременно с этим или предварительно изменить целое. Или необходимо найти такую часть, которая была бы одновременно целым. Таким образом творческий акт оправдан лишь в том случае, если оригинальное действие и его продукт явятся не только частными, но также всеобщими и необходимыми, т. е. обладающими онтологическим статусом.

Репродуктивное поведение, обеспечивающее воспроизводство культуры, имеет смысл, если природный (и социальный) контекст включает в себя устойчивые, обратимые, повторяющиеся события. Если бы объективный универсум природы представлял собой набор уникальных, необратимых, неустойчивых событий, т. е. в нем отсутствовали бы законы, репродуктивная деятельность и вообще существование культуры в конечном счете оказались бы проблематичными: человек, реализующий предложенные культурой образцы, постоянно находился бы в положении фольклорного дурака, поведение которого никогда не соответствует ситуации: на свадьбе он плачет, на похоронах смеется. Но по большому счету должно было бы быть именно так, если бы не творчество. В то же время связывать творчество со спонтанным производством предметов, которые лишь по счастливой случайности могут быть востребованы жизнью (а могут и не востребоваться никогда), по видимому, нет оснований. Хотя, безусловно, поведение людей, как и других живых существ, является избыточным.

Признание необратимого характера времени («стрелы времени») приводит к выводу об уникальности любого естественного события. Фиксация нами некоторых событий в качестве устойчивых, обратимых, повторяющихся

⁵⁷ См.: Петров М. К. Язык, знак, культура. – М.: Наука, 1991. – С. 114.

ся обусловлена не столько особенностями и наблюдаемой, и наблюдающей реальностей (их влияние здесь не учитывается), сколько особенностями культуры, в которой находится наблюдатель. «Бесконечный тупик» эмпирико-сенсуалистических версий природы сознания и знания убедительно подтверждает это. Именно культура привносит порядок в природу как генератор структурности и системности, создает своеобразные «островки порядка в хаосе вселенной» (Н. Винер). В хронотопе этих островков (упорядоченностей) существуют законы, справедливость, истина, милосердие. И, безусловно, — ответственность. Переживание человеком того или иного события, поскольку оно является естественным психическим феноменом, уникально, необратимо. Но, благодаря такому искусственному органу культуры, как память, имеющему разнообразные формы существования, начиная с элементарного узелка на платке, оно становится устойчивым, обратимым, воспроизводимым.

Угроза культуре со стороны природы, где царят хаос и произвол⁵⁸, не является единственной. Другим источником опасности для культуры является сама культура. Вводя запреты на оригинальные (и творческие) действия, она практически перекрывает канал собственного обновления и трансформации. Замыкаясь на себе, культура занимается размножением и развитием наличных образцов поведения, их унификацией (многообразие редуцируя к единообразию), в результате могут сложиться условия, при которых жизнь агентов культуры (людей) станет невозможной. Как свидетельствуют историко-культурные и этнографические исследования, главные трудности для людей первобытной эпохи создавали не грозные силы природы, а жесткая ориентация на воспроизводство освященных традицией образцов поведения независимо от того, адекватны они или нет изменяющимся условиям жизни.

Вообще познание, как и любой творческий акт, есть чудо. А чудо есть событие, для которого нет никаких объективных оснований. Если представить себе элементарный акт познания, станет очевидно: он в мире опыта невозможен. Любое знание есть феномен, обладающий смыслом только в составе целого (часть значима только как часть целого, а не безотносительно к нему). А целым в данном случае выступает весь универсум. Таким образом, любое знание частного объекта (в опыте все объекты и их восприятия существуют дискретно) в составе универсума в силу всеобщности связей имеет смысл только в знании всего. Образ целого всегда витает как предпосылка и смысл любого частного знания. Или необходимо допустить, что мира вообще нет. Есть лишь бесконечная совокупность пространственно-временных локальностей (хронотопов), между которыми нет никаких связей. Теория монад Г. Лейбница — это попытка разрешить отмеченное противоречие. И знание имеет смысл только в рамках данной конкретной пространствен-

⁵⁸ Безусловно, противопоставление культуры и природы по аналогии с космосом и хаосом не корректно. В природе, как живой, так и неживой, исследователь сталкивается не только с беспорядком, но также порядками другого типа, отличными от культуры.

но-временной упорядоченности. Можно сказать, оно предусмотрено в ней в силу того, что данный космос есть произведение, следствиями которого являются и выделяемые в нем специфические объекты, и специфические знания. А между ними — предустановленная гармония, которая отмечена еще Парменидом. А какой же еще иной смысл может нести принцип тождества или предустановленной гармонии бытия и мышления? Полагать, что когда-нибудь будет теоретически осмыслена вся реальность, — значит, формулировать псевдопроблему. Как рождаются монады? Как осуществляется «переход» из одной монады в другую, несмотря на их абсолютную замкнутость, в хаосе? Для Лейбница и Канта эти вопросы явно покажутся некорректными.

Опыт философской рефлексии, предполагающей систематическое погружение в глубины собственного языкового сознания, свидетельствует, что новое знание (или произведение вообще) не может быть извлечено непосредственно ни из объекта, ни из эмпирического субъекта, ни из их взаимодействия. Например, идея прямого угла не может быть результатом отражения реальности и обобщения этого отражения, поскольку в реальности нет прямых углов. Точно так же проблематично полагать данную идею изобретением индивидуального эмпирического субъекта. Но существование идеи прямого угла обеспечивает возможность обнаружения «прямоугольности» как определения реальности. В этом плане и объект вообще, который правомерно рассматривать в качестве ансамбля определений, подобных данному, оказывается следствием существования «прямого угла» и других, аналогичных ему произведений. Последние, следовательно, несмотря на то, что они суть знания, картины, музыкальные пьесы, обладают онтологическим статусом, а объекты (и эмпирические субъекты) являются их феноменальными обнаружениями и могут рассматриваться в качестве знаков первых. Поэтому и возможна ответственность, что мир опыта основывается на онтологических основаниях культуры, подпитываемых творчеством. Данные обстоятельства необходимо учитывать в исследовании процесса образования.

Проблемы духовной онтологии: язык культуры и творчества⁵⁹

В монографии реконструируется генезис языка культуры и творчества как онтологии духовных феноменов. Языковые образования в первую очередь устанавливают надиндивидуальные формы субъектности (себя как «другого» и его противоположности). Материалом служат явления, ситуативно дублирующие друг друга в бинарных оппозициях, поскольку становятся «чувственно-сверхчувственным» наличным бытием общества, пре-

⁵⁹ Соколов А. Е. Проблемы духовной онтологии: язык культуры и творчества: Монография / Отв. ред. А. А. Погорадзе – Новосибирск: СибУПК, 2004. – 212 с.

вращающего людей в средство собственного воспроизводства. В результате «расщепления» вещей-понятий возникают знаковые средства уже для внеситуативного «замещения», с одной стороны, самих данных чувственных явлений, противопоставляемых субъекту, как материальное — идеальному, объективное — субъективному и т. п., а с другой — для представления индивидуальной субъектности («Я»), редуцированной до «единства трансцендентальной апперцепции», и «чистой» духовной феноменологии.

Оглавление:

Предисловие. Введение.

Глава 1. Язык; проблемы исследования и генезиса: 1.1. Методологические и концептуальные основания исследования языка; 1.2. Проблема исходной «клеточки» и функции праязыка; 1.3. Формирование субъектности и язык.

Глава 2. Язык как наличное бытие общества и действительность духовной жизни: 2.1. Концепция языка в классической немецкой философии и работах К. Маркса; 2.2. Особенности первичного языка; 2.3. Проблема возникновения общих понятий.

Глава 3. Онтология творчества и язык: 3.1. Методологические проблемы исследования творчества; 3.2. Творчество в культуре и цивилизации; 3.3. О сущности творчества; 3.4. Предпосылки и условия творчества.

Заключение.

Предисловие

В заглавие книги входит терминологическое сочетание «духовная онтология», объем которого не в достаточной мере определен. Поэтому долг автора — дать читателю возможно более полный отчет, в каком именно смысле оно употребляется. Термином «онтология» Р. Гоклениус обозначил то, что со времен античности составляло ядро философии, а именно метафизику. Поэтому правомерно было бы считать, как это делают многие авторы, термины «онтология» и «метафизика» синонимами⁶⁰. Следовательно, и словосочетание «духовная онтология», выражающее тему работы, могло бы без ущерба для смысла быть заменено эквивалентным «духовная метафизика» или «метафизика духа». Тем не менее, термин «онтология» для нас предпочтительней, как более широкий, нежели «метафизика»⁶¹. Последний не случайно противопоставлялся термину «диалектика» и, кроме обозначения определенного предметного содержания, употреблялся для характеристики специфического метода или даже методологической установки, предполагающих рассмотрение оснований всего сущего в качестве неизменных, неподвластных к трансформациям, развитию. Таким образом, онтология — это учение не только о том, что в прямом переводе «после природы», после фюсиса,

⁶⁰ Вартофский М. Модели. Репрезентация и научное понимание. — М.: Прогресс, 1988. — С. 82.

⁶¹ Ср.: Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии (Введение) // От Я к Другому. — Минск: 1997. — С. 119-120.

т. е. метафизика, но и о том также, что составляет предельные основания природы.

Как свидетельствует ряд исследователей, понятие «природа» использовалось первоначально для обозначения утробного отверстия самки четвероногих. «Обозначая место, через которое происходит рождение, — пишет В. Шадевальд, — понятие *natura* очень рано стало использоваться для перевода греческого *фисис* (*physis*). ... Оно обозначало также «творящее начало всего, что есть»⁶². М. Хайдеггер также отмечал, что латинский перевод слова *фисис* — *natura*, а тем более почерпнутое в нем и ставшее ведущим в мышлении европейского Запада понятие природы скрывают смысл того, что подразумевает *фисис* — все само собой восходящее и самораспускающееся вовнутрь своих особых границ и пребывающее в них⁶³. Но, к сожалению, отмеченные замечания остаются не услышанными, поэтому признается по-прежнему актуальным «... построение онтологии, которая могла бы избежать метафизикализации»⁶⁴.

Следовательно, онтология как исследование, охватывая предельные основания всего сущего и не-сущего, или сущность всего существующего и не-сущего (возникающего, рождающегося?), т. е. бытие, выделяет в последнем два полюса. Один из них является основанием для всего упорядоченного, устойчивого, определенного, т. е. того, что со времени античности обозначается, как «космос»⁶⁵. В свою очередь противоположный полюс — основание, которое обозначается понятием «хаос»⁶⁶.

Надо признать, что данные понятия не получили широкого распространения в философии, где, по существу, аналогичные функции, на наш взгляд, выполняли пара других понятий и посредствующее между ними. В античную эпоху в учении Платона это была триада понятий «идея — вещь (генезис) — материя (хора)». Предмет первого (идея) метафизичен, имеет онтологический статус, пребывает в вечности, лишен пространственно-временных определений — «воспринимается только умом и рассуждением, а не чувствами»⁶⁷. Второй же род, род сущего, уже относится к феноменологии. Он создается из материи, благодаря усилиям ориентирующегося на идеи, как образцы, демиурга. Он, по недоразумению названный миром «вещей»⁶⁸, вечно становится, но никогда не есть. И наконец «материя» (пространство,

⁶² Шадевальд В. Понятие «природа» и «техника» у греков // Философия техники в ФРГ. — М.: 1989. — С. 91. См. также: Философия Мартина Хайдеггера и современность. — М.: 1991. — С. 231.

⁶³ См.: Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. — М.: Гнозис, 1993. — С. 282.

⁶⁴ См.: Ахутин А. В. Понятие «природа» в античности и в Новое время («фюсис» и «натура»). — М.: Наука, 1988. — С. 182.

⁶⁵ Космос — это «вечно воспроизводящийся порядок завершенного в себе целого» (Ахутин А. В. Там же. — С. 168).

⁶⁶ У каждого из состояний мира, обозначаемых данными понятиями, в древнегреческой культуре имеется божественный патрон. У космоса это Аполлон, а у хаоса — Дионис.

⁶⁷ См. Бугай Д. В. Критика теории идей в «Пармениде» Платона // Вопросы философии, 1997. № 4. — С. 137–139.

⁶⁸ Вещей в нашем понимании, сложившемся в Новое время, античный мир еще не знал.

хора), относящаяся к небытию (ничто). Она так же, как и идея, обладает интеллигибельным характером. Материя в неоплатонизме выступала как крайний и предельный случай «деградации», отпадения от Единого.

Кроме негативных определений, материи приписывались очень важные позитивные качества. В философии Платона она рассматривалась как «мать», «восприемница», «кормилица всего сущего»⁶⁹. В древнегреческих теогониях орфиков и Гесиода именно хаос, т. е. материя, лежит в основе всего сущего. Она и описывается Платоном, а вслед за ним и стоиками соответственно⁷⁰.

Уточнив понятие «онтология», следует обратить внимание на понятия «дух», «духовный», обозначающие сверхчувственное, идеальное, нематериальное, неведущее, неприродное в общественной жизни. Исследование духовной феноменологии связано с трудностями, обусловленными прежде всего тем, что данные феномены образуют замкнутый мир, воспроизводятся, трансформируются и познаются средствами самого этого мира. Реальность, отличающаяся от духовного (и, в частности, от сознания), дана представлениями о ней, т. е. духовными же феноменами. И сама мысль о том, что есть реальность и есть представления о ней, и есть представление о представляющем данные представления субъекте, и одно отлично от другого и третьего, ниоткуда, ни из какого опыта не может быть получена. Тем не менее, она есть, и философия с самого начала своего существования постоянно обращается к проблеме духовной онтологии, формулируя ее в качестве проблемы объективного исследования духовного.

Для решения этой проблемы необходимо в самом данном непосредственно мире духовных феноменов обнаружить особые пограничные образования, которые, с одной стороны, были бы духовными, а с другой — недуховными, чувственными. С одной стороны, существующими в качестве феноменов, а с другой — обнаруживаемыми интеллигибельные и онтологические характеристики. Такими особенностями, на наш взгляд, обладает язык.

В книге рассматривается позиция, согласно которой онтологический уровень духовных феноменов образует язык, являющийся субстратом культуры и субстанцией творчества, которое по своей сущности инокультурно. Именно язык в своих культурном и творческом измерениях обеспечивает существование внеопытной сущности человека, его неотмирность, т. е. свободу от собственной телесной природы.

Таким образом, в монографии предпринимается теоретическая реконструкция генетической онтологии человеческого духа (и сознания) — исследование языка и его генезиса в направлении от социального к индивидуальному и личностному. Это потребовало критического анализа популярных гипотез глоттогенеза и выдвигания, а также схематической разработки оригинальной концепции происхождения языка, материалом которой послужи-

⁶⁹ См.: Платон Соч.: В 3 т. — М.: Мысль, 1971. Т. 3. Ч. 1. — С. 492, 658.

⁷⁰ См.: Платон Там же. — С. 673; Кузнецов В. Н. Неизвестный Платон // Вестник Московского университета. Сер.7: Философия. 2000. № 5. — С. 15.

ли богатые по своим эвристическим возможностям идеи, «разбросанные» в работах И. Канта, Ф. Шеллинга, Г. Гегеля, К. Маркса, а также таких современных исследователей, как М. Хайдеггер, Р. Барт, Х.-Г. Гадамер, Ж. Лакан, Э. Бенвенист, Б. Ф. Поршнев, М. К. Петров, М. К. Мамардашвили, Л. М. Пятигорский, К. А. Свасьян и др.

Язык, как нам представляется, если сформулировать в лапидарной форме гипотезу, развиваемую в данном исследовании, в своих исходных проявлениях есть средство превращения людей в производительную силу общества. Но в процессе своего функционирования первичный язык расщепляется, как эмбрион, на три зародышевых листка; отдельные его формации обособляются от своей основы и приобретают относительно независимое существование, поскольку люди не только являются его агентами, но постепенно приспосабливают (и совершенствуют) язык как некоторую данность (дар) к своей жизни.

В работе анализируются онтологические и феноменологические аспекты творчества. Актуализируется исследование соотношения репродуктивного и продуктивного (творческого) аспектов жизни человека в культуре. Обращается внимание на проблему субъекта творчества. Вводится впервые понятие совокупного (кооперативного) субъекта в связи с анализом феномена человеческого творчества. Развивается гипотеза о развитии человека в культуре посредством произведений творчества.

Безусловно, в рамках данной работы предпринимается лишь попытка наметить пути решения некоторых фундаментальных и по существу своему вечных проблем философии, связанных с онтологическими условиями духовного существования человека, но она представляется необходимой и предполагает продолжение.

Результаты проведенного исследования имеют не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку могут быть использованы в преподавании философии, культурологии и эстетики.

Введение. Проблема сознания и духовной феноменологии в философии

Сознание является фундаментальным понятием философии. Наряду с ним в литературе широко обращаются понятия «дух», «душа», «мышление» и другие, которые порой выступают в качестве синонимов данного, а чаще всего используются, как и оно, весьма в неопределенном и неоперациональном смысле⁷¹.

Надо признать: слишком большой объем понятия «сознание» чрезвычайно обедняет и делает неопределенным его содержание. Например, широко употребляется такое терминологическое сочетание, как «мифологическое сознание». В то же время часто встречается характеристика мифов как

⁷¹ Например, в работе Ф. Т. Михайлова: «мой внутренний мир, моя душа, мое «Я» выступают как синонимы» (См.: Михайлов Ф. Т. Загадка человеческого «Я». – М.: Политиздат, 1976. – С. 12; Он же. Общественное сознание и самосознание индивида. – М.: Наука, 1990. – 222 с.).

выражения коллективного бессознательного. Очевидно, что мифы не могут одновременно быть типом сознания и бессознательным. Общеизвестно также то, что в эпоху мифов не различались вообще мысленные, речевые и предметные действия, следовательно, также духовное и материальное, субъективное и объективное.

Корректно «вписать» сознание в систему философских понятий мешает редукционизм, внедрившийся в философию в Новое время (в связи с превращением философии в «служанку науки») и не преодоленный до сих пор. Это проблема проблем современной философии. Причем дело не только в ее сложности, но и в том, что получившие распространение и осевшие в учебниках версии сознания лишь продолжают и развивают обыденные представления об этом феномене. В этой связи М. Хайдеггер замечал, что «философия никогда не сможет опровергнуть обыденный рассудок, так как он глух к ее языку и ... слеп, чтобы видеть то, что она открывает взору, созерцающему сущность»⁷². В отличие от обыденного сознания (и зависимой от него науки), которое всегда стремится к упрощению, «ее (философии. — А. С.) изначальная задача — делать вещи более тяжелыми (трудными), более сложными»⁷³.

Если справедлива посылка, согласно которой «...никакая сфера человеческой деятельности (в том числе и материальной) не может осуществляться без идеализации человеком ее реального содержания, без превращения ее предметов и отношений в идеальные предметы и отношения...»⁷⁴, то и сознание, полагаемое предметом исследования, выступает в идеализированном виде, а следовательно, не в таком, каком оно существует в действительности. Конечно, ученый вправе принимать сложившиеся концептуальные представления о сознании, не обсуждая специально природу их источника. И это не мешает ему в ряде случаев получать содержательные результаты. Но актуализация проблемы сознания и рассмотрение имеющихся в литературе подходов обнаруживают тенденцию, когда генезис одного духовного феномена объясняется в конечном счете путем обращения к другому духовному феномену. Чтобы выйти в конце концов за пределы данной феноменологии, представляется необходимым обратиться к выяснению предмета в исследовании явлений сознания. Важность решения данной задачи обусловлена тем, что вся совокупность образований сознания является феноменологической по своему характеру. Это означает, что образования сознания, не будучи эпифеноменами, в то же время представляют собой такие явления, сущность которых не является сознанием.

Если под предметом в познании явлений сознания понимать тот контекст, который порождает, воспроизводит данные феномены, определяет их специфические особенности и в котором они вообще «существуют», то следует признать, что данный предмет оказывается предпослан исследователю вместе с объектом его познания. Иначе говоря, идеализированное представление сознания существует для исследователя в неразрывной связи (а часто

⁷² Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. — М.: Высшая школа, 1991. — С. 9.

⁷³ Там же. — С. 146.

⁷⁴ Мамардашвили М. К. Формы и содержание мышления. — М.: Мысль, 1968. — С. 17-18.

даже совпадает) с предметом, к которому он обращается в познании данной идеализации. Но то, что дано непосредственно в качестве предмета и кажется очевидным, далеко не всегда является действительно таким образованием, исследование которого позволит постичь объект.

Статьи о сознании в наиболее авторитетных отечественных философских справочных изданиях и энциклопедии написаны А. Г. Спиркиным. В них сознание он определяет генетически и функционально. В первом случае сознание «представляет собой свойство высокоорганизованной материи — мозга». Во втором — «является высшим уровнем психической активности человека, отражением реальности в форме чувствительных и умственных образов, предвосхищает практические действия человека, придавая им целенаправленный характер»⁷⁵.

Соответственно, все тайны сознания, как можно предположить исходя из приведенного определения А. Г. Спиркина, раскрываются в результате обращения, с одной стороны, к объекту отражения, а с другой — к отражающему «устройству», т. е. к органам чувств человека, его головному мозгу и психике. При этом проблема выделения данных объекта отражения и отражающего устройства почему-то почти никогда не обсуждается. Кроме того, метафорический смысл сочетания «мыслящая голова» утрачен, поэтому голова (и мозг) представляются именно в качестве вместилища и органа сознания, мышления.

Существуют странные предпочтения, когда одним выражениям произвольно придается буквальный смысл, а другие сочетания слов рассматриваются как образные выражения, художественные средства, метафоры, украшающие нашу речь. Например, фраза «полет мысли философа» (И. Кант) не предполагает ее буквальное понимание, т. е. никто не считает, что у философов, в отличие от обычных людей, мысли обладают такой фантастической способностью, как преодоление сил тяготения и полет. В то же время еще одна фраза И. Канта «...всякий знает, что, когда ему кого-нибудь предъявляют как образец добродетели, подлинник, с которым он сравнивает мнимый образец и единственно по которому он его оценивает, он всегда находит только в своей собственной голове»⁷⁶ (курсив наш. — А. С.), безусловно, не ориентирует читателя на то, что действительно в голове у него находится нравственная идея. Представление о том, что «подлинник» добродетели находится в голове, — это такой же невольный художественный прием, как и в случае с полетом мысли философа. Но для обыденного сознания как раз второй случай вовсе не метафора, а буквальное прямое выражение природы и сущности сознания. Где же еще быть мыслям и идеям человека, — считает носитель данного сознания, — как не у него в голове. Это же очевидно. Но для философского мышления, борющегося с готовыми языковыми конструкциями, это вовсе не очевидно. Если мысли и идеи — духовные образования,

⁷⁵ Философский энциклопедический словарь. — М.: 1983. — С. 622.

⁷⁶ Кант И. Соч.: В 6 т. — М.: Мысль, 1964. Т. 3. — С. 351.

а голова человека и содержащийся в ней мозг — материальные, то фраза, утверждающая, что мысли находятся в голове, также нелепа, как фраза, что мысли находятся на дне морском, или что мысли летают. Материальные и духовные (идеальные) события не могут располагаться в одних и тех же пространственно-временных локальностях, следовательно, не могут сопоставляться друг с другом, как справа или слева, сверху или снизу, внутри или снаружи располагающиеся по отношению друг к другу.

Данное рассуждение позволяет сразу же отбросить, как некорректные и реакционные, массу грандиозных проектов, гарантирующих в ближайшее время осуществление практического считывания содержания нашего мышления как сознаваемого, так и бессознательного непосредственно с головного мозга, минуя любые языковые опосредствования традиционных способов общения⁷⁷. Вообще кажущееся тривиальным различие употребления слов в прямом и переносном значениях, где последнее относится уже к художественным фигурам, представляется искусственным. По мнению Ж. Лакана, «любое употребление слова является в некотором смысле метафорическим»⁷⁸. Следовательно, никогда нельзя надеяться прийти к прямой номинации, к прямому выражению средствами языка явлений реальности, т. е. выйти «за пределы мира символа»⁷⁹. Как отмечает по этому поводу К. А. Свасьян, «...поэтический язык был бы обречен на изощреннейшие логические экзекуции наподобие той, которую — к вящей славе логики — совершает педант, изображенный Тиком: “Когда человек только сравнивает один предмет с другим, то он уже лжет. «Утренняя заря рассыпает розы» — можно ли придумать что-нибудь глупее? «Солнце погружается в море» — ерунда! «Утро пробуждается», — нет никакого утра, как же оно может спать, это ведь не что иное, как час восхода солнца. Проклятие! ведь солнце даже не восходит — и это уже бессмыслица и поэзия. О, если бы мне была предоставлена власть над языком, я бы хорошо его очистил и вымел!.. О проклятие! вымести! в этом вечно глущем мире нельзя обойтись без того, чтобы не говорить бессмыслицы!” Как не увидеть в этом педанте предтечу современных позитивистов! Благо, ему помешала истерика; без нее он, по всей вероятности, додумался бы до изобретения “протокольных предложений”, этой судебной папки процесса над мыслью»⁸⁰.

Данная проблема заслуживает более серьезного рассмотрения, которое будет предпринято в следующей главе настоящей работы. Конечно, в обыденной жизни философ ничем не отличается от других людей, следовательно, использует такие же идиоматические конструкции языка, не подвергая их критическому анализу. Когда же он начинает заниматься профессиональ-

⁷⁷ Данная перспектива широко и активно обсуждалась на страницах журнала «Вопросы философии» в 60-е годы Д. И. Дубровским и его сторонниками (См.: Д. И. Дубровский. Проблема нейродинамического кода психических явлений // Вопросы философии. 1975. № 6. — С. 88).

⁷⁸ Лакан Ж. Семинары. Кн. 1. — М.: Гнозис, Логос, 1998. — С. 311.

⁷⁹ Там же. — С. 311, 316.

⁸⁰ Свасьян К. А. Голоса безмолвия. Поэзия и правда. — Ереван, 1984. — С. 40-41. См. также: Маркузе Г. Одномерный человек. — М.: REFL-book, 1994. — С. 253.

ной деятельностью, тут уже никаких скидок на то, что не подумал, не догадался, ошибся и т. п., быть не может. Это дело его философской совести.

Употребление здесь понятий «обыденный рассудок», «обыденное сознание» не случайно. Для философствующего обыденного сознания⁸¹, тяготеющего в Новое время к материализму и эмпиризму⁸², кажется естественной первичность вещей и вторичность понятий (а также вообще всего духовного). В работах некоторых отечественных материалистов (Д. И. Дубровский и др.) предпринимались (в плане исследования природы мышления) безуспешные попытки теоретически обосновать, как, грубо говоря, материальное (в частности головной мозг человека) производит дух⁸³. Хотя сам К. Маркс, в отличие от данных своих приверженцев, следуя классической немецкой философской традиции, постоянно подчеркивал на примере феноменологии языка неразрывность духовного и материального, вечное «проклятие» духа — «быть отягощенным материей». При этом К. Маркс никогда не имел в виду и не приводил в качестве примера неразрывности духовного и материального головной мозг человека. Хотя, надо признать, оговорок, аналогичных кантовским, и у него встречается много. Это неизбежно, и ничего в этом удивительного нет. Таков обыденный язык, которым мы с необходимостью пользуемся, будучи не в состоянии из него вырваться. Можно сказать, что уже древние философы предвосхищали или разделяли мысль К. Маркса о вечном проклятии, лежащем на духе (на идеях). Последний «отягощен» материей. И, в свою очередь, и материя «отягощена» духом. Не случайно в произведениях у античных мыслителей постоянно присутствует тема особой «тонкой» материи, обеспечивающей существование идей, или выражающей идеи. А ведь обсуждение духовных феноменов без их чувственного выражения и представления вообще невозможно. Манья наглядности неизбежно заставляет прибегать к метафорам.

В работах Д. И. Дубровского и ряда других отечественных философов, как отмечалось выше, обсуждается даже практическая задача расшифровки форм и содержания структур головного мозга как форм и содержания психики и частного случая последней — сознания. Безусловно, решение этой задачи (по нашему убеждению, это псевдопроблема) — прерогатива не философов, а физиологов, нейропсихологов. Если данная фундаментальная проблема философии решается представителями эмпирических естественных наук, имеет ли она право на существование? Следует отметить: естествоиспытатели пока не откликаются на призыв вышеупомянутых энтузиастов.

⁸¹ Э. Гуссерль пользовался применительно к данным контекстам понятием «натуралистическая установка», противопоставляя его понятию «философская установка» (См.: Гуссерль Э. Идея феноменологии // Фауст и Заратустра. — СПб.: Азбука, 2001. — С. 160–168).

⁸² Ни для кого не является секретом, что по масштабу философы, причисляемые к идеализму, были значительно крупнее, нежели их антиподы — материалисты.

⁸³ Как замечал по этому поводу М. Мамардашвили, «природа мысли — не проблема позитивной науки», «сознательная жизнь бесосновна, т. к. не имеет оснований в природных механизмах» (См.: Мамардашвили М. Картезианские размышления. — М.: Прогресс; Культура, 1993. — С. 104, 108).

Решение проблемы происхождения исходных абстракций (общих идей) последовательными эмпириками приводит их в конечном счете к отдельно-му индивиду, к головному мозгу и заставляет считать последний органом, производящим сознание. Следовательно, все предметно-содержательные и формальные компоненты мышления выводятся, с одной стороны, из внешней материальной действительности, включающей в себя тело и головной мозг конкретного человека, с другой стороны, из устройства этого мозга как «мыслящей машины». Так, психическое, которое в данную эпоху (и до настоящего времени) соотносится с сознательным как род с видом, оказывалось в функциональном плане связанным с головным мозгом, а в предметно-содержательном — с внешней материальной действительностью⁸⁴. Отсюда и возникает проблема психофизического параллелизма.

Правомерность ее анализа и сейчас не утратила актуальности⁸⁵. Э. В. Ильенков замечал, что «...для эмпиризма вообще роковой и принципиально неразрешимой оказывается уже пресловутая проблема «другого Я» — а есть ли оно вообще?»⁸⁶. Но почему-то Э. В. Ильенков не ставит еще более актуальный и роковой вопрос, причем не только для эмпириков, но и для всего материализма, который он сам в данном случае представляет: что такое «Я» вообще, причем не только чужое, но и собственное, а также какова его природа? Ведь сколько ни рассуждай о головном мозге как органе сознания, проблема не решается — необходимо показать, как это сознание вообще производится и как существует. Но отмеченные вопросы нельзя редуцировать к вопросу, «как материальное производит идеальное», поскольку он не корректен. Анализ «Я» тем еще интересен, что его нельзя редуцировать ни к внешней реальности (нет чувственного предмета, отражением которого бы оно являлось), ни к психическому миру индивида. «Я», как отмечает Ж. Лакан, не имеет ничего общего с тем предполагаемым единством реальности субъекта, которое так называемая общая психология отвлеченно постулирует как заложенное в его «синтетических функциях»⁸⁷.

Что отражает или отражается в «Я»? С одной стороны, на обыденном уровне «Я» автоматически признается знаком, обозначающим эмпирического субъекта, с другой — в философской традиции от Р. Декарта до И. Канта, как считают современные исследователи, «Я» уже является не знаком самооткровенности субъекта, а символом нетождественности субъекта акта познания вещному «Я», символом, из которого не следует никакого знания о психологическом субъекте, носителе этого знания вещей⁸⁸.

⁸⁴ Причем, как в случае с психикой, так — и с сознанием, существование никаких форм, кроме индивидуальных, не предусматривается.

⁸⁵ См.: Давыдов В. В., Иллеш Е. Э. Исторические корни психофизического параллелизма // Вопросы философии. 1979. № 11.

⁸⁶ Ильенков Э. В. Проблема идеального // Вопросы философии. 1979. № 6. — С. 32.

⁸⁷ См.: Лакан Ж. Семинары. Кн 1. — М.: Гнозис; Логос, 1998. — С. 385.

⁸⁸ См.: Мамардашвили М. К., Пятигорский Л. М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.

И поскольку без «Я» не может быть сознания, правомерно ли употреблять такие понятия, как мифологическое сознание? Конечно, обращение к языку есть, на наш взгляд, выход из тупика в исследованиях сознания. И вообще, поскольку «Я» не только явление сознания, но и феномен языка (в частности, личное местоимение), какова природа местоимений? Эти проблемы обсуждаются в следующей главе настоящей работы.

Попытки отечественных философов (прежде всего Э. В. Ильенковым и его последователями) представить сознание в качестве «общественного продукта» оказались неудачными. Исследователи обычно «застревают» на понятии «идеальное». Они справедливо считают, вслед за К. Марксом, идеальное объективным явлением, «наличным бытием» специфической формы общества для ее агентов. Но показать, как генетически и функционально связаны друг с другом объективные «идеальные», «символические», общественные определения предметов действительности, неотличимые от их природного существования, с сознанием, ни Э. В. Ильенков, ни его сторонники оказались не в состоянии. Между идеальными свойствами предметов окружающей общественных агентов действительности и идеальным сознанием не был построен теоретический мостик.

Причинами неудачи являются отсутствие исторического анализа сознания и рассмотрение сознания вне его связи с собственными предпосылками, а также с языком. Хотя необходимые методологические средства и опыт исследования аналогичных сознанию превращенных форм имеются. Например, разработанный и в какой-то мере опробованный К. Марксом метод восхождения от абстрактного к конкретному.

Оригинальная и глубокая концепция сознания разрабатывалась М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорским. Считая сознание метапсихическим и метаязыковым образованием, исследователи в то же время признают возможность его пересечения с психикой и языком⁸⁹. К сожалению, они ограничиваются в своих изысканиях чисто феноменологическим его анализом в связи с знаковыми системами, не актуализируя проблемы происхождения и исторических трансформаций сознания и языка. Хотя в ранней работе М. К. Мамардашвили была заявка на анализ онтологических предпосылок сознания в русле идей К. Маркса⁹⁰.

Значение термина «со-знание» в какой-то мере может быть определено по аналогии с терминами «со-чувствие», «со-переживание», «со-страдание». Последние указывают на специфическое отношение к какому-либо состоянию «другого»: переживанию, страданию или знанию. На первый взгляд, это «знающее» отношение, поскольку, чтобы сопереживать, необходимо самому уже иметь опыт подобных состояний (переживаний, страданий,

⁸⁹ Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.

⁹⁰ См.: Мамардашвили М. К. Анализ сознания в работах Маркса // Вопросы философии. 1968. № 6.

знаний). Тем самым кажется, что сознание «себя» предшествует сознанию «другого». Но все-таки, как мы попытаемся доказать в дальнейшем, вопреки обыденным представлениям, первично сознание «себя» как «другого», или самосознание в «другом». И в этом отношении проблематично говорить о производности сознания «другого» от сознания «себя». Таким образом, сознание есть прежде всего самосознание. Чтобы сознавать нечто, необходимо сознавать предварительно «себя» в качестве сознающего субъекта. Только формы сознания «себя» варьируются. В этом плане можно сказать, что самосознание и является условием сознания⁹¹.

Сознание — не отражение, о какой бы его форме речь ни шла. Если бы говорилось только об отражении, то не было бы смысла вводить наряду с термином «психика» термин «сознание». Сознание «появляется», когда возникает отношение даже не к психическому содержанию, а отношение установленного субъекта к выраженному средствами языка содержанию. В том числе и психическому. Таким образом, намечается связь сознания и языка. Приставка «со» — в термине сознание (даже если понимать ее по аналогии с латинским «cum», входящим, в архаической форме «cop», в слово conscientia) указывает не на предмет (или содержание) знания, а на того, кто этим знанием обладает, то есть эта приставка соотносит знание с его обладателем. С таким пониманием согласуется и наличие приставки «be-» в немецком *Wewusst-sein*, буквально: бытие (*sein*) того, кто «снабжен» знанием⁹². При этом этимологическая «производность» слова «сознание» от слова «знание» менее всего означает онтологическую производность сознания от знания.

Сознание нейтрально в психическом плане, или вообще метапсихично. В той же мере, на наш взгляд, метапсихично и бессознательное. Но в то же время психические феномены могут быть содержаниями знаний, объектами сознания. Чтобы осознавать собственные чувственные состояния и их источники, необходимо получить особую, независимую от них инстанцию и трансцендентальный понятийный аппарат. Видом такой инстанции является «Я», которое уже не является психическим феноменом. Загадка генезиса сознания как раз и состоит в объяснении появления «Я» (ведь оно вообще в потенции бесчеловечно, не связано с психофизиологическими человеческими возможностями и измерениями), а также системы предметных и символических понятий, которые являются трансцендентальными условиями жизни человека, поэтому в традиционной философии соотносятся с понятием «бытие». Так выявляется двоякая зависимость и производность сознания как феноменологического образования: с одной стороны, от языка, а с другой стороны — от бытия (безусловно, в философском, а не обыденном понимании последнего).

Ученые, считающие сознание продуктом деятельности головного мозга человека, или полагающие его общественным продуктом, должны еще

⁹¹ Ср.: Суворов О. В. Разум и феномен «Я» // Вопросы философии. 2000. № 4. — С. 130–137.

⁹² См.: Словарь словообразовательных элементов немецкого языка. — М.: Просвещение, 1979. — С. 80.

учесть всеобщий и необходимый, следовательно, объективный характер сознания в аспекте его трансцендентальной организации. Надо признать, что для первых, руководствующихся в понимании объективного обыденными представлениями, сознание всегда субъективно. Так, для Д. И. Дубровского сознание идеально, а идеальное есть субъективная реальность. В свою очередь понятие субъективной реальности имеет «четкое значение» только на уровне индивидуального сознания⁹³; «...вне и помимо психического сознание не существует»⁹⁴. Кроме сознания, психическое, по мнению данного исследователя, включает в себя бессознательное. Психическое «помещается» Д. И. Дубровским в нейродинамические структуры головного мозга человека, который в конечном счете выступает единственным предметом в изучении как сознания, так и бессознательного⁹⁵. Хотя, как замечал еще Г. Гегель, «...слово «объективность» имеет тройкий смысл. Во-первых, оно употребляется в смысле существующего во внешнем мире, в отличие от только субъективного — мнения, мечтания и т. д.; во-вторых, оно имеет установленный Кантом смысл всеобщего и необходимого, в отличие от принадлежащего нашему ощущению случайного, партикулярного и субъективного и, в-третьих, оно употребляется ... в смысле мыслимого «в себе», того, что есть, в отличие от только мыслимого нами и тем самым отличающегося от самой вещи, т. е. вещи в себе»⁹⁶. В этой связи Гегель подчеркивает, что признание объективности мысли не предполагает приписывания сознания предметам природы, следовательно, понимания внутренней деятельности вещей как мышления. Он предлагает «...говорить о природе как системе бессознательной мысли, как окаменелом интеллекте, по выражению Шеллинга»⁹⁷. Если перефразировать знаменитое определение К. Марксом языка как «действительного сознания», получится, что условием существования сознания для меня является его существование для всех⁹⁸. Следовательно, через выявление всеобщности и необходимости признается объективность сознания. Близка к данной и точка зрения Ж. Лакана, отмечающего, что «...не все, относящееся к воображаемому и являющееся в собственном смысле слова иллюзорным, является в силу этого и одновременно субъективным. Бывают иллюзорности вполне объективные...»⁹⁹.

Каков же предмет в исследовании такого объекта, которым является сознание? Как было показано, теория отражения, в основе которой лежит обыденная точка зрения, противоречит положению об общественной природе сознания. Ведь общество не входит в содержание отражаемой реальности, т. е. не отражается (не дано в опыте), а также к обществу при всем желании

⁹³ См.: Дубровский Д. И. Проблема идеального. — М.: Мысль, 1983. — С. 150-151.

⁹⁴ Там же. — С. 51.

⁹⁵ См.: Дубровский Д. И. Мозг и психика // Вопросы философии. 1968. № 8. — С. 131.

⁹⁶ Гегель Г. Энциклопедия философских наук. — М.: Мысль, 1975. Т. 1 — С. 156.

⁹⁷ Там же. — С. 121.

⁹⁸ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 3. — С. 29.

⁹⁹ Лакан Ж. Семинары. Кн. 2. — М.: Гнозис, Логос, 1999. — С. 75.

нельзя отнести головной мозг человека и вообще его тело, т. е. общество не соотносимо с мозгом как отражающим устройством. Как отмечал К. Маркс, общество — это не сумма людей, а система отношений между ними. Точно так же и язык для сторонников понимания сознания как отражения неминуемо считается не предпосылкой, а в конечном счете продуктом сознания.

Сознание предполагает отношения между тремя членами: между состоянием знания, представлением, переживания и т. п. и знанием этого состояния, которое является особым состоянием, отличным от первого, и «Я». И. Кант проницательно заметил, что «сознание есть, собственно, представление о том, что во мне находится другое представление»¹⁰⁰. Сознание — это знание того, что я ЗНАЮ. «Знаю» в данном случае состояние, отличаемое от других. Кроме того, это знание того, ЧТО я знаю. Это уже указание на нечто, отличающееся от данного знания, указание на то, о чем это знание. Это может быть знание о знании и о чем-либо другом, отличном от знания. И наконец, знание того, что «Я» знаю, подразумевает субъекта-наблюдателя, который находится в отношении «знающего» к содержанию сознания. Таким образом, возникает необходимость считать, что там, где есть сознание, имеет место различение знания, его объекта и субъекта (носителя). Но, различая знание и его объект, необходимо выделить в поле знания то, что являясь объектом знания, объектом-знанием быть вообще не может. Иначе говоря, то, что можно знать, но то, что само знанием не является. То, что несет на себе отпечаток субъектности, отличаемо от «Я». Нормы и ценности, например. Последние не столько характеризуют объект, сколько предъявляют требования к субъекту (отличаемому от «Я»), находящемуся в отношении к объекту (или субъекту), и оценивают его действия. Причем требования не имеют связи с какими-либо особенностями объекта (и субъекта). Эти требования адресуются не к «Я», не к субъекту знания, а к субъекту воли, в отношении к которому также может находиться «Я» в качестве бесстрастного наблюдателя. Эта позиция квалифицируется в литературе как позиция «адвоката дьявола».

Когда «Я» знаю нечто, это нечто отличается от знания и находится в другой плоскости. Но не в реальности, если под реальностью понимать то, что существует независимо и вне сознания. Здесь имеется в виду отношение между различными формами сознания в рамках того же сознания, свидетелем которого является «Я». В объяснении появления этого отношения к отношению и лежит разгадка сознания. Традиционная для нашей философской литературы советского периода теория отражения, где предпринимается попытка понять сознание как высшую форму этого универсального «свойства» материи, вообще не касается проблемы генезиса отмеченных состояний. Важно не наличие представлений, ощущений и т. п. Важна возможность сознавать их наличие, следовательно, в качестве «Я» относиться к ним, как к реальности. Природа не создает для этого предпосылок. Их

¹⁰⁰ Кант И. Трактаты и письма. — М.: Наука, 1980. — С. 340.

«создает» язык как субстрат культуры, предоставляющий в некотором роде систему «пустых» форм-органов, которые каждый человек в процессе жизни «присваивает» себе, заполняя психическим материалом, и применяет для самоописания и деятельностного самоопределения в реальности. Знаково-символические образования языка, однако, не представляют из себя особой субстанции (или субстанций), а суть проявления и средства таким образом обнаруживающихся сущностей: общества, культуры.

Специального телесного органа для восприятия сверхчувственного (символического, идеального) у человека вроде бы нет. И единственный канал, связывающий его с внешним и внутренним, — это ощущения. Чтобы «читать» окружающий мир как текст, необходимо уже быть во власти языка и владеть языком. Благодаря этому чувственное переживание реальности будет опосредоваться и определяться особенностями языка¹⁰¹. Человек видит не глазами, а словами.

Мы же не просто видим, но знаем, ЧТО видим, что ВИДИМ, оценивая при этом качество: хорошо или плохо. Кроме того, знаем, КТО видит, имея в виду, безусловно, не глаз. Но кому это «нам»? Кто это существо, различающее внешние и внутренние ощущения и делающее заключения об источниках, объектах и субъектах этих ощущений, следовательно, находящееся в отношении к ощущающим органам и к их содержанию, и к предмету, воздействующему на органы? Ведь то, что ощущает, не может само произвести разграничение ощущений. Должно существовать образование, которое, с одной стороны, в качестве наблюдателя находится в отношении к содержанию ощущений, а с другой — к аппарату, обеспечивающему эти чувственные впечатления, то есть, в конечном счете, к собственному телу, его органам. Кроме того, наблюдателю должна быть предпослана понятийная схема, позволяющая дифференцировать ощущения и их источники. Где этот наблюдатель и система понятий и в каком материале, несомненно, отличающемся от телесно выраженных органов чувств и вообще психического, локализованы и выражены они? Что является их субстратом? Ведь мы заключаем не от ощущений к их источникам, а наоборот — на основании представлений об источниках делаем выводы о тех ощущениях, которые они в нас могут вызвать. Безусловно, здесь имеется в виду язык, который и опосредствует наши реакции на показания органов чувств, и выделяет сами данные органы и определяет вообще их содержание.

Данные соображения приводят к объяснению необходимости существования в языке особого сверхчувственного оператора, или субъекта. Для исследователя этим сверхчувственным оператором и субъектом становится «Я», не имеющее никакого отношения к индивидуальному психологическому субъекту, следовательно, являющееся метапсихическим образовани-

¹⁰¹ Ср.: Любутин К. Н., Пивоваров Д. В. Идеальное как взаимоотражение субъекта и объекта // Философские науки. 1988. № 10. — С. 22–32.

ем. И. Кант называл его «трансцендентальным единством апперцепции». Собственно этот субъект всегда уже есть, предваряя любой опыт в качестве «первичной апперцепции»¹⁰². Но в то же время, как в филогенезе, так и в онтогенезе «Я» не является докультурной предпосылкой и образуется достаточно поздно в качестве феномена сознания¹⁰³. «Я», по мнению И. Канта, как «акт спонтанности», самосознание, лишенное каких-либо чувственных предикатов, с необходимостью сопровождает любое представление, которое в противном случае для человека не существовало бы¹⁰⁴. Но если «Я» условие существования любого представления, то появляется соблазн последнее считать производным от «Я».

Ж. Деррида развивает концепцию «Я» в связи с идеями К. Маркса о языке как «действительности сознания» и о превращенности последнего. У Ж. Дерриды «Я» выступает как означающее, которое в процессе развития языка полностью редуцируется. «Слышать собственный голос (*la voix s'entend*) (именно это, конечно, и называется сознанием) так близко от «Я», в котором означающее полностью стерто, — пишет Ж. Деррида, — это чистое самовозбуждение: оно необходимо принимает временную форму и не ищет вне себя, в мире или в «реальности», никакого означающего, никакой субстанции выражения, чуждой своей собственной стихии»¹⁰⁵.

Когда В. И. Ленин писал о том, что материя — это объективная реальность, которая дана человеку в его ощущениях, он и не подозревал, к каким негативным последствиям для материализма это может привести. Как мы можем в качестве «Я» вообще относиться к своим ощущениям? Ведь для «Я», поскольку оно не какой-то особый телесный орган, и не вся их совокупность (тело), эти ощущения не «свои». Наше «Я» не является источником ощущений, но также оно не есть предмет ощущений и представлений, его нельзя ощущать. Л. Витгенштейн отмечал, что «имеется смысл, в котором в философии можно не психологически говорить о «Я». «Я» выступает в философии благодаря тому, что «мир есть мой мир». Философское «Я» есть

¹⁰² Распространенное в отечественных источниках понимание сознания как отражения игнорирует очевидный вопрос: что отражается в «Я»? Или есть в сознании образования, не являющиеся ничьим отражением, а представляющие собой необходимые условия для него? Причем именно эти образования, на наш взгляд, следует считать первичными духовными феноменами и в силу изначального единства языка и духа — первичными явлениями языка.

¹⁰³ Согласно М. Моссу, категория «Я», «культ «Я», «уважение к «Я» — сравнительно недавнего происхождения. На примере обществ индейцев тихоокеанского побережья Северной Америки и австралийских аборигенов он доказывает, что в дописьменных обществах существует не понятие о «Я» (в отличие от ощущения телесной и духовной индивидуальности, которое существовало всегда и везде), но понятие персонажа, роли, функции, выполняемой индивидом в социальной жизни. (...) Что же касается собственно категории «Я», обозначающей психологическое существо, то оно, по мнению М. Мосса, появляется в европейском мире лишь в конце XVIII века в результате огромных социальных и интеллектуальных сдвигов (См.: Mauss M. *Sociologie et anthropologie*. — P. 276, 350. См. также: Баткин Л. М. *Итальянское возрождение в поисках индивидуальности*. — М.: Наука, 1989).

¹⁰⁴ См.: Кант И. Соч.: В 6 т. — М.: Мысль, 1964. Т. 3. — С. 191–192.

¹⁰⁵ Деррида Ж. *Грамматология*. — М., 1999.

не человек, человеческое тело и человеческая душа, о которой говорится в психологии, но метафизический субъект, граница — а не часть мира»¹⁰⁶.

Возможно ли формировать представления, понятия о мире, о материи как объективной реальности и т. д. из материала ощущений? Безусловно, нет. Ведь как показали Платон, представители средневекового реализма, рационалисты и И. Кант: чувства без понятий слепы. Откуда же берутся эти понятия? Откуда берется трансцендентальное «Я»? Вопрос состоит в том, как формируются образования, обеспечивающие, с одной стороны, осознанное видение, слышание, и с другой — позицию наблюдателя (то есть «Я») по отношению к ним и не только к ним.

Психические наши реакции на внешние и внутренние раздражения — природного происхождения, но проработка психического зависит уже от этих искусственных или неприродных образований (идей, форм, органов). Эти неприродные образования делают «открытыми» самому человеку в специфических формах способы его взаимодействия с реальностью и собой. Человек, благодаря им, не только успешно действует, но и сознает, в отличие от животных, что он действует и как он действует. В то же время нельзя предполагать, что эти искусственные органы специально для этого и создаются, т. е. обладают телеологическим смыслом.

На наш взгляд, изначально слова «душа» и «душевное», «дух» и «духовное» (а также «идея» и «идеальное») не имели никакого отношения к сознанию и знанию. Поскольку последних просто не было еще в том смысле, что для этого просто отсутствовали необходимые знаковые средства. У Платона, например, выделялись три души (психе, тюмос и ноос), и лишь одна из них — разумная — может в какой-то мере соотноситься с сознанием, поскольку, с одной стороны, находится в отношении к двум своим «сестрам»: вожделеющей и мужественной, а с другой — будучи частью мировой — к идеям. Уже в неоплатонизме, а позже и в христианской философии совершенно оправданно отмечалось, что вообще не душа находится в теле, в том числе в такой его части, как головной мозг (печень или сердце), как представляется естественным для обыденного сознания в настоящее время, а тело¹⁰⁷ в душе. Причем именно в последней (в ее границах) происходит встреча двух противоположных форм духа. При этом данные две противоположные формы духа (например, вожделеющая и мужественная — у Платона, злая и добрая — у христианских мыслителей, природа и свобода — у И. Канта) символически выражают различные определения воли человека, которые и сталкиваются во «внутреннем пространстве» души. Любой поступок человека предполагает борьбу между этими определениями, субъекты которых находятся в трансцендентном мире: положительном, связанном с Богом, и отрицательном — дьявольском (образующими ценностную систему

¹⁰⁶ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. — М.: ИЛ, 1958. — С. 641.

¹⁰⁷ Тело в данном случае выступает не в качестве предмета, описываемого знанием, а как символ.

координат для человеческой жизни в посястороннем мире). Чувственные предметы сами по себе, вне их отношения к доброму и злему, в сознательном плане ничего еще не значат, не сознаются, не выступают в качестве знания. Они представляют материал мифологии.

З. Фрейд одним из немногих отнесся к мифам не как гносеолог. Для него мифология — это первоначально «метапсихология», т. е. вынесенная во-вне (на самом деле — родившаяся вне. — А. С.) психологическая структура человека. Он пишет, что «...значительная доля мифологического мирозерцания представляет собой не что иное, как проецированную на внешний мир психологию»¹⁰⁸. По его мнению, «примитивный человек перенес во внешний мир структурные условия собственной души»¹⁰⁹.

Сознание как особая предметность, на наш взгляд, появляется в качестве своеобразной надстройки над душой, надстройки, отрицающей в диалектическом смысле собственное основание. Поэтому оно кажется себе самому беспредпосылочным¹¹⁰. Форма сложилась, и следы происхождения ее стерты. В ней и помещается «фигура» наблюдателя, «Я».

Для этого «Я», конечно, непосредственно даны только, с одной стороны, внешний мир чувственных событий (протяженная субстанция), а с другой стороны, «внутренний» мир — психических переживаний, эмоций, мыслей и т. п. (мыслящая субстанция). И все беспредметные понятия (такие, например, как Бог, демон и т. п.)¹¹¹ кажутся порождениями «исступленной фантазии» (П. Гольбах). Тут-то и возникает всеобщая популярная иллюзия, что человек их «придумал». Но почему-то сторонники этого легкого объяснения природы всех идей, не будучи при этом сами творческими существами, следовательно, не имея соответствующего «опыта», не задумываются над тем, почему же подлинные творцы и создатели нового в науке и искусстве, когда заходит речь об авторстве, приписывают его не себе, а именно этим особым сверхъестественным субъектам (богам, музе, демонам и т. п.).

В сознании, тождественном с самосознанием, появляется уже возможность внешнего отношения к духовному и телесному не только как различным определениям воли¹¹². Отсюда и возникает нетривиальный до сих пор вопрос: «что возникает раньше: сознание или воля?» В классической философии и в работах К. Маркса данные понятия были «неразлучной парой». А сейчас то и другое выступают просто, как два ряда предметностей, выраженных не симво-

¹⁰⁸ Фрейд З. Психопатология обыденной жизни. — М.: Госиздат, 1925. — С. 227.

¹⁰⁹ Фрейд З. Тотем и табу. — М.: Госиздат, 1923. — С. 101-102.

¹¹⁰ В этой ситуации и появляется возможность возникновения превращенных форм, восполняющих действительные «стертые» связи и зависимости фикциями, которые тем не менее не мешают функционировать в данном случае сознанию. Именно в Новое время формируется мания, как выражался Ф. Энгельс, «натуралистического» противопоставления сознания бытию, природе как объекту, с одной стороны, и головному мозгу человека в качестве его органа (и субъекта), с другой.

¹¹¹ Симптоматично, что в логике они относятся к нулевым, или пустым.

¹¹² Первоначально это отношение рефлектируется как позиция «адвоката дьявола».

лами, а знаками, для внешнего наблюдателя. Причем предметностей, которые персонифицируют не борьбу противоположных определений воли человека, т. е. борьбу человека с самим собой в пространстве души, а утилитарную и рациональную борьбу человека с внешней реальностью, за которой не стоит никакая абсолютная сущность. Первоначально же пространство души было сращено с пространством мира и не отличалось от последнего. Искусство существует и питается за счет этого прошлого, но в рудиментарном виде сохранившегося тождества духовного, душевного и чувственного, реального.

А в гносеологическом аспекте вообще духовное¹¹³ начало оказывается как бы за скобками: строится теоретическая модель, в которой нет человека как процессуального свободного субъекта, а есть только вещи. Соответственно, и человек становится объектом познания и познается, поскольку уподобляется вещи, т. е. лишается собственно человеческих, душевных и духовных определений.

Еще в средневековье подобная позиция была невысказана. Да и Декарт не занимается, как может предстать, обсуждением нелепого вопроса, «Что первично: материя или сознание?» В сущности, данный вопрос — вырожденный вариант вопроса о приоритетном определении воли, волновавшего гностиков и августинианцев. Для манихеев же, стоявших на позиции дуализма, проблема первичности вообще не возникала. Для гностиков, безусловно, первично материальное начало, персонифицирующее зло, и вторично, но не производно от первого — духовное (доброе) начало. Для августинианцев первично духовно-доброе, а духовно-злое, в отличие от первого, вообще лишено онтологического статуса, существует лишь на феноменологическом уровне, который уже в средневековую эпоху оформляется в посюстороннюю реальность. Тогда как в античности четкой границы между посюсторонним и потусторонним, между феноменологическим и онтологическим еще не было.

В связи с обсуждением проблемы отношения между духовным (идеальным, сверхчувственным) и материальным (чувственным) целесообразно обратиться к проблеме различения «внешнего» и «внутреннего» вообще, поскольку употребление этих понятий, безусловно, связанных с отмеченной выше парой, во многих случаях не является, на наш взгляд, корректным. Следует решить: либо их конкретное содержание определяется ситуативно, в зависимости от объекта и позиции наблюдателя. Либо понятия «внешнее» и «внутреннее» имеют внеситуативный, абсолютный смысл. То есть существует заранее выделенная граница между мирами, в каждом из которых находится наблюдатель. У каждого из них тот мир, к которому он принадлежит, является внутренним, а лежащий по ту сторону — внешним. При этом

¹¹³ Многие исследователи отмечают, что даже в Новое время понятия «духовное», «моральное» и даже «онтологическое» отождествляются, а в романских языках выражаются одним и тем же словом. (См.: Дробницкий О. Г. Понятие морали. — М.: Наука, 1974. — С. 50).

для самого исследователя, находящегося в качестве абсолютного наблюдателя в отношении к данной предметности, она является внутренней¹¹⁴.

По отношению к какому предмету вообще в данном случае выделяют «внешнее» и «внутреннее», если рассматривать их в чувственном аспекте? Следует признать, что все определения данных понятий оказываются тавтологичными. Ведь что такое внешнее? Это все то, что существует за пределами конкретного человеческого тела или любого чувственного предмета, принятого за точку отсчета. А внутреннее? Это все то, что существует внутри данного предмета или тела¹¹⁵. Таким образом, граница между внешним и внутренним применительно к человеку есть его кожная оболочка. На ней и находится субъект. Что вне ее, то внешнее. Что внутри этой оболочки, то внутреннее. Но сама-то кожа, поскольку обладает двумя сторонами, относится и к внешнему, и внутреннему, как всякая граница. Такова вообще феноменологическая реальность. Но правомерно ли употреблять термины «внешнее» и «внутреннее» для характеристики отношения между явлениями сознания и явлениями чувственной реальности? Конечно, такая практика существует, т. е. под внутренним понимается все сверхчувственное, а под внешним — чувственное (не важно, находится оно внутри человеческого тела или вне его). Хотя именно это понимание терминов представляется наиболее некорректным. Невозможно выделить границу. Чувственные и сверхчувственные явления, как показано было выше, невозможно рассматривать в пространственном отношении друг к другу, как находящиеся в одном континууме справа или слева друг от друга, сверху или снизу, снаружи или внутри.

Распространенные представления о том, что внешняя и внутренняя чувственные реальности даны нам в ощущениях есть не что иное, как некорректная теоретическая абстракция, возникшая в Новое время у эмпириков, игнорирующих простой вопрос «кому это нам?» И если ответ на данный вопрос при такой постановке возможен, т. е. каким-то способом фундируется фигура субъекта, автоматически возникает другой вопрос: «Дается ли нам в ощущениях что-либо вообще?» То, что сверхчувственное не дано в ощущениях, вроде бы очевидно, а вот то, что чувственное также не дано в ощущениях, уже вызывает недоумение, хотя это тоже очевидно, если только задуматься над тем, способно ли сверхчувственное ощущать. Разве «Я» является субъектом ощущения?

Как и все вообще продукты обыденного сознания, эти представления о сознании никогда до конца¹¹⁶ не продумываются, все возможные теоре-

¹¹⁴ См.: Тулмен С. Овнутривание умственной жизни // Сумма философий. Философский ежегодник. — Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1991. Вып. 1. — С. 61 (57–73).

¹¹⁵ Граница между внешним и внутренним оказывается движущейся; как показывает А. Ш. Тхостов, в рамки тела входят все освоенное человеком в культуре (См.: Тхостов А. Ш. Топология субъекта (опыт феноменологического исследования) // Вестник Московского университета. Сер. 14: Психология. 1994. № 2. — С. 3–13).

¹¹⁶ Безусловно, до «конца» продумать что-либо невозможно. Тем не менее нам всегда задаются пределы.

тические последствия не подвергаются систематическому анализу. А ведь если сторонники эмпиризма проделали бы эту работу, они убедились бы в нелепости исходных посылок и аксиом, представляющихся сначала безупречными¹¹⁷. Что такое ощущения? Ощущения есть в сущности результаты воздействия на органы чувств каких-либо внешних и внутренних факторов, которые и предоставляются нам. При этом сами органы чувств также должны ощущаться. Но орган тогда обнаруживает себя, когда начинает плохо работать. Об органах чувств мы узнаем также из органов чувств, но других. Хотя саму эту процедуру, где органы находятся в отношении друг к другу, мыслим в понятиях, которые ни из какого опыта не выводимы. Например, о том, что глаза начинают плохо видеть, делается заключение на основании того, что субъект не может прочесть газетный текст, или натывается на предметы. Хотя можно рассуждать иначе: глаза у него видят так же, как и раньше. Вот только шрифт или краска в типографии используются некачественные, поэтому и печать становится неразборчивой. И предметы, о которые субъект спотыкается, попадают на дороге, потому что он их невольно создает самим актом своего движения. Самое главное, что необходимо учитывать здесь, это то, что наши органы (слух, зрение и т. п.) суть произведения культуры, а не природы. Они вообще искусственны. Человек как культурное существо видит не глазами, а словами.

Но как быть с данными понятиями, когда они употребляются для сопоставления мыслей и слов, мыслей и вещей. Пространственная ориентация всех перечисленных предметов осуществляется в сознании, поэтому мы ведь сопоставляем не вещь и не мысль, а две различных мысли как два различных пласта сознания¹¹⁸. Чтобы не обречь себя на солипсизм, избавиться себя от неразрешимой проблемы доказательства существования чужих сознаний, следует обратиться к языку. Возможность общения и сообщения своих мыслей посредством объективации с помощью средств языка так же, как получения, «перевода» чужих мыслей, освобожденных от устной или письменной речевых оболочек, свидетельствует об объективности языка, следовательно, и объективности сознания.

Обращение к проблеме «внешнего» и «внутреннего» является чрезвычайно важным и в связи с проблемой понимания генезиса, существования и развития сознания. Обратимся к обсуждению механизма интериоризации. В работах Л. С. Выготского многократно и на разные лады повторяется одна и та же формула: в развитии высших психических функций (или сознания) «внешнее» становится «внутренним». При этом внешнее считается

¹¹⁷ Представление философского сознания как более глубокого, нежели обыденное, не является тривиальным.

¹¹⁸ Поэтому когда Р. Декарт выделял две параллельно существующих субстанции (мыслящую и протяженную), он не имел в виду противопоставление сознания и реальности, существующей вне сознания, а рассматривал их в качестве различных сторон, пластов точечного сознания, движущегося в рамках бесконечного божественного интеллекта.

материальным, а внутреннее — идеальным¹¹⁹. Психологом выделяются три ступени в этом процессе для иллюстрации данного «генетического закона культурного развития». Специфическим примером служит «история развития указательного жеста». Вначале, как ему представляется, это неудавшееся хватательное движение. Затем данное движение повторяется для другого человека в качестве указания и редуцируется. И наконец данный жест становится знаком для самого себя¹²⁰. В последнем случае, как можно предположить, данное действие, по мнению Л. С. Выготского, уже редуцируется до мысленного действия, до акта внутренней речи, т. е. становится идеальным. Другой пример его связан с чистой мыслительной деятельностью. Данный психолог, ссылаясь на высказывания Дж. Болдуина и исследования Ж. Пиаже, утверждает существование генетической связи между спорами ребенка и его размышлениями¹²¹. При этом подразумевается бинарная оппозиция «внешнего» и «внутреннего», в конечном счете представляющаяся как оппозиция «материального» и «идеального». Но, чтобы выйти наконец-то из данного теоретического тупика, следует напомнить, как только мы переходим от обыденного потребления данных понятий и начинаем подвергать теоретической рефлексии, они становятся расплывчатыми. И все попытки их четкого определения, как показывает опыт отечественных и зарубежных исследователей, оказываются безрезультатными. Тем самым обнаруживается, вероятно, их изначальный метафорический характер. А в метафоре, как известно, предметы обладают симметричностью. В этой связи возникает вопрос: «Правомерно ли члены метафорических конструкций вообще представлять в качестве теоретических отображений?» Безусловно, нет. Они являются символическими образованиями, которые вообще ничего не отображают. Они выполняют другую функцию. Если метафора представляет одно как другое, то это не значит, что эти предметы находятся друг с другом в генетической или причинно-следственной связи. Что одни из них первичны, а другие производны от них. И что мы с помощью метафор осуществляем познавательные акты или в них опредмечиваем познавательный опыт. Ни в коем случае. Например, в хрестоматийных метафорах «говор волн», «бронза мускулов». В обращенном виде, конечно, метафора приобретет иной, но вполне приемлемый вид, т. е. останется метафорой: «говор волн» трансформируется в «волны говора», «бронза мускулов» — в «мускулы бронзы».

Рассмотрение проблемы сознания и других феноменов духовной жизни людей актуализирует необходимость построения их онтологии, т. е. обращение к теоретическому анализу и языка, выполняющего функцию субстрата культуры и представляющего форму «действительности» духовной феноменологии.

¹¹⁹ Выготский Л. С. Мышление и речь. Соч.: В 6 т. — М.: Педагогика, 1982. Т. 2. — С. 353.

¹²⁰ См.: Выготский Л. С. История развития высших психических функций. Соч.: В 6 т. — М.: Педагогика, 1983. Т. 3. — С. 143–145.

¹²¹ Там же. — С. 141.

Проблема образования человека в формирующемся языке¹²²

Исследование образования интересно тем, что оно на каждом своем агенте моделирует и повторяет генезис культуры вообще. Вместе с развивающимся человеком возникает культура и в сокращенном виде проходит стадии своего развития — от элементарной клетки до развитого целого. Она не существует как набор «вещей», обладающих изолированно от человека определенной содержательностью и смыслом. Культура без пользователя, производителя и творца умирает.

Мы постулируем, что человек по природе — «безобразное» существо¹²³. Поэтому образ человека (то есть вся совокупность его способностей и потребностей, данная как единство многообразия) должен быть «построен» после его физического рождения. Признание естественной «безобразности» человека, рассмотрение его как «самости, лишенной сущности» (Г. Гегель) обуславливает скептическое отношение к возможности существования антропологии, возникшей, как убедительно доказал М. Хайдеггер, только в Новое время¹²⁴.

Исследователи подчеркивают «органическую недостаточность, заложенную в самой природной реальности» человека, свидетельствуют о «преждевременности рождения» его, «об анатомической незавершенности пирамидальной системы, а также отмечают наличие у ребенка гуморальных остатков материнского организма»¹²⁵. Следовательно, образование — особое устройство, в котором новорожденное существо, уже не животное и еще не человек, должно образоваться, сформироваться; начав с гипотетической нулевой культурной отметки, достичь того или иного уровня культурного состояния, когда правомерно будет констатировать, что «второе рождение» человека в качестве культурного существа состоялось, человек как произведение уже возник из ничего (из ничто), живет и свободно ориентируется в культурном хронотопе, не замечая его существование так же, как мы не замечаем воздух, которым дышим. Важно, чтобы человек стал не просто пользователем наличных культурных богатств (пользоваться культурными достижениями могут и животные). Цель образования в том, чтобы образованный человек сам стал творить, воспроизводя и трансформируя феномены культуры как собственные органы.

Процесс образования не завершается в пределах индивидуального физического человеческого существования. В этой связи И. Кант считает

¹²² Соколов А. Е. // *Философия образования*. — 2006, № 2 (16). С. 231–236.

¹²³ Соколов А. Е. *Образование человека и генезис культуры* // *Философия образования*. 2003. № 7, с. 242–243.

¹²⁴ Хайдеггер М. *Работы и размышления разных лет*. — М.: Гнозис, 1993, с. 156.

¹²⁵ Лакан Ж. *Инстанция буквы, или судьба разума после Фрейда*. — М.: Русское феноменологическое общество, Логос, 1997, с. 10–11.

принципиальным отличием человека от животного то, что у животных, «предоставленных самим себе, каждая особь достигает своего полного назначения; а у людей разве только один лишь род человеческий»¹²⁶. И поскольку субстратом культуры признан язык, именно в языковом универсуме должны «существовать» языковые микрокосмы для каждой фазы культурного образования человека.

Одной из загадок культуры является то, что отмеченное органическое устройство всегда уже существует, и плохо или хорошо, но осуществляет применительно к каждому из когда-либо рожденных человеческих существ его «доставку» к «месту назначения» до всякого теоретического осмысления этого процесса и специальной деятельности по созданию данной культурной «машины времени». Есть даже предположение, что как только мы получим научное объяснение культурного генезиса человека и попробуем вмешаться в этот процесс, образование, как «допотопное» устройство, добросовестно выводящее каждого из нас в люди, перестанет работать. Как только его объясним, так оно умрет. Этому есть примеры. Как только Эдип разгадал загадку сфинкса, тот бросился со скалы и перестал существовать в качестве особой культурной силы. Поэтому с особой осторожностью следует подходить к реформированию образования. Лучше не трогать то, чего ты не понимаешь.

Поразительно, что данное устройство «учитывает» фазы (ритмы) чисто биологического развития индивида, располагая для каждой из этих фаз соответствующими программами. Для каждого этапа подбирается (автоматически) свой тип самосознания и специфическая модель мира. Их невозможно соотносить с картиной мира и самосознанием взрослого, ориентируясь на схему обыденного сознания «неразвитое — развитое», «простое — сложное». Нельзя также представлять последние (то есть картину мира и самосознание взрослого) в качестве телеологического смысла всей совокупности картин мира и типов самосознания последовательно формирующегося ребенка. Не случайно в древности образование человека представлялось последовательностью переходов из одного культурного микрокосма в другой, разрывы между которыми заполняли строгие и неукоснительные инициационные обряды, включающие в себя смерти и рождения индивидуальных агентов уже в иных мирах, другими существами и с новыми именами.

Программа образования человека, то есть программа задания ему процессуального образа, предполагает существование метаязыка, обеспечивающего трансляцию отмеченных культурных микрокосмов и их рефлексию; но в то же время это не язык, подобный научному. И это не язык генетического кода. Данное языковое устройство пока невозможно ни отчетливо представить, ни тем более модернизировать.

Как бы, например, ни «прикидывались» наши современники разумными существами, по-прежнему, как и тысячи лет назад, дети, несмотря на ги-

¹²⁶ Кант И. Сочинения: В 6 т. — М.: Мысль, 1966. Т. 6, с. 577.

гантские научные достижения, всеобщую компьютеризацию, растут в мире сказок, где все не так, как в их «родном» современном рациональном мире, где все неодушевленное одушевлено, безличное очеловечено. И никто не удивляется тому, что звери разговаривают, ведут себя, как люди, и вообще сплошь и рядом происходят чудесные превращения. То есть получается, что наука и техника, возникающие, безусловно, на рациональной трансцендентальной основе, используются в качестве специального средства воссоздания для детей мифологического, архаического мира. Точно так же, как раньше, этот мир воссоздавался другими «техническими» средствами. То есть онтогенез «повторяет» фазы филогенеза. Зачем это?

В культурном образовании отдельного индивида происходит повторение, «вечное возвращение» одних и тех же форм. По мнению К. А. Свасьяна, ребенок обязательно становится «...мифотворцем, неким демиургом, долженствующим сотворить свою Вселенную в этом пустом и ничего ему не говорящем «мире значений и знаков»; филогенез и здесь повторяется в онтогенезе; миф о сотворении мира изживает всяким ребенком, ибо данная ему действительность квалифицируется им как пустота, или хаос, имеющий претвориться в космос; первое семилетие его жизни разыгрывает в этом смысле шестоднев творения с седьмым днем отдохновения — перед поступлением в школу и приобщением к общезначимой, не им самим созданной, но оболакивающей его действительности»¹²⁷.

Конечно, это представление о творческом формировании жизненного мира ребенка не соответствует распространенной наивной теории, согласно которой детское сознание развивается благодаря постепенному отражению и репродуктивному освоению того же самого действительного мира, в котором существуют взрослые.

Откуда же берется все необходимое для отмеченного путешествия, если взрослые с их книжками и игрушками ни при чем? Предполагать, что эта программа генетически наследуется и реализуется в первые годы жизни ребенка, а потом умирает, как-то не совсем удобно. Современная наука отрицает возможность генетического наследования приобретенных при жизни признаков, знаний, переживаний. Но, надо отметить, что З. Фрейд (и некоторые его последователи) были вынуждены признать, что переживания самых первых культуuroобразующих событий (отцеубийство, всемирный потоп, строительство и крах Вавилонской башни и т. д.), якобы совершенных нашими предками, были унаследованы генетическим путем последующими поколениями (стали «врожденными идеями») и поэтому без участия внешних факторов символически проигрываются (повторяются) в биографии каждого, являясь элементами складывающегося культурного образа.

Причем, неважно, имели ли они вообще место в реальной жизни когда-либо. З. Фрейд, полагавший отцеубийство источником первичных культур-

¹²⁷ Свасьян К. А. Голоса безмолвия. Поэзия и правда. — Ереван: Изд-во АН АССР, 1984, с. 34–35.

ных определений человека (религии, нравственности), сомневается в этом: «Несомненно, у обоих — и у дикарей, и у невротиков — нет такого острого различия между мыслью и действием, как у нас. Но невротик больше всего испытывает задержки в действиях, у него мысль вполне заменила поступок. Примитивный человек не сдержан, у него мысль превращается немедленно в действие, поступок для него, так сказать, заменяет мысль, и потому я думаю, не будучи сам вполне уверенным в несомненности своего суждения, что к рассматриваемому случаю можно применить слова: «сначала было деяние»¹²⁸. З. Фрейд как ученый классического типа, для которого мысль, слово и дело окончательно абстрагировались друг от друга, просто не может представить специфики онтологических оснований культуры, где мысль, слово и дело еще не «родились», не «разошлись» в качестве объективной иллюзии, которой питается целесообразная, репродуктивная деятельность, а образуют синкретический комплекс, существуют диффузно. Л. С. Выготский, ориентировавшийся на специфически истолкованное понятие практики, которое ввел в обращение К. Маркс, настаивал на первичности дела по отношению к слову и мысли¹²⁹, хотя и отмечал вскользь существование особой «магической стадии, когда он (ребенок. — А. С.) не расчленял психологических и физических отношений»¹³⁰.

Древнегреческий Логос и библейское Слово представляются в качестве первичной формы языка, самообъективирующегося тождества бытия и мышления. А события, относящиеся к бытию, не имеют прошлого и будущего, они в вечном настоящем, они есть. Поэтому задавать вопрос: «что первично» применительно к перечисленным трансценденталиям в данном случае некорректно¹³¹. Но, таким образом, само понятие объективной действительности, которая существует независимо от своих истинных или ложных, стихийных и специализированных теоретических отображений (следовательно, и языка как средства их объективации) и первична по отношению к ним, утрачивает свое значение и ставится под сомнение. Например, в «новой философии языка» предполагается, что мир изначально предстает перед исследователем в качестве «текста» (произведения), то есть уже в интерпретированном, осмысленном виде, поэтому каждое новое высказывание «пишется», как палимпсест, поверх предыдущих высказываний (Ж. Деррида)¹³². Поэтому известное положение Ф. М. Достоевского о том, что прежде чем сделать рагу из зайца, необходимо иметь самого зайца, необходимо пересмотреть. Сначала дано именно рагу из зайца, но в процессе его интерпретации (анализа) из него абстрагируются средствами метаязыка

¹²⁸ Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия. — Харьков: Фолио; М.: АСТ, 2001, с. 178.

¹²⁹ Выготский Л. С. Собр. соч.: В 6 т. — М.: Педагогика, 1982. Т. 2, с. 360.

¹³⁰ Выготский Л. С. Собр. соч.: В 6 т. — М.: Педагогика, 1983. Т. 3, с. 325.

¹³¹ Соколов А. Е. Проблемы духовной онтологии: язык культуры и творчества. — Новосибирск: СибУПК, 2004, с. 103–107.

¹³² Гаспаров Б. М. В поисках «другого». Французская и восточноевропейская семиотика на рубеже 1970-х годов // НЛО. 1996. № 14.

заяц, алчущий субъект и прочие компоненты (в том числе технология и сам процесс приготовления данного блюда) и рассматриваются в качестве производных от него. А не наоборот.

Но «новая философия языка» вовсе не нова. В ней, довольно односторонне, воспроизводится начало Евангелия от Иоанна, сообщающее, что «в начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть»¹³³. Хотя в Библии также моделируется ситуация, при поверхностном рассмотрении в большей степени соответствующая взглядам на природу языка в философии эпохи Просвещения и современным обыденным представлениям: «Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных и привел их к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей. И нарек человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым...»¹³⁴.

Налицо, казалось бы, существование в Библии разных версий происхождения языка: Божественной и человеческой. В евангельской — первичен соотносимый с Богом (персонифицированным абсолютом) самопорождающийся текст (Слово), а субъект, объект и средства создания данного текста — теории суть элементы его, производные от него, как целого. Но ветхозаветная версия лишь на первый взгляд кажется противоположной новозаветной. Мир в качестве творения Божьего — не голый объект и, как выражался К. Маркс, не «форма созерцания», а единство объективного и субъективного, тождество мышления и бытия, то есть уже изначально существует в качестве произведения. Поэтому акт наименования выделенных Богом из сущего всех «душ живых» человеком есть палимпсест (в смысле Ж. Дерриды). Или представляет собой освоение человеком, уже владеющим языком, того, что имеет смысл и значение от Творца. Бессмысленное, незначащее ведь невозможно осваивать и познавать. У Августина и Эриугены в этой связи развивается концепция «непрерывного творения» мира («creation continua»), в котором уже принимает участие и человек, выводящий «Его из одиночества»¹³⁵. Августин задолго до открытия «стрелы времени», пришел к выводу, что Бог ни на один миг не оставляет своего попечения над миром. Если же Он «отнимет от вещей свою производительную силу, их также не будет, как не было прежде, чем они были созданы»¹³⁶. И Эриугена, конкретизируя идею предшественника, пишет, что «бытие Бога состоит в непрерывном и, по сути, во вневременном созидании всего сущего, а не в однократном творении конечных и проходящих вещей»¹³⁷.

¹³³ Библия. НЗ. Евангелие от Иоанна I; 1, 2, 3.

¹³⁴ Библия. ВЗ. Бытие 2; 19, 20.

¹³⁵ Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. — М.: Правда, 1989, с. 354.

¹³⁶ Соколов В. В. Средневековая философия. — М.: Высш. шк., 1979, с. 56.

¹³⁷ Там же, с. 114.

Функция таких символических, «мировых» событий (архетипов), как всемирный потоп, отцеубийство и т. п.¹³⁸ заключается в том, чтобы сформировать чувство вины, ощущение неотвратимости возмездия и другие переживания в качестве устойчивого, воспроизводимого языкового (метапсихологического) комплекса, способного регулировать жизнь людей, превращая их тем самым в культурные существа. По-видимому, вполне возможно выявить всю совокупность подобных языковых микрокосмов, лежащих в подтексте процесса образования и актуализирующихся, когда приходит время каждого из них.

Для всего этого конструктивного процесса в первую очередь необходима фигура самого представляющего, желающего, переживающего, то есть субъекта. Ж. Лакан приводит в качестве эпиграфа к одному из своих семинаров двустороннее Д. фон Чепко: «Что сотворил Творец, создав весь мир? — Себя. Что сотворил Он прежде, чем весь мир создать? — Меня»¹³⁹. Таким образом, сначала в языке создаются средства для выражения субъектности в материале чувственных явлений, а затем уже возникают (образуются) единицы для представления самих данных чувственных явлений, полагаемых в дальнейшем в качестве противоположности различным типам субъектности (тотему, Богу, «я»), как материальные — идеальному, чувственные — сверхчувственному, феномены — ноумену.

Ребенок первоначально живет фрагментарно, в разрозненном, бессвязном, несогласованном виде. Образ, обнаруженный ребенком в зеркале, по мнению Ж. Лакана, персонифицирует единство, с которым отмеченная совокупность бессвязных устремлений буквально «спаривается». И благодаря этому ребенок впервые познает себя как единство, но единство отчужденное, виртуальное¹⁴⁰. Образ зеркала давно вызывал интерес у философов (начиная с Платона), поскольку вызывал множественные смысловые ассоциации. К. Маркс сравнивал природу с «зеркалом, которое отражает людям общественный характер их собственного труда...»¹⁴¹, отмечая, в частности, что природа как «предмет труда» есть «...опредмечивание родовой жизни человека: человек удваивает себя уже не только интеллектуально, как это имеет место в сознании, но и реально, деятельно, и созерцает себя в созданном им мире»¹⁴². Очевидно, интеллектуальное удвоение человеком себя в качестве «я» предворяется его реальным удвоением, когда человек идентифицирует собственную двойственность, обусловленную двоякими определениями его воли, с противоположными друг другу внешними явлениями и созерцает себя в них, как это имеет место, например, в тотемистической мифологии. Напро-

¹³⁸ Мамардашвили М. К. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке / М. К. Мамардашвили, А. М. Пятигорский. — М.: Языки русской культуры, 1997.

¹³⁹ Лакан Ж. Семинары. — М.: Гнозис, Логос, 1999, с. 61.

¹⁴⁰ Там же, с. 75.

¹⁴¹ Маркс К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. — М.: Политиздат, 1963. Т. 23, с. 82.

¹⁴² Маркс К. Из ранних произведений / К. Маркс, Ф. Энгельс. — М., 1956, с. 566.

тив, З. Фрейд полагал первичным именно интеллектуальное удвоение человека: «...значительная доля мифологического мирозерцания, представляя собой не что иное, как проецированную во внешний мир психологию»¹⁴³. По его мнению, «...примитивный человек перенес во внешний мир структурные условия собственной души...»¹⁴⁴.

С этим, безусловно, нельзя согласиться: мифологическая реальность — не результат «проекции» и «переноса» беспредпосылочной в культурном (и языковом) плане сознательной и бессознательной психики на внешний чувственный мир. Наоборот — последний, первоначально существующий только в качестве формы представления субъектности, «возникает» позднее — в качестве самого себя — для «я» в результате «надстраивания» над мифологической новой языковой оболочкой.

Таким образом, именно «другой» (тотем, Бог) оказывается и представляется источником желаний, чтобы в дальнейшем уже этот источник желания (или персонифицированное желание) в результате развития языка (а не таинственного акта интериоризации) мог быть соотнесен с шифтером «я».

Нельзя думать, что желания другого — это собственные «природные» желания индивида, который лишь спроецировал их на этого «другого», чтобы сознавать (представить) тем самым себя как источник, как желающего. Сами желания, поскольку имеются в виду желания человека как культурного существа, вовсе не его. Ж. Лакан отмечал, что «субъект не предшествует миру форм, которые его очаровывают: он конституируется ими и в них». И далее: «гениальная интуиция Фрейда дала нам понять, что момент, когда желание становится человеческим, совпадает с моментом, когда ребенок рождается в язык»¹⁴⁵. Именно в языке происходит чудо формирования индивидуального человеческого культурного микрокосма. Весь же «окружающий мир» будет принят человеком «на веру» лишь после того, как случится, установится первый в его психоистории целостный объект человека — завершающийся принятием им своего собственного образа.

Образование человека предполагает последовательную смену данных образов единства («зеркал»), как различных форм представления субъектности в развивающемся универсуме языка. «Субъект, — писал Ж. Лакан, — полагает себя как действующий, как человеческий, как «я», лишь начиная с того момента, как появляется символическая система. И момент этот принципиально не выводим из любой модели индивидуальной структурной самоорганизации»¹⁴⁶. Правомерно выделять разные формы идентификации, обеспечивающие единство человека. В онтогенезе это отражение в зеркале, которое трансформируется в конечном счете в «я» как «трансцендентальном

¹⁴³ Фрейд З. Психопатология обыденной жизни. — М.: Госиздат, 1925, с. 227.

¹⁴⁴ Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия. — Харьков: Фолио; М.: АСТ, 2001, с. 104.

¹⁴⁵ Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. — М.: Гнозис, 1995, с. 88.

¹⁴⁶ Гаспаров Б. М. В поисках «другого». Французская и восточноевропейская семиотика на рубеже 1970-х годов // НЛО. 1996. № 14, с. 78–79.

единстве апперцепции». Безусловно, между этими формами представления субъектности лежит дистанция огромного размера.

В древнегреческой мифологии Медуза Горгона и способ, которым с ней справился Персей, может выступить в качестве оригинальной метафоры, демонстрирующей особенности культурной жизнедеятельности людей. Они взаимодействуют с реальностью точно так же, как Персей борется с Горгоной. Данный герой, как известно, чтобы не окаменеть от взгляда этого чудовища, смотрел на отражение Медузы Горгоны (следовательно, и на себя) в собственном щите, отполированном, как зеркало. Так и мы взаимодействуем с реальностью, но представлена она нам, в отличие от Персея, не в зеркале, а в формах языка. Таким образом, мы отражаем уже отраженное и представленное. Причем язык — это не только орудие и инструмент, приспособленный для удовлетворения независимых от него потребностей человека. Язык выступает формой «наличного бытия» субъекта, обладающего специфическими закономерностями существования и даже волей, проявляющейся в том, что он через посредство языка представляет своим агентам реальность и их самих, но также и сам представляется различными образами, с которыми идентифицируют себя индивиды. Посредством этих представлений люди побуждаются к действиям, которые обеспечивают не только их собственное существование, но и существование и развитие самого этого системного образования, которое в данном случае выступает в качестве некоего «паразита». Вследствие этого люди живут уже не только для самих себя, но, руководствуясь отмеченными представлениями, действуют, косвенно воспроизводя и развивая данное «паразитическое» образование, выступающее в различных обликах, как собственные сущностные силы. Такими «паразитами» являются концепты абсолютной идеи у Гегеля и общества у Маркса; «хитрость» их состоит, как известно, в том, что люди могут полагать себя свободными в своей жизнедеятельности, не подозревая, что являются марионетками данных объектов.

Разгадка «роковой тайны» человеческого существования не приведет к освобождению от ига данного «паразита»: именно благодаря этому организму люди в качестве его агентов перестали быть животными, получили ничем не ограниченный ресурс для самообразования, а также возможность внешней позиции, а следовательно, и рефлексии собственной жизнедеятельности и ее трансцендентальных условий.

Генезис культуры (и языка как ее субстрата) находится в неразрывной связи с образованием человека, повторяющего в онтогенезе все языковые трансформации. Благодаря языку люди в потенции становятся свободны от собственных естественных предпосылок: лишь средствами языка возможно преодоление человеком своей биологической незавершенности, фрагментарности и превращение в целостное существо (индивида). В то же время язык дает возможность вновь переживать состояния дефрагментации,

рассеянья (смерти), поскольку только через их посредство осуществляется развитие человека (прирост его «бытийной мощи»). Но это уже тема для дальнейших исследований.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Соколов А. Е. Образование человека и генезис культуры // *Философия образования*. 2003. № 7. С. 242–252.
2. Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. — М.: Гнозис, 1993. 464 с.
3. Лакан Ж. Инстанция буквы, или судьба разума после Фрейда. — М.: Русское феноменологическое общество, Логос, 1997. 184 с.
4. Кант И. Сочинения: В 6 т. — М.: Мысль, 1966. Т. 6. 743 с.
5. Свасьян К. А. Голоса безмолвия. Поэзия и правда. — Ереван: Изд-во АН АССР, 1984.
6. Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия. — Харьков: Фолио; М.: АСТ, 2001. 616 с.
7. Выготский Л. С. Собр. соч.: В 6 т. — М.: Педагогика, 1982. Т. 2. 504 с.
8. Выготский Л. С. Собр. соч.: В 6 т. — М.: Педагогика, 1983. Т. 3. 368 с.
9. Соколов А. Е. Проблемы духовной онтологии: язык культуры и творчества. — Новосибирск: СибУПК, 2004. 216 с.
10. Гаспаров Б. М. В поисках «другого». Французская и восточноевропейская семиотика на рубеже 1970-х годов // *НЛО*. 1996. № 14.
11. Библия. НЗ. Евангелие от Иоанна I; 1, 2, 3.
12. Библия. ВЗ. Бытие 2; 19, 20.
13. Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. — М.: Правда, 1989. 607 с.
14. Соколов В. В. Средневековая философия. — М.: Высш. шк., 1979. 448 с.
15. Мамардашвили М. К. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке / М. К. Мамардашвили, А. М. Пятигорский. — М.: Языки русской культуры, 1997.
16. Лакан Ж. Семинары. — М.: Гнозис, Логос, 1999. 432 с.
17. Маркс К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. — М.: Политиздат, 1963. Т. 23.
18. Маркс К. Из ранних произведений / К. Маркс, Ф. Энгельс. — М., 1956. С. 517–642.
19. Фрейд З. Психопатология обыденной жизни. — М.: Госиздат, 1925. 240 с.
20. Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. — М.: Гнозис, 1995. 192 с.

К проблеме генезиса понятий¹⁴⁷

В понимании познания до настоящего времени преобладает эмпирико-сенсуалистическая традиция. Как и двести лет тому назад, предполагается, что все наши знания, выраженные в понятиях, являются результатом переработки индивидуального чувственного опыта, элементарной единицей которого выступают ощущения. От ответа на резонный вопрос, кто осуществляет данную переработку, исследователи абстрагируются. Хотя, безусловно, субъект должен быть выделен. Без субъекта (в частности, без «я» или

¹⁴⁷ Соколов А. Е. В кн.: *Современные проблемы юридической науки* / Под ред. А. К. Черненко. — Новосибирск: НЮИ (филиал) ТГУ, 2007, № 6. — С. 295–300.

Бога) невозможно говорить о том, кто чувствует, знает, чьи вообще чувства и представления. Ведь это не тело как таковое испытывает чувства, не тело является субъектом переживаний (любит, ненавидит, понимает), а особая культурно сформированная субстанция, персонифицированная понятием «я» (или другими понятиями, выражающими в именных или местоименных формах языка, как субстрата культуры¹⁴⁸, субъектность).

Надо признать, проблема возникновения понятий не для всех философов была камнем преткновения. Многие мыслители (от Платона до Канта) просто признавали их данность и реальность в качестве «мира идей», «врожденных идей», «трансценденталий» и т. п.¹⁴⁹ Для них по существу эти идеи (наряду с материей в качестве их антипода) и выступали в качестве основания мироздания, вещи же образовывали вторичную и вообще феноменологическую надстройку над ним. С этой позиции ощущения выступали вообще в качестве абстракции, эпифеномена, лежащего за границами сознания в самосознании.

Дух истории, обнаружившийся в конце XVIII века и получивший свое научно-философское гражданство в умозрительных и логизированных представлениях XIX века, заставил обратить внимание на эмпирическое исследование культуры как древних, так и современных примитивных народов, следовательно, и на особенности их духовной жизни. Кроме того, возникла возможность более критично взглянуть на самих себя. Именно в это время начинается пересмотр абстрактно-рационалистического понимания человека, выражающегося в «гносеологических робинзонадах».

Внимание привлекает особое образование, играющее чрезвычайно важную роль в жизни наших первобытных предшественников и в рудиментарном, трансформированном виде сохранившееся до настоящего времени. Это тотем¹⁵⁰. Что это такое? Явление сознания или явление реальности? Трудно сказать однозначно. Для людей первобытной эпохи тотем был, безусловно, явлением реальности. В то же время, как отмечено многими исследователями, само различие духовного и материального, идеального и реального, субъективного и объективного тогда не имело смысла и вообще отсутствовало в «сознании» первобытной культуры. В этой связи закономерно возника-

¹⁴⁸ Данный аспект почему-то не привлекает внимание исследователей, разрабатывающих «неэгологическую концепцию сознания» (См.: Гурвич А. Неэгологическая концепция сознания. – Логос. Философско-литературный журнал. 2003. № 2). По-видимому, бессубъектное мышление, сознание невозможно и иллюзорно. У Канта определение сознания как представления о том, что у меня есть представление, корректно очерчивает его границы. Хотя оно не исключает сознание с типом субъектности, отличающимся от эмпирического. В этом случае можно будет говорить не о бессознательном, а о сознании с иными типами субъектности: трансцендентальным или абсолютным.

¹⁴⁹ Причем уже принцип тождества мышления и бытия предполагал, что идеи вообще не существуют без материи особого, «тонкого» типа. В той же мере и материя не могла быть, поскольку о ней речь идет, абсолютно бестелесной.

¹⁵⁰ Многие культурологи и философы выделяют материальную и духовную культуры. Интересно, куда они отнесут тотем и табу? К явлениям материальной или духовной культуры?

ет сомнение в правомерности употребления понятия сознания для характеристики духовной жизни людей в начале истории. Ведь сознание — это всегда сознание чего-то и кого-то кем-то. Оно с необходимостью предполагает различение субъекта и объекта. А если данного различения нет, требуются другие термины для обозначения такого духовного состояния.

Тотем есть человек, животное, растение, неодушевленный предмет, который, являясь самим собой, в то же время персонифицирует всем членам соответствующей общности людей их коллективную сущность. Таким образом, тотем, с одной стороны, чувственный предмет, отражаемый органами чувств человека, с другой — общее понятие, которое уже метапсихично, сверхчувственно. Получается, что, отражая чувственные предметы, человек «отражает» и их сверхчувственное содержание. Налицо противоречие. Как наши естественные органы чувств (глаза, уши...) могут ощущать не сущее? Если не допустить «отражение» сверхчувственного, придется способность приписывания сверхчувственных определений комбинациям звуков и графем помещать «внутри» эмпирических индивидов, в головной мозг. Тем самым и язык считать производным от мышления, беспредпосылочного в социальном плане. Это с необходимостью приведет к солипсизму. Но поскольку у человека не восприятия определяют представления (и понятия), а наоборот последние организуют восприятия, он, видя медведя, орла, дерево, понимает их в качестве тотема и соответственно относится к ним. «Если б не было тотемизма, — пишет О. М. Фрейденберг, — голод не воспринимался бы как отсутствие тотема»¹⁵¹.

При рассмотрении тотема в качестве не знакоподобного, а символоподобного образования, его чувственные конкретно-индивидуальные характеристики (медведь, дуб, орел) выступают как означающее, а сверхчувственная способность выражать общность, коллективное тело — означаемое. Только если в знаке связь между означающим и означаемым условна, то здесь она безусловна, как в символе. В этом плане тотем — данное в чувственном, натуральном виде отдельным индивидам их родовое «понятие»¹⁵². Причем в качестве чувственного, т. е. обладающего потребительскими качествами, этот предмет людьми не воспринимается, несмотря на его очевидную для внешнего наблюдателя способность удовлетворять те или иные материальные потребности. Тотем и его противоположность персонифицируют каждый именно одну из сторон коллективной души, но не наблюдателя, в роли которого первобытный человек, конечно, не мог выступать¹⁵³. Каждый член тотемистической общности отождествляет себя, как часть с целым, с данным медведем, орлом, дубом и т. п., противопоставляя этому многоликому

¹⁵¹ Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. — М.; Наука, 1978. — С. 26.

¹⁵² В плане вольной аналогии можно напомнить, что Гегелю, увидевшему Наполеона, тот показался «мировым духом на коне».

¹⁵³ Первобытные люди еще тождественны с собственной жизнедеятельностью, которая уже, безусловно, не носит животный характер, является общественной или культурной.

субъекту другого. Сознания «я» (впрочем, и сознания «мы», как ошибочно полагал Б. Ф. Поршнев) еще нет, поскольку нет еще и намека на существование место-имений (языковых образований, выступающих вместо имен). Существуют еще только имена, сращенные с предметами. Заместители имен (то есть имен собственных) и так называемые нарицательные существительные — явления более позднего порядка¹⁵⁴.

При анализе тотемизма встречается еще одна сложность. Первобытный человек так же, как и современник, должен сохранять единство с собой в различных жизненных ситуациях, оставаться самим собой. Для этого необходимы специфические знаковые средства. У нашего современника это «я». В разнообразных ситуациях опыта мы сохраняем идентичность с собой, благодаря этому «трансцендентальному единству апперцепции». А у первобытного человека еще нет «я»¹⁵⁵. «Я» — это беспредметная и депсихологизированная инстанция, с которой идентифицирует себя субъект. Она выполняет функцию «зеркала», в котором данный субъект всегда, в любой ситуации видит себя в качестве целостного субъекта. Ж. Лакан считал «я» продолжением, трансформацией «оно», которое также обеспечивало человеку сознание его единства, отводило угрозу распада на «куски»¹⁵⁶.

Аналогичную функцию в условиях тотемизма выполняют по существу все предметы окружающего мира, образующие определенные классы. В роли фигуры, обеспечивающей первобытному человеку «трансцендентальное» единство с собой, выступает тотем. Но тотем не может же постоянно быть рядом¹⁵⁷. Жизнь наших первобытных предшественников была не менее разнообразной, чем у современников. Следовательно, должен был возникнуть целый класс различных (естественных или специально изготовленных) явлений, ситуативно дублирующих тотем. Если тотемом является медведь, то в другой ситуации тот же смысл будет носить, например, орел. В следующей — уже какое-нибудь растение будет олицетворять коллективную сущность, с которой как часть с целым идентифицирует себя конкретный человек. Если для нашего современника эти предметы имеют совершенно различные значения, то для члена тотемистической общности они по смыслу суть одно и то же¹⁵⁸. Точно так же для более близких к нам древних греков

¹⁵⁴ Секрет магии состоит в том, что в языке остается память об этом сращении: память о том, что имя то же, что и предмет. Имя и предмет тождественны.

¹⁵⁵ Впрочем «я» еще нет и у Сократа. Не случайно он прибегает к такой фигуре, как «демон», когда ему необходимо указать не на эмпирического, а на трансцендентального субъекта своих свободных действий. У свободных действий (поступков), безусловно, субъект может быть только трансцендентальным.

¹⁵⁶ В этой связи интересно многообразие римских богов, обеспечивающих идентичность человека в любой ситуации. В римском пантеоне выделяются ситуационные, мгновенные боги (См.: Шкуратов В. А. Историческая психология. — Ростов-на-Дону: Город N, 1994).

¹⁵⁷ В какой-то мере эту функцию в перспективе могли выполнять амулеты, фетиши и т. п. образования, с которыми никогда не расставались люди.

¹⁵⁸ В психологии отмечена первичность смыслов по отношению к значениям и в онтогенезе, и в филогенезе.

нет никакого противоречия в том, что Зевс выступает в разнообразных обликах: антропоморфных, зооморфных (лебедь, бык), вещественных (золотой дождь). Означаемое (Зевс) как бы скользит по ним (означающим) или выражается в них по закону всеобщего оборотничества. Поэтому на вопрос: что есть все? — ответом будет: Зевс есть всё. Зевс в данном случае выступает в качестве субстанции, а человек, лебедь, бык и т. п. — модусы ее¹⁵⁹. А ведь боги древних эллинов — вырожденные тотемы. Пока не было «я», человек должен был во всех ситуациях сохранять тождество с собой, а для этого идентифицировать себя с внешними чувственными предметами, которые благодаря этому оказываются тождественными друг другу, несмотря на различия, а субъект может обнаруживать стадильное изменение собственного коллективного образа, рассматриваемое как универсальное оборотничество. Такая форма душевной патологии, как комплекс Нарцисса, выделенная З. Фрейдом, возрождается у индивидов в условиях слабо сформированного «я», когда довлеет страх утратить собственную целостность, а «механизм» оборотничества, как у первобытных и современных примитивных людей, уже не срабатывает, поскольку, по-видимому, не рассчитан на индивида.

В тотемизме имеет место представление реальности в качестве множества означающих, по которым «скользит» одно означаемое. Многообразие, богатство на уровне «означающего» сопровождается единообразием и бедностью на уровне «означаемого». Как пишет в этой связи О. М. Фрейденберг, «образ выполнял функцию тождества; система первобытной образности — это система восприятия мира в форме равенств и повторений. Тем самым не могло быть архетипов образа; ни один из них не отличался мировоззренчески от другого. Однако в реальности мы не находим одинаковых образов; мы имеем дело с огромным количеством образов, отличающихся друг от друга морфологически, при внутреннем тождестве их семантик»¹⁶⁰. И это понятно. Ведь человек во всем видит одно и то же: свою общность, персонифицируемую тотемом, или ее противоположность, как формы собственного существования, или как собственные противоположные надиндивидуальные ипостаси, т. е. себя. Несмотря на то, что в логике понятия подразделяются на безотносительные и соотносительные, первые понятия-предметы, безусловно, соотносительные. Существование выделяемых в логике безотносительных понятий представляется искусственным и вообще проблематичным.

¹⁵⁹ Анализируя отношения между частью и целым, единичным и множественным, О. М. Фрейденберг утверждает слитность в тотемистических представлениях единичности со множественностью (См.: Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. — М.: Наука, 1978. — С. 24). Говоря о числительных, исследователь отмечает, что история имен числительных показывает, что человечество долго питалось представлениями о множественности. То, что нами воспринимается как единичность, для первобытного человека было частью все той же множественности (там же). «Единичное служит выражением множественности». (Там же. — С. 24-25). В логике не случайно рассматриваются общие и частные суждения. А единичные ведут себя как общие, поэтому не выделяются.

¹⁶⁰ Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. — М.: Лабиринт, 1997. — С. 50.

Нельзя сказать, что в научной литературе четко выявлена специфика творчества: чаще всего творческие действия отождествляются с «оригинальными». Кроме того, результаты этих действий признаются «социальными ценностями»¹⁶². Очевидно, что оригинальность и ценность в качестве определений творчества противоречат друг другу. Чтобы стать социальной ценностью, произведение должно вписаться в наличную культуру, занять место в иерархии ее ценностей, следовательно, в какой-то мере перестать быть оригинальным. Но в отмеченной противоречивости, по-видимому, и состоит специфика творчества и типология его субъектов, намечаемая Н. А. Бердяевым. Это гении, выделяющиеся прежде всего оригинальностью своих произведений, и таланты, менее оригинальные, но производящие непосредственно ценные в культурном плане предметы. По мнению И. Канта, оригинальность не является еще исключительным признаком гениальности, поскольку оригинальной может быть и бессмыслица. Произведение гения должно служить также образцом для подражания, т. е. мерилom, или правилом оценки. Третьим признаком гениальности субъекта является то, что он сам не может описать или научно показать, как он создает свое произведение, поскольку оригинальные идеи внушаются ему охраняющим и руководящим им духом, приданным еще при рождении. И, наконец, четвертый признак гениальности И. Кант усматривает в том, что природа предписывает через гения правило не науке, а искусству, и то лишь в том случае, если оно должно быть изящным искусством¹⁶³.

Н. А. Бердяев, проницательно, но лапидарно выделивший специфические особенности и различия у гениальности и таланта, руководствуется уже другими критериями. «Гениальность, — пишет он, — совсем не есть большая степень таланта — она качественно отличается от таланта. Талант есть дар дифференцированный, специфицированный, отвечающий требованиям отдельных форм культуры. Талант есть свойство художника, ученого, общественного деятеля, а не человека. Гений есть соединение гениальной природы со специфическим талантом. Гениальный художник соединяет в себе гениальную натуру с художественным талантом. Природа таланта не органическая, не онтологическая, а функциональная. Природа таланта не универсальная. В таланте нет жертвенности и обреченности. Талант может создавать более совершенные объективные ценности, чем гениальность. В нем есть приспособленность к требованиям дифференцированной культуры, есть удачничество. Гениальность, с точки зрения культуры, не канонична;

¹⁶¹ Соколов А. Е. В кн.: Современные проблемы юридической науки / Под ред. Л. П. Чумаковой. — Новосибирск: НЮИ (филиал) ТГУ, 2010, № 8. — С. 234–237.

¹⁶² См.: Философская энциклопедия. — М.: Советская энциклопедия, 1970. Т. 5. — С. 185. Спиркин А. Г. Сознание и самосознание. — М.: Политиздат, 1972. — С. 103.

¹⁶³ См.: Кант И. Соч.: В 6 т. — М.: Мысль, 1966. Т. 5. — С. 323–324.

талант — каноничен. В гениальности трепещет цельная природа человеческого духа, его жажда иного бытия. (...) Гениальная натура может сгореть, не воплотив в мире ничего ценного. Талант обычно создает ценности и оценивается. В таланте есть умеренность и размеренность. В гениальности — всегда безмерность. Природа гениальности всегда революционна. Талант действует в середине культуры с ее «науками и искусствами». Гениальность действует в концах и началах и не знает граней. Талант есть послушание. Гениальность — дерзновение. Талант от «мира сего». Гениальность от «мира иного». В судьбе гениальности есть святость жертвенности, которой нет в судьбе таланта»¹⁶⁴.

Кроме перечисленных, к особенностям творческой деятельности относится ее бессознательный характер. Поскольку индивидуальный субъект действует сознательно, т. е. контролирует сознанием свои действия: осознает предмет, цель, технологию — его деятельность репродуктивна.

Творчество связано не с производством новых фактов и логических выводов, если идет речь о познании, а с творением новых когнитивных структур. В частности, схем, конструкторов, фреймов и т. п. Общая особенность последних заключается в их неявном, неосознанном, или даже бессознательном характере. Они непосредственно не осознаются. Но их можно типологически сопоставлять с другими феноменами, которые также существуют неявно или не осознаются, но отличаются более высоким уровнем обобщения и абстрактности. Для них также признак быть осознанным не является необходимым для функционирования. Это картины мира, мировоззрения, исторические проекты и априори (М. Фуко), парадигмы (Т. Кун) и т. п. Именно их трансформации обуславливают, в конечном счете, революции в науке, искусстве, в общественной практике. Но данные трансформации не являются результатом целесообразной сознательной деятельности людей¹⁶⁵. Они оказываются косвенными результатами решения совсем других задач.

Субъект творчества и субъект существования, если предположить, что между ними есть связь, никогда не совпадают, находятся на различных уровнях совокупного социального или культурного субъекта, у них проблематично найти точку пересечения. В различных культурах, поскольку имеются в виду значимые действия, разворачиваются иерархии субъектов, причем индивидуальные занимают всегда место в нижнем ряду.

Если описывать феноменологию творческой деятельности, можно отметить: она кажется принудительной для самих ее индивидуальных участников. Вероятно, участие сознания и воли эмпирического субъекта, как полагали еще Платон и А. Шопенгауэр, вообще должно быть для гарантии успеха из творчества исключено. «Как раз в большом искусстве ... художник остается чем-то безразличным по сравнению с самим творением, он бывает почти по-

¹⁶⁴ Бердяев П. А. Философия свободы. Смысл творчества. — М.: Правда, 1989. — С. 395.

¹⁶⁵ Очевидно, несознаваемое не может быть результатом сознательного.

добен некоему уничтожающемуся по мере созидания проходу, по которому про-исходит творение¹⁶⁶.

Индивидуальные субъекты принимают участие в судьбе произведения в дальнейшем, когда оно уже рождается. Уже существует. В этом плане эмпирический субъект в лучшем случае может сыграть роль повивальной бабки, но не отца и роженицы. Хотя часто может сложиться впечатление, что именно акушер является единственным родителем произведения.

Как сознательные существа ученые, художник, поэт занимаются репродуктивной деятельностью. В частности, репродуцируют себя, репродуцируют свои наличные знания, умения, навыки, репродуцируют реальность, поскольку объективируют результаты своих наблюдений, обобщают, делают логические выводы и т. п. С другой стороны, сама по себе эта их деятельность имеет смысл лишь в той мере, в какой она условие творчества. Для репродуктивной деятельности результат должен совпадать с целью. В противном случае деятельность признается неудачной. Для творческой деятельности интересны не прямые, а косвенные результаты. Для нее — прямой результат, совпадающий с внешней целью, безразличен, а может восприниматься и негативно. В то же время данный результат как продукт именно творческой (т. е. нецелесообразной) деятельности апостериори представляется целесообразным. Поэтому к продуктам творческой деятельности приложимо такое определение, как «целесообразность без цели», которое И. Кант давал произведениям искусства.

Онтологическое и феноменологическое измерения языка¹⁶⁷

С позиции обыденного сознания, которое в разнообразных формах утвердилось в философии и науке, явления реального мира, с одной стороны, и мыслящие субъекты, с другой стороны, предваряют появление языка (речи). В соответствии с более перспективным концептом, который, к сожалению, лишь намечен, сознание (и мышление) и бессознательное оказываются не только представленными мышлению исследователя в языковых репрезентациях (Ж. Лакан, А. М. Пятигорский), но и вообще существуют в качестве эпифеноменов языка. Кроме того, обращается внимание на перформативные высказывания, которые автореферентны, т. е. одновременно являются и языковым фактом, и фактом действительности (Э. Бенвенист). А также на особый характер древнегреческого «Логоса» (и библейского «Слова»), где все сказанное одновременно и есть то, что именуется словом (О. М. Фрейденберг, А. Михайлов). Безусловно, это вызывает бурный протест позити-

¹⁶⁶ Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. — М.: Гнозис, 1993. — С. 73.

¹⁶⁷ Соколов А. Е. В кн.: Современные проблемы юридической науки / Под ред. Л. П. Чумаковой. — Новосибирск: НЮИ (филиал) ТГУ, 2011. № 9. — С. 204–208.

вистски мыслящих филологов и лингвистов. «Язык и действительность, по мнению Ю. В. Шатина, лежат в разных сферах пространства, поэтому ни устройство языка не может объясняться действительностью, ни устройство действительности — особенностями языка. Сближать данные понятия столь же некорректно, как пытаться понять роль шахматных коней и слонов, исходя из свойств реальных животных, обозначаемых этими же словами»¹⁶⁸. Данное положение представляется сомнительным. Во-первых, провести границу между действительностью и языком невозможно (они сращены друг с другом). Сама действительность, противопоставляемая языку, в конечном счете, есть различие, осуществляемое в рамках языка. Поэтому язык — это единственная действительность, в которую непосредственно помещены как определенные представления о самом языке, так и представления о действительности. Во-вторых, соглашаясь с невозможностью объяснения поведения шахматных слонов и коней свойствами реальных животных, следует в то же время признать неизбежность интерпретации поведения реальных слонов и коней свойствами их шахматных тезок, если соотнести последние с явлениями языка. Само выделение в реальности коней и слонов опосредовано языковой процедурой. В реальности вне языка, безусловно, нет ни слонов, ни коней. Таким образом, следует в противоположность утверждению Ю. В. Шатина, признать правильным положение о том, что устройство действительности может объясняться свойствами и особенностями языка. При этом не исключается (или оставляется открытым) и первое, т. е. признание того, что устройство языка в какой-то мере может объясняться действительностью. Дело в том, что исключить присутствие субъекта¹⁶⁹ в действительности, поскольку он предполагается устройством языка, невозможно. Рассмотрение отношения между языком и действительностью (а семантика и прагматика предполагают это) связано с превращенной формой существования самого языка, в результате которого он представляется только в качестве средства общения и, в конечном счете, в качестве «системы этикеток» (С. О. Карцевский), т. е. в феноменологическом измерении. В эпоху мифов, например, никакого отношения между языком и действительностью (реальностью), с одной стороны, и отношения между языком и мышлением, с другой, не было, поскольку действительность, язык, мышление представляли собой синкретический комплекс и не могли в этом плане противопоставляться друг другу. В чем же состоит отмеченная превращенность? В том, что язык начинает представляться в качестве совокупности знаков: во-первых, замещающей материальную реальность, во-вторых, — мышление (и вообще душевную жизнь человека). Но о каком отношении языка и действительности в обеих ее аспектах можно говорить в случае, опи-

¹⁶⁸ См.: Ю. В. Шатин. Три вектора семиотики // Дискурс. 1996. № 2.

¹⁶⁹ Субъект может выступать как в роли наблюдателя («модуля божественной перцепции»), так и в качестве гаранта сохранения действительности как устойчивой целостности в условиях необратимого времени.

сываемом О. М. Фрейденберг. Когда Эсхил говорит, что его герой «вошел в бушующее море», он не комментирует своей мысли. Между тем вокруг героя никакого моря нет¹⁷⁰. Что же в данном случае является действительностью? Изображается ведь не буря на море, а душевное состояние героя. Причем это выраженное с помощью явлений внешней чувственной реальности состояние нельзя считать метафорой. Что же тогда говорит драматург? При анализе высказывания внимание обращается на его переносный или метафорический смысл, который кажется вторичным по отношению к прямому. Следовательно, предполагается, что сначала существовала реальность (бушующее море), существовал и язык, обеспечивающий возможность описания этой реальности специфическими средствами. И, наконец, само данное описание. В нашем случае это изображение морской стихии. Точно так же предполагается существование душевной жизни человека и, соответственно, языка ее описания. А затем уже обнаруживается аналогия между бурей на море и стрессовой ситуацией у человека; следовательно, появляется возможность представлять жизнь души неспецифическими средствами, т. е. метафорически. Но как вообще описывалась душевная жизнь до создания метафор? Оказывается — никак. Никакого собственного языка для описания и выражения душевной жизни не существует¹⁷¹. Оказывается, описывать жизнь души иначе, чем с помощью метафор, невозможно. Какое же описание первично? Описание явлений реальности или явлений душевной жизни? И другой вопрос: является ли метафора описанием? В соответствии с материалистическим решением основного вопроса философии, безусловно, первично описание явлений реальности, существующих до данного акта¹⁷². Но мог ли человек в мифологическую эпоху составить такое объективное описание морского пейзажа? Ответ не вызывает сомнения. Ни в коем случае: для этого у него просто нет соответствующих знаковых средств¹⁷³. Чтобы иметь представление о явлениях реальности, именно как о явлениях внешней по отношению к субъекту («я») реальности, необходимо иметь представление об этом субъекте¹⁷⁴. Они предполагают друг друга. И. Кант определил

¹⁷⁰ См.: Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. — М.: Наука, 1977. — С. 190–191.

¹⁷¹ Слава Богу, Д. И. Дубровский и его единомышленники, кажется, уже отказались от надежды представить жизнь души (и сознания) в «адекватных» ей терминах физиологии и нейропсихологии.

¹⁷² Здесь не обсуждается корректность постановки самого данного вопроса.

¹⁷³ Поскольку, специального языка для описания душевной жизни нет, используется язык, созданный рассудком из отражений (Ф. Шеллинг). Но явления душевной жизни, изображаемые в искусстве посредством языка, обреченного быть языком реальной действительности, вообще нельзя считать отражением объекта, существующего до данного изображения. Произведение искусства (и вообще произведение) ничего не описывает и не представляет, ни явления реальности, ни психические состояния субъекта, а является определенным состоянием бытия, от которого производны как явления реальности, так и душевные состояния субъекта (См.: Г. Г. Амелин, В. Я. Мордерер. Миры и столкновенья Осипа Манделштама. — Москва — Санкт-Петербург, 2000).

¹⁷⁴ Представлениям отдельных явлений реальности именно в качестве индивидуальных должен соответствовать индивидуальный субъект. Представление индивидуального явления в качестве персонификации божества (например, Зевса, который одновременно может персонифицироваться другими явлениями), безусловно, не предполагает существование индивидуальных субъектов.

«я» как трансцендентальное единство апперцепции, которое сопровождает любое представление о мире. Но каково было представление о мире в условиях, где это «я» еще не сформировалось, где человек растворялся в составе коллектива, персонифицируемого тотемом? Соответственно, различие внешнего и внутреннего, на котором основывается сознание¹⁷⁵, не имело смысла¹⁷⁶. В языке первоначально слова, обозначающие для нас, как внешних наблюдателей, вещи, обозначали состояния души коллективного субъекта, персонифицируемого тотемом. Термин «обозначали», безусловно, некорректен. В данном случае язык и действительность не могут противопоставляться друг другу, они являют собой абсолютную неразличенность, т. е. выступают как перформатив. Причем «неразличенность» в том смысле, что явления действительности выступают в качестве означающих, т. е. видимого, которое есть не что иное, как образ невидимого. В этой связи О. М. Фрейденберг отмечала, что «...античность принимала за подлинность то, что мы считаем несуществующим, а то, что для нас реально, она относила к миру протяженной «видимости»¹⁷⁷. Если это не будет уяснено, ничего не будет понято ни в языке, ни в том, что отличается от языка. Слова значат не то, что они обозначают. Главная задача языка в его онтологическом измерении заключается в противостоянии угрозе распада человека, его фрагментации. Поэтому человек занимается на ранних фазах существования культуры не столько производством средств существования, сколько производством самого себя в составе коллектива¹⁷⁸.

¹⁷⁵ Сознание как отражение сущего стало возможно, поскольку слова (действительность мыслей) превращаются в знаки, а символическое, мифологическое в них «прекратилось», закрылось экраном представления – видимое стало значимо само по себе, а не только как зеркало для невидимого. Мир утратил свою зеркальность. Мир перестал быть мифом, т. е. средством для организации, структурирования человеческих сил или самого человека (См.: Мамардашвили М. К. Необходимость себя: Лекции. Статьи. Философские заметки. – М.: Лабиринт, 1996. – С. 17–18.). Значит, мир и перестал быть субъектом, превратившись в объект отражения.

¹⁷⁶ Впрочем, различие внешнего и внутреннего и сейчас имеет смысл лишь до тех пор, пока мы не задумываемся о нем.

¹⁷⁷ Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. – М.: Наука, 1978. – С. 186.

¹⁷⁸ Точнее, эти акты представляли собой нечто, представляемое сейчас в качестве борьбы субъекта с самим собой (с противоположными определениями его воли), которая противопоставляется борьбе с внешней реальностью. Последняя просто не существовала тогда для человека как объект.

ПРИЛОЖЕНИЕ

МИРЫ
АНАТОЛИЯ СОКОЛОВА

Поэзия Анатолия Соколова продолжает жить, волнуя сердца, пробуждая мысли. И не угасает интерес к личности поэта, его пути к вершинам мастерства, обстоятельствам жизни. В книге Ю. Григорьева «Анатолий Соколов – поэт и философ» представлены воспоминания, которые относятся к временам детства и юности поэта, и это понятно и разумно – автор писал только о том, что знал сам, лично. Но были периоды, важные для становления личности и формирования миросозерцания А. Соколова, которые в той книге практически не отражены. Это армейские и студенческие годы, участие поэта в знаменитом ЛИТО Ильи Фоянкова. Друзья поэта продолжают находить и присылать издателям фотографии, записи и документы, ранее не известные широкой аудитории читателей. И временные ниши постепенно наполняются материалом, который когда-нибудь послужит подспорьем исследователю, взявшему на себя труд составить жизнеописание и этапы творческого роста замечательного поэта.

В качестве приложения к сборнику избранных произведений вниманию читателя предлагаются стихотворные посвящения А. Соколову российских поэтов, воспоминания друзей и фотографии из их личных архивов, освещающие отдельные этапы его жизни. Здесь же – рассказ о некоторых событиях, связанных с памятью о поэте, о том, как отражается его творчество в делах и людях сегодняшнего дня.

Юрий Григорьев

Юрий Дмитриевич Григорьев родился в Новосибирске в 1946 г. Доктор технических наук, профессор кафедры «Математического обеспечения и применения ЭВМ» СПбГЭТУ («ЛЭТИ») им. В. И. Ульянова (Ленина), специалист в области прикладной математики. Автор 4-х монографий и более 150 статей (области научных интересов: планирование эксперимента, актуарная математика и теория риска, математика гармонии), автор книги «Анатолий Соколов – поэт и философ» (2018), многочисленных переводов немецких поэтов. Живет в Санкт-Петербурге.

Смерть поэта¹
(*Р. Рильке. Пер. с нем.*)

Он пал: лежит, покинув рай земной,
подушки, бледный лик, нет тяготы оков;
цепь смыслов, знаний вещей зов
прервались с ним, и не хватает слов,
ушло все в мир иной.
Живой, казался всем таким,
каким не был, — один среди нас всегда;
луга, неслышная вода —
от образа его, он был совсем другим.
Душа его как целый мир, — ее нам не объять,
последний взгляд, как сон забытый,
и маска смерти, словно дух убитый,
как нежный плод, что должен загнить
на воздухе раскрытый.

Александр Денисенко

Александр Иванович Денисенко родился в 1947 г. в с. Мотково Мошковского района Новосибирской области. Учился в Новосибирском педагогическом институте. Работал телеоператором, журналистом, редактором. Публиковался в журналах «Сибирские огни», «Волга», «Знамя» и др., во многочисленных антологиях, сборниках, альманахах. Автор четырех поэтических книг. Член Союза писателей России. Живет в Новосибирске.

Александровское поле²

Поймать стрижа. На шею крепко сесть.
Шепнуть: вали до площади Свердлова.
Осуществим, мой друг, святую месть
И отомстим за Толю Соколова.

¹ Перевод сделан 3 августа 2017 г., впервые опубликован в книге Ю. Григорьева «Анатолий Соколов – поэт и философ», с. 335.

² Опубликовано в журнале «Сибирские огни», № 1, 2015 г.

Он здесь ходил. Его менты встречали.
 Пытались укротить. Он боком отвечал.
 Они его ни разу не читали,
 А он на них анапест изучал.
 Стриги же, стриж, сей воздух золотой,
 Стусившийся над куполом собора,
 Чтоб из Оби, по небу разлитой,
 Пролился свет от княжеского взора.
 Он здесь ходил. Он здесь переплавлялся
 В поездках в золотой Каракорум,
 С Покрышкиным и Плитченко встречался
 На площади Свердлова, там, где главный чум.
 И эта Александровская площадь —
 Царя, поэта, князя и пилота —
 Да будет есмь, когда поэт восхощет! —
 Я ж завожусь всегда с пол-оборота.
 И хлынет Обь в Спартаковское русло —
 Омыть и залечить сей родовой плацдарм.
 Лети, лети, мой стриж, и расскажи изустно
 Про Сокола, который сострадал.
 Его стихи — таких на свете нет.
 Его слова — никто их не умеет.
 Поймать стрижа. И там, где жил поэт,
 Притормозить над сердца мавзолеем.
 И через все «Невразумительные годы»
 «Осенних птиц» мы слышим долгий крик
 Над «Крепостью», где храма облик гордый
 Вернулся к нам: на русский «Материк».

Светлана Кекова

Светлана Васильевна Кекова родилась в 1951 г. на Сахалине. Окончила филфак Саратовского госуниверситета. Доктор филологических наук. Автор более десяти книг стихотворений, литературоведческих книг и статей. Стихи С. Кековой переведены на все европейские языки. Лауреат многих литературных премий. Член Союза российских писателей. Живет в Саратове.

Зона сияния³

Смотрю, как улетают птицы...

А. Соколов

1

Две птицы — Блаженство и Ужас —
 летят, опереньем горя.
 купаются голуби в лужах
 в последние дни октября.

³ Светлана Кекова посвятила Анатолию Соколову цикл из четырех стихотворений. В подборке, опубликованной журналом «Новый мир» (2012, № 1. – с. 28), второе из них отсутствует.

В печальные дни листопада
душе утешения нет,
но грешникам, жаждущим ада,
дарован особенный свет:
он страждущим листьям осенним
несет долгожданную весть
о том, что чревата спасеньем
тоска, пережитая здесь,
что станут иконою Спаса
осенней листвы вороха,
что тайною смертного часа
очищена бездна греха.

2

Села на ограду золотая птичка.
Горевать о прошлом — горькая привычка.
Забывать о прошлом — мелкая уловка...
Золотая птичка, светлая головка.
Светлая головка, маленькое тело:
золотая птичка с неба прилетела
и поет о рае нас, погибших, ради
золотая птичка, сидя на ограде.

3

Ты плачешь слезами сухими,
с собой расстаешься навек,
когда превращается в имя
знакомый тебе человек.
Шепчу, содрогаясь от боли:
Вальхалла, Аид и Шеол...
Куда же ты спрятался, Толя?
Куда и зачем ты ушел?
Звездю серебряно-плоской
украшен под вечер погост,
и плачет в одежде сиротской
по Толе Спартаковский мост,
а он в неземной атмосфере
с нездешнею скрипкой в руках,
как Моцарт, простивший Сальери,
в блаженных плывет облаках.

4

Когда нам сказали: пространство открыто,
мы двинулись молча сквозь лес алфавита,
сквозь дебри согласных — шипящих, сонорных,
сквозь заросли знаков — то белых, то черных.

Мы двинулись молча сквозь облако гласных,
 парящих над миром в одеждах атласных.
 Сквозь все языки, диалекты, наречья
 прошла говорящая плоть человечья.
 Зачем? Чтоб изведать молчанья законы.
 Зачем? Чтоб увидеть слова, как иконы,
 чтоб вещи увидеть знакомые — им бы
 пришлось по душе их словесные нимбы,
 увидеть, как голуби на колокольнях
 клюют наше прошлое в рифмах глагольных,
 увидеть страданье как зону сиянья,
 а смерть — как загадочный знак препинанья.

Станислав Михайлов

Станислав Геннадьевич Михайлов родился в 1962 году в г. Полевской Свердловской области. Окончил Алтайский государственный институт культуры. Несколько лет заведовал отделом поэзии в журнале «Сибирские огни». Автор книг «Июлия», «Долго ли, коротко», «Римские поселения». Стихи публиковались в сборниках и антологиях, в журналах «Сибирские огни», «Крещатики», «Новая Юность», «Интерпоэзия» и др. Лауреат премий им. Г. Гребенщикова, им. И. Анненского. Живет в Новосибирске.

*Анатолию Соколову – поэту,
 учителю, человеку родному...*

Не вспоминаю Соколова
 Недели две ли три подряд.
 Но вот на Красном у столовой
 Привиделся мне старший брат.

Не старый, сбитый по-борцовски,
 Свободен и высоколоб,
 Рот крепко сжатый соколовский,
 Во всех ухватках Соколов.

Иду и думаю: ты умер,
 Харону сдался за обол.
 На карусель теней и сумерек
 Неведомо зачем побрел.

Ошибся — это типографщик
 С Фабричной, добрый старикан.
 На нем кепарь, шотландский шарфик...
 Но ты, Мишаня, не Толян.

Наборщики, почти поэты,
 Нет, мстительные хвастуны...
 Стал Соколов ступенькой Эдды
 И илиадовской волны

Барашком, — волны, волны, волны...
 Я встал свидетелем войны.
 Брат Соколов, чего довольный,
 Ну никакой твоей вины,

Что отошел туда, за этот,
 За телевизор «Горизонт».
 Поэт ушел в загробный эпос,
 Простой посмертный эпизод.

Сергей Степанов-Прошельцев

Сергей Павлович Степанов-Прошельцев, литератор, журналист. Родился в поселке (ныне – город) Сузун Новосибирской области в 1946 г. Автор 11 печатных и более 30 электронных книг. Лауреат трех литературных премий. Активно публиковался во многих отечественных и зарубежных изданиях, в их числе ленинградские журналы «Звезда» и «Аврора», казахстанский «Простор», узбекский «Звезда Востока» и др. Жил на Кавказе, в Латвии, на Урале. Сейчас живет в Нижнем Новгороде.

Посвящения Анатолию Соколову⁴

* * *

Бродил по городу чудака с посеребренным чубом,
 шел не спеша, любой пустяк ему казался чудом.
 Глядел тот парень на закат, на леса гребень редкий,
 где красногрудый музыкант усердствовал на ветке.

Боясь разбить, он в руки брал зимы стеклопосуду,
 и проявление добра он чувствовал повсюду:
 в карасьем профиле моста, в реке, пристывленной малость.
 Как сахар в чае, доброта в природе растворялась.

1969, г. Ставрополь

Колыбельная рядовому запаса

Ты дома. Всё чин по чину.
 Ложишься в постель. Отбой!
 Спи, мальчик! Ты был мужчиной,
 побудь же теперь собой.

Пусть тебе реже снится,
 как месяц тому назад
 огромной хвостатой птицей
 летел над тобой закат.

⁴ Стихотворения были опубликованы в авторских сборниках С. П. Степанова-Прошельцева «Страна больших полей» (2014), «Я весенний посол» (2019), «Избранное» (2019), «Песни света и воли» (2019).

Там день наполнялся зноем,
сражающим наповал,
который еще весною
все травы испепелял.

Но в местности той пустынной
растут теперь деревца...
Спи, мальчик! Ты был мужчиной,
останься им до конца.
1968, г. Ставрополь

* * *

Жарким светом прожектора залит,
вот идешь ты, вздыхая опять:
словно что-то, как дым, ускользает, —
то, что силишься тщетно понять.

Что-то главное, что-то такое,
что всегда безотчетно искал.
Оттого нет ни сна, ни покоя,
только смутная эта тоска.

Опустеет однажды жилище,
позабудутся правда и ложь.
Что ты хочешь? Чего ты все ищешь?
Неужели когда-то найдешь?
1970, г. Новосибирск

* * *

Сядем молча за приборанный стол,
выпьем сразу не граммов по сто,
а, как в том азиатском бедламе,
по стакану — за тех, кто ушел,
кто не сел с нами нынче за стол,
но кто вечно останется с нами.

Быстро наши редуют ряды.
Что есть жизнь? Это вьющийся дым,
он обманет, как первые жены,
не прибавит здоровья и сил,
и все то, что в душе сохранил,
измочалит, как мельничный жернов.

Наливай же еще и еще,
чтобы затхоль и бедность хрущоб

мы забыли на время хотя бы.
Наши помыслы были чисты,
но вели к ним другие мосты
и не встретился с нами Хоттабыч.

А теперь... Что поделать теперь?
Впрочем, я не такое стерпел,
да и ты. Что об этом талдычить?
Потому-то и жизнь не пряма,
потому и приходит зима,
как охотник, что в поиске дичи.
2006, г. Нижний Новгород

* * *

Шел человек по осени вдыхал ночной озон,
и был он как на острове, почти что Робинзон.
Он шел, хоть дождь наяривал, шел вовсе не спеша,
и лунная, янтарная светила в нем душа.

Прозрачная и добрая, подснежника нежней,
добрав, чего не добрано из урожая дней.
И никакого казуса не ожидалось с ним:
он скажет, что не сказано, о чем мы все молчим.

О том, что чиж насвистывал назло людским шумам,
что лиственный, неистовый вокруг него шалман,
что мир пронизан тайнами, как бабушкин альбом,
что это — обитаемый мир, где мы все живем.

И от росы подрагивал в тени цветков лесной,
ложась на холст подрамника
лазоревой весной.
2006, г. Нижний Новгород

* * *

Мы мыслим доскрипеть до будущей весны.
Бессмертия не ждем. Но есть всему основа:
круговорот во всем. Конечно жизнь звезды.
У жизни нет конца — она возникнет снова.

Пусть в мире только тьмы холодный антрацит,
но, верь, произойдет какой-то странный казус.
И снова грянет взрыв. Настанет новый цикл,
исканий и потерь — он побеждает хаос.

И ты себя за то напрасно не суди,
 что краток твой приход — по сути, он мгновенный.
 Ты слышишь этот звук? Ты слышишь, как в груди
 звучит победный гимн ликующей Вселенной?

2007, г. Нижний Новгород

* * *

Этот город весна обошла стороной,
 больше ждать нам уже не терпеж,
 так давай же, мой друг, вновь тряхнем стариной
 и устроим весенний кутеж.

Пусть зима даст приказ своей сватье пурге,
 на прощанку, мол, вновь куропись,
 мы назло этой старой безглазой карге
 пир устроим на мир этот весь.

Ты — художник, ты белое в зелень раскрась,
 мы устроим наш праздник силком,
 и мы выпьем вина, в хороводе кружась
 вместе с бабочкой и васильком.

Ерунда, что морозный доносится хруст,
 мы довольны разгулом своим.
 Только зрительный зал подозрительно пуст,
 декорации ветер свалил.

Нас с тобой время словно в муку истолкло,
 шлет оно нам последний привет,
 и ты ежишься зябко, мой друг из того
 уходящего, коего нет.

12 февраля 2014, г. Нижний Новгород

Зеркала Анатолия Соколова

20 апреля 2010 года ушел из жизни поэт Анатолий Соколов...

Память — система зеркал: при определенном их расположении можно не увидеть себя. Можно не увидеть прошлого, забыть о нем, как забывают о рваных носках или о закатившейся под диван монетке. И сегодня, когда мы живем в бешеном ритме третьего тысячелетия, зеркала, отражаясь друг в друге, рожают порой лишь эхо этого отражения. Просто сверкнувший отблеск огня и тотчас погасшую тень. У новосибирского поэта Анатолия Соколова были свои зеркала, в которых отражался и он сам — непредсказуемый в своем творческом порыве, самобытный, щедрый на образы и на душевную теплоту.

Мы познакомились с ним в поселке Державинском в 38-й ракетной дивизии, которая еще не встала на боевое дежурство. Раньше она дис-

лоцировалась под Ялуторовском в Тюменской области, но после того как Олег Пеньковский выдал американцам места расположения самых важных стратегических объектов, дивизию переселили в Казахстан.

Нас ведут в баню. Жестко шелестит на ветру мертвая трава. Пепельно-серые копны песка, наметенные «шайтанами» – пыльными и песчаными бурями. Мухи, пронзительные, как картечь. Ни кустика, ни деревца.

И тут я замечаю, что нас стало больше. Оказывается, к поезду прицепили еще один вагон или даже два – с сибиряками. И надо же совпадению такому случиться: я призывался из Ставрополя, а родился там, откуда они прибыли. Мистика какая-то!

Тогда-то я впервые и увидел Толика. Небольшого роста, щекастый, он шел, казалось, ничего и никого не замечая вокруг, и что-то бормотал себе под нос. «Надо же, – подумал я. – Блаженный какой-то». Только потом стало понятно: так он сочиняет стихи, наговаривает их. Без черновиков, сразу набело. Что-то я не припомню, чтобы кто-то из поэтов творил таким образом. Разве что Мандельштам.

Но о стихах на какое-то время пришлось забыть, поскольку нам, салагам, пришлось несладко. Адаптировались к новым условиям, к новому образу жизни трудно. Толику было трудно вдвойне. И не потому, что он был маленьким сыном, просто он и военная служба, которая сейчас кажется сплошным маразмом, находились в каких-то параллельных мирах. Это чувствовал и я. И это было первое, что нас сдружило. Мы сообща вырабатывали противоядие. А потом я взял шефство над этим большим ребенком, хотя был на год моложе, и всячески его опекал. Наша дружба стала формой существования материи там, где, по задумке вождей, никакой материи не должно вообще существовать – только высокотехнологичный боевой дух, только идеология.

* * *

После того, как мы приняли присягу, в дивизии решили создать литературное объединение. Руководителем его был назначен капитан Лехмус, издавший несколько поэтических сборников. Объявили конкурс на лучшее стихотворение, посвя-

ценное армейской службе. И мы решили в этом конкурсе поучаствовать. Но с армейской темой был напряг. Мне удалось накопать пару ужасно корявых стихотворений, которые я Толику читать не решался. А у него вообще не было ни одного.

– Возьми да напиши, – посоветовал я ему.

Он скривился, как будто разжевал незрелый лимон, но все-таки сказал:

– Ладно, попробую.

Пробовал Толик дней десять, а потом честно признался:

– Знаешь, ничего не получается.

– Ну, тогда почитай что-нибудь на свой выбор. Про Наполеона, например. У него ведь тоже армия была.

– Хорошо, – согласился он, но без энтузиазма.

Конкурс проходил в клубе-бараче. Участие в нем приняло человек пятнадцать, в основном офицеры. Я «отстрелялся» первым, заслужив несколько жалких хлопков. Толик выступал среди последних. Прочитал он что-то в духе Шарля Бодлера, которым тогда увлекался.

Итоги конкурса подвел Лехмус. Он выделил одного меня. О Толике не промолвил ни слова. Видимо, на фоне плакатного пафоса он любую другую поэзию просто не воспринимал.

Но тут случилось так, что нас с Толиком разлучили. Его перевели в хоззвод и отправили учиться на хлебопека в Чирчик. А через несколько дней я получил письмо от общего нашего товарища Ромащенко. Он сообщил, что Толика посадили на гауптвахту. За что, Ромащенко не уточнял. Но я понял, почему это случилось. Потому что рядом не оказалось человека, который мог дать совет и как-то повлиять на ситуацию.

Из дневника, вести который строго запрещалось:

«23 мая 1966 года.

Наконец-то вернулся Толик Соколов. Я повстречал его у машины со свинными тушами в прорезиненном фартуке. Засучены рукава. Палач? Мясник? Нет, это Поэт! Как я люблю его! А он хочет курить и ищет глазами окурки. Говорю ему: ты что, с ума сошел? У меня была начатая пачка, отдал ему. Курит жадно. Смахивает слезинку, рассказывая, как забивали свиней. Сначала – топором по голове, потом – ломом. Слышно, как хрустят и ломаются кости. Свиньи визжат, плачут... Говорит:

– Натуральная инквизиция.

26 мая. Из-за невозможности использования в качестве хлеба пека (таков официальный вердикт прошедшей аттестации – я был очень удивился, если бы он ее прошел) Толика Соколова перевели в кочегарку. Это здорово. Теперь это наша штаб-квартира.

1 июня. В кочегарке Ткаченко, земляк Толика. Наш человек. Красиво курит. Тихий вкрадчивый голос. Гитара. Естественно, Окуджава. Почему я люблю этого грузина, который никакой не грузин?

Потому, что он такой же исконно русский, как Пушкин и Лермонтов, Блок и Гумилев, в крови которых тоже намешано много иностранного.

4 июня. Вчера наше литобъединение, которое существует практически только на бумаге, устроило по инициативе Лехмуса братание с державинскими пиитами. Происходило это эпохальное событие в редакции районной газеты, причем хозяева были все пьяны в стельку. Нам не налили ни грамма. Естественно, ничему у местных «мэтров» научиться нельзя. Больше в этих сборищах мы с Толиком участвовать не намерены.

7 сентября. После отбоя отправился к Толику. Заварили чифир. Сердце ушаченно бьется, голова ясная. Говорили очень долго о судьбах поэзии, об искусстве, о том, что оно требует постоянной новизны, о том, что творческий толчок исходит прежде всего из формы... Прозрачно на душе от нашего общения».

* * *

Когда наступил желанный дембель, мы не простились, поскольку я сидел на гауптвахте. Прошел год. Мы переписывались с Толиком, но редко. В марте 1969 года в жизни моей случилась трагедия. Я позвонил Толику, попросил приехать. Он не смог, но прислал письмо, которое было для меня как бальзам от ран. Я читал тогда это письмо и хотелось бросить все к черту и купить билет до Новосибирска.

Я приехал к нему в 1970 году. Он тогда учился на филолога, посещал семинар Ильи Фоянкова. Я тоже учился – в Московском полиграфическом, но заочно. И работал в газете. Если Толик жил на стипендию, правда, еще и подрабатывал на вокзале – разгружал вагоны, то я имел стабильный заработок и кое-какие сбережения.

Мы, конечно же, отметили нашу встречу в квартире Толика на улице Спартака. Я привез бочонок вина, но вот с закуской была напряженка. И мы отправились в магазин, который встретил нас пустыми полками. С продуктами в Новосибирске было гораздо хуже, чем на Кавказе.

– Давай махнем в ближайший ресторан, – предложил я. – Там и затаримся.

– Это дорого, – пытался остановить меня Толик.

– Не волнуйся, – успокоил я его. – Деньги есть. А вообще деньги – это сор, ты прекрасно знаешь.

Толик знал, и мы пошли искать съестное. И встретили собратьев Ана-толия по поэтическому цеху – двух Александров: Плитченко и Кухно.

И тот, и другой уже были членами Союза писателей, выпустили по несколько поэтических сборников. Но оба относились к начинающему ли-тературе, каковым был тогда Толик Соколов, с большой симпатией.

Мы пошли в ресторан. Посидели, выпили. Я попросил официантку сообразить что-нибудь на вынос. Тогда это запрещалось, но после того, как я сунул ей крупную купюру и сказал, что сдачи не надо, она смилостиви-лась и принесла довольно тяжелую авоську (полиэтиленовых пакетов в те годы еще не придумали). Когда мы вернулись к Толику, то обнаружили там жареную курицу, салаты и четыре бутылки дорогого вина.

Вечер этот превратился в вечер поэзии. Сначала читали стихи мэтры. Но они меня почему-то не впечатлили. На этом фоне стихи Соколова вы-глядели предпочтительней:

Из недр дождливого простора
До стен бревенчатых держав
Доносится гуденье бора
И вопли жалобные жаб.

.....
Опять в тревожном бледном свете
Звезды, летящей с высоты,
Невольно вздрагивают дети,
И звери прячутся в кусты.

Потом мы с Толиком потерялись. Он нашел меня в «Одноклассниках» много лет спустя. Мы писали друг другу каждый день – так много нужно было сказать из того, что накопилось за годы разлуки. В последний год нашего общения Толик в очередной раз меня удивил. Он, как опытный диагностик, сопоставил эпоху застоя с тем, что происходит у нас в России сейчас. Письмо было пространным. Я просто не могу его процитировать полностью. Ограничусь выводом: «Если сравнить застойные времена и се-

годняшние, то нельзя ква-лифицировать их как «са-мообман» и «истину». На самом деле это два боль-ших самообмана».

В последнем своем письме Толик жаловался на усталость. «Надо отдох-нуть, а то совсем закру-жился», – писал он. Но смерть уже стояла рядом.

*Сергей Степанов-
Прошельцев*

Виктор Иванович Сайдаков родился в 1951 г. в пос. Сибирском Купинского района Новосибирской области. Окончил Новосибирский пединститут, а позже – военное училище. Работал в школе, служил рядовым в ГСВГ, в военных газетах и журналах. Уволился в запас полковником. 10 лет возглавлял департамент МА «Сибирское соглашение», вел авторские программы на радио «Слово». Пишет стихи и прозу. Публиковался в журналах «Воин России», «Дальний Восток», «Новосибирск», «Сибирские огни», «Честь имею». Член Союза журналистов России. Живет в Новосибирске.

Сомневающийся студент Анатолий Соколов

Стоял август 1968 года. Яркий, солнечный. Впрочем, сейчас за дымкою лет мне кажется, что в юности все дни были такими. На Советской, 79, на втором этаже новенького главного корпуса Новосибирского пединститута галдела пестрая толпа абитуриентов. Шли вступительные экзамены. Среди всех бросался в глаза небольшого роста аккуратный солдатик. В полевой форме, в пилотке, в хорошо начищенных сапогах. Это был Толя Соколов, мой будущий замечательный товарищ, однокурсник и одногруппник. Почти все последующие годы до окончания филологического факультета в 1972 году мы сидели с ним в аудитории за одним столом. Вместе ездили на педагогическую практику, в строительные отряды...

Соколов — сомневающийся студент

Позднее по поводу его поступления в солдатской форме в институт я не раз подтрунивал, мол, с твоим-то жизненным опытом, начитанностью, умом, что уж было так-то подстраховываться? Он на это совершенно серьезно отвечал:

– Ты знаешь, после армии я был очень не уверен в себе... Очень... Нет, я сомневался...

Меня это немного удивляло. Ничего себе – неуверенный! Перед поступлением в институт он успел поучиться в геолого-разведывательном техникуме, позднее – в Строительном институте на архитектурном факультете, потом мотался с экспедицией где-то на Крайнем Севере, а последние три года служил в ракетных войсках в Казахстане...

Сразу оговорюсь, я считаю – нашему курсу, а особенно нашей группе повезло, что Толя учился с нами. С одной стороны, мы получали от преподавателей и от всей, очень толковой в то время системы образования, хорошие знания... А с другой, Толино деятельное существование в группе меняло нас, делало другими.... Он был старше тех, кто поступил в ин-

ститут сразу после школы, на пять лет. По тем меркам – это было много. Война перемешала рубежи между поколениями. Условно это можно определить так – он был из «сразу послевоенных» мальчишек. А мы из тех лет, когда голод и разруха уже отступили. Впрочем, для поэтов и философов (а он уже тогда сформировался как личность) время течет совершенно по другим законам. Позднее, многое осмыслив, я поражался, какую гигантскую работу он проделал, самообразовывая себя.

Благодаря ему в нашей группе шло интеллектуальное окультуривание, в основном деревенских девчонок и мальчишек, приехавших иногда из таких глухих углов, где и библиотек-то приличных не было. Он ничего не демонстрировал, ничего специально не делал для этого. Просто учился. Но в его всегда дружелюбном общении, в разговорах, в его ответах на семинарских занятиях, в его спорах с преподавателями проявлялось оригинальное мышление, владение точной аргументированной терминологией, развернутыми фактами из художественной литературы, трудов по эстетике и философии. Он делал это с виду легко, увлекательно, искренне считая, что то, о чем говорит, все знают, все читали, а, может быть, даже и больше, чем он. Это заводило, куражило, хотелось дотянуться, понять, чтобы быть хотя бы не полным профаном в общении с ним... Возможно, это было мое субъективное восприятие. Но ощущалось тогда именно так.

Преподаватели общественных наук относились к нему по-разному. Кто-то с приятным удивлением. Кто-то с настороженностью, потому что не хотелось, наверное, попадать впросак от некоторых вопросов задумчивого и напористого студента. Помнится, однажды один из них с ироничной улыбкой сказал:

– Вы так, Соколов, это подаете, как будто досконально изучили «Капитал» Маркса...

Студенты пединститута Сергей Токарев, Анатолий Соколов и Виктор Сайдаков

Под Лениным, конечно, себя «чистили». В главном корпусе пединститута.
Слева направо: Анатолий Шерин, Анатолий Соколов, Виктор Сайдаков, 1971 г.

На что Толя несколько смущенно, опустив при этом по всегдашней своей привычке голову вниз, ответил:

– Ну да, пришлось проштудировать...

А потом мы, его однокашники, узнали, что Толя пишет стихи. И не просто пишет. Он участник семинаров самого главного из ЛИТО (литературного объединения) в городе, которым руководит поэт Илья Фоняков. Стихи Фонякова тогда были на слуху в Новосибирске. Читали и обсуждали «Папирось» про «четыре пачки грусти», «Говорите о любви любимым», «Мои товарищи в дверь стучатся...»

В стихах тех лет кипела романтика. Диспуты «физиков с лириками» иногда заканчивались прозаичным мордобоем. Тон задавал эпатажный, суперсовременный в те годы Академгородок. Многие вечера поэзии проходили в научном центре. Оттуда веяло свободой. Толя, считавший, что семидесятые нисколько не уступали предыдущим оттепельным шестидесятым, романтических всхлипов в свои стихи не допускал. Позднее об этом скажет Анатолий Маковский, известный авангардист, повлиявший на становление некоторых новосибирских поэтов: «...А Толик Сокол – он строго пишет в его стихах васильки не дышат...».

Философская подкладка и густая метафоричность стали проявляться в стихах Соколова уже в те годы. Хотя многие из его творений были «повеселее», посветлее что ли. Как-то на лекции по психологии он передал мне листок. Там его экономным сжатым почерком было написано: «А глаза у

тебя зеленые и назвали тебя Аленюю. И сидишь ты на белом камушке, и воде что-то шепчешь на ушко. Ой, тебя бы на речку светлую из дремучей и душистой комнаты, а вороны тебе советуют утопиться в глубоком омуте...» Здесь оговорюсь, многое у меня уже вылетело из памяти, поэтому в цитировании могут быть пробелы.

Сравнивая это стихотворение с его более поздними, на мой взгляд, иногда перенасыщенными метафорами, трудно поверить, что это тоже Соколов.

Писал и рисовал он в студенчестве почти беспрерывно. Особенно много было его посвящений. Думаю, если их сейчас собрать, то получился бы солидный том интересных стихов. Интересный в том смысле, что он ко всему относился серьезно и «проходными» строчками почти не грешил. Да и стихи, как я упомянул выше, были несколько другими.

Я в то время очень скучал по родным местам и взахлеб расписывал свой озерно-степной край. Мы несколько раз порывались вместе съездить в мою деревню. Но все что-то не получалось. На лекции по стилистике Толя как-то придвинул к себе мою тетрадку и на обложке написал: «И что поделать от такого размаха вёсел и свобод. Пока – деревня Сайдакова... А дальше в лодке, на восход... Закуриваем, ибо назад глядеть такой позор, когда несет смолой и рыбой из-за синеющих озер...»

Было полное ощущение, что мы в деревню мою уже съездили...

Иногда во время занятий вели своеобразную игру-переписку. Сочиняли, какой-нибудь образ, метафору, сложную замысловатую рифму, стараясь перешеголять друг друга. Однажды он сразил меня наповал, показав строчки: «...Пахнущая дождиками бочка на ветвях серебряных висит...» Мне сразу стало грустно, и все мои сочинительские потуги показались смешными и никчемными. Но когда я попросил прочесть все стихотворение, он как-то ушел от ответа. Позднее читал всего лишь четверостишие, связанное с этими строчками, но почти всякий раз новый вариант.

Наша группа на демонстрации в 1969 г.

На педагогической практике в Пашино, 1971 г.

Потом я разберусь, что стихотворения попросту не было. Были только эти две строки. Весь текст появился, по моему мнению, при подготовке к печати замечательной книги «Гнездо поэтов». Этим прекрасным названием поэты Александр Плитченко и Владимир Берязев в 1989 году как бы официально закрепили статус за удивительным содружеством Новосибирских поэтов, к коему принадлежал и Толя Соколов. А придумали его Владимир Ярцев и Александр Денисенко. Но об этом, предполагаю, нужно говорить отдельно и подробно...

Еще один штрих к рассказу о студенческой жизни Анатолия Соколова. Его творческая неуспокоенность проявлялась буквально во всем. В инструктивно-педагогическом лагере, где нас учили работать пионервожатыми, он моментально преобразил нашу группу, назвав ее отрядом «Божьи коровки». Появились гимн и песня, написанные им же, театральная труппа «Кикиморь». Теперь жизнь нашего отряда резко отличалась от других.

Помню, в 1971 году на излете зимы мы целый месяц работали во время педагогической практики в одной из сельских школ возле поселка Пашино. Восемь девчонок из нашей группы. И мы с Толей. Как раз в тот момент, когда мы по утрам приходили в учительскую к первому уроку, за окном в морозном тумане вставал бордовый шар февральского солнца.

«Разве в городе такое увидишь», – бормотал Толя, глядя на пробудившееся светило.

Мы с ним жили в пионерской комнате школы. Девчонки в общежитии. По вечерам бегали к ним «на посиделки». Иногда пили сухое вино. Толя в том году купил стационарный катушечный магнитофон «Комета-201». Включал записи с «Битлз». Танцевали. Иногда совершенно неожиданно для нас звучали концерты Чайковского или Мендельсона...

По всегдашней своей привычке он тут же начал разрушать монотонную регламентированность нашей жизни, объявив, что с такого-то дня мы не просто группа студентов на практике, а Сель-ПО. То есть, Сельское педагогическое объединение. Придумал и нарисовал эмблему. Вскоре появилась регулярная веселая стенгазета «Букварь...»

После этой практики мы буквально стали родными людьми... Кстати, он же об этом и написал: «...Уроки, анализы канут в колочий февральский простор, когда поднимают стаканы два брата и восемь сестер...» Ау, где вы, сестры из нашего студенчества...

...В этом месте я вполне осмысленно ставлю многоточие, ибо (часто употребляемое Толей слово) рамки краткого очерка не позволяют сказать еще очень многое. О стройотряде в Тольятти, куда мы с ним ездили, о тех стихах, которые были написаны на моих глазах, о его живописи и печальной судьбе Толиных самобытных картин, об общежитии на Ленина, 48, где он был постоянным гостем, о знаменитой 107-й «комнате невест», о студенческих «любовях», и о милых его сердцу друзьям-поэтах... Наверное, об этом я еще смогу рассказать. По крайней мере, хочу это сделать. Позднее...

«Эмблема» практикантов-филологов
НГПИ на практике в Пашино, 1971 г.

Рисунок А. Соколова авторучкой.
На рисунке В. Сайдаков, 1969 г.

Шел недавно по улице Советской мимо Спартаковского моста и почти автоматически свернул на него. Спустился вниз в Толин двор, прошел к среднему подъезду. Дверь оказалась открытой. Третий этаж, квартира № 28. Несколько минут стоял перед ней. И так хотелось нажать на звонок. Не нажал, передернув ознобчиво плечами. Спускался по лестнице и думал: «А если бы нажал. Вдруг дверь открылась бы и Толя сказал: «Здравствуй, Витечка! (он так всю жизнь называл меня) Приехал? Проходи...»

И снова озноб по спине. И кажется, кто-то смотрит пристально и печально в дверной глазок, провожая меня... Спустился вниз. Вышел. Дверь захлопнулась.

Фотографии – из личного архива
Галины Дружининой

Книга воспоминаний о друге

Юрий Григорьев. Анатолий Соколов — поэт и философ: Воспоминания о друге. Анализ творчества. / Ред. В. Б. Лазуткин. — Новосибирск: РИЦ «Новосибирск» при Новосибирском отделении Союза писателей России; ИД «Манускрипт», 2018, 368 стр.

Книга Юрия Григорьева «Анатолий Соколов — поэт и философ» вышла из печати в июне 2018 года. Ее подзаголовок «Воспоминания о друге», но если воспринять это как обозначение жанра — то такая формулировка будет

справедливой лишь отчасти. Потому что под обложкой, на которой портрет Анатолия Соколова и та часть города, где он жил, — нечто большее, нежели мемуары современника поэта.

Друзья и коллеги найдут здесь малоизвестные сведения о детстве и юности Анатолия Евгеньевича, эскизно представляющие среду его жизни в период становления личности; фрагменты переписки зрелого поэта и практикующего философа, где приоткрывается дверь в его «творческую кухню», и даже обширную фотогалерею.

Поклонники поэзии Соколова обнаружат, помимо знакомых

Книгу представляют редактор Валерий Лазуткин и автор Юрий Григорьев, 29 июня 2018 г.

строк и строф, их вариации, а также нечто, ранее не известное. А также узнают, кому именно посвящал поэт свои стихотворения.

Публике, доселе не открывшей имя Анатолия Соколова, явлена возможность с ним детально познакомиться. А чтобы процесс этого знакомства был комфортным, тут же – культурный словарь поэта, обзор имен и произведений, на которые он опирался своим непростым слогом...

Исследователи будут приятно удивлены первым опытом библиографии Анатолия Соколова. Особенность списка публикаций и изданий в том, что каждое из них автор книги либо редактор держали в руках или видели своими глазами на экране монитора, и все сведения тщательно проверены.

Теперь вернемся ко второму из подзаголовков, поясняющих суть книги – «Анализ творчества». Тут ждут сюрпризы. Например, в виде математического подхода к изучению поэтического наследия Анатолия Соколова. Здесь автор книги – на своем поле. Тем более, что в сферу научных интересов доктора технических наук, профессора математики одного из вузов Санкт-Петербурга Юрия Дмитриевича Григорьева входит математика гармонии, и анализу принципов построения художественных произведений посвящена не одна публикация в научных журналах и книгах автора. Впрочем, в этой книге алгебра гармонию стихотворений Анатолия Соколова поверяет бережно, ограничиваясь поисками золотого сечения в построении поэтических фраз и статистикой прижизненных публикаций стихов поэта. И становится ясно, каким стихотворениям Соколов отдавал предпочтение, считал «программными», чаще других включая в сборники.

К анализу поэтического наследия автором книги критикам и литературоведам следует отнестись благожелательно, помня о том, что он не специалист в этой области, а прежде всего – искушенный читатель, человек, росший в одном дворе с будущим поэтом, а позже – регулярно обсуждавший с поэтом состоявшимся его строки на фазе их рождения и шлифовки.

Слева направо в первом ряду: Вячеслав Савиных, Анатолий Шалин, Елена Салина, Сергей Коханович, Сергей Новослов; во втором ряду: Дмитрий Макаров, Анатолий Котелкин, Александр Устинов, Борис Бердичевский, Владимир Квадьяев; в третьем ряду Виктор Сайдаков

Слева направо в первом ряду: Сергей Сибиряков, Виктор Бухаров, Михаил Омбыш-Кузнецов, Владимир Мандриченко. Во втором ряду: Владимир Никифоров, Татьяна Есеева, Татьяна Грунц

Книги Анатолия Соколова всегда были под рукой Юрия Григорьева, он часто перечитывал их, и вот назрело желание сформулировать, что любит и ценит он в этих стихах, какие смыслы усматривает. Напомню, что и автор и герой – из той эпохи, когда актуальны были споры о «физиках и лириках», а «технари», инженеры и ученые были самой читающей публикой, пылко ввязывались в споры и обсуждения реалий литературного процесса. Культурный кругозор автора книги достаточно широк, чтобы «выловить» в текстах поэта цитаты и реминисценции, подтверждающие глубокую связь творчества Анатолия Соколова со всеми пластами мировой культуры. Что касается употребленной литературоведческой терминологии – так это язык, которым удобно адекватно описать находки и выводы...

Может быть, сам Анатолий, человек горячий и бескомпромиссный, мог бы поспорить по каким-то аспектам анализа его творений со стороны не специалиста в литературоведении, возможно, не всегда адекватным счел бы восприятие образов и понимание вложенных им смыслов, но мне думается, что в целом мнение читателя, доброжелательного друга, легло бы ему на душу. Как и большинству людей творящих.

Да и сама книга родилась при деятельном участии добрых друзей поэта: черновик рукописи появился в поле зрения новосибирцев за год до выхода, она обсуждалась в кругу коллег – поэтов, литераторов, педагогов, вносились поправки и дополнения, были новые находки и воспоминания друзей и близких. Истинные друзья Соколова вместе с автором взяли на себя и финансирование материальных затрат на издание книги. В магазины книга не поступала, но в основные библиотеки экземпляры были отправлены. А электронная версия находится в свободном доступе на сайте журнала «Сибирские огни».

Первая встреча с книгой состоялась в театральном зале Новосибирской государственной областной научной библиотеки 29 июня 2018 года. Пришли друзья, родственники Анатолия, коллеги – литераторы, ученые, преподаватели, художники. Аудитория получилась разноплановая, как и книга, что привнесло в общение некоторые сложности: поэты и литераторы ожидали разговора об искусстве, друзьям и родным ближе был разговор о Соколове – человеке, жившем рядом и в разной степени повлиявшем на их жизнь. На большом экране сменяли друг друга фотографии о жизни Анатолия Соколова с самых юных лет. В конце встречи автор подписал бумажные экземпляры книги читателям.

Валерий Лазуткин

О вздрогнувших холстах

Составители «Избранных сочинений» А. Е. Соколова еще в Предисловии отметили (не без горечи), что ипостась Соколова-художника здесь не будет представлена с той же полнотой, как поэтическое творчество, и мы лишь обозначим, что она существует. То, что он был погружен в мир изобразительного искусства, совершенно очевидно: прямые посвящения художникам, упоминания живописных работ и образы, навеянные ими, часто встречаются в стихотворениях поэта. И он сам опознается в этой среде.

И женщина в белом с картины художника Шурица
На выставке вертит глазами, узнав мое имя.

Казалось бы, в этих строках – конкретное наблюдение: пришел Анатолий Соколов на выставку, и его узнают. И по времени-то угадывается – пятая выставка Александра Шурица в Доме ученых новосибирского Академгородка под названием «Однажды в Париже», открывшаяся 17 ноября 2009 г. Вот только стихотворение «Октябрь, ноябрь... Календарь неизбежно закончится...» [214] было написано не под впечатлением от посещения вернисажа, а за две недели ДО него. Свидетельство тому можно найти в книге «Анатолий Соколов – поэт и философ» (с. 184). Чем не подтверждение того, что мир искусства в его сознании присутствовал постоянно?

На вернисаж Анатолий с супругой Еленой пришли из академгородковской квартиры в воскресенье, 22 ноября.

Из леса попадешь однажды в Дом ученых,
Там новый вернисаж, там Шуриц Александр...

И впечатления («...мастерюга, в этом ему не откажешь. Картинки красивые») воплотились в стихотворные строки Анатолия два дня спустя:

Хотелось рассмотреть, как Александр Шуриц
Изображает шум крадущихся минут,
И женщины в цвету, похожие на куриц,
Из глубины холстов зрачками сердце жгут.
Здесь явный перебор причудливых пейзажей,
Но в них, хоть пропади, нельзя попасть извне,
Так хочется обнять прекрасных персонажей,
Но с ними дураку нельзя сойтись в цене. [215]

Как вы полагаете, читатель, могли ли автор и редактор книги о Соколове упустить возможность сверить свои ощущения от созерцания полотен Шурица, если звезды свели в одно время и пространство выставку Шурица «Ангел в тумане» 19 сентября 2019 года и командировку Юрия Григорьева в Новосибирск?.. Пошли, сверили, прониклись. Не будем отбивать хлеб у искусствоведов своими глубокомысленными выводами, поделимся ироничными строками (ирония направлена на самих себя, а не на предмет созерцания), родившимися у Валерия Лазуткина:

Напрасно фотографы шуряют: не видят основы основ —
Того, что в полотнах у Шурица когда-то узрел Соколов.
Все смотрят на холст остороженько и каждый глядящий здоров,
Но видит поэт у художника своих отраженья миров.

Вот музы с холстов многокрылые взлетают и песни поют,
 От них зарядившись силою, поэты стихи создают.
 И смыслы у слов Анатолия — в знакомых до боли мирах,
 Но то, что открылось Григорьеву, сам автор не мыслил в стихах.
 Словами и цифрами ведая, им обоснование дал...
 Григорьева тропами следуя, Лазуткин уходит в астрал,
 Где бродит в благом отрешении художник — философ — поэт.
 Находит для мыслей решения и вяжет в единый букет.
 Закончены поиски длинные, вот книга — все помыслы тут!
 И вот в галерею картинную Борисыч и Митрич идут.
 Холстами неспешно любуются, тревожась от красок шальных.
 С портретов Вселенная Шурица ехидно взирает на них.

В. Лазуткин и Ю. Григорьев на выставке
 А. Шурица, 2019 г.

Мир искусств поселился в сознании Соколова с детских лет. Он учился в специализированном «классе художников-оформителей», который был в «политехнической» школе № 74 с 1961 года. Тогда заботились ранней профессиональной ориентацией школьников, а оформитель — тоже нужная людям профессия. Но из стен школы вышли люди, ставшие действительно большими мастерами, как учившийся вместе с Анатолием Виктор Семенович Бухаров: «Сформировался я здесь в Новоси-

бирске. Я приехал сюда в школу, в которой В. С. Вишняк открыл класс художников-оформителей. Этот класс состоялся в том числе благодаря Титкову Ивану Васильевичу. Из первого выпуска получился я (из 25 человек один я художник), второй выпуск — М. С. Омбыш-Кузнецов, третий — В. П. Мандриченко»¹. Все эти имена — в стихотворениях Соколова, либо в посвящениях к ним, например:

Неужели Михайло Сергеевич Омбыш
 К юбилею не сделает автопортрет?

 Кто поверит, что гений, гонимый корыстью,
 С музой линий и красок встречался на «ты»,
 И признанья добился щетинистой кистью,
 Беспощадные краски втирая в холсты? [187]

Виктор Семенович Бухаров — близкий друг поэта на всю жизнь.

Скажи мне, суровый художник Бухаров,
 Откуда ты взялся опасный такой?
 Сто тысяч портретов сердечных пожаров
 Меня обжигают в твоей мастерской. [37]

¹ «Писать я начал как родился ...» / «Музей Новосибирска» // <https://m-nsk.ru/portfolio-item/pisat-ya-nachal-kak-rodilsya>

И далее:

Я счастлив, что две твоих красных картины
 Меня согревают и ночью, и днем...

На фото – одна из подаренных Виктором Семеновичем Анатолию картин, она подписана: «Дорогому Толе от Бухарова. 2004». Завершенного портрета Анатолия, по словам Виктора Семеновича, у него нет. «На 9 дней делал наброски Толи, раздал. Набросков было много». Далее на этой странице мы поместили один из эскизов портрета Соколова, хранимый Виктором Сайдаковым.

Сам Анатолий сделал довольно много живописных работ, не менее десятка изделий в технике резьбы по дереву (маски). Часть из них были подарены автором друзьям и коллегам, более семидесяти осталось дома и сейчас хранятся у вдовы поэта Елены Салиной. Друзья Соколова озабочены проблемой сохранения этого художественного наследия поэта, а также заняты поисками картин в частных коллекциях и пересъемкой их. Около 80 работ уже переняты Виктором Сайдаковым, Владимиром Новиковым и др. и существуют в электронном виде. Если на подаренных друзьям картинах можно найти подпись и датировку, то на оставшихся дома работах, выполненных в разной технике и на разной основе (картон, бумага, оргалит, холст)

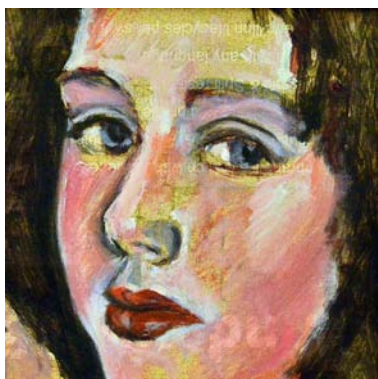
В. Бухаров. Набросок портрета Анатолия Соколова

никаких надписей не обнаружилось – ни названия, ни даты. Несколько работ мы смогли разместить на этих страницах, четыре располагаются на шмуцтитулах разделов этой книги. Таким образом мы обозначаем, что тема художественного творчества Анатолия Соколова еще ждет комментариев друзей – художников и искусствоведов.

Юрий Григорьев

Картины Анатолия Соколова

На этих страницах – фотоснимки работ Соколова-художника, находящихся у Елены Салиной, Татьяны Соколовой, Сергея Ларченко. После ухода Анатолия в нашем поле зрения осталось около сотни картин, предположительно десятки своих работ он подарил в разные годы друзьям и близким.

Анатолий Соколов как связь миров

У читающего человека взгляд на мир, глубина его познания расширяются с каждой страницей. И взаимосвязь понятий и явлений культуры становится все более очевидной. Поэзия Анатолия Соколова насыщена аллюзиями, она существует в общем контексте мировой культуры, к тому же очень метафорична, что включает у читателя стихотворений совершенно другие механизмы восприятия мира, нежели у человека, просто получающего информацию. Припоминаю случай, когда за чтением томика Бродского я вдруг встретила знакомый образ «китайского веера» в стихотворении «Дорогая, я вышел сегодня из дому поздно вечером...» Не заметить его я не могла, поскольку прекрасно помнила строки Анатолия «Когда шумит берез китайский веер...» в стихотворении, посвященном именно мне. Возникла мысль о том, не был ли взят этот образ, нечасто встречающийся у поэтов, из слоя памяти Анатолия, как яркая картинка, когда прочитанное забывается, а впечатлившее остается засушенным цветком на столе в гостинной души? Но когда я попыталась осмыслить и прочувствовать оба стихотворения, сопоставляя их, я поняла, что одинаковое словосочетание, яркая картинка, говорят о разных вещах. Если у Бродского «Закат догорал в партере китайским веером», — это взгляд эстета, пресыщенного созерцанием прекрасного, и из этой картинки окружающей среды язвительно и холодно рассуждающего о минувшей любви к конкретному человеку, то строки Анатолия — искреннее любование родной природой, умиротворение от вида ее красот, это лирика переживаний небесной чистоты человека, оставшегося верным божественному чувству любви. Но тем не менее, ощущение взаимосвязи, существования в общем пространстве культуры у меня осталось.

Другие строки Анатолия, которые выбиты на его надгробном памятнике — «Для тысяч миров я являюсь единственной связью...» — многократно находили подтверждение в повседневной жизни.

Кто, как не Анатолий, вновь свел вместе людей, имевших общие периоды истории и эпизоды жизни, именно через свою личность и творчество? Когда шла работа над книгой воспоминаний Юрия Григорьева о друге детства поэте и философе Анатолии Соколове, оживились прежние знакомства, порой полувековой давности, и это повлекло целую цепь событий, очень значимых для меня.

Дело в том, что в нашей семье биография моего деда по материнской линии состояла из «белых пятен»: его жена, моя бабушка Вера Ивановна Болдырева умерла в 1965 году, и из ее рассказов в памяти остались упоминания о морском судне «Орлик», и о прокурорской работе моего деда в

Курганской области. Мама моя, Софья Евгеньевна, жива, но воспоминания ее относятся к раннему возрасту. Мы с братом не раз пытались что-то узнать, но подобные разыскания предполагают владение специфическими навыками работы с архивами, чего у нас не было. Для Анатолия Соколова наша семья была очень близкой: мы родились в одном роддоме, жили в одной коммуналке, а позже – в одном подъезде дома на улице Фабричной, где, кстати, в том же подъезде и в то же время жил и Юрий Григорьев. Он, конечно, с бабушкой не общался, а лишь видел ее, но Толя, бывая у нас, не раз слышал «семейные предания», и даже советовал обратиться к знакомым журналистам, умеющим работать с архивами, но как-то «не срослось».

И вот однажды в период очередного пребывания в Новосибирске Юрия, который уже много лет живет в Санкт-Петербурге, в разговорах с ним и с моей мамой вновь возникла эта тема. Я попросила Юрия попытаться разузнать в Кронштадте о школе юнг, где предположительно учился мой дед Евгений Ильич Болдырев. Замечу, что мы не знали даже и годы его учебы в ней. Он согласился, записал те сведения, что мы знали, и, вернувшись домой, приступил к поискам.

Скажем сразу, задача оказалась нелегкой, в архивы приходилось обращаться по нескольку раз, уточняя сведения и иначе формулируя запросы. Но постепенно дело сдвинулось с места, причем старт ему дали результаты архивных поисков в Кургане и Екатеринбурге, а уж потом, с документами и датами Юрий Дмитриевич вновь шел в архивы Морского ведомства. Поскольку речь шла о нашем родственнике, запросы и заказ документов делались от моего имени и мне же приходили копии найденных документов. При этом пришлось сформировать доказательную базу, что мы с мамой, имеющие уже другие фамилии, являемся прямыми потомками разыскиваемого лица. Не удивительно, что предыдущие наши попытки ничем не кончались – столько нюансов возникает при этом!

Итоги поисков нас ошеломили. Оказалось, что дед мой прошел полмира на борту морских судов, а вторую часть жизни посвятил работе в судах наземных – по юридическому профилю. При этом судьба посылала его в дальние плавания в южных морях и океанах на таких кораблях как знаменитая «Аврора», эсминец «Лейтенант Сергеев», да еще в переломные времена эпохи. Две смены власти в стране пережил он во время работы за Полярным кругом, и в конце концов оказался на родине в Курганской области, где до конца жизни работал в органах суда и прокуратуры...

Юрий Дмитриевич собрал найденные сведения в общий документ, из которого прослеживалась биография мое-

го деда с начала века в царской России до 30-х годов уже в Советской республике. Заодно выяснилось, что родословные линии моей мамы Софьи Евгеньевны и Юрия Дмитриевича берут свое начало практически из одной точки – пос. Самусь Томской области. Оставалось, конечно, много неясностей, но главные точки, вехи жизненного пути Евгения Болдырева стали известны.

Затем материалы этого документального исследования попали для последующей литературной обработки в руки редактора Валерия Лазуткина, с которым нас всех тоже связали личность и творчество Анатолия Соколова. И он увидел в этом, достаточно схематичном материале потенциал для дальнейших поисков. Они тоже были долгими – на каждом этапе жизни и странствий Евгения Ильича находился и поднимался целый пласт подробностей, свидетельств очевидцев, да и сам исторический контекст требовал его описания. В итоге эти многотрудные усилия нескольких людей вылились в нечто большее, чем мы сначала и не ожидали – в обильно иллюстрированную книгу, где сквозным героем является мой дед Евгений Ильич Болдырев. И нить судьбы его пролегла через полмира географического и через миры исторические – две эпохи жизни страны...

И отправной точкой и связующим звеном в этом процессе, объединившем многих людей на решение задачи, стал Анатолий Соколов. Человек, поэт, философ.

Наталья Смородникова

Морские походы Е. И. Болдырева

Сиамский поход на крейсере
«Аврора» 1911–1912 гг.
Кронштадт – Бангкок – о. Крит

Переход на эсминце
«Лейтенант Сергеев» 1917 г.
Владивосток – Мурманск

Гидрографическая экспедиция
Северного Ледовитого океана
на судне «Орлик» 1919 г.
Архангельск – Томск

Сухопутные перемещения
к морским портам

Житие памяти

(О путях увековечения памяти А. Е. Соколова)

17 сентября 2019 года гостями Новосибирского гуманитарно-просветительского клуба «Зажги свечу» были Ю. Д. Григорьев и «группа поддержки»: В. Бухаров, Т. Евсеева (Волчо), В. Лазуткин и В. Панова – близкие друзья и коллеги Анатолия Соколова.

В хронике Клуба это событие зафиксировано так:

«Открытие клубного сезона началось с общения с доктором технических наук, профессором Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета Юрием Дмитриевичем Григорьевым.

Юрий Дмитриевич познакомил членов клуба со своей последней литературной работой – книгой «Анатолий Соколов – поэт и философ». Он с большой теплотой говорил о друге детства, известном новосибирском поэте Анатолии Евгеньевиче Соколове. Здесь и малоизвестные факты детства и юности поэта, его жизненный и творческий путь, анализ его творчества.

Члены клуба с интересом слушали рассказ Юрия Дмитриевича, поблагодарили его дружескими аплодисментами».

Целью визита в уважаемый в городе Клуб, была несколько иной, нежели представление книги, вышедшей за год до этого. Юрий Дмитриевич надеялся получить поддержку и содействие в издании сборника лучших стихотворений Анатолия Соколова, чтобы читающая публика могла найти книгу замечательного поэта в библиотеках города и области. Причем, речь шла не о конкретном сборнике, который вы держите в руках (или читаете в электронном виде). Выпуск избранных стихотворений Соколова уже был запланирован в серии «Библиотека сибирской литературы» Об-

Иван Андреевич Ромашко, Иван Иванович Индинок и Юрий Дмитриевич Григорьев

ластной научной библиотеки (ГАУК НСО НГОНБ), которая выходит при поддержке министерства культуры НСО, а очередные издания которой готовит редакция журнала «Сибирские огни». Финансирование проекта затормозилось, как, впрочем, и других печатных изданий (журнал «Новосибирск», например, последний раз получал финансирование на выпуск номера № 29 за 2016 год).

Юрий Дмитриевич в своем выступлении выразил готовность силами друзей и коллег Соколова подготовить и более полное издание произведений поэта и философа.

Иван Иванович Индинок (в тот день передававший полномочия президента Клуба Владимиру Викторовичу Шамову) попросил прочитать несколько стихотворений поэта, и сказал, что вопросы финансирования по линии министерства культуры находятся вне компетенции общественной организации, но Клуб может поддержать инициативу установки мемориальной доски на одном из домов, где жил А. Е. Соколов.

Воодушевленные некоторым движением в деле увековечения памяти Соколова, друзья поэта вернулись по домам (и городам). Через некоторое время до неискнушенной в таких делах группы друзей дошло, что за инициативой должны последовать какие-то стандартные процедуры – письма, обращения – на основании которых органы власти и выносят решение. А поскольку группа друзей и коллег Соколова не была ни какой общественной организацией, письма в мэрию города (на имя А. Е. Локтя) были представлены от Новосибирской писательской организации и Клуба «Зажги свечу». И ответ вскоре был получен. Департамент культуры, спорта и молодежной политики сообщил, что теперь памятные доски размещаются в заявительном порядке и не требуют специального разрешения мэрии, а только должны быть согласованы с означенным департаментом.

«Группа поддержки»: Татьяна Волчо (Евсеева), Виктор Бухаров и Вера Панова

При этом к заявлению о согласовании надо приложить всего лишь восемь документов, а именно:

- копию документа, удостоверяющего полномочия заявителя;
- эскиз доски, включающий ее изображение, трехмерное изображение и план, обоснование выбора места размещения, сведения об авторах и материалах;
- правоустанавливающие документы на здание, где она будет висеть;
- схему с обозначением места размещения;
- письменное согласие собственника здания;
- документы, подтверждающие значимость заслуг лица, память о котором предлагается увековечить;
- согласованный уполномоченным органом охраны объектов культурного наследия проект обеспечения сохранности таких объектов;
- письменное согласие собственника инженерных коммуникаций, в случае размещения объекта в охранных зонах таких коммуникаций (где-то там, рядом могут быть проложены трубы и кабели).

А потом Департамент организует общественное обсуждение проекта и рассмотрение его на заседании художественного совета города после поступления соответствующего заявления.

Одним словом, подробный план действий есть и никакого разрешения властей не требуется!

...Должны с прискорбием признаться, что мы не продвинулись по этому пути ни на один шаг. Нам почему-то показалось проще потратить год на подготовку «Избранных сочинений» Анатолия Соколова, собрав с помощью друзей, коллег и почитателей таланта поэта и философа необходимые финансовые средства на издание литературного памятника ему в печатном виде. Обязательные экземпляры, конечно, отправятся в главные библиотеки страны, в библиотеки Новосибирска – родины поэта книги мы принесем в дар сами. Доступ к электронной версии книги каждый желающий сможет получить свободно и бесплатно.

Светлая тебе память, Анатолий Евгеньевич!

Друзья и коллеги

Соколов
Анатолий Евгеньевич
Избранные сочинения:
Стихотворения. Очерки.
Философские труды.

Редактор *Лазуткин В. Б.*
Технический редактор *Шалин А. Б.*
Макет и обложка *Лазуткин В. Б.*

Подписано в печать 25.11.2020.
Формат 60x84 1/16. Гарнитуры Академия и Школьная.
Объем 23 печ. л. Печать цифровая.
Тираж 100 экз. Заказ №

РИЦ «Новосибирск» при Новосибирском отделении Союза писателей России.
630099, г. Новосибирск, ул. Орджоникидзе, 33.
Издательский дом «Манускрипт».
Отпечатано в типографии ООО «Манускрипт»,
630060, г. Новосибирск, ул. Зеленая горка, 1.